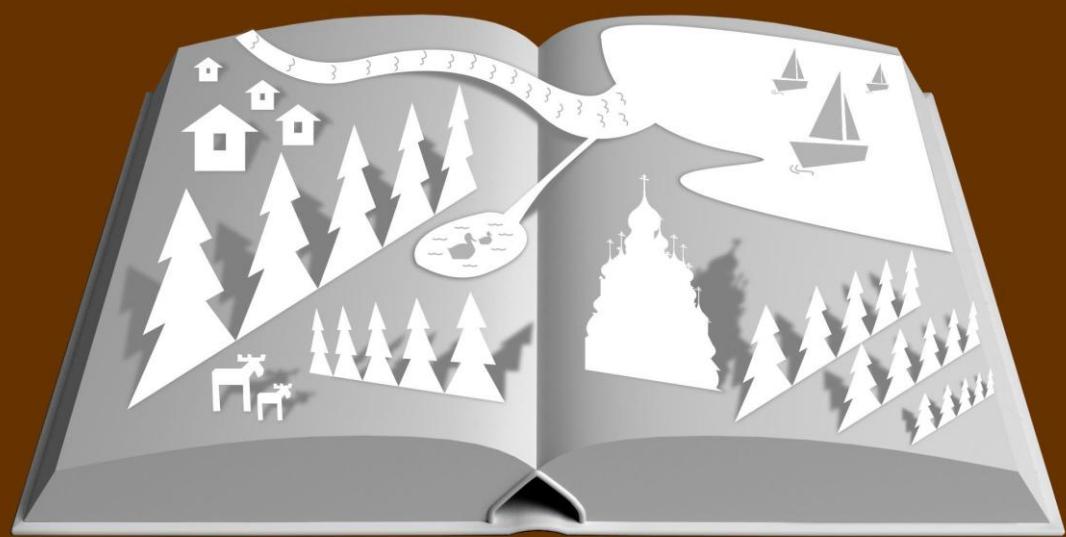

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы VII научной конференции
(14-15 февраля 2013 г.)

Содержание

Предисловие	4
Раздел 1. Пленарные доклады	5
Ициксон Е. Е. История здания Карельской публичной библиотеки 1918–1941 гг.	5
Зайцева Н. Г. Вепсскоязычный эпос «Вирантаназ» – опыт реконструкции	15
Михайлова Л. П. Лексика Водлинского говора на фоне русской диалектной макросистемы (по материалам книги А. С. Монаховой «Дивная Водла-земля»)	22
Борисов И. В. Тивдийские мраморные каменоломни (1769–1979 гг.)	30
Раздел 2. Секция «Лингвистическое краеведение»	62
Карлова О. Л. Модели именования человека в карельском языке	62
Илгунова Е. А. Зооморфная метафора как способ отражения мировосприятия жителей Карелии и сопредельных областей	68
Мухина Е. А. Пространственные концепты в духовных стихах, записанных в Карелии	73
Пеллинен Н. А. Образ новорожденного в фокусе этнолингвистики (на материале карельского языка)	77
Новоселова В. А. Характеристика человека в русских народных сравнениях с мифологической семантикой компаратов	80
Росликова А. В. Уходящая лексика заонежского говора (на материале записей речи жителей п. Ламбасручей Медвежьегорского района)	92
Афанасьева А. А. История села Вешкелица в географических названиях	99
Раздел 3. Секция «Культура. Библиотечное дело. Литература»	105
Ягодкина В. А. История Национальной библиотеки РК в публикациях	105
Грошикова А. А. Из истории библиотечного дела Кондопожского края	113
Калинина Е. А. Развитие сети культурно-просветительных учреждений Пряжинского района в XX в.	120
Новожилова С. В. Из истории библиотек Соловецкого лагеря особого назначения и Беломорско-балтийского комбината	130
Поличейко А. С. Культурная жизнь населения республики на страницах карельских газет	141
Чикина Н. В. Литературные праздники Карелии	147
Березовская Н. Г. Особенности художественного мира повести Владимира Рудака «Змея, кусающая свой хвост»	158
Еришов В. П. Пропавшие музеи	163
Раздел 4. Секция «История»	173
Мошина Т. А. Максим Филиппович Леви, врач и общественный деятель	173
Докторова М. А. К 80-летию образования станции переливания крови в г. Петрозаводске	178
Репухова О. Ю. СМИ как канал взаимодействия общества и государства в 1930-х годах XX века (на примере Карелии)	183
Ваничев С. В. Освещение работы радиовещания на страницах местной периодической печати в 1930-е годы	195
Бобикова Л. В. К юбилею ББК. Краткий обзор коллекции фотоисточников в Национальном музее республики Карелии	201
Добранова О. О. «Святая миссия»: к истории гулаговского театра в г. Медвежьегорске 1931–1940 гг.	206

<i>Кондратьев В. Г.</i> Редкие фотографии из фондов Музея истории народного образования ..	214
<i>Федосов А. В.</i> Яков Роскин – сотрудник карельского уголовного розыска	218
<i>Понуровский А. В.</i> Зарисовки к портретам политических деятелей 1-й половины XX века	230
<i>Меньшикова Е. В.</i> Организация и условия проведения эвакуации жителей Карелии в начальный период Великой Отечественной войны	236
<i>Копанев В. Н.</i> Эвакуация органов власти Карелии. 1941 г.	241
<i>Карпеченко С. В.</i> Переход органов правопорядка к работе в военных условиях: Петрозаводск, 1941	254
<i>Зеленская Ю. Н.</i> Решение кадровой проблемы на Кировской железной дороге в годы Великой Отечественной войны	261
<i>Киселев А. А.</i> Становление рыночной экономики в Карелии и её влияние на развитие сферы торговли и общественного питания: ретроспективный обзор	266
<i>Тищков С. В.</i> Совершенствование региональной политики в сфере развития инновационных процессов северного приграничного региона (на примере Республики Карелия)	274
Раздел 5. Секция «Этнография. Фольклор. Историческая география»	283
<i>Кошкина С. В.</i> Из истории поморского села Сухое	283
<i>Степанова О. А.</i> Листер-бот для жителей Сумского Посада	290
<i>Иванова Л. И.</i> Образы лесных духов в карельских быличках	297
<i>Горбачева А. С.</i> Родильная обрядность в Пудожском уезде Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX вв.	314
<i>Якконен Н. А.</i> Родильная и похоронная обрядность карел в Олонецкой губернии в XIX веке: к вопросу об изученности темы	318
<i>Касаткин В. В.</i> Материалы по истории Вепсского национального музея в фондах Национальной библиотеки РК	321
Аннотации к неопубликованным статьям	325
<i>Вавулинская Л. И.</i> Денежная реформа 1947 года в Карелии	325
<i>Захарова Е. В.</i> Культурные ландшафты Восточного Обонежья по данным топонимии	325
<i>Родионова А. П.</i> О некоторых особенностях людиковской диалектной речи (по материалам экспедиций в 2010–2012 гг.)	326
<i>Филимончик С. Н.</i> Библиотечное дело в Карелии в 1920–1930-е годы	326

Предисловие

14–15 февраля 2013 года состоялась VII научная конференция «Краеведческие чтения», посвященная 180-летию Национальной библиотеки РК.

Организаторами конференции выступили Национальная библиотека РК, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. На протяжении семи лет конференция позволяет собрать вместе тех, кто заинтересован в развитии краеведческих исследований и краеведческого движения в республике.

Участники конференции – научные работники, преподаватели, студенты Петрозаводского государственного университета, Карельской государственной педагогической академии, учителя школ районов, специалисты из Национальной библиотеки Республики Карелия, Национального архива РК, ПИ «Карелпроект», Культурного центра МВД, Музея истории народного образования КРИПКРО и других учреждений города и республики.

Сборник материалов по итогам конференции публикуется в электронном виде и в авторской редакции. Тематика докладов и сообщений конференции – краеведческие исследования по истории, культуре, образованию, филологии, краеведению, музеиному и библиотечному делу. В соответствии с программой конференции статьи объединены в разделы: «Пленарные доклады», «Культура. Библиотечное дело. Литература», «Лингвистическое краеведение», «История», «Этнография. Фольклор. Историческая география».

Публикации адресованы краеведам, учителям, студентам и всем, кто интересуется историей края.

Раздел 1. Пленарные доклады

Ициксон Е. Е., архитектор

История здания Карельской публичной библиотеки 1918–1941 гг.

Вначале было фото – открытка 1934 года с надписью «Петрозаводск. Публичная библиотека». На фотографии, разумеется, не то здание на улице Пушкинской, которые сегодня все хорошо знают, потому как оно было построено только в 1959 году. Публичная библиотека 30-х годов XX века располагалась в доме, известном как бывшая духовная консистория, на той же Пушкинской, но на самом углу площади Кирова. Само здание, которое было разрушено во время Великой Отечественной войны, оказалось с очень длинной биографией, о чём постепенно собрался довольно интересный материал.

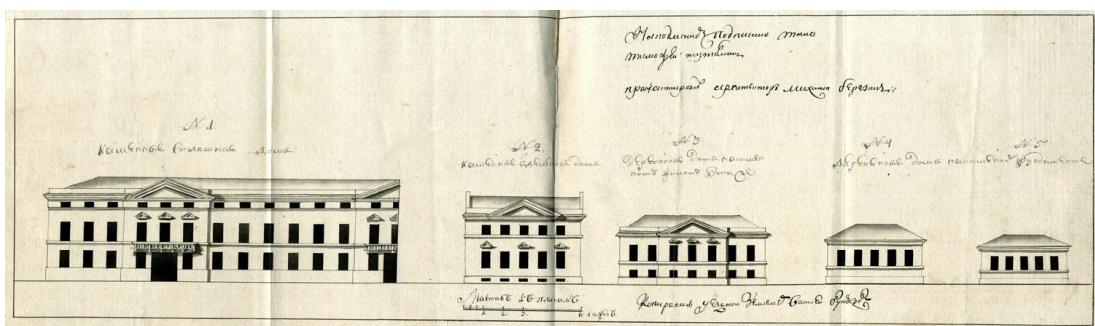

Публичная библиотека на открытке 1934 года

В 1785 году Петрозаводск, как и многие города России времен правления Екатерины II, получил свой первый, официально утвержденный генеральный план. Непременным сопровождением к конфirmedанным планам городов были разработанные еще в 1770-х годах в Комиссии каменного строения архитектором Иваном Лемом (1738–1810) обязательные к применению типы так называемых «образцовых» фасадов. Наиболее употребительных было 5, они так и именовались под соответствующими номерами: № 1, № 2 и т. д. Хотя практически в каждом губернском городе, если там находился губернский архитектор, выполнялись с некоторыми вариациями свои собственные «образцовые» фасады, применяемые в застройке всех городов губернии, а также учитывающие вкусы губернского начальства.

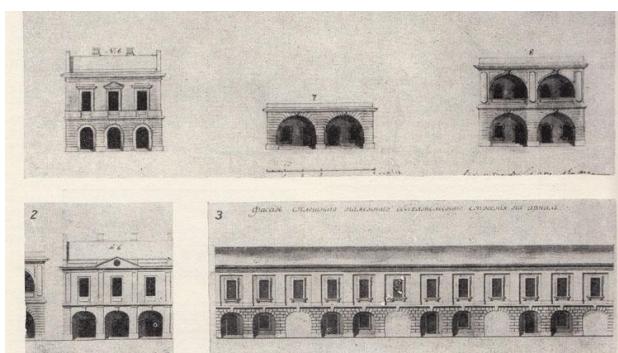
В Олонецкой губернии для нового строительства обывательских домов использовался вариант¹ тех же фасадов Лема, переработанный архангельским архитектором, академиком Михаилом Березиным (1758 – после 1830) для применения, по-видимому, во всем генерал-губернаторстве, так как фасады утверждены Т. Тутолминым (1740–1809). Причем первые два типа домов были каменными, а последние три – деревянными. Для купеческого сословия существовали еще три типа «образцовых» зданий с лавками: «№ 6 – каменным домам с лавками, № 7 – торговым лавкам на первый случай в один этаж и № 8 – со временем надстроить и другой этаж²».

В Петрозаводске самый большой частный каменный дом был выстроен в 1791 году Филиппом Бекренёвым, санкт-петербургским купцом 1-й гильдии и сыном Петрозаводского городского головы (1794–1796) Ефима Бекренёва³.

Образцовые фасады для Олонецкой губернии. Архитектор Михаил Березин.

Чертеж из фондов НА РК

Образцовые фасады купеческим домам

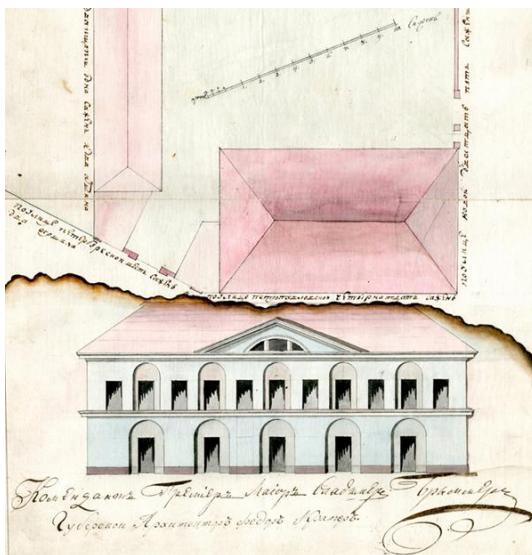
Двухэтажный дом расположился на угловом участке, ответственном в градостроительном отношении, так как формировал угол будущей Соборной площади и фиксировал направления главных улиц центральной части Петрозаводска – Петербургской (Мариинской, Карла Маркса), Петропавловской (Соборной, Карла Маркса) и Пушкинской. Проект дома выполнил губернский

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 2, оп. 6 1, д. 12/169, л. 72.

² Е. Белецкая, Н. Крашенинникова, Л. Чернозубова, И. Эрн. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII – XIX веков. Москва, 1961. С. 80, 84.

³ Н. А. Кораблев, Т. А. Мошина. Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг. Петрозаводск, 2008. С. 18.

архитектор Федор Крамер. В Национальном архиве РК обнаружен чертеж фасада здания и план участка⁴.

Дом купца Филиппа Бекренёва. Архитектор Федор Крамер.

Чертеж из фондов НА РК

На плане участка прописаны все улицы, с которыми граничит территория домовладения. «По улице Петербургской 6 сажень 2 аршина (14,2 метра), по улице Петропавловской 14 сажень (29,8 метра), по улице Новой 25 сажень (53,3 метра)». План датирован временем постройки здания и регистрации его в городовом магистрате, подписан губернским архитектором Крамером и комендантом Петрозаводска Брыммером и документально фиксирует названия улиц, существовавшие в 1791 году. Интересно, что Пушкинская, когда-то носившая название Старополицейская, к этому времени еще не имела никакого названия, так как, по-видимому, только что начала застраиваться. Об этом свидетельствует ее имя на ту пору – Новая. Вообще «Новые» встречались довольно часто в такого рода документах, и это временное имя путешествовало с улицы на улицу Петрозаводска, пока за ними не закреплялось какое-нибудь «настоящее» название.

Судя по представленному проекту, Федор Крамер взял за основу дома Бекренёва «образцовый» фасад № 6 – двухэтажного каменного дома «с лавками». Однако от сквозных проходов образцового фасада на выстроенном доме Бекренёва остались только декоративные арки, по оси которых расположились дверные проемы. Возможно, эти двери вели и в лавки, так как среди первых шести петрозаводских гостинодворцев Бекренёвы не числились⁵.

Дом симметричен и основателен. Тема арок повторилась в уровне второго этажа, а по оси дома появился фронтон с полукруглым окном, за которым пристроился небольшой мезонин. Первый и второй этажи разделены междуэтажным карнизом, опоясывающим все здание, зри-

⁴ НА РК, ф. 656, оп. 1, д. 97/1350, л. 54.

⁵ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО), ф. 1367, д. 2946, л. 2. Цит. по: НА РК, ф. Р-3338, оп. 1, д. 8/110.

тельно разделяющим функции торговую и жилую. Фасад по будущей Пушкинской обработан аналогичными арками; он отличается от главного отсутствием фронтона и меньшим количеством окон на каждом этаже – 5 против 11.

Можно было бы предположить (еще до обнаружения чертежа с фасадом), что когда-то у Бекренёва действительно была галерея со сквозными арками в первом этаже дома, позднее заложенная. Однако переписка Олонецкого наместника Ивана Боувера (1742–1822) с генерал-губернатором Тутолмином опровергает эту версию⁶. Боувер – Тутолмину: «...Исполняя повеление Вашего высокопревосходительства, приказал я отвесть купцу Тимофееву для построения каменного двухэтажного дома с лавками место по набережной наугольное, но как здесь отыскать не мог планы и фасады каменным одно- и двухэтажным строениям, то всепокорнейшее прошу оные ко мне доставить... Мая 9 дня 1793 года». На что Тутолмин отвечает: «...фасады назначаемы построению каменным в Петрозаводске обывательским домам препровождены от меня в свое время вместе с Высочайше конфирированным губернскому городу планом в наместническое правление, где искать их должны. На образец же двухэтажному каменному дому с лавками внизу – сооружен таковой у купца Бекренёва, по соображению с которым и другие строиться могут, причем предоставить волю хозяевам, если похотят глухие в доме Бекренёва арки, не забирая кирпичом, сделать открытыми с галерею по примеру гостиных дворов».

В 1790 году в Петрозаводске были выстроены первые 15 двухэтажных каменных лавок Гостиного двора, занявшего впоследствии весь квартал у пересечения улиц Петербургской (Мариинской, пр. Карла Маркса) и Соломенской (Куйбышева). Бекренёвы потом имели там несколько лавок. Вероятно, поэтому торговые помещения в их собственном доме более не потребовались, и спустя некоторое время двери лавок в первом этаже дома были заложены и превращены в обычные окна. Кроме этого, отец и сын Бекренёвы были крупными строительными подрядчиками, в основном, в Санкт-Петербурге – строительство Екатерингофского канала, набережных Фонтанки, участие в строительстве Казанского собора. При таких больших подрядах на освоение казенных денег требовался залог, которым, как правило, служили собственные каменные дома.

В 1804 году, после пожара на Круглой площади, когда сгорел корпус, в котором предположено было поселить губернатора и вице-губернатора, возникло высочайшее мнение приобрести в казну и переделать для жительства руководителей губернии существующие в Петрозаводске купеческие дома. В частности, дом Бекренёва планировалось купить за 25000 рублей и для окончательного превращения его в губернаторский дом провести там ремонт, смета которого составила более 10 тысяч рублей. Следует заметить, что губернатор и так квартировал в этом доме в связи с тем, что вдова умершего к тому времени Филиппа Бекренёва сдавала его в аренду⁷. Однако ку-

⁶ГААО, ф. 1367, д. 5123, л. 1,3. Цит. по: НА РК, ф. Р-3338, оп. 1, д. 8/110.

⁷ Б. Гнедовский. История Круглой площади // На рубеже, 1952, № 12, с. 61–67.

пить дом Бекренёва в казну не удалось, так как он в это время как раз и состоял в залоге при подряде на строительство Казанского собора, который продолжали наследники умершего купца. Более того, вдова Анна Бекренёва подала на высочайшее имя жалобу, в которой сетовала, что «губернаторы не платят денег и хоятничают в ее доме».

Тогдашнему Олонецкому губернатору Виллиму Мертенсу (1761–1839)⁸ удалось отстоять свое предложение о восстановлении после пожара корпуса на Круглой площади именно для «жительства господ губернатора и вице-губернатора», а не «обращения его в казенные соляной, хлебный и винный магазейны». И после ремонта, проведенного по проекту академика Михаила Березина (уже Олонецкого губернского архитектора), губернатор переселился в казенный корпус, известный теперь как бывший губернаторский дом на Круглой площади, или просто Национальный музей.

В 1828 году была учреждена Олонецкая епархия. Вдова Анна Бекренёва и две ее дочери продали епархии свои два дома: один каменный двухэтажный, а другой деревянный на соседнем участке вместе с землей и дворовыми службами. Дел у них в Петрозаводске, по-видимому, не было, родственников тоже, а сами они давно уже жили в Санкт-Петербурге, в Адмиралтейской части в собственном доме на улице Галерной.

В бывшем доме Бекренёва поселился его Преосвященство епископ Олонецкий и Петрозаводский Игнатий (1791–1850), поэтому дом этот долгое время назывался архиерейским. Там же с 1828 до 1918 года размещалась духовная консистория (епархиальные присутственные места и канцелярия). Непременным атрибутом здания стала домовая церковь. Небольшую маковку с крестом на архиерейском доме, свидетельствующую о наличии здесь домовой церкви, можно видеть и на известной гравюре, на которой изображена панорама Петрозаводска со стороны озера.

Вид Петрозаводска с озера

⁸ Н. А. Кораблев, Т. А. Мошина. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Биографический справочник. Петрозаводск, 2012, с. 44–47.

После переезда архиерея в новый дом на Древлянской (Гоголевской), расположившийся неподалеку от нового здания духовной семинарии, построенной в 1872 году, здесь, при духовной консистории, осталась только квартира секретаря канцелярии.

В 1912–1915 годах здание духовной консистории подверглось большому капитальному ремонту. Для его осуществления консистория полностью переехала почти на 3 года в Братский дом, что размещался напротив, заплатив по окончании ремонта Александро-Свирскому братству за «временное помещение».

Ремонт здания⁹ был связан с его перепланировкой и серьезной реконструкцией: была осуществлена пристройка шириной примерно 6 метров вглубь двора по всей длине здания. Была полностью переделана парадная лестница с несущими конструкциями и отделкой, выполнено новое крыльцо со стороны Пушкинской, построены на двух этажах пристройки новые помещения, заново переделана вся крыша, включая стропильную систему. Кроме того, здание оборудовалось водопроводом и канализацией, а также электроосвещением. По просьбе епископа Никанора (1858–1916) строительство вел губернский инженер Александр Безпальчев (1862 – 1941–43), опытный архитектор и инженер, хорошо зарекомендовавший себя, в том числе и при проектировании и строительстве церкви Рождества в деревне Вехучей.

Дом Бекренёва. Боковой фасад

Анализируя вид бокового фасада духовной консистории по одной из довоенных фотографий, можно сделать вывод, что пристройка запроектирована в полном контексте с первоначальным архитектурным обликом здания. Окна выполнены в точном соответствии с существующими, карнизы, венчающий и междуэтажный, того же профиля продлились по пристройке без каких-либо отклонений. На боковом фасаде прибавилось по 2 окна в каждом этаже, которые аналогично существующим были декорированы арочными нишами. Точно по оси симметрии этого фасада встало крыльцо главного входа в здание духовной консистории.

⁹ НА РК, ф. 2, оп. 50, д. 81/75.

После 1917 года в здании бывшей духовной консистории разместилась публичная библиотека. Разыскания в материалах Национального архива РК о дате перемещения библиотеки в это здание привели к некоторым открытиям.

Одним из пунктов декрета Совета народных комиссаров РСФСР об отделении церкви от государства, принятого в январе 1918 года, являлся следующий: «Все имущества, существующих в России церковных и религиозных обществ объявлены народным достоянием». В числе этих имуществ – множество строений, зданий, носивших до декрета самые разнообразные функции. Кроме того, в августе 1918-го был принят декрет «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах», который предполагал муниципализацию всех строений¹⁰.

В Петрозаводске уже в феврале 1918-го были национализированы и переданы «в ведение Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов по Комиссариату Просвещения» здания Братского дома, Духовной семинарии и Духовного училища, Епархиального женского училища, Духовной консистории и «каменного 2-этажного дома по Пушкинской улице, принадлежащего свечному заводу¹¹». К слову, все эти здания предполагалось использовать, в основном, в качестве учебных – школ, училищ, а в бывшей духовной семинарии новая власть мечтала разместить даже Народный университет с обсерваторией на крыше и педагогический институт. Однако здесь вмешался военный комиссариат Олонецкой губернии, и с 1918 года за семинарским комплексом укрепилось название «Красные казармы».

В бывшей духовной консистории на углу Пушкинской и пр. Карла Маркса расположился губернский отдел народного образования со своими многочисленными подотделами¹², а епархиальный свечной завод по соседству поделили созданная в 1918 году при отделе народного образования губернская библиотека-читальня (на втором этаже) и типография Совдепа № 2, которая заняла 1 этаж.

Бывший свечной завод на Пушкинской

¹⁰ НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 15/94, л. 11–13.

¹¹ НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 3/12, л. 16.

¹² Там же, л. 385.

ГубОНО заботился о своей библиотеке-читальне. Фонды ее регулярно пополнялись библиотеками училищ и школ, занятых постом красноармейцев, а также брошенными частными. Летом 1918-го был проведен ремонт помещений под руководством известного петрозаводского инженера-архитектора Вячеслава Лядинского (1882–1852)¹³. Осенью в библиотеку-читальню были доставлены из духовной семинарии первые книжные шкафы и книги, полки из бывшего Общества изучения Олонецкого края¹⁴. 9 февраля 1919 года, в воскресенье, губернская библиотека-читальня открылась для первых посетителей в новом помещении с читальным залом и выдачей книг на дом¹⁵.

Об этом подробно изложено в докладе от 20 мая 1919 года заведующего внешкольным подотделом ГубОНО товарища Т. Леонтьева¹⁶, который хочется максимально здесь процитировать. ... «*Ко времени перехода власти в руки трудящихся масс в губернии были только библиотеки-читальни в числе 70, несколько народных библиотек и велись кое-где чтения. За последние 1,5 года... число библиотек возросло вдвое и стало 140, передвижных – 95...*

...в губернской библиотеке-читальне начало года ознаменовалось поступлением большого количества книг и книжных шкафов из бывшей духовной семинарии. Книжное богатство, исчислявшееся в 31 тысячу томов, сильно увеличилось, но... оказалось в крайне бедственном положении.

Перевозка книг производилась согласно постановлению губисполкома Коммунистическим полком. В результате явилась хаотическая куча книг в большом зале читальни. Такая же куча во дворе, а вокруг – частью с пробитыми стеклами, частью вдребезги разбитые книжные шкафы Семинарской библиотеки.

... удалось переписать часть книг и отремонтировать большинство шкафов. К началу февраля закончена систематизация учтенных книг и приведен в порядок каталог, таким образом, явилась возможность открыть для пользования публики часть библиотеки.

С начала февраля по 15 мая общее число посетителей составило 1743, число выданных книг: беллетристики – 3003, детской – 667.

С открытием общего читального зала и особого отдела по краеведению с особым читальным залом повысится прилив читателей библиотеки».

В одном из заседаний коллегии Губернского отдела Народного образования, состоявшегося 22 декабря 1918 года¹⁷, решилась судьба бывшей Алексеевской библиотеки. Пункт 47 заседания назывался «О закрытии Общественной библиотеки-читальни (б. Алексеевской)», и гласил: «*Поручить заведующему подотделом внешкольного образования национализировать Общественную*

¹³ Там же, л. 303.

¹⁴ Там же, л. 323–325.

¹⁵ НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 22/170, л. 210.

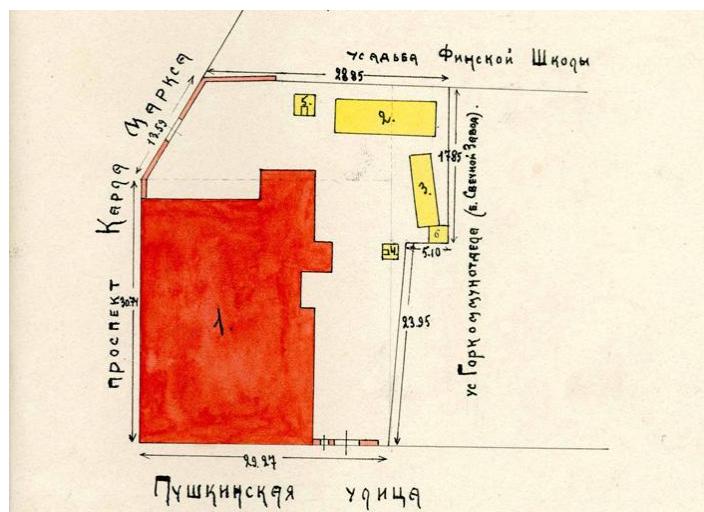
¹⁶ НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 29/237, л. 24–27.

¹⁷ НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 22/170, л. 86–87.

библиотеку-читальню и внести в смету подотдела на 1-е полугодие 1919 г. со штатом 1 библиотекарь и 2 помощника библиотекаря». Это значило, что бывшая Алексеевская с 1919-го года вливалась в Губернскую библиотеку-читальню своими фондами, прекращала быть общественной и переходила на государственное финансирование.

В конце лета 1919-го типография № 2 оставила помещение бывшего свечного завода: либо произошла реорганизация типографий в Петрозаводске (их было 4), либо она переехала в другое помещение. Губернская библиотека-читальня получила в свое распоряжение еще один этаж. Не обошлось без эксцессов. На очередном заседании коллегии ГубОНО рассматривалось заявление¹⁸ заведующего библиотекой тов. Богданова с просьбой «о возврате типографией № 2 электрической арматуры в нижний этаж здания библиотеки, а также о возврате дров и очистке помещения типографии от разных ненужных предметов (старых бумаг, отчетов и пр.)». Коллегия приняла постановление о возврате типографией электроарматуры и дров, а уборкой помещений порекомендовала заняться самим библиотекарем.

В середине 1920-х губернская типография № 1, занимавшая половину бывшего губернаторского дома на площади имени 25 октября 1917 года (пл. Ленина), была переведена на Пушкинскую, в здание бывшего свечного завода¹⁹. По-видимому, именно тогда бывшая Губернская библиотека-читальня, а на тот момент уже Центральная республиканская библиотека переехала в здание бывшей духовной консистории. По-крайней мере, инвентаризационные планы здания библиотеки²⁰, датируемые 1929 годом, составленные при обследовании муниципализированных домовладений Петрозаводска, указывают именно на этот дом на углу пр. Карла Маркса и Пушкинской.

План усадьбы Республиканской публичной библиотеки. 1929.

Чертеж из фондов НА РК

¹⁸ НА РК, ф. Р-28, оп. 1, д. 29/137, л. 225.

¹⁹ Н. Кутыков, В. Акуленко. Не боги печатают книги. Петрозаводск, 2000. С. 53–56.

²⁰ НА РК, ф. Р-1023, оп. 4, д. 16/398.

Планы этажей, план участка. Описание конструкций – фундаменты бутовые, стены кирпичные, 2 этажа с мезонином, крыша железная, печи голландские изразцовые... В графе «Год постройки» прочерк. Тогда еще не знали, что этот дом построен в 1791 году, но в следующей графе «Сколько лет служит» написано «75 лет», хотя дому к тому времени стукнуло уже 138. Хорошо был построен изначально, замечательно был проведен ремонт в 1912–1915 годах, и это послужило основанием к следующему выводу: «Общее состояние дома удовлетворительное, особых ремонтов не требует. Необходимо покрасить крышу и побелить первый этаж. Здание предположительно может прослужить при нормальных условиях 75 лет».

Здание публичной библиотеки не успело прослужить обещанные ему 75 лет. Оно было разрушено в начале Великой Отечественной войны.

*Разрушенное здание публичной библиотеки
в 1942. Из архива Н. Кутькова*

Национальная библиотека РК. Фото 2005

Но возродилось в 1959 году почти на месте бывшего свечного завода по улице Пушкинской, где начала когда-то в 1919 году свою жизнь Губернская библиотека-читальня.

Зайцева Н. Г.,
Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН, доктор филологических наук

Вепсскоязычный эпос «Вирантаназ» – опыт реконструкции

1. Как известно, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН активно влился в процессы ревитализации карельского и вепсского языков и культур, которые были начаты в конце 1980-годов. Ученым института, объектом исследования которых были названные этносы и их языки и которые постоянно совершали научные экспедиции в места их расселения, как никому другому было известно, в каком удрученном и бедственном состоянии находятся языки и культуры коренных прибалтийско-финских народов Карелии и сопредельных областей: карелов и вепсов. Поэтому при изменившейся политической ситуации и появившейся возможности повлиять на процессы оздоровления языков и культур многие ученые откликнулись сразу же, моментально, и во многом даже встали во главе данной работы. Именно исследователи карельского и вепсского языков и культур возглавили проведение первых конференций по карельскому и вепсскому народам с привлечением широкой общественности и представителей властных структур, которые и были организованы в стенах здания КарНЦ РАН, руководили группами специалистов по созданию алфавитов, подготовке учебников для школ и вузов, разработке пособий для преподавания языков в вузе, вошли в состав Термино-орфографической комиссии при Главе правительства Республики Карелия, заботясь о развитии младописьменных языков, расширении их возможностей в отражении современных реалий жизни, создавая для этого бюллетени новейшей лексики, различного рода словари, разговорники и т. д. Перечень подобного рода мероприятий довольно обширен.

2. Например, автору данной статьи лично, как специалисту по вепсскому языку, за эти два десятилетия пришлось одной или в соавторстве участвовать, создавать и руководить множеством начинаний различного характера:

А. Концепции и программы:

- 1. Зайцева Н. Г., Пасюкова С. П. Программа обновления и развития национальной школы Карелии. Петрозаводск, 1989. 4 п. л.
- 2. Концепция финно-угорской школы РК. Петрозаводск, 1996. (в составе коллектива авторов: Зайцева Н. Г., Пасюкова С. П.). 2 п. л.

Б. Бюллетени новейшей лексики:

- 3. Školvaihišt. Petroskoi. 2001. 3,25 уч.-изд. л. 55 с. (в составе коллектива авторов Зайцева Н. Г.).

- 4. Lingvistine termišt. Petroskoi, 2001. 1,39 уч.-изд. л. 19 с (в составе коллектива авторов Зайцева Н. Г.).
- 5. Гиниятуллинан М. Б., Харитонова Е. Е., Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Новая лексика вепсского языка. Петрозаводск, 2004. 11,16. 188 с.

В. Учебная литература на вепсском языке для школ:

- 6. Zaiceva N., Mullonen M. Abekirj. Petroskoi, 1991. 8 п. л. 94 с.
- 7. Zaiceva N., Mullonen M. Lugem i pagižem vepsäks. Petroskoi, 1991. 8 п. л. 102 с.
- 8. Zaiceva N., Mullonen M. Ičemoi lugemišt. Petroskoi, 1994. 10 п. л. 127 с.
- 9. Kottina A., Maksimov A., Zaiceva N. Meiden sana. Petroskoi, 1998. 7 п. л. 95 с.
- 10. Zaiceva N. Vepsän kelen grammatik. Teoretine openduzkirj 5–9 klassoile. Petroskoi, 2003. 15 п. л. 240 с.

Г. Учебные пособия для вузов:

- 10. Zaiceva N. Vepsän kelen grammatik, I. pala. Petroskoi. 1995. 5,7 п. л. 114 с.
- 11. Zaiceva N. Vepsän kelen grammatik, II пала. Petroskoi, 2000. 5,5 п. л. листов. С. 115–229.
- 12. Rogozina V., Zaiceva N. Vepsän kelen harjoituzkogomuz. Petroskoi, 2003. 5,3 п. л. 135 с.

Е. Словари и разговорники:

- 13. Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепсско-русский, русско-вепсский учебный словарь. Петрозаводск, «Карелия», 1995. 20,7 уч.-изд. л. 192 с.
- 14. Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Новый вепсско-русский словарь. Петрозаводск, «Периодика», 2007 (первое издание); 2009 г. (второе издание). 30,23 уч.-изд. л., 520 с.
- 15. Зайцева Н. Г. Новый вепсско-русский словарь. Петрозаводск, «Периодика», 2010 г. 29,76 уч.-изд. л., 512 с.
- 16. Зайцева Н. Г., Жукова О.Ю. Вепсско-русский разговорник. Петрозаводск, «Периодика»
- 17. Зайцева Н. Г., Харитонова Е. Е., Жукова О. Ю. Орфографический словарь вепсского языка. Петрозаводск, «Периодика», 2012.

3. Кроме учебной литературы, Обществом вепсской культуры, созданным в 1988 г., была поставлена в качестве одной из первоочередных и важнейших задач – задача развития художественной и публицистической литературы на вепсском языке, что способствовало бы его обогащению и движению вперед. В 1930-е гг. – первый период создания вепсской письменности, дан-

ное направление работы не успело даже быть поставленным на повестку дня. Был издан лишь одни очень короткий переводной рассказ. В новый же период развития младописьменного вепсского языка в 1993 году была создана вепсскоязычная газета «Kodima», стали развиваться различные литературные жанры на вепсском языке: стихи, проза, переводная литература. Сейчас уже стали известными имена вепсских поэтов, таких как Николай Абрамов и Алевтина Андреева.

Таким образом, было отчасти опровергнуто мнение исследователей уральских литератур (см. книга Петер Домокош. Формирование литератур уральских народов, Йошкар-Ола, 1993), когда было высказано сожаление о том, что некоторые этносы так и не смогли создать даже зачатков художественной литературы на родном языке, среди которых значились и вепсы. В Москве в 2011 г. издан целый том «Вепсская литература», в котором называются многие имена писателей, пишущих на вепсском языке или освещавших вепсскую тематику. Особое место в процессе становления вепсского литературного языка заняли переводы текстов Библии. За период в два десятилетия были осуществлены переводы и издано девять наименований книг Библии, что позволило освоить письменному вепсскому языку новые горизонты.

- 1. Iisusan elo. Stokgolm-Helsinki, 1991. 62 с.
- 2. Markan evangelii. Stokgolm-Helsinki, 1992. 95 с.
- 3. Evangelii Joannan mödhe. Stokgolm-Helsinki. 1993. 86 с.
- 4. Lapsiden Biblia. Stokgolm-Helsinki, 1996. 542 с.
- 5. Evangelii Lukan mödhe. Stokgolm-Helsinki, 1996. 90 с.
- 6. Evangelii Matvejan mödhe. Stokgolm-Helsinki, 1998. 96 с.
- 7. Apostoliden tegod. Stokgolm-Helsinki, 1999. 96 с.
- 8. Uz' Zavet. Новый завет на вепсском языке. Петрозаводск, 2006. 614 с.
- 9. Psalmoiden kirj. Petroskoi, 2012. 264 с.

4. В рамках работы по возрождению вепсского языка и вепсской культуры Общество вепсской культуры тесно сотрудничало с финляндским фондом «Юминкеко» (раньше «Карельская горница»), и руководитель этого фонда, писатель Маркку Ниэминен стал прививать активистам Общества вепсской культуры особое отношение к эпосам. По его инициативе, прежде всего, был переведен в свое время на вепсский язык сокращенный вариант «Калевалы» (2003 г.; переводчик Зайцева Н. Г.), который был принят вепсскими читателями и который в настоящее время активно используется в школьной практике в Дни Калевалы, на слова данного произведения руководитель Вепсского народного хора (с. Шелтозеро, Республика Карелия) Л. Л. Мелентьева написала несколько песен, которые успешно используются певческими коллективами.

Все названные мероприятия позволили глубже вникнуть в историю вепсского народа, его языка и культуры и приблизить идею создания произведения, напоминающего эпос, который мог

бы представить собой некую реконструкцию всего имеющегося фольклорного наследия, а также того, что удалось возродить, найти, по-новому оценить и взвесить. Список событий, которые направлены на возрождение и развитие языка и культуры малочисленного вепсского народа, в 2012 году был пополнен новым произведением «Virantanaz» (Virantanaz – топоним, связанный с мужским именем Вир, и, таким образом, Вирантаназ – это название поселения, рода своеобразной вотчины и т. д.). Вепсскоязычное произведение «Virantanaz», созданное автором данной статьи в настоящее время, в своеобразный «постдиалектный» период и время заложения и укрепления письменных традиций вепсского языка, является сплавом фольклора, исторических преданий, современных научных изысканий и собственных наблюдений и фантазии автора как одного из представителей народа, на языке которого оно создано.

Вепсский народ, к сожалению, не обладает богатым фольклорным наследием в виде каких-либо крупных текстов, тем не менее, имеются сборники вепсских народных сказок, частушек, побасенок. Особое место занимают обрядовые причитания, являющиеся важными компонентами духовной культуры народа, которые впитали в себя особенные черты и характер языка вепсов. Фольклорные тексты в настоящее время значительно пополнили лексический тезаурус вепсского младописьменного языка, о чем свидетельствуют и словари вепсского языка. И, таким образом, были привлечены для работы книги вепсского фольклора (2000 г.) и частушек (2000 г.), подготовленные Р. П. Лониным, научное издание образцов вепсской речи М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен (1965 г.), и вепсских сказок Н. Ф. Онегиной и М. И. Зайцевой (1996 г.), и книги И. Ю. Винокуровой, которая успешно разрабатывает проблемы вепсской мифологии, и Строгальщиковой З. И., посвятившей интереснейшие статьи родильной обрядности вепсов. Большую службу сослужила работа В. В. Пименова (1965 г.), которая кроме научных изысканий содержит много собраных автором в различных источниках легенд и мн. др.

Но больше всего идею о возможности реконструкции или создания вепсского эпоса или эпической поэмы поддержали материалы вепсских причитаний и книга, которая была подготовлена автором данной статьи вместе с кандидатом филологических наук О. Ю. Жуковой и опубликована в 2012 г. Из литературы и ранее было известно, что причитания являются важнейшим компонентом самобытной духовной культуры вепсов. Но такого солидного по объему издания вепсских причитаний не было ранее в распоряжении науки, а имелись лишь отдельные строки, отрывки причитаний, используемые в научных трудах. Причитания позволили глубже заглянуть во внутреннюю жизнь вепсов, их мифологию, принципы и правила их жизни. Стала все более зарождаться и укрепляться идея произведения, зарождаться и расти его сюжет, в котором и его автор, будучи представителем своего народа, выступил своеобразным героем и двигателем сюжета.

5. Вместе с финским писателем Маркку Ниэминеном была внимательно просмотрена литература по эпосам, их структуре, сюжетам. У М. Ниэминена был опыт инициирования эпоса на

вьетнамском языке, который уже издан сейчас, а готовился в Юминкеко представителем вьетнамского народа. Было принято во внимание, прежде всего, что:

- эпос – это воспроизведение действия, развертывающегося в пространстве и времени;
- специфическая черта эпоса: носитель речи или рассказчик сообщает о событиях и их подробностях, как от чем-то прошедшем и вспоминаемом, и сам являясь своеобразным героем;
- в классических формах эпоса воспеваются исторические (или псевдоисторические) лица или события с привлечением ритуально-мифологических моделей, народной памяти и т. д.

При использовании всего имеющегося материала и родился тот сюжет, который сейчас представлен в «Virantanaz». Речь в произведении ведется от фигуры его создателя: он может быть четко выраженным автором-героем, говоря от первого лица; фигурой медведя, который в соответствии с вепскими мифами являлся прародителем рода, а в эпосе и хранителем всех тайн жизни вепсов; сестрой главного героя Вира – Анни и его дочери Талёй, хранительниц вепсского очага и вепской культуры; фигурой пастушка Ванёй, который впитал в себя всю вепскость и весь менталитет родного народа. Обоснована и идея собственной фантазии автора произведения, как представителя вепсского народа, впитавшего и научно познавшего многие моменты жизни вепсского народа.

6. Все произведение пронизано мифологией, в соответствии с которой еще и сейчас живут во многих вепсских семьях. Например, идея о фигуре березки, о плаче, к ней направленном, родилась не когда-то, во время прежних поездок на вепсские земли, а во время экспедиции к вепсам, проведенной в последний год вепской культуры (2012 г.), когда мать поэта Николая Абрамова Мария Алексеевна Абрамова стала рассказывать, как вепсы ценили и чтили березу, поскольку ее листья в венике правят в горячей бане, ее сок лечит, ее береста служила нашим предкам основой для изготовления обуви, посуды, а ее древесина – самое теплое пламя для дома. С мифологией связана и работа пастуха – главной, центральной фигуры прежней жизни вепсов, так как хлеб на северных землях плохо рождается, поэтому в семье упивали на кормилицу-корову. А пастуха в деревне ценили, любили, давала ему все самое лучшее во время его «постоя» в семье, а он, в свою очередь, берег их скот, лечил людей.

Главное правило жизни вепсов, которое многократно записывалось во время экспедиций на всех вепсских землях, встречается практически у всех писателей, кто хоть как-то использует вепсский материал (прежде всего, произведения В. А. Пулькина, А. В. Петухова): это отношение к природе как чему-то живому, наделенному душой, чувствующему. Вепсы всегда говорят: *в лесу и каждое дерево и слышит, и видит*. Эта идея многократно в разной форме повторяется в «Virantaz» как центральная.

Особую помощь при написании произведения оказали причитания, которые пронизаны особой мифологией, своеобразной философией отношения к жизни. Как свидетельствует их материал, вепсы представляли себе, что и, уйдя в мир иной, они будут продолжать жить своими клана-

ми, и там их ждут родственники, а самые близкие и дорогие из них помогут им пройти этот нелегкий путь из мира людей в мир иной, встречая их в легкой лодочке на светлой воде с веслом в руке. В притчаниях кукушка – это птица, которая объединяет мир живых и мир почивших. Многие строки притчаний посвящены именно ей. И в эпосе фигура кукушки нашла свое место.

Важны и исторические легенды – например, известная легенда об охотнике Мартынове, которая бытowała особенно широко в Шимозерье, крае девственных лесов и карстовых озер. Мартынов стал прообразом главного героя произведения Вира (Вир – вепсское мужское имя), с которым связаны многие страницы в эпической поэме. Именно эта легенда позволила определиться с временной глубиной сюжета: XVI–XVII века, время расцвета вепсской культуры, время активных контактов с русским окружением.

6. Много проблем было при выборе метрики произведения. При работе над переводом «Калевалы» был приобретен большой переводческий опыт, в то же время стало понятно: содержание «Калевалы» легко передается лексикой вепсского языка, поскольку заботы финских, карельских и вепсских семей и героев во многом были одинаковы, что объяснялось как родством народов, так и их географическим положением, но 8-сложный хорей или так называемая «калевальская метрика» тяжеловаты для вепсского языка. Вепсское слово в силу развития закона отпадения конечных гласных в четко определенной и обусловленной позиции сократилось, отпали многие конечные гласные, произошло стяжение звуков и внутри многих слов также в определенной позиции, что сделало вепсское слово более кратким, более мобильным и легким. И чтобы писать тягучей напевной метрикой, приходилось использовать в строке много слов, что ее дробило, мешало целостному восприятию, не всегда выглядело удачно. Возникла идея – более подробно проанализировать все вепсское народное творчество и попробовать создать свой стиль. Тут на помощь пришли вепсские присказки или потешки, типа:

Libui härg kuzhe	«Влез бык на ель
kivižiš kindhiš,	в каменных рукавицах,
savižiš kengiš,	в глиняных сапогах,
roimaht', räimäh't'	шлепнулся, брякнулся...»

Требовалась именно такая краткая рифмованная строка, которую создавал народ. Впоследствии родилась идея абзаца в 12 строк. А затем удалось прийти к мысли о разнородности стилей глав, которые посвящены тому или иному герою. В повествовании 4 больших раздела, которые посвящены 4 главным героям произведения – Виру, сестре его матери Анни, его дочери Тале, пастушку Ване. И таким образом используется 5 размеров, поскольку в повествовании автора использован свой собственный размер, наиболее приближенный к народному. Данные размеры также являются своеобразными героями эпоса – по совету народного поэта Карелии А. И. Мишина, который первым прочитал некоторые строфы Virantanaz-а, в нем обоснованы переходы от одного размера к другому: в одном случае нельзя было разглашать тайну встречи Ан-

ни с лесным духом и поэтому, якобы, с целью сохранности тайны был использован иной размер; в другом случае пастушок Ваня имел свои тайны пастушьего промысла и также не имел права их разглашать; в третьем случае легенда о Мартынове уже имела свой размер, который был прекрасно воплощен в свое время Ю. Н. Башним, написавшим на русском языке поэму о Мартынове, которая была опубликована в разных источниках, в том числе, и в газете *Kodima*. Уже родившийся размер и был использован в память об Ю. Н. Башнине. Интересным показался и размер современного русскоязычного стихотворения Олега Мошникова, опубликованного в переводе на вепсский язык (перевод автора данной статьи) в книге «*Verez tullei*» (Петрозаводск, 2009), которое он посвятил своей бабушке-вепсянке и где также есть повествование о «попадании на дурной след» и о встрече с лесовиком; этот размер очень вписался в текст повествования.

Произведение «*Virantanaz*», которое являлось центральной темой данной статьи, может свидетельствовать о возможности реконструкции некоторых эпических традиций в современных условиях в виде каких-то литературных жанров и их развитии. Хочется надеяться, что появятся идеи о создании спектаклей, музыкальных произведений по его сюжету, как это произошло с Калевалой на вепсском языке (песни Л. Л. Мелентьевой), что послужит ревитализации малочисленного народа, его языка и культуры, становлении литературных традиций его языка.

**Лексика Водлинского говора на фоне русской
диалектной макросистемы**
(по материалам книги А. С. Монаховой «Дивная Водла-земля»)

Книга А. С. Монаховой «Дивная Водла-земля» представляет собой уникальное издание, в котором отражена история, культура, повседневная жизнь жителя не только карельской, в целом российской глубинки, жители которой – преимущественно пожилые и частично среднего возраста – в своем лексиконе до сих пор сохраняют культурно-историческую память родной земли.

А. С. Монахова – архитектор по образованию, художник, обладающий поэтическим даром, – в течение 50 лет ежегодно, иногда дважды в год, выезжала в деревню Водлу Пудожского района Карелии, записывала речь местных жителей, песни, сказки, пословицы, поговорки, присловья и т. п., – все, что можно было услышать. А интерес к народному словесному и музыкальному творчеству, к обычаям и обрядам жителей Водлы возник во время первой поездки, когда студентка 2-го курса архитектурного института г. Москвы приехала на практику с целью изучения и описания памятников архитектуры. Со временем накопилось огромное количество аудио- и видеозаписей, часть которых была передана в ИЯЛИ Карельского научного центра РАН, пейзажных зарисовок, портретов жителей Водлы, исполненных А. С. Монаховой, блокнотных записей. Попытки поиска возможностей издать книгу в Карелии, вплоть до обращения в Министерство культуры РК, оказались безрезультатными. В 2012 г. А. С. Монахова завершает обработку материалов, накопившихся за 50 лет, и издает книгу за свой счет, состоящий из небольших пенсионных накоплений и кредита.

Будучи человеком общительным, А. С. Монахова создала группу единомышленников из людей, изучающих язык, историю и культуру Карелии. За консультациями по вопросам фольклора, языка, этнографии А. С. Монахова обращалась в разные научные учреждения Петрозаводска и Москвы. В личной библиотеке автора имеется научная литература по многим направлениям, которая помогла выстроить логично огромнейший словесный материал. А. С. Монахова выполнила работу, которая обычно проводится большим научным коллективом в течение многих лет. Специалисты в разных областях найдут в книге много интересного и уникального.

Задача диалектолога – описание особенностей лексического состава говора д. Водлы на фоне общерусской макросистемы, выявление связей говора с другими территориями и их исторической обусловленности, обнаружение собственно водлинской лексики. В данном докладе коснемся лишь некоторых фактов.

Фольклорная лексика

В фольклорных текстах представлен богатейший пласт, демонстрирующий реализацию потенциальных возможностей русского словообразования именно в народной речи, в противовес литературному языку.

1. В одном из похоронных причитаний (Анна Ивановна Ломова, 1912–1995) употребляются ласкательные слова, образованные от известных по модели, не характерной для литературного языка:

Нету *людушкам проходушику*
Да нету заецу *проскокушику*.

.....
Принесла я тебе, *беднушика*,
Со тех гор высоких,
Со путей да со далеких

В резвы ноженьки *хожаньица*,
В белы рученьки *маханьица*

Во ясны очи *гляженьица*
Во уста да *говореньица*. (С. 151)¹

В текстах, связанных со свадебным обрядом, находим:

Где-то есть у меня у девушки
Добротушка-то матушка.

.....
Доброта жёланна матушка,
Ты погладь-ко по головушке ... (С. 78)

Слово *добротушка* приводится в известном сводном диалектном словаре как «ласкательное слово по отношению к женщине-родственнице в свадебных песнях» с пометами: Север., Барсов; Олон., Агренева-Славянская; Лодейноп. Ленингр. (СРНГ 8: 79), при этом не фиксируется слово *доброта* в данном значении.

В приведенных примерах наблюдается способность общеизвестного слова выступать в качестве производящего для возникновения словообразовательных рядов с положительной коннотацией и к семантическому преобразованию.

2. В записях водлинских текстов А. С. Монаховой употребляются также слова, которые, как и вышеуказанные, можно отнести к собственно фольклорным, известные, вероятно, только жите-

¹ Иллюстративный материал из книги А. С. Монаховой сопровождаем лишь указанием страницы.

лям Водлы, то есть имеющие точечный ареал (Водла). Среди таких обнаруживаем лексему **натуральщик** в тексте баллады «Закатилось красно солнышко» в исполнении Марфы Николаевны Васюновой (1901–1977) и Марфы Акимовны Ковиной:

Что не в поле пыль пылят, пылят
Солдаты орудьями гремят,
Ай молодые **натуральщички**
Со ученьица катят. (С. 107)

По всей вероятности, слово **натуральщик,-ичек** хранит память о Петровских временах: в начале XVIII в. стало употребляться выражение *в натуре* ‘в виде конкретного лица, лиц (о людях, связанных с несением повинности, службы): «Всяким поспешением в цъсарских землях полки рекрутуют, двенатцать тысячъ человѣк *в натуре*, а осмь тысячъ в денгах». Ведомости времени Петра Великого II 32 (СлРЯ XVIII в. 14: 80).

Слово **натуральщик** образовалось от слова **натура** по аналогии с такими военными терминами, как **сторонщик** ‘псковская вольница, добровольцы в войске’ 1558, 1560 гг. (Сороколетов: 230), **годовальщик**, обозначавшим в XVII в. ‘воина, выделяемого для несения сторожевой службы на один год’, и, по наблюдениям Ф. П. Сороколетова, возможно, не было общенародным, (Там же: 224).

По другим лексикографическим источникам, слово **натура** «в старину – военная служба (как повинность, не заменяющаяся наймом)» употреблялось в сочетании **отдать в натуру** ‘отдать в ученье, в военную службу’ Меленк. Влад., Семен. Нижегор., ‘отдать в рекруты’ Влад., Даль (СРНГ 20: 236).

По всей вероятности, водлинское слово **натуральши(че)к** указывает на связь пудожских говоров с владимирскими, то есть с восточными говорами Европейской России, а следовательно, какая-то часть населения появилась в Пудожском крае именно из восточной зоны.

В исполнении Пелагеи Федоровны Льдининой (1900–1981) и Матрены Федоровны Богдановой (1907–1997) из д. Нижний Падун вариант баллады «Закатилось красно солнышко» содержит словоформу **натурёнищики**, которую можно расценивать как вариант к **натуральщики**:

Что ни в поле пыль пылят, пылят,
Солдаты оружьями гремят,
Да молодые **натурёнищики**
Ой да со ученьица катят. (С. 127)

3. По свидетельству А. С. Монаховой, в ее записях отмечено, что эту балладу исполняла и Мария Петровна Васюнова (1889 г. р., д. Водла) в этой балладе вместо слова **натуральщики** употребляла слово **надоёмищики**:

Что ни в поле пыль пылят, пылят,
Солдаты оружьями гремят,
Да молодые **надоёмички**
Ой да со ученьица катят.²

Судя по содержанию баллады, солдаты не были желанными гостями, когда они просились на постой, и доставляли немало хлопот и неприятностей хозяйке. Слово **надоёмищик** отсутствует в словарях, разгадать его значение довольно затруднительно, но можно предположить, что оно может быть связано с глаголом **надонять/надонимать** от **донять/донимать** (по аналогии с **поднимать** и **подъём**). Слово **надонять** известно псковским и осташковским (западным тверским) говорам: **надонять** ‘задеть за живое, взбесить, рассердить’ Пск., Осташк. Твер. (СРНГ 19: 246). Последнее образовано от общеизвестного слова **донять** ‘вывести из терпения, из равновесия, досаждая, надоедая чем-н.’, ср. **донимать** ‘не давать покоя, выводить из равновесия, досаждая чем-н.’. Возможно, прослеживается связь слова **надоёмищик** ‘надоедливый человек?’, известного в Водле, с псковской и прилегающей к ней тверской – западнорусской территорией.

- 4. Иногда создается впечатление, что фольклорная лексика употребляется свободно в обыденной речи людей, хорошо знающих устное народное творчество. Например, слово **рассказаться** известно как фольклорное в значении ‘рассказать, поведать о ком-, чем-л’. **Север**. Барсов, **Волог.** (СРНГ 34: 209), но в речи жителей Водлы может употребляться и вне народнопоэтического текста. В подтверждение приведем отрывок из письма М. А. Ковиной, в котором жительница д. Водлы по-своему толкует значение слова: «Слово **натуральчики** – это значит молодые **натуристы** бедовые солдаты.... Раньше служили долго, вот муж пришёл, а она его не узнала, а потом он **рассказался**, и она узнала мужа, но он много изменился» (С. 107).

- Следует обратить внимание на слово **натуристый**, употребленное в отношении характеристики поведения солдат. Данная лексема известна в разных говорах русского языка, включая и южнорусские, и обозначает такие признаки, как ‘физически здоровый, крепкий’, ‘смелый’, ‘упрямый, своенравный, несговорчивый’. В указанных значениях слово **натуристый** находим в словарях с пометами **Пуд.**, **Медв.**, **Выт.**, **Белом.** (СРГК 3: 388), **.Ряз.**, **Твер.**, **Смол.** (СРНГ 20: 237). Данное слово образовано от **натура** в значении ‘здоровье’ **Моск.**, ‘характер’ **Арх.**, **Волог.**, **Моск.**, **Курск.** (СРНГ 29: 235). В письме слово **натуристый** стоит рядом с другим – **бедовый**, чем подчеркивается отрицательная коннотация. Видимо, не случайно в другом варианте употреблено слово **надоёмищик** ‘надоедливый человек?’.

5. В частушках также находим интересные слова. В частности лексема **прогрянуть** ‘пройтись, прогуляться’ в частушке Веры Николаевны Исаевой (1931–2004), д. Нижний Падун, сохраняет семантическую связь с древнерусским **грясти, гряду** ‘идти’ (СлРЯ XI-XVII вв. 4: 151):

² Текст восстанавливаем, опираясь на комментарий А.С. Монаховой к вариантам баллады (С. 127).

По деревенке *прогрянем*,
Пусть старухи поглядят,
Пусть-ко старые корявые
Про нас поговорят (С. 283)

Лексема *прогрянуть* известна пудожским говорам с конца XIX в., зафиксирована в значении ‘пройти вперед’ с пометой **Пудож.** Олон., *прогрянуть* в значении ‘внезапно появиться’ – **Повен.** Олон. (СРНГ 32: 117). Следовательно, слово *прогрянуть*, не обнаруженное в других словарях, можно относить к собственно пудожским.

Из лексики повседневного общения

1. В значении ‘вспучить’ употребляется лексема *взбараbу́чить* :Живот сбарабу́чило, бурлит (*Раздуло*) – С. 291, ср. *взбараbу́читься* ‘увеличиться в объеме, раздуться’: Губа эдак сбарабу́чилась (Там же). Глагол *взбараbу́чить* ‘вспучить’ известен также вологодским говорам – У.-Куб. (СГРС 2: 97). Корень данных слов явно обнаруживает не только звучание, но и семантическое сходство по внешнему виду со словом *барабан* (при возможном восприятии носителем говора элемента *-ан* как суффикса). Ср *взбараbа́нить* ‘сделать вздутым, распухшим’ Пин. Арх. (СГРС 2: 97). Любопытно, что в вологодских же говорах бытует и бесприставочное слово, но в значении, связанном со звучанием, – *барабу́чить* ‘бессвязно бормотать’ В-Важ (СРГС 1: 59). Здесь можно видеть ассоциацию с барабаном по функции. Материалы диалектных словарей не дают возможности утверждаться именно в высказанном предположении о связи слова *взбараbу́чить* с лексемой *бараб(ан)*. Суффиксальное оформление дает основания видеть здесь контаминацию лексем *взбараb(а́нить)* ‘сделать вздутым, распухшим’ и *(всн)у́чить*. Анализируемое слово имеет ограниченный ареал – пудожские и вологодские говоры.

2. Интересна лексема *соху́титься* ‘приготовиться, снарядиться (в дальний путь)’: Ён и поехал, сохутилсе, сапоги одел, плат одел, надоть ехать тридцать километров… (С. 166). Ср. *соху́тить* ‘спрятать, скрыть’ Карг. Арх., Кирил. Волог. (СРГК 6: 241), Кадн., Вел. Волог. (СОВН: 475), ср. *ху́тить* покойника ‘хоронить, погребать’ ол.-крг. (Даль 4: 569), *сху́тить* ‘ухитить, укрыть; скрыть, спрятать, склонить’ (Даль 4: 370); *соху́титься* ‘спрятаться, скрыться’, *соху́тяться* ‘прятаться, скрываться’ пряtki’ Карг. Арх., *соху́чаться* ‘прятаться, скрываться’ Выт. Волог., ‘уклоняться, скрываться’ Карг. Арх.; *соху́тлялка* ‘игра пряtki’ Карг. Арх. (СРГК 6: 240). Ср. также *усуху́тить* ‘спрятать, убрать куда-либо вещь’, а также *усуху́тки* ‘игра в пряtki’ Карг. (Аннин: 62).

В западнорусской зоне *схут* – ‘укромное место, куда можно что-л. спрятать, сохранить’ Пск., Осташк. Твер., *сху́тать* ‘спрятать, сохранить, скрыть что-л.’ Пск., Осташк. Твер., ‘привести в порядок, выгнать угли, очистить печь после топки’ Тороп. Пск., Пск. (СРНГ 43: 79).

Приведенные данные, очевидно, свидетельствуют о формальной связи лексемы *сохўтиться*, известной говору д. Водла, с лексикой псковско-тверской территории. В целом межрегиональные говоры – пудожские, вытегорские, каргопольские, некоторые вологодские – указывают на очень четкие связи с Псковом и западной частью Тверской области. Отличие состоит лишь в фонетическом облике слова, что выражается в наличии вставного (эпентетического) гласного в начальном сочетании согласных. Это приводит, в свою очередь, к возникновению предкорневого компонента *со-*, равного приставке, которую обычно рассматривают как словообразовательный старославянанизм. На наш взгляд, здесь проявляется влияние консонантной системы прибалтийско-финских языков, характеризующихся отсутствием в исконной лексике аплаутных сочетаний согласных. Однако главное отличие данного слова от однокорневых, отмеченных на Севере и на Псковщине, не во внешнем облике слова, хотя это и показательно как результат преобразования в соприкосновении с иносистемной языковой средой.

Самое существенное отличие водлинского слова *сохўтиться* заключается в семантике. Обратим внимание на то, что в тексте идет речь о том, что старик, собираясь в дальнюю поездку, оделся, обулся. Из этого следует, что в лексеме *сохўтиться* имплицитно представлена сема ‘одеться’. Ср. аналогичное семантическое развитие у синонимичных междиалектных глаголов в других говорах: *опрятаться* ‘одеться’ Жиздр., Калуж., Брян., Смол. (СРНГ 23: 309); *напрятаться* ‘одеться’ Брян., Смол. (СРНГ 20: 108), Опеч., Мош. Новг. (НОС 2010: 612). В значении водлинской лексемы *сохўтиться* ‘приготовиться, снарядиться (в дальний путь)’ отражается действие модели семантического развития ‘прятаться’ → ‘одеваться’.

Этимологи предполагают связь лексемы *хутить* ‘хоронить, погребать’ олонецк. (Кулик.) с *ховати ‘прятать’ (Фасмер 4: 286).

С благодарностью принимая замечание-подсказку Н.Г. Зайцевой о связи вепсской лексики с русской, приводим данные южновепсского говора (Бокситогорский район Ленинградской области): *huita* ‘прятать’ Сидорово, ‘хоронить’ Чайгино, ‘палить подсеку’ Кортлахта (СВЯ: 136). Заметим, что и русский глагол *прятать* и *опрятывать* по говорам обнаруживает все указанные или близкие к ним значения (СРНГ 33: 95; СРНГ 23: 309). Существенным является тот факт, что сопоставительно-ономасиологические группы диалектов карельского, вепсского и саамского языков **0429** ‘прятать’ и **0554** ‘хоронить’ содержат лишь одну лексему, сравниваемую с русским словом – вепс. *huita* (СОСДКВСЯ: 107, 142).

3. Из рыболовецкой лексики отметим *лóщатъ* ‘отощавший лосось после нереста в реках’: *И он мне похожал этот прикол. В одну курму попало три леща, а в другу курму – лóщать попала.... А лóщать-то больше этого стола. Голову держала на плече, а хвост хлопался там по ногам – из рассказа Марии Яковлевны Халаимовой (С. 261-262). В СРГК данного слова нет. Ср.: *лошáть* – о рыбе (семге, лососе): претерпевать изменения в период нереста; превращаться в лоха. Холмог. Арх., Печор., Беломор., КАССР; *лошáнье* и *лошéнье* – о рыбе: потеря в весе и утрата лучших*

вкусовых качеств после нереста. Помор. (СРНГ 17: 167). Слово *лóщать* образовано от *лох* ‘отошавший лосось после нереста в реках’ в с-в-р и некоторых других говорах, заимств. из фин., карельск. *lohi* ‘лосось’, эст. *lõhi* от дит. *lăšis* – то же (Фасмер 2: 524).

4. Некоторые записи А. С. Монахова сопровождают вопросами, когда из краткой фразы не совсем понятно значение слова. Такая помета сделана при фразе «*Дорогóй, как с вологóй*», после которой идет пояснение информанта: « – это *суп, похлёбка всякая*» (С. 514). Вероятно, ответ такого рода был связан с вопросом о вологе. Автор в скобках пишет: «*с ложской ?*». Здесь, конечно, читатель может вспомнить довольно широко распространенное в говорах Карелии и сопредельных областей слово *волога*, обозначающее в соседних вытегорских говорах любую жидкую пищу, в каргопольских и плесецких суп, в каргопольских кашу из брюквы с крупой, в лодейнопольских, плесецких, кемских, кандалакшских, терских – все, что можно есть, все съестное, в медвежьегорских – жир (СРГК 1: 222). Древнерусское слово *волога*, обозначающее масло, сметану, жиры и т.п. пищевые продукты, жизненно необходимые для человека, известно по памятникам письменности со временем «Русской Правды» (Срезн. 1–1: 290; СлРЯ XI–XVII вв. 2: 317). Присловье «*Дорогóй, как с вологóй*», по всей вероятности, имеет переносный смысл, когда речь идет о человеке.

В целом комментарии к тем или иным словам выверены автором, носят достоверный характер. В значительной части записей они, естественно, отсутствуют, так как основной целью была фиксация материала, причем в полевых условиях, часто не благоприятствующих расспросам о том или ином слове. Для лингвистов-диалектологов представляется возможность дать лексикографический комментарий к данной книге. Широкая и глубокая словесная водлинская река вливается в пудожское море. Лингвист может уточнить семантику и ареалы уже известных слов, изучить новую лексику, известную только на Водле, введенную А. С. Монаховой в научный оборот.

Книга посвящена жителям одной деревни, разделившим судьбу России. Автор предваряет ее словами «*Низко кланяюсь жителям Водлы, живым и ушедшим*». Ее надо читать понемногу, в спокойной обстановке, со спокойной душой. Она настраивает на раздумья о простом человеке, прожившем достойно свою жизнь, со всеми ее радостями и бедами. Книга уникальна, и это поймет и почувствует каждый, кто прочитает ее. Читатель с благодарностью низко поклонится А. С. Монаховой, представившей Россию в зеркале Водлы, и вспомнит свою малую родину, задумается о своих родителях, о себе, о том, как он живет, какой след оставит на земле.

Использованные источники

Аннин – Аннин Н. Ф. Словарь каргопольского говора. – М.; Каргополь, 2001. – 96 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1–4. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.

Монахова А. С. Дивная Водла-земля / ред. К.К. Логинов. – М.: ООО «Вариант», 2912. – 726 с.

НОС 2010 – Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010. – XXVII, 1435 с.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. – Л.: Наука, 1972. – 747 с.

СлРЯ XI–XVII вв – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. – М.: Наука, 1975–2008.

СОВН – Словарь областного вологодского наречия. По рукописям П. А. Дилакторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. – СПб.: Наука, 2006. – XV, 677 с.

Сороколетов – Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.) / Отв. ред. Ф. П. Филин. – Л.: Наука, 1970. – 384 с.

СОСДКВСЯ – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Под общей ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. – Петрозаводск, 2007. – 347 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. – Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. – Т. 1–5. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2011.

Срезн. – Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I–III. В 2-х ч. – М.: «Книга», 1989.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. – Вып. 1–44. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2011.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1–4. – М.: Прогресс, 1964–1973.

Тивдийские мраморные каменоломни (1769–1979 гг.)

Свое название «Тивдийские мраморные каменоломни» получили по месту первой находки мрамора вблизи старинной карельской деревни Тивдии. Впоследствии это название распространилось на все каменоломни мраморов, расположенные на расстоянии 1–10 км от Тивдии.

Возможно, светло-розовые мраморы в окрестностях Тивдии немногого разрабатывались еще в начале XVIII века в качестве «флюсового камня» для Олонецких горных заводов. Нет документальных свидетельств о том, когда, кем и при каких обстоятельствах были открыты залежи мрамора вблизи Тивдии. Ссылаясь на ряд литературных источников, можно предположить, что мрамор в этих местах впервые был обнаружен в 1757 году выходцем из соседнего села Лычное на озере Сандал новгородским купцом Иваном Мартыновым и олонецким крестьянином Иваном Гриппиевым (4, 6, 8). Точно известно, что Иван Мартынов с 1763 по 1773 годы являлся совладельцем Тивдийского стального и молотового завода, работавшего в устье реки Тивдийки. После открытия Тивдийских мраморных ломок, в 1770-е годы, он также был подрядчиком по выломке мрамора и доставке его в Санкт-Петербург (8).

Некоторые современные исследователи и краеведы безосновательно считают, что первооткрывателем тивдийских мраморов стал сердобольский пастор Самуил Алопеус. Он, действительно, по роду своей службы не раз бывал в районе Тивдии, и как человек, интересующийся минералами, знал о здешних мраморах, и даже побывал на их разработках. Но первооткрывателем тивдийских мраморов С. Алопеус, судя по его книге, не был (1).

Началом промышленной разработки мрамора в районе Тивдии, как и в Приладожской Карелии (Йоенсу и Рускеала) для украшения дворцов и храмов столицы послужил известный указ императрицы Екатерины Великой от 20 января 1768 года, сохранившийся в архивах РГИА в виде документа «Об изготовлении мрамора и дикого камня на строение Исаакиевской церкви в Кексгольмском уезде погостах Сердобольском и Рускеальском с устройством там шлифовальных мельниц». Суть этого документа – начать добычу мрамора и «дикого камня» в Рускеальском и Сердобольском погостах Кексгольмского уезда, а также в других местах по берегам Ладожского (Йоенсу) и Онежского (Тивдия) озер для украшения Исаакиевской церкви и других зданий Санкт-Петербурга.

С 1768 года до середины 1769 года Тивдийские мраморные ломки находились в ведении Канцелярии Олонецких Петровских заводов и к ним было приписано для работ 2500 человек – крестьян в основном из ближайших к Тивдии волостей и погостов (7).

В начале 1769 года в Тивдию для организации мраморных ломок приехал из столицы капитан горного корпуса Кожин. В 1,5 км от деревни, на восточном склоне Белой горы, обрывающегося в озеро Гижозеро, он заложил первую пробную каменолому, а у заводчика Ивана Мартынова нанял помещения простоявшего тогда Тивдийского стального и молотового завода.

В первой половине 1769 года Тивдийские мраморные ломки были переданы из ведения Олонецких Петровских заводов в управление Комиссии (Конторы) по постройке Исаакиевской соборной церкви, указом которой от 4 мая 1769 года в районе Тивдии началась разведка и добыча мрамора. Для этой цели при ломках были учреждены бергаулы – мастера из знающих крестьян приписанных к ломкам волостей.

Уже к концу 1769 года были найдены новые месторождения строительного камня не только в районе Тивдии – на Белой горе, но и на берегу Онежского озера – Шокшинское (кварцит), Соломенское (вулканическая брекчия) и Пергубское (мрамор) (7).

В начале сентября 1769 года в Тивдию вновь приехал статский советник Кожин, а с ним – два итальянских мастера («каменоломщик и каменосечец») – для организации мраморных работ (1).

С 1770 года в связи с Кижским восстанием, казенные мраморные работы на Белой горе были переведены на наемный труд. Тогда на Тивдийских каменоломнях трудилось до 500 человек наемных работников. Чуть позже, выполняя указ Екатерины II от 20.01.1768 года, с Урала в Тивдию было направлено несколько партий семейных рабочих, знакомых с гранильным и каменотесным делом. В двух километрах от деревни Тивдии, к востоку от Белой горы, где добывали мрамор, на восточном берегу озера Гижозеро, возникла рабочая слобода – Белая Гора.

Свое название поселение получило от расположенной напротив, через озеро, Белой горы, сложенной преимущественно бледно-розовым мрамором, который издали казался серовато-белым. Белая гора также иногда называлась «Тивдийской Большой горой». В настоящее время мраморные уступы Белой горы большей частью покрыты темной патиной, образовавшейся в результате выветривания нестойкого мрамора и появления на его поверхности водорослей. Но все же местами еще видны светлые (бледно-розовые вблизи) пятна, объясняющие, почему эту гору люди назвали «Белой».

По данным академика Н. Я. Озерецковского, в 1785 году в деревне Тивдии насчитывалось 43 двора, где жили государственные крестьяне, подрабатывавшие на мраморных ломках и производящие уклад, а также петрозаводские купцы, занимавшиеся перевозкой мрамора. Крестьяне нанимались в работники за 2,4 и 5 рублей в месяц. Купцы подряжались возить мрамор до Онежского озера за 4 или 7,5 копеек за пуд в зависимости от тяжести груза.

Тогда же в соседней слободе Белая Гора находились: контора, три светлицы, пять казарм, 30 дворов, в которых жили 42 казенных (кузнецы, плавильщики, урядники) и 160 вольных работников (10). Население Белой Горы было представлено преимущественно русскими, приехавшими

сюда в конце XVIII века для мраморных работ из России, преимущественно – с Урала. Изначально это были крепостные крестьяне – опытные каменотесы и гравильщики.

По данным олонецкого губернатора Г. Р. Державина, в 1785 году на Тивдийских каменоломнях работало от 150 до 200 человек, которым выплачивали в месяц от 1 до 6 рублей. В год на ломках добывалось до 40000 пудов (640 т) мрамора, который обходился на месте по 55 копеек, а продавался в Санкт-Петербурге уже по 70 копеек (12). До 1785 года «олонецкий» (белогорский) мрамор в большом количестве пошел на украшение Мраморного дворца архитектора А. Ринальди.

В 1788 году по указу Екатерины II Тивдийские ломки были переданы Олонецкой казенной палате Соляной Экспедиции, и находились в ее управлении до 1798 года. Тогда мрамор выламывался в Белогорской ломке преимущественно для декоративного убранства Исаакиевского собора (А. Ринальди) в столице и немного – для украшения ряда сооружений в Царском Селе и Гатчине (А. Ринальди).

С 1798 по 1803 годы, практически бездействовавшие Тивдийские ломки, находились в ведении столичной Гоф-интенданской конторы.

В 1803–1814 годы тивдийскими разработками занималась Комиссия по постройке Казанской церкви. Тогда «олонецкий» мрамор в большом количестве пошел на облицовку полов Казанского собора (А. Воронихин) в Санкт-Петербурге.

До 1807 года весь добываемый на Тивдийских каменоломнях камень после черновой обработки каменотесами отправлялся на окончательную доработку в столицу.

В 1807 году в северной части поселка Белая Гора, на мысу-перешейке у протоки, соединяющей два озера – Кривозеро и Гижозеро, Комиссией по постройке Казанского собора был запущен первый в Олонецкой губернии камнеобрабатывающий завод – Тивдийский (Белогорский) мраморный завод (3,4,6,8). Завод имел одиннадцать пил и состоял из двух отделений: одно – для машинной работы – распиловки и шлифовки больших блоков (масс) мрамора, другое – для ручной отделки мелких частей. Механизмы завода приводились в действие силой воды, для чего на протоке, между озерами Кривозеро и Гижозеро была устроена плотина с двумя руслами.

С 1814 по 1819 годы Тивдийские мраморные каменоломни вновь находились в ведении Гоф-интенданской конторы. В 1817 году тивдийские мраморы пошли на пьедесталы для Конногвардейского манежа.

В 1816 году был утвержден штат, по которому Тивдийские ломки стали подчиняться главному смотрителю ломок и его помощнику, определяемых начальством Гоф-интенданской конторы. По штату на ломках должно было находиться 3 мастера и 56 мастеровых. Старшие мастеровые получали от казны 58 рублей, помощники – 43 рубля, ученики – 20 рублей. В работу шли с 16 лет. Срок службы был 25 лет, после чего выходили на отдых с пенсионом 2/3 получаемого на службе жалования, либо служили еще до 33 лет (6,8).

В 1816 году по указу к Тивдийскому мраморному заводу были приписаны крестьяне на правах мастеровых: 500 мужчин, 200 женщин и 120 детей – всего 720 человек (4).

Когда началось строительство нового Исаакиевского собора по проекту О. Р. Монферрана, с 1819 года Тивдийскими мраморными каменоломнями вновь стал распоряжаться Комитет по строительству Исаакиевского собора, затем, когда строительство собора было приостановлено, с 1838 по 1844 годы – Гоф-интенданской конторы.

В 1837 году Тивдийский мраморный завод был перестроен (второй завод). На предприятии по-прежнему имелось два отделения – одно для механической распиловки и шлифовки камня, другое – для полировки ручным способом. Десять пил, как и раньше, приводились в движение водяной мельницей с гидравлическими колесами, устроенной на протоке. Камень, смачиваемый водой, разрезался металлическими пилами с кварцевым песком, используемым в качестве абразива. В силу высокой твердости тивдийских мраморов, эти породы распиливались на станках, предназначенных для обработки гранита. Тем не менее, местные мраморы хорошо принимали полировку, хотя вследствие различия в твердости доломита и кварца (содержание последнего иногда достигало 15 % и более) полированная поверхность мрамора проявляла точечно-буристый эффект (4).

Каждая пила распиливала за день в мраморе углубление от 65 до 85 см в зависимости от крепости породы. При шлифовке изделий вместо пил вставлялись шлифовальные доски. Механическая шлифовка осуществлялась с помощью наждаца и песка. Глянец деталям придавали ручной полировкой (8). При склейке отдельных частей изделий швы были практически не видны. Тивдийские мраморные «вещи» привлекали внимание наружной чистотой отделки, прочностью, изящностью рисунка, правильностью и пропорциональностью форм.

В 1838 году мраморы с Тивдийского завода пошли на украшение Зимнего дворца и изготовление колонн для дворца Великой Княгини Марии Николаевны.

Помимо крупных заказов (пиластры, колонны, облицовочные плиты, доски подоконников и т. д.) тивдийские мраморы шли на изготовление предметов прикладного искусства – мелких вещей бытового назначения на продажу и по заказам частных лиц: каминов, чаш, ваз, шашечных и столовых досок, подсвечников, солонок, лампад, пресс-папье, пепельниц, стаканов, украшений для столов-кубиков, книжек, надгробных памятников. Эти предметы делали как на самом заводе, так и кустарно местные жители.

В Санкт-Петербург также вывозилось много мраморной щебенки для мозаичных столов. Изделия олонецких мастеров отправлялись не только в Санкт-Петербург, но и в Повенец, Петрозаводск, Вытегру, на Шунгскую ярмарку и в Финляндию (8). В российской столице специально для продажи олонецких мраморных изделий был организован магазин. Часть мрамора продавалось через частные лица.

Идея использования тивдийских мраморов (как и рускеальских) для изготовления предметов прикладного искусства возникла у О. Монферрана, вероятно, после того, как в 1827 году советник коммерции Иван Федорович Щербин перевез по Ладожскому озеру и Неве с Рускольских мраморных ломок к строению Исаакиевского собора на судах «770 штук мрамора весом 84 695 пудов и 11 фунтов», т. е. почти 136 т (15).

Для экономии средств О. Монферран решил наладить производство этих предметов на месте добычи камня, чтобы перевозить уже готовые изделия. К месту производства О. Монферран высыпал рисунки, а оттуда получал готовые изделия из мрамора.

26 сентября 1830 года по заказу О. Монферрана с Тивдийских мраморных ломок в столицу было доставлено девять небольших ваз из мрамора разных цветов. Комиссия по строению Исаакиевского собора приняла решение покрыть расходы за изготовление ваз самому О. Монферрану. Но архитектор получал всего 300 рублей в месяц и не мог купить вазы, оцененные в 612 руб. 35 копеек. Он говорил, что «вазы заказаны были на мраморных ломках для того только, чтобы видеть степень искусства, с коим приготвляются изделия в Тивде и Руслане» и предложил «девять образцов ваз сдать в магазины или обратить в продажу желающим...» (18).

Несмотря на разные препятствия, производство предметов из камня в Белой Горе постепенно наладилось. 15 апреля 1831 года О. Монферран представил на суд комиссии выполненные им рисунки мраморных изделий, которые могли бы быть приготовлены на Тивдийских и Русланских мраморных ломках для продажи. Это были проекты различных форм и размеров каминов, ваз, пьедесталов, надгробий и столешниц. 20 мая 1831 года проекты О. Монферрана утвердили, и он начал работать над шаблонами в настоящую величину для изготовления мраморных предметов.

Примерно за три года на заводе в Белой Горе было изготовлено большое количество предметов прикладного искусства. Для отправки их в Санкт-Петербург потребовалось более 90 ящиков. Доставить их к месту назначения обязался крестьянин Степан Моисеев. С ним в июле 1834 года заключили договор, в котором говорилось: «к перевозке мраморных изделий должен я, Моисеев, приступить сего июля 31-го дня и окончить оную к 20-му числу сентября сего года непременно. По Онеге и Ладожскому озеру... по ветру как рекою Свирью, так и канавою безостановочно тащить бечевою» (18).

Всего переправили в Петербург 91 ящик с 226 изделиями, значительная часть которых была выполнена по рисункам самого О. Монферрана: разноцветные вазы, чаши разной величины, урны в виде сосудов, постаменты, столешницы и др. – всего 80 штук. Изделия помещены были на склад и размещены для продажи.

В начале 1835 года по требованию О. Монферрана было «отпущено мастеру Трискорни для доставления ...господину министру императорского двора и члену сей Комиссии Петру Михайловичу Волконскому четырнадцать штук мраморных изделий» – два больших пьедестала и три

малых, четыре чаши, одна урна и четыре вазы. Вскоре князю отправили еще шесть мраморных столов.

24 января 1835 года О. Монферран обратился в Комиссию по построению Исаакиевского собора «с требованием об отпуске двух мраморных темно-красных с колоннами и плинтами ваз»: одну – для него, а другую – мастеру Мадерни.

6 апреля того же года последовало распоряжение «об отпуске господину Паскалю шести ваз розового и белого мрамора для его Светлости министра двора Его Императорского Величества».

За несколько лет было продано более ста мраморных изделий при постоянно увеличивающемся количеству наименований. Но вырученные суммы не покрывали расходов. Тогда решили периодически повторять объявления в «Санкт-петербургских ведомостях» следующего содержания: «Комиссия о построении Исаакиевского собора извещает сим, что на Тивдийских мраморных ломках..., приготовляются разного рода мраморные изделия, как-то: вазы, пьедесталы, столы, подоконники, каминьи и пр., и что иные изделия таковые в значительном количестве доставлены сюда и поступили в продажу...» (18).

Следующую партию изделий с Тивдийских ломок предполагалось получить в 1835 году, но тогда не нашлось желающих взять на себя подряд, и доставку в Санкт-Петербург отложили до следующего года. Наконец, 4 июня 1836 года на перевозку новой партии мраморных изделий согласился ранее упомянутый Степан Моисеев с крестьянином Иваном Юдиным. Мраморные изделия общим весом более 740 пудов упаковали в 68 ящиков. Груз отправили 5 августа, а прибыл он в столицу только в сентябре. Изделия из разноцветного мрамора включали: 6 каминов, 37 ваз, 18 чаш, 16 урн, 1 полуколонну, 1 надгробие, 12 подоконных досок, 1 стол, 4 подсвечника, 8 накладок, 8 солонок, 12 тушевок, 10 пьедесталов. Всего – на сумму 1594 рубля.

Производство мраморных изделий не прекращалось. 2 февраля 1837 года доставленные с Тивдийского завода мраморные «вещи» принял мастер Фраскини. В 1837 году в Санкт-Петербурге было продано изделий на сумму 1247 рублей, в 1838 году – на 1049 рублей.

Положение с продажами не улучшалось и в последующие годы. В обращении О. Монферрана Комиссии от 1 декабря 1843 года говорится: «... в магазейне при строении имеются мраморные изделия Тивдийских ломок, состоящие в консолях, вазах садовых разной величины, столов, каминов и надгробных памятников. Продажа оных проводится неуспешно, потому что цены высоки, а формы в старинном вкусе...».

Изготовление предметов прикладного искусства из мрамора по рисункам О. Монферрана прекратилась в 1840-х годах, но продажа их продолжалась до 1859 года. Тогда, в 1859 году, уже после смерти О. Монферрана, на торги были выставлены «пять мраморных ваз, которые находились у главного архитектора для образцов при производстве в Исаакиевском соборе работ», доставленные с Тивдии еще в 1834 году. Вазы оказались со значительными повреждениями. Но все же нашелся покупатель – известный мраморных дел мастер Балушкин (18).

В Национальном музее Карелии хранятся изделия из мрамора, изготовленные на Тивдийском заводе: подставка для часов из «чернобрового» мрамора Белогорского месторождения темно-бурого и темно-красного цвета с белыми жилками; доска для туалетного столика – набор из 32 пластинок белого, розового, красного, красного с белыми жилками, белого с красными жилками мрамора и пятнистого и синевато-серого лижмозерского сланца; две вазы из темно-красного брекчированного мрамора.

Больше всего мрамора добывалось в 1844–1857 годы, когда Тивдийские каменоломни вновь оказались в ведении Комиссии по постройке Исаакиевского собора. С 1844 по 1852 годы для внутреннего украшения Исаакиевского собора в районе Тивдии было выломано различных мраморов на сумму около 180000 рублей серебром.

В 1845 году, когда началась последняя поставка мрамора для Исаакиевского собора, Тивдийский мраморный завод сгорел. Производивший эту поставку камня отставной капитан путей сообщения Дершау вскоре построил новый более мощный мраморный завод (третий по счету) в Белой Горе. Между озерами Кривозеро и Гижозеро был прорыт канал для пропуска воды, и устроена плотина шириной до 50 м. За счет новой плотины уровень воды в озере Кривозеро был значительно поднят.

Новый завод в Белой Горе имел, как и раньше, два отделения – механическое и ручное. На нем могли одновременно действовать до 100 и более механических пил, которые приводились в движение при помощи большого гидравлического колеса диаметром более 6 м, вращавшегося за счет энергии падающей воды. По данным Н. Комарова, «вододействующее наливное колесо» приводило в движение «12 рам и 40 пил, смотря по надобности» (6).

К 1857 году при заводе находились: фабрика для ручной отделки мраморных изделий с тремя отделениями; кузница с четырьмя горнами; пять магазинов для хранения инструментов, изделий и провианта; пристань, два сарайя, казарма, четыре казенных жилых здания. В деревне Белая Гора стояло 60 частных домов, принадлежавших местным мастеровым. В них проживало 366 человек, в т. ч. 186 мужчин и 180 женщин (8).

В 1840–1850-е годы управляющим заводом был Иван Христофорович Берг. При нем изготавливалось множество мраморных плит с хорошей полировкой, которые шли на изготовление столов, подоконников, каминов, памятников, а также продавалось в Санкт-Петербург много мраморной щебенки для мозаичных столов.

При И. Х. Берге лучшим мастером на заводе считался Матвей Иванович Петров, лично знакомый с мастером Петергофской гранильной фабрики Г. М. Пермикиным. Матвей вырезал такие фигурки зверей и птиц, что они казались почти живыми. Управляющий, желая получить от такого самородка наилучшую пользу на заводе, в 1835 году откомандировал его в петербургскую школу при Гоф-интендатской конторе для обучения ваянию и скульптуре. По возвращении с учебы, Матвей стал присматривать за всеми тонкими работами на заводе. Под руководством это-

го великого мастера выполнялись заказы на самые сложные и изящные изделия, с разными рельефными изображениями (8). Скульптор на Тивдийском заводе (из мастеров второй роты Императорских дворцов) работал еще во второй половине XIX века.

В 1840-е годы на мраморном заводе работали кроме весьма ограниченного штатного числа мастеровых, еще вольнонаемные из числа крестьян Петрозаводского, частью Каргопольского уездов – около 100 человек. Плата от подрядчиков, как казенным, так и вольнонаемным мастеровым, была разная. Шлифовальщики и каменотесы получали со штуки в месяц соответственно 30 и 25 рублей, «буровщики» – 10 рублей, кузнецы, возчики и прочие – поденно (6, 8).

По данным современников, в 1840–1850-е годы блоки мрамора («штуки»), добытые в каменоломнях и свезенные к заводу, «втягивались конным воротом в фабрику, где производилась их дальнейшая обработка: приведение штук в требуемые размеры и форму распиловкой пилами, частью выбуриванием ряда буровых скважин и потом расклиниванием, шлифовка гладких поверхностей машинами, а выгибов – желобков, карнизов и прочих ломких частей ручными работами. Штуки бывали весом до 150 пудов» (6).

С 1844 года, с поступлением Тивдийских ломок в ведение Комиссии по строительству Исаакиевского собора, все «штуки», по приведении в настоящие размеры, шлифовались только вчерне и в таком виде отправлялись в Санкт-Петербург, где производилась их окончательная шлифовка и полировка (6). С окончанием поставки мрамора в столицу для Исаакиевского собора в 1853 году, распиловка мрамора на Тивдийском заводе прекратилась. Во второй половине XIX века в Белой Горе в здании фабрики делали вручную лишь небольшие вещи.

В 1858 году в Белой Горе упоминаются две церкви во имя иконы Казанской Божией Матери: деревянная, построенная в 1833 году из прежде бывшей часовни, обшитая тесом и выкрашенная белой краской, и каменная, возведенная в 1856 году в византийском стиле, с куполом и колокольней. В окружении церквей стояли дома чиновников и священников.

Сооружением каменного храма в Белой Горе Тивдийские ломки обязаны лично Его Сиятельству господину бывшему Министру Уделов графу Льву Александровичу Перовскому. При обозрении мраморных ломок в 1853 году граф нашел, что старая белогорская церковь недостаточна для такого большого числа прихожан (200–300 человек). По ходатайству графа Л. А. Перовского последовало высочайшее соизволение на сооружение в Белой Горе нового каменного храма по проекту известного архитектора, действительного статского советника К. А. Тона, автора Храма Христа Спасителя в Москве. Проект утвердил император Николай I.

На сооружение храма в Белой Горе Кабинет Его Величества выделил 3423 руб. 70,5 коп. серебром. Иконостас, церковную утварь на 1450 рублей также предоставила казна. Иконостас и Царские врата были резные, позолоченные. Иконы – написаны на холсте. Особенно замечателен по художественному оформлению был большой образ Господа Саваофа в золоченой раме в гор-

нем месте. Церковная утварь была тоже серебряная, позолоченная. Икона Казанской Божией Матери считалась покровительницей жителей Белой Горы.

Церковь Казанской Божией Матери была прямоугольная в плане (длина 21 м, ширина 8 м, высота, вместе с колокольней – 20 м), с полукруглым алтарем. Величественная красота древнего стиля, гармония всех частей отличают этот храм среди других церквей, построенных в XIX веке в Олонецкой губернии. При белогорской церкви в середине XIX века находились: священник, дьякон и просвирня, получавшие жалование от Кабинета Его Величества. Для жизни священнослужителей казна построила в Белой Горе деревянный двухэтажный дом. Староста и сторож церкви выбирались из мастеровых завода. В середине XIX века белогорская церковь считалась приходскою, т. к. к ней были духовно приписаны крестьяне соседней деревни Тивдии, в которой тогда имелись: часовня и 30 крестьянских дворов, с мукомольными мельницами, тремя кузнницами и кожевенным заводом.

По окончании строительства Исаакиевского собора, с 1857 года, мраморное дело в Олонецкой губернии приходит в упадок.

С 1857 года Тивдийские ломки и мраморный завод передали в ведение Кабинета Его Императорского Величества. Тогда рабочих на мраморном заводе было менее штата: 2 – мастера, 10 – старших мастеровых, 20 – младших мастеровых, 14 – учеников, 1 – фельдшер, 4 – сторожа. На содержание завода казна отпускала по штату до 6000 руб. серебром в год. Общее число мастеровых и их семейств, проживавших в Белой Горе, составило к 1857 году – 186 мужчин и 180 женщин, всего 366 человек.

К 1844 году в ведении Тивдийского мраморного завода находилось 23 каменоломни, а в 1857 году – уже 31 каменоломни, которым были присвоены номера. На Тивдийском заводе обрабатывали не только мраморы, но и другие горные породы – шунгитовые сланцы, габбро, вулканическую брекчию, кварциты и кварцито-песчаники. Каменоломни мраморов находились преимущественно вблизи завода, на расстоянии 1–10 км, на берегах озер Гижозеро (Белогорские, Красногорские), Кривозеро (Кривозерская, Рабоченаволокская, Керчнаволокская), Лижмозеро (Лижмозерская, Вонгубская, Палосельгская) и Сандал (Кариостровская). Наиболее удаленные от завода (за 40–50 км) мраморные каменоломни действовали на берегах озер Пялозеро (Пялозерские), Мунозеро (Мунозерская) и Онежского (Пергубское). Габбро добывали в каменоломнях на берегу озера Сандал (Матюковская) и в 70 км от завода, на берегах озер Укшезеро (Царевическая) и Янгозеро (Янгозерская), вулканическую брекчию – в селе Соломенном (Соломенская). Шунгитовый сланец («аспид») выламывали в каменоломнях на берегу озера Нигозеро (Нигозерская) у Кондопоги. Самые дальние разработки «камня» – кварцитов и кварцито-песчаников – находились в 150–170 км от Тивдии, на берегу Онежского озера, у селения Шокша (Шокшинская) и на острове Брусно (Брусненская).

В свое время на заводе в Белой Горе изготавливали чаши, вазы, подоконники, камини, пьедесталы, столовые доски, в т. ч. и шашечные, пресс-папье, солонки, лампады... Изделия Тивдийского мраморного завода отличались необыкновенной прочностью и изящной отделкой, они с честью могли бы служить принадлежностью комфорта и роскоши, но мало были известны публике.

В Белой Горе находилась Экспедиция Тивдийских мраморных ломок. Смотритель Тивдийских ломок также заведовал Рускольскими (Рускеальскими) ломками.

5 апреля 1861 года Тивдийские каменоломни и завод были переданы в ведение Министерства государственных имуществ, которое упразднило Тивдийскую экспедицию и практически прекратило добычу мрамора (7).

Отдельное управление ломками было упразднено, кроме должности главного смотрителя. Бывшие казенные мастеровые были причислены к сословию государственных крестьян. Их освободили от податей и повинностей. Всем выдали пособия в размере 58 руб. на человека, сохранили пенсии и т. д. (8).

В 1861 году был составлен проект на отдачу мраморных ломок в аренду с торгов. Тогда некий господин Лотоцкий и купец Неворотин предлагали взять ломки в содержание на 12 лет с платой по 100 руб. в год с беспошлинным отпуском леса на постройки и с правом на устройство заводов и мастерских. Но эти условия не соответствовали выгодам казны и требованиям закона, поэтому не были приняты (8).

В 1863 году Тивдийский мраморный завод прекратил работу. Бывшие мастеровые кустарно изготавливали только мелкие вещи: пепельницы, пресс-папье, вазы, книжечки, яички и плитки. Эти предметы стоили дорого, но качество их оставляло желать лучшего.

В 1866 году Министерство государственных имуществ направило для осмотра Тивдийских мраморных ломок горного инженера Ковригина. Ему поручалось определить способы и условия разработки каменоломен в техническом отношении и размеры зарплаты работников. В том же году в указанном министерстве было составлено предложение о передаче 22 каменоломен в аренду на 24 года. Арендаторы обязаны были ежегодно выламывать строго установленное количество камня. В пользу заводчика передавались все казенные строения. Но торги не состоялись, т. к. не было желающих. Поэтому было решено продать строения завода, а мраморные ломки отдавать всем желающим, без торгов. (8).

Заводские строения с имуществом были проданы с аукциона на снос в 1867 году по очень низкой цене. Мраморный завод купили с торгов всего за 8 рублей, в то время как на его территории хранилось до 700 пудов чугуна оборудования (валы, подшипники, пятники, станки). Также на заводе оставались: 15 пудов гвоздей, лес для строительства, железо и инструменты, которые практически ничего не стоили, но были проданы скупщиками за цену в 5–10 раз большую (8).

Должность смотрителя Тивдийских каменоломен упразднили, а заведование ими поручили ближнему лесничему.

В 1871 году правительствующим Сенатом было решено отдать мраморные ломки в аренду французскому инженеру Амадею Ашару (Арману ?) и одесскому купцу первой гильдии Клементиу Боннэс на 24 года по 20 рублей за кубическую сажень добытого и обтесанного камня. Арендаторы осмотрели ломки, которые уже десять лет находились в запустении. В возрождение каменоломен они предполагали вложить большую сумму – 500 тысяч рублей. Но контракт не был заключен, т. к. его условия не устроили арендаторов. Последние просили отдать им в аренду все 31 карьер, а им предлагалось только 23 каменоломни, находящиеся в ведении Ведомства государственных имуществ. Остальные ломки оказались во владении Горного ведомства (Шокшинские), частных лиц (Царевическая, Мунозерская, Пялозерская) и церкви (Соломенская, Брусинская) (8).

По данным В. Майнова, в 1870-е годы Тивдийские ломки предложили взять в аренду французам. Арендаторы заключили контракт с одним ведомством. Было уже добыто несколько сотен пудов камня, когда другое ведомство заявило, что контракт не действителен, что ломки ведутся не на частной земле, а на государственной. Контракт был расторгнут, французы получили неустойку. Тогда арендаторы заключили новый контракт с другим ведомством. Вновь началась выломка камня. Но тут уже выступило третье ведомство и тоже потребовало прекращения работ. Контракт вновь расторгли, французам опять выплатили неустойку, после чего они окончательно отказались от продолжения работ. Арендаторам при этом убытку не было, а мрамор остался лежать на прежнем месте (9).

В 1876 году Министерство государственных имуществ провело торги, в ходе которых 23 каменоломни были отданы в аренду на 24 года генерал-адъютанту С. Е. Кушелеву. Он обязался выплачивать казне за каждую кубическую сажень добытого камня 20 руб. 3 коп., и в первые 6 лет – ежегодно выламывать 50 кубических сажень, наращивая объем добычи через каждые 6 лет от 75 до 150 кубических сажень.

С. Е. Кушелев пытался привлечь к делу санкт-петербургских специалистов, но не вышло. На его средства в столицу были отправлены разные сорта мрамора, на месте изготавливались кое-какие украшения, но в малом количестве. Предприятие оказалось неуспешным, т. к. в Белой Горе не было благонадежного руководителя работ, а те, что имелись, своими действиями вредили всему делу.

18 июня 1879 года контракт с С. Е. Кушелевым на аренду ломок Министерство расторгло без взыскания с него арендной платы. Тивдийские ломки решили отдавать в аренду на общем основании.

После долгого бездействия, в 1880 году с разрешения Сената Тивдийские мраморные ломки передали в аренду на 24 года камер-юнкеру двора Его Императорского Величества

В. В. Савельеву. Арендатор обязался выплачивать в казну по 20 руб. за кубическую сажень камня, каждые 6 лет вдвое увеличивая объем ежегодной добычи мрамора, от 25 до 200 кубических саженей.

В. В. Савельев построил в Белой Горе новый вододействующий завод, торжественное открытие которого состоялось 28 ноября 1880 года. Сначала завод освятил настоятель церкви Казанской Божьей Матери, для чего специально была принесена икона Казанской Божьей Матери – покровительницы Белогоров. Затем для мужиков были выставлены водка и рыбники, а для женщин – пряники, орехи, конфеты и баранки.

В деревянном здании нового мраморного завода работали всего один станок для механической распиловки мраморных плит и два станка – для полировки и ручной отделки мраморных изделий. Завод выпускал подоконники, столы, камини, надгробные памятники, а также щебень на мраморные плиты для полов. Изделия сбывались на Шуньгской ярмарке, в Повенце, Петрозаводске, Санкт-Петербурге, Финляндии (11).

В 1882 году мраморный завод В. В. Савельева сгорел, но уже через два года был отстроен заново. На предприятии из мрамора, как и раньше, изготавливались: подоконники, столы, камини, надгробные памятники, разные мелкие вещи. Надгробия делали из матюковского камня и других темных пород – габбро-диоритов. Мраморный щебень, остающийся от добычи и обработки блоков, использовался в столице для мозаичных полов.

Пиловка и шлифовка камней велась механическим способом на заводе, а полировка изделий – вручную. В основном использовался мрамор светлых тонов. В 1884 году на Тивдийском заводе работало всего 6 человек, в 1885 году – 11, в 1886 году – 6, в 1887 году – 10, в 1888 году – 10 рабочих.

За период с 1884 по 1888 годы мраморный завод В. В. Савельева изготовил: 172 стола (на сумму 3800 руб.), 18 ваз (480 руб.), 13 пьедесталов и надгробных плит (450 руб.), 7 шахматниц и других цветных столов (475 руб.), много пепельниц, кубиков, подчернильниц (1117 руб.), разных мелочей (678 руб.). Эти изделия продавались в Санкт-Петербурге и Петрозаводске (8).

Но В. В. Савельеву не везло. В 1888 году от молнии сгорел его дом в Белой Горе, и уже на следующий год он передал завод в пользование подданному Великобритании Фильдгаузену, а спустя малое время – фирме «Лабрадор».

В 1893 году действительный тайный советник В. В. Савельев отказался от аренды каменоломен, и после торгов они перешли в пользование «Товарищества «Ломбард».

Надо отметить, что заключаемые контракты было трудно выполнить. Арендатора обязывали добывать строго установленное количество мрамора, но при этом не учитывался спрос на камень. Кроме того, В. В. Савельеву по контракту предоставлялись казенные постройки, которых на деле просто не существовало.

К 1895 году Тивдийские мраморные ломки находились в полном упадке. Примерно 20 жителей Тивдии и Белой Горы кустарно изготавливали из мрамора мелкие вещи грубой и безвкусной работы: печатки, пресс-папье, кляс-папье, столовые доски, пепельницы, подсвечники, вазочки, стаканы, шахматные доски, пирамидки, книжечки, яички... Из кустарей-мастеров только половина обладала хоть какими-нибудь профессиональными качествами, и только три мастера имели богатый опыт, т. к. работали еще при казне. Самый лучший мастер зарабатывал в год 200–300 руб., средний – до 100 руб., заурядный – 30 руб.

Орудиями для обработки мрамора служили: долото стальное, стальной молоток (киянка), молоток с острием, наваренный сталью (тесовик), буровой тяжелый молот. При шлифовке использовали воду и песок, и лишь состоятельные мастера – наждак и свинец. В конце работы терли камень белым порошком («итальянской мумией»), но бедные работники вместо этого использовали воск. Все изделия изготавливали из окола – щебня и кусков мрамора, валявшихся в камено-ломнях.

В конце XIX века заказов на мраморные изделия поступало мало. Это определялось тем, что некоторые мастера не в сроки выполняли заказы, даже получив аванс (задаток), и низким качеством изделий. Заказчики часто обращались к посредничеству местного тивдийского торговца Исакова, который принимал на себя ответственность по выполнению работ. Исаков также скупал мраморные изделия по низкой цене у мастеров, которые продавали их ему во время нужды, когда не было покупателей. Большую часть «мраморных вещей» он сбывал в Санкт-Петербурге.

Среди тивдийских мастеров скupкой мраморных изделий занимались Крысин и Гришанов. В год они сбывали вещей своего и чужого изготовления на сумму 600 руб. Эти невысокого качества «вещи» продавались на Шунгской ярмарке, в Повенце, Петрозаводске, Вытегре, Петербурге и Финляндии.

В Петрозаводске в конце XIX века заказы на мраморные изделия принимали торговец Н. С. Пелепенко, а также бывший житель Белой Горы Герасимов – сторож при уездной земской управе.

Половина мастеров Тивдии и Белой Горы кормилась только за счет мраморного промысла, и им приходилось трудно по причине низких цен, установленных скupщиками.

Самыми крупными были заказы на памятники (30–200 руб.). Памятники в 30 руб. изготавливались за два месяца одним рабочим, памятник в 200 руб. – до 6 месяцев двумя рабочими.

В начале 1890-х годов в Белой Горе из красивого мрамора выполнили иконостас для часовни Фаддея Блаженного в Петрозаводске. Над ним трудилось 7 мастеров в течение 4 месяцев, и каждый из работников получил по 25 рублей в месяц.

Изготовлением мраморных «вещей» крестьяне-кустари в основном занимались зимой, когда не было сельскохозяйственных работ. Весной, летом и осенью они работали на улице, в сарайах и банях, а зимой – в домах и банях. Обман, неопределенность сбыта, незнание технических нов-

шеств в обработке камня, ставили мраморный промысел Олонецкой губернии чуть ли не в застоеное состояние. Кустарями-мраморщиками преследовалась одна цель – скорее сделать «вещь» и подороже ее продать случайному и неопытному покупателю. При этом доходы от продажи были маленькими. Например, шахматная доска с 64 вставками из лучшего тивдийского мрамора оценивалась в 25 рублей, а из низких сортов – в 6 рублей. В 1890-е годы сторож при водопаде Кивач от продажи низкого качества мраморных изделий получал от 150 до 200 рублей. Но были и случаи, как, например, с местным мастером И. М. Гришановым, когда некачественные предметы из мрамора приходилось продавать в столице за бесценок.

Молодое поколение не имело охоты к труду, а если и работало, то только ради получения себе на расходы малой толики за торопливо и неумело сделанную вещь. Учиться у старшего поколения мастерству обработки камня оно не желало. Представленные самим себе, мраморщики делали вещи по своей личной фантазии и не пытались особо угодить вкусам покупателей.

Ранее упомянутый торговец Исаков считал, что из некоторых сортов «олонецкого» мрамора можно было бы выжигать хорошую строительную известь. Ради эксперимента он выжег 500 пудов извести для своих надобностей и для продажи, и эта известь оказалась высокого качества. Выжиганием хорошей извести из белогорских мраморов также занимался в свое время В.В. Савельев (8).

С 1898 по 1902 годы Тивдийские ломки находились в аренде у местного предпринимателя инженера М. А. Токарского. Он считал, у мраморного промысла есть хорошие перспективы, но его развитию мешали следующие обстоятельства. Мраморные предметы кустарного производства выходили очень дорогими, поскольку работы (отделка, шлифовка, изготовление) велись вручную в банях, в то время как за границей – механически. Все упиралось в техническую оснащенность – вручную памятник большой величины невозможно было сделать. М. А. Токарский предложил построить в Белой Горе специальную мастерскую со всеми необходимыми техническими приспособлениями как для операций с крупными кусками мрамора, так и для более легкой отделки. Он также предлагал создать спецшколу на платной основе по обучению молодежи мастерству обработки камня.

С 1899 года Тивдийские ломки находились в ведении Русского музея императора Александра III. В 1901–1902 годах в каменоломнях Белой Горы, Лижмозеро и Пергубы на Онежском озере ненадолго возродилась добыча мрамора для отделки Этнографического отделения музея императора Александра III. Позже этот музей стал называться Русским, а созданное Этнографическое отделение мы теперь знаем как Этнографический музей (1901–1915 гг., архитектор В. Ф. Свињин).

Известно, что архитектор Василий Федорович Свињин был категорически против использования в отделке Этнографического музея итальянского мрамора и настоятельно указывал строителям на применение мраморов со старых Тивдийских каменоломен. И вообще, он требовал использования в строительстве музея только российских материалов.

Добычей мрамора в Белогорской и Лижмозерской каменоломнях тогда руководил инженер Н. В. Попов. Все лето 1902 года В. Ф. Свињин вместе с Н. В. Поповым находился в Белой Горе, лично руководя производством работ и использованием новейших технических достижений в области добычи строительного камня. Он также вместе с Н. В. Поповым спроектировал станки для обработки мраморных плит и колонн.

Только подготовительные операции по выломке массы мрамора необходимого размера и качества заняли около года упорных трудов. Затем был произведен тщательно рассчитанный аккуратный взрыв, что позволило получить несколько монолитов, достаточных для изготовления колонн, пилasters и облицовки пола. В сентябре 1902 года работы на ломках закончились и 7 глыб мрамора по 11200 т каждая были отправлены на обработку в Санкт-Петербург (5). На организацию добычи и обработки мрамора с 1901 по 1906 годы казна затратила 200 тыс. рублей. В итоге «Зал народов России» (Розовый зал) Этнографического музея украсился 28 колоннами и 12 пилестрами из нежно-розового мрамора Белой горы и Лижмозера; полы музея облицованы плитами красноватого мрамора Пергубы.

После окончания отделки Этнографического музея, в 1906 году Тивдийские мраморные ломки вновь оказались надолго забытыми.

В начале XX века кустари-мраморщики Тивдии и Белой Горы делали только мелкие вещи грубой работы, но высокой цены: два подсвечника стоили до 1 руб. 50 коп., небольшие вазы – 6 руб. и более.

В 1918 году все мраморное производство Белой Горы олицетворялось в 4–5 кустарях – одиночках, выпускавших в год несколько десятков пепельниц грубой и шаблонной работы (16).

Через несколько десятилетий забвения, в 1938 году, на Белогорском месторождении «Карел-гранит» добыл 900 кубометров блоков розового и красного мрамора, который пошел на украшение станции метро «Бауманская» и Дворца Советов в Москве. Но произведенные при этом массовые взрывы привели к появлению дополнительных трещин в массиве, что значительно снизило выход блочного камня. Здешний мрамор стал годиться лишь для получения каменной крошки и мелких некондиционных блоков.

Геологическая разведка Белогорского месторождения производилась неоднократно: в 1926, 1936, 1950–1954, 1967–1968, 1970–1979, 1980–1984 годы.

В 1979 году на старом «Главном» карьере Белогорского месторождения горняки применили комбинированный метод отпалки, подобно «дедовскому», в результате чего от скалы удалось выломать большой массив мрамора объемом до 5000 кубометров. Но полученные из него блоки оказались небольшими, они также содержали пустоты, каверны и были забракованы. В конце 1979 года карьер окончательно закрыли.

Как уже ранее отмечалось, в 1844 году Тивдийские каменоломни насчитывали 23 каменоломни, а в 1857 году их количество достигло 31. Они располагались не только вблизи Тивдии, но и

на расстоянии от нее десятки и даже сотни километров. Все виды (сорта) разрабатывавшегося или найденного камня в XIX веке получили свои номера и названия.

Главные разработки мрамора с 1770-х до 1850-х годов велись в 2 км от деревни Тивдии, на северо-восточном, обрывистом склоне Белой горы, на берегу озера Гижозеро. Белая гора вытянута в северо-западном направлении вдоль озера Гижозеро, из которого вытекает река Тивдийка, почти на один километр, при ширине до 120–150 м. Высота горы над уровнем Балтийского моря достигает максимум 101,32 м, а над озером Гижозеро – 20–25 м.

Белогорское месторождение цветных мраморов площадью 0,38 квадратных километра приурочено к образованиям Туломозерской свиты нижнего протерозоя. Здесь залегают мелко-среднезернистые кальцит-доломитовые, окварцованные мраморы. Вмещающие породы представлены песчанисто-доломитовыми и кварцево-доломитовыми сланцами Заонежской свиты нижнего протерозоя, талько-хлоритовыми, серicit-глинистыми и другими сланцами Туломозерской свиты. Белогорские мраморы имеют пеструю окраску: розовую, кремовую, лиловую, сиреневую, желтую, буро-красную, буро-серую, которая определяется содержанием в доломите и кальците тонко распыленного гематита. Текстура мраморов: пятнистая, полосчатая, брекчевидная, кавернозная. Состав: доломит, кальцит (40–98 %), кварц (1,5–59 %), гематит (0,1–6 %). Белогорские мраморы плохо пилились и полировались, т. к. содержат много кварца. С 1985 года Белогорское месторождение находится в резерве, стоит на балансе запасов облицовочного камня. Запасы месторождения утверждены ГКЗ (ТКЗ) в объеме 2793000 кубометров камня по категориям А+В+С₁.

Всего на Белой горе в XIX веке разработчики камня традиционно выделяли 6 сортов (разновидностей, разностей) «белогорских» мраморов, которым были присвоены свои названия и номера (6,9): «белый» (№ 1), «жильный» (№ 2), «темно-красный» (№ 3), «чернобровый» (№ 4), «светло-красный» (№ 5) и «шпатовый» (№ 7). Некоторые исследователи указывают на 7 разновидностей, присоединяя сюда «белогорский отрывисто-ленточный» мрамор (№ 6), который в основном встречается к северо-западу от Белой горы, на противоположном берегу озера Кривозеро.

«Белогорский белый» мрамор (№ 1) представляет собой однородную, белую, мелкозернистую, плотную породу, состоящую в основном из доломита с небольшой примесью кварца и кальцита. По причине небольшого содержания кварца эта разновидность была самой мягкой и потому легче всего обрабатывалась. Залежи «белого» мрамора расположены преимущественно в северо-восточной части Белой горы и занимают значительную площадь. Геолог В. М. Тимофеев выделяет две разновидности мрамора № 1 – чисто белый и бледно-розовый. Этот камень широко использовался в украшении дворцов и храмов Санкт-Петербурга.

«Белогорский жильный» мрамор (№ 2) – это светло-красная с темно-красными жилками, неравномернозернистая порода, содержащая кроме доломита много кварцевых выделений (местами до 30 %) и значительную примесь гематита, который и придает камню столь красивую окраску.

Такой мрамор образует небольшой пласт мощностью 0,8–3 м внутри толщи мрамора № 1, и по причине ограниченности своего распространения использовался лишь для производства мелких изделий.

«Белогорский темно-красный» мрамор (№ 3) представляет собой буровато-красную, кирпично-красную с белыми прожилками и пятнами, неравномернозернистую породу, напоминающую разновидность № 2. Состоит в основном из доломита (до 75 %) и кварца (до 23 %), но также содержит кальцит и гематит, заполняющие пустоты. Гематит, кроме того, распылен по всей породе, окрашивая ее в буровато-красный цвет. «Темно-красный» мрамор залегает ниже толщи мрамора № 1, в основании уступа «Главного» карьера (№ 1) Белой горы, обращенного к озеру Гижозеру, и в настоящее время не везде виден из-под навалов глыб.

«Белогорский чернобровый» мрамор (№ 4) внешне похож на разновидность № 3, но в нем наблюдаются более яркие контрасты цветов, причем темно-бурые участки образуют на светлом фоне причудливые ветвистые дендриты или «бровки», которые и дали название камню. Это – пестроокрашенная, неравномернозернистая порода, состоящая из доломита (до 85 %), кварца (до 12 %) и значительной примеси тонкораспыленного гематита. Так называемые, «бровки» представляют собой скопления кристаллов доломита, густо окрашенных в бурый цвет примесью гематита. Эта разновидность мрамора залегает также в основании уступа Белой горы, ниже толщи мрамора № 3, и в настоящее время завалена глыбами старого карьера и камнями, упавшими сверху. Выходы «чернобрового» мрамора имеются и на северо-западном склоне Белой горы. Из-за ограниченности распространения «чернобровый» мрамор применялся в основном для производства мелких изделий (16).

«Белогорский светло-красный» мрамор (№ 5) образует значительные залежи в южной половине Белой горы, в районе каменоломни № 2, и представляет собой неравномернозернистую, брекчевидную, пятнистую породу, на белом фоне которой разбросаны красные и розовые прожилки и пятна. Эта разновидность напоминает «белый» мрамор (№ 1). Состоит из доломита (в среднем 80 %) и кварца (20 %). Содержит незначительную примесь гематита. Благодаря большой площади распространения этот мрамор широко применялся в архитектуре столицы.

«Белогорский шпатовый» мрамор (№ 7) характеризуется примерно одинаковым количеством белых и темно-красных пятен. Он встречается в небольшом количестве в северной и северо-западной части Белой горы, на берегу озера Кривозеро, и использовался в основном для изготовления мелких предметов. Порода характеризуется значительной неоднородностью строения, в которой различаются участки темно-красные с белыми прожилками и светло-серые с вишнево-красными пятнами. Состав традиционный: доломит, кварц, гематит. «Шпатовый» мрамор встречается в северо-западной части Белой горы, в районе каменоломни № 3 и не образует значительных залежей, поэтому применялся ограниченно для производства мелких изделий.

Помимо основных перечисленных разновидностей мрамора в пределах Белой горы В. М. Тимофеевым отмечались переходные разновидности, которые не разрабатывались (16). Так, в северной части Белой горы встречаются мраморы светлых, белых и желтых оттенков, которые не особенно красивы и выдержаны по простиранию и мощности. В северо-восточной и восточной части горы наблюдаются участки, сложенные красным брекчевидным мрамором и другими разновидностями, переходящими к «темно-красному» (№ 3) и «белому» (№ 1) мраморам.

Между ломками № 2 и № 3, в верхней части Белой горы, широко развита не очень красивая бледно-желтоватая разновидность мрамора, переходящая в разновидность мрамора № 5.

В южной части Белой горы, за ломкой № 2, начинаются разновидности мраморов, содержащих значительное количество кварца. Эти мраморы не пригодны в строительном деле, но они успешно использовались местными жителями для изготовления ручных жерновов.

Самая верхняя часть Белой горы до глубины 2–4 м сложена сильно разрушенными, трещиноватыми и непригодными для строительства мраморами, которые можно было бы использовать для производства извести.

«Белый» (№ 1), «жильный» (№ 2), «темно-красный» (№ 3), «светло-красный» (№ 5) мраморы Белой горы в 1770–1850-е годы добывали монолитами длиной до 4–4,2 м для украшения дворцов и храмов Санкт-Петербурга: Мраморного дворца (колонны, пиластры), Зимнего дворца (подоконники), Инженерного замка (колонны), Казанского и Исаакиевского соборов (пиластры, полы), дворца Великой Княгини Марии Николаевны (колонны). Белогорские мраморы использовались для изготовления пьедесталов Конногвардейского манежа, постаментов памятников Петру Великому, Николаю I, обелиска «Румянцева победам» в Санкт-Петербурге, верстовых столбов Петергофской и Царскосельской дорог, триумфальных колонн в Царском Селе и Гатчине, фонтана «Пирамида» в Петродворце. В начале XX века здешние светло-розовые мраморы пошли на украшение Розового зала Этнографического музея в столице (3,4,6). «Чернобровый» (№ 4) и «шпатовый» (№ 7) мраморы в основном шли на производство мелких изделий.

Из всех разновидностей мраморов Белой горы по инициативе О. Монферрана в 1830–1840-е годы также изготавливались предметы прикладного искусства – чаши, вазы, подсвечники, подоконники, постаменты, колонки, камини, столы и т. д.

По данным Комарова, в 1851 году на Белой горе насчитывалось 4 каменоломни – № 1, № 2, № 3 (6).

Главная ломка (№ 1) горы Белой, называемая одно время «Первой брешью», самая большая по размерам, находилась в северо-восточной части Белой горы, всего в 100–105 м от Тивдийского мраморного завода, стоявшего на противоположном берегу протоки. Эта каменоломня действовала с перерывами длительное время – с 1770-х до 1902 годов, в 1938 году и в конце 1970-х годов. По данным Комарова, в ломке № 1 добывали мрамор 4 сортов (номеров): «белый» и «бледно-розовый» (№ 1), который шел в основном на украшение Зимнего дворца и Исаакиевского со-

бора, «жильный» (№ 2), «темно-красный» (№ 3), «чернобровый» (№ 4), которые использовались преимущественно для производства мелких изделий.

На 1926 год, когда Белогорское месторождение изучалось геологами по заданию Центрально-го Совета Народного Хозяйства Карелии (ЦСНХАКССР), каменоломня № 1 имела следующие размеры: в длину (вдоль уступа горы) – 238 м, в ширину (от уступа до берега озера Гижозеро) – от 20 до 102 м. Высота уступа каменоломни, обращенного в сторону озера Гижозеро, составляла 20–25 м. Абсолютная отметка верхней бровки уступа выработки достигала 94–100 м над уровнем Балтийского моря, а отметка подошвы – 74–76 м. На тот момент в северной части каменоломни имелись две небольших выемки, пройденных в XIX веке с целью разработки самых нижних горизонтов, представленных «темно-красным» (№ 3) и «чернобровым» (№ 4) мраморами. Впоследствии эти выемки были завалены глыбами.

В средней части каменоломни № 1, также по данным В. М. Тимофеева, находилась нишебразная «Музейская» выемка, пройденная в 1902 году при добыче массы белого и бледно-розового мрамора весом 21172,992 т для отделки Этнографического музея в Санкт-Петербурге. По бокам этой ниши и к северу от нее были видны следы пробуренных шпурков и несколько желобообразных углублений. Здесь еще можно было бы добывать монолиты до 4–5 м в длину и до 1,5 м в сечении (16).

От каменоломни № 1 через протоку на противоположный берег, где находился Белогорский мраморный завод, вел деревянный мост, разобранный в 1980-е годы.

Как уже отмечалось, в 1938 году в каменоломне № 1 было добыто большое количество розового и красного мрамора для украшения станции метро «Бауманская» и Дворца Советов в Москве, а в 1979 году – здесь была проведена последняя выломка мрамора, которая показала непригодность месторождения для получения крупных блоков.

В настоящее время территория карьера № 1 завалена глыбами мрамора и поросла лиственным лесом. По юго-западной стене выработки с самого верха сползает длинная осыпь. По ней с трудом можно подняться на вершину Белой горы, с которой открываются красивые виды на окрестности – озеро Гижозеро, поселок Белая Гора и лежащие под ногами старинные разработки. На южном борту выработки до сих пор сохранились следы пробуренных впритык друг к другу («в строчку») шпурков, и даже вбитые в них металлические клинья. Заросли кустарников и деревьев мешают обзору и затрудняют передвижение по карьеру. Но именно эта каменоломня наиболее часто посещается геологами и туристами, поскольку до нее легко можно добраться из поселка Белая Гора на лодке, переплыв неширокое озеро Гижозеро.

Ломка № 2, называемая в XIX веке также «Второй брешью», располагалась к югу от ломки № 1, с восточной стороны горы Белой, на расстоянии около 420 м от Тивдийского мраморного завода. В. М. Тимофеев называет эту каменоломню – «выработка № 5» (16). Здесь добывали на всю высоту

горы кусками длиной до 4 м «белогорский светло-красный» мрамор (№ 5), внешне похожий на «бледно-розовый» мрамор (№ 1), что выламывался в каменоломне № 1, но более мягкий.

Комаров в 1851 году отмечал, что из «светло-красного», точнее, бледно-розового мрамора каменоломни № 1 и «белогорского светло-красного» мрамора ломки № 2 были выполнены подоконники и пиластры Зимнего, Мраморного и Мариинского дворцов, Казанского и Исаакиевского собора. (6). По данным Майнова, мрамор сорта № 5 с ломки № 2 пошел на изготовление подоконников Зимнего дворца (9). Таким образом, можно предположить, что эта каменоломня действовала с конца XVIII века до середины XIX века.

В 1926 году длина (вдоль уступа горы) каменоломни № 2 достигала 180 м, ширина от 12 м до 45 м. Высота уступа выработки составляла 15–17 м, абсолютная отметка верхней бровки – 90–92 м. В настоящее время со стороны озера Гижозеро хорошо видны уступы и крутые осьпи окона, сползающие к подножью старой каменоломни.

Ломка № 3 была заложена в начале XIX века на северном склоне Белой горы, обрывающемуся в озеро Кривозеро, в 550–600 м от мраморного завода. Здесь, по данным Комарова и Майнова, добывали небольшими кусками до 0,3–0,4 м «шпатовый с бело-красными пятнами» мрамор (№ 7), который в основном использовался для производства чаш и пьедесталов.

Описываемая каменоломня представляет собой траншею, пройденную поперек крутого склона скалы. Длина выработки – до 25 м, ширина – от 2 м (в самом верху) до 18 м (внизу) и глубина – от 2 м до 8 м. Подошва ломки резко понижается в сторону озера, на север, и в конце обрывается двухметровым уступом. В восточной части траншеи отмечается второй добычной горизонт в виде уступа глубиной более 2–2,5 м, поэтому общая глубина выработки здесь максимальная – до 8–8,5 м. Выработка резко сужается в своей верхней части и, в конце концов, принимает вид узкой канавы шириной до 2 м. Объем каменоломни составляет до 1500 кубометров. Редкий лес и мох пытаются замаскировать следы горных работ.

В конце XVIII века мрамор в Белогорских, а также и в других «тивдийских» каменоломнях, добывали следующим образом. Описания выломки мрамора на Белой (Тивдийской) горе подробно изложены в работах С. Алопеуса (1), Г. Р. Державина (12) и Н. Я. Озерецковского (10). Вначале в самом низу уступа каменоломни рабочие высверливали горизонтальные скважины, для чего использовали железные буравы (буры) длиной 70 см и диаметром около 25 мм, с наваренными стальными наконечниками. Бурение шло вручную: один рабочий держал бур, другой бил по нему молотом. Тот рабочий, который держал бур, поворачивал его после каждого удара. Для охлаждения металла и удаления шлама (пыли) в скважины периодически заливалась вода. В день два рабочих высверливали от 2,1 до 2,8 м скважин, смотря по твердости камня.

Затем пробуренные скважины высушивали, наполняли порохом, и сверху забивали глиной, в которой медной проволокой прокалывали отверстие для поджигания пороха. Во время обеда или

ужина, когда рабочие покидали карьер, фитилями («серенною светильною») зажигали порох в скважинах, в результате чего происходил взрыв, и от скалы откалывались куски мрамора.

После уборки взорванной породы вновь в скале бурили скважины, заряжали их порохом и отпаливали. Такую работу проводили до тех пор, пока в подножье каменоломни не появлялась пещерообразная полость («подкоп», «подгорье») длиной 6–7 м, глубиной 3–4 м и высотой 2–2,5 м.

Затем по той же схеме (бурение-отпалка) проходили по бокам размеченного блока, поперек уступа, два вертикальных рва.

Теперь приступали к самой ответственной работе. Подкопанный снизу блок мрамора подпирали бревнами, и сверху скалы, над «подгорьем», при отсутствии природных трещин («парушин»), высверливали скважины на всю глубину уступа, таким образом, чтобы главная скважина шла вертикально, а остальные – под наклоном соединялись с ней. Для этого вначале использовали короткие буры, затем подлиней и, наконец, от 6 до 8 м. После промывки и просушки скважины также заполнялись порохом и подрывались. В результате направленного и несильного взрыва подкопанный снизу и с боков большой блок мрамора («отломок», «кабан») отделялся от скалы и оседал на дно каменоломни.

Если на поверхности скалы видны были «расселины», скважины не бурили, а отделяли блок мрамора, вбивая в трещины клинья.

Добытые мраморные блоки-отломки затем разделяли на нужных размеров куски с помощью буров и железных клиньев, после чего по масштабу и деревянным моделям прямо на месте обсекали долотами и нумеровали.

В XIX веке мрамор и другой «камень» (габбро-диориты, кварциты) в Тивдийских каменоломнях добывали, как и раньше – с помощью ручного бурения и направленного взрыва, что позволяло получать большие монолиты, не нанося значительных повреждений месторождению. Только некоторые сорта камня слоистого строения (сланцы, кварцито-песчаники) отделялись деревянными клиньями. По мере надобности большие куски мрамора и «камней» распиливались на Белогорском мраморном заводе, а поменьше – прямо в каменоломнях обделялись и шлифовались от руки каменотесами по специально изготовленным моделям. Механически в мраморе распиливалось за день углубление от 0,6 до 0,9 м, смотря по крепости. Для этого обычно употребляли песок, который посыпали на распиливаемую поверхность при каждом размахе пилы и смачивали водой во избежание разогрева инструмента. Обработанные блоки нумеровались корками и отправлялись в долгое плавание на плотах и судах до самого Санкт-Петербурга.

Вначале камни везли на паромах («плашкотах») 1,5 км по озеру Гижозеру до порожистой и мелководной реки Тивдийки. Здесь их выгружали на берег и волоком тащили по бревенчатому настилу около одного километра до озера Сандал. Далее камни вновь грузили на паромы и широкие лодки, и везли их 40 километров по Сандал-озеру, два километра – по каналу и 5 километров – по озеру Нигозеро до очередного волока у деревни Кондополь (Кондопоги).

Протащив по суше около двух километров, камни на берегу Онежского озера вновь грузили на суда, которым предстояло пройти еще сотни километров по бурному Онежскому озеру, полноводной реке Свирь, своему равному Ладожскому озеру, обходному каналу и реке Неве до столицы. Уже в Санкт-Петербурге тивдийский мрамор и прочие камни подвергались окончательной обработке каменотесами и шлифовщиками. Такая длинная и сложная доставка камня от мест его добычи и обработки до столицы дорого обходилась казне.

Только ранее упомянутые Белогорские ломки находились недалеко от мраморного завода. Остальные каменоломни, так называемые, «тивдийских» или «колонецких» мраморов располагались на расстоянии от 1 до 10 км от Белой Горы, на берегах озер Кривозеро, Лижмозеро и Сандал.

К северо-западу от Тивдийского мраморного завода на берегах озера Кривозеро в середине XIX века, по данным Комарова, действовало три каменоломни: Рабоченаволоцкая, Кривозерская и Керчнаволоцкая. Мрамор с этих каменоломен доставлялся до завода по озеру на больших лодках и плотах (6).

Рабоченаволоцкая каменоломня располагалась более чем в 2 км к северо-западу от завода, на юго-западном берегу озера Кривозеро, на мысе Рабочий Наволок. Здесь, на невысокой горе, небольшими кусками длиной до 0,5–1 м, добывали «рабоченаволокский светло-красный ординарный» или «светлоокрашенный ординарный» доломитовый мрамор (№ 10), в котором на бледно-красном фоне были видны мелкие красные пятна. Камень шел в основном на производство мелких изделий.

Рабоченаволокский мрамор (№ 10) представляет собой бледно-розовую, неравномернозернистую, частью брекчированную породу, состоящую из доломита (до 54 %) и кварца (до 45 %) с небольшой примесью гематита (7). В породе много микроскопических трещин, залеченных доломитом. Здесь также встречался мрамор, окрашенный в желто-розовый и темно-розовый цвета (2).

Кривозерские ломки были заложены в 3 км к северо-западу от Тивдийского мраморного завода, на юго-западном берегу озера Кривозеро, в 1 км к северо-западу от Рабоченаволока. Здесь, в небольших «ямах», в середине XIX века немного добывали кусками до 1–1,4 м «кривозерский светло-красный» или «светло-красный с темно-красными жилами» мрамор (№ 9), в котором на красновато-белом фоне хорошо были видны извилистые жилки буровато-красного цвета (6,9).

Кривозерский мрамор – это бледно-розовая с темно – и светло-красными полосами и пятнами, неравномернозернистая порода, сложенная доломитом с небольшим количеством кварца (до 5%) и кальцита и с повышенным содержанием гематита (7).

На Кривозерском месторождении в конце XIX – начале XX века немного выламывался поделочный камень – «кривозерит». Это – удивительно красивый, темно-серый, серый, зеленовато-серый и розовато-серый, с раковистым изломом доломитовый сланец (2).

Керчнаволокская ломка находилась примерно в 5 км к северо-западу от мраморного завода, на северо-восточном берегу озера Кривозеро, в основании Керчнаволока. Здесь в середине XIX века кусками до 0,5 м немного добывали «красный сургучевый керч-наволокский» мрамор (№ 21), в котором на светло-сером фоне были разбросаны округлые разной величины ярко-красные пятна. В районе выработки также встречался вишнево-красный с черными прожилками мрамор. Камень использовался для производства мелких изделий (6,9).

После постройки плотины на мраморном заводе уровень воды в озере Кривозеро поднялся, и это вызвало подтопление месторождений мрамора и сокращение срока работы каменоломен.

На южном берегу озера Кривозеро, в 400–500 м к северо-западу от Белой горы, на расстоянии более 1 км от завода, известны залежи «светло-красного» или «отрывисто-ленточного» мрамора (№ 6), с белыми и розовыми пятнами и полосами, который некоторые исследователи объединяли с известными разновидностями «белогорских» мраморов. Этот мрамор представлял собой темно-розовую с неправильными, разорванными красными и белыми жилками, мелкозернистую породу, почти полностью состоящую из доломита (до 97,4 %) с небольшим количеством кварца и значительной примесью гематита.

Здесь в середине XIX века были пройдены две небольшие выработки, одну из которых Н. Комаров упоминает под № 4 (6), а В. М. Тимофеев называет «Новой Алексеевской ломкой» (16). Вероятно, именно в ней в середине XIX века выламывали «отрывисто-ленточный» мрамор для мелких изделий.

Одна из каменоломен, расположенная в 500 м от Белой горы и в 100 м от озера Кривозеро, представляет собой прямоугольную в плане траншею, пройденную на плоской береговой террасе. Длина выработки 20–22 м, ширина 13–15 м и глубина 1,8–2,2 м, объем до 400 кубометров. Территория каменоломни поросла редким мелколесью и травой.

Вторая выработка пройдена на 100 м ближе к Белой горе в подножье береговой скалы и имеет форму полутраншеи длиной (вдоль уступа) – 15 м, шириной – до 10 м, глубиной – 2–3 м. Очертания выработки нечеткие, расплывчатые, дно затоплено водой. Между ломкой и озером – невысокая гряда отвалов. Территория вокруг поросла лесом.

В 1 км к северо-востоку от поселка Белая Гора расположена Красная гора с огромными, почти нетронутыми залежами кирпично-красного и светло-красного окварцованных доломитовых мраморов (до 900 тыс. кубометров). В северной части этой горы в XIX веке была заложена Красногорская каменоломня, в которой в небольшом количестве добывали кусками объемом до 0,5–0,7 кубометра «красногорский красный» мрамор (№ 15) буровато-красного, вишнево-красного цвета с белыми пятнами для изготовления ваз, постаментов и иных небольших украшений.

Красногорский мрамор – это совершенно однородная, без рисунка, темно-красная, неравномернозернистая порода, состоящая из доломита (до 66 %), большого количества кварца (до 30–50 %), с богатой примесью гематита, придающей столь густой цвет (7).

Красногорская каменоломня пройдена на юго-западном склоне горы и представляет собой траншею прямоугольных очертаний, длиной – 15 м, шириной – от 5 до 10 м и глубиной 5–6 м, размеры которой ступенчато уменьшаются к низу. Очертания выработки нечеткие, поверхность сглажена осыпями, заросла травой и деревьями. С южной стороны ломки, на склоне горы, расположена отвал красного мрамора площадью до 150 квадратных метров.

Некоторыми исследователями упоминается еще одна ломка мрамора, пройденная в южной части Красной горы. Здесь, вдоль юго-западного уступа горы обнажаются темно-красные и светло-красные брекчированные, местами кавернозные (с пустотами) мраморы. Проведенные в октябре 2012 года исследования показали отсутствие здесь какой-либо каменоломни. Возможно, что мрамор здесь могли отламывать от уступа скалы с помощью ломов и клиньев. По прошествии времени следы этих работ стали незаметны.

В 2,5 км к северо-востоку от Белой горы, в 1 км к северу от Красной горы, расположена Минногорская каменоломня, в которой в середине XIX века немного добывали кусками до 0,5 м «минногорский пестрый» мрамор (№ 26) для производства мелких изделий (6,9). Это – темная вишнево-красная с белыми жилками и крапинками, мелкозернистая и неравномернозернистая порода, состоящая из доломита и кварца, с небольшой примесью гематита. Кварц в основном образует небольшие жеоды с кристалликами (7). В документе 1857 года минногорский мрамор называют «красногорским пестрым» мрамором. На самом деле, мрамор Минногорского месторождения очень похож на мрамор Красной горы.

В 2 км к северу от Белой горы и в 1,5 км к северо-западу от Минногорской каменоломни, известно Горбовское проявление, где в XIX веке был найден «горбовский темно-бурый» мрамор (№ 28). Это темно-красная с буро-красными угловатыми пятнами и обрывками жил, брекчиевидная, неравномернозернистая порода, сложенная в основном доломитом, с подчиненным количеством кварца, примесью гематита, слюды и полевого шпата. Возможно, этот мрамор совсем немного добывали для производства мелких изделий.

Очень интересная каменоломня, отличающаяся большими размерами и с богатой историей, расположена в 4,5 км к востоку от Белой горы, в южной части крупного озера Лижмозеро, на скалистом северном берегу острова Большой Жилой. Лижмозерская каменоломня, вероятно, была заложена еще в конце XVIII века и проработала с большими перерывами до начала XX века. В ней добывали буровзрывным способом кусками до 0,5–1,4 м «лижмозерский пестрый» мрамор (№ 13). Это – серовато-белый с темно-красными полосами и серыми пятнами, иногда розовато-серый и красно-коричневый, мелкозернистый доломитовый мрамор с большим содержанием кварца (до 30 %) и небольшой примесью гематита. Камень сильно трещиноват, что не позволяло получать большие блоки, размеры которых доходили до 0,5–1,5 м в длину (6, 9).

Вероятно, здешний мрамор использовался для украшения Зимнего дворца, Мраморного дворца, Исаакиевского собора. Точно известно, что лижмозерский мрамор в 1901–1902 годах пошел

на оформление Этнографического музея Александра III в Санкт-Петербурге. Есть сведения, что в 1901 году архитектор В. Ф. Свињин вместе с инженером Н. В. Поповым собрали на острове Большом Жилом станки для обработки мраморных плит и колонн – практически целый завод. Подготовительные работы по выломке мрамора заняли около года упорных трудов. В тоже время такие грандиозные работы по добыче мрамора для Этнографического (Русского) музея проводились и на горе Белой.

Длина заброшенного в начале XX века Лижмозерского карьера составляет 150–200 м, глубина – до 6 м (Борисов, 1963). Территория карьера заросла густым лесом и очень редко посещается туристами. В старину эту каменолому называли «Заработок». Здесь работали в основном жители близлежащих деревень – Большое Лижмозеро и Малое Лижмозеро, большинство которых были карелами-людиками по национальности. Еще в 1910 году в этих деревнях проживало 358 человек.

Деревня Большое Лижмозеро на острове Большой Жилой еще существует. Впервые она упоминается в Писцовой книге Обонежской пятины еще в 1496 году. Деревня состоит из рядов черных с белыми оконными рамами крестьянских домов, рубленных в лапу, квадратных в плане, покрытых дранкой, повернутых фасадами к берегу озера, где также стоят баньки и устроены пристани. Эти дома были построены местным колхозом после войны для высланных «на 101 км». Здесь вместо улиц – тропинки-дорожки от домов к воде. Всюду лежат кучи камней, собранные с полей за века хлебопашства. Большое Лижмозеро – идеальное место для пленера художников (19, 20).

В 3,5–4 км к северо-востоку от Белой горы на берегу Вонгубы озера Лижмозеро, очевидно, в конце XIX века была заложена Вонгубская каменоломня. Здесь обнажаются красно-коричневые доломитовые сланцы, серые, розовые, окварцованные и светло-розовые, ярко-розовые, пятнистые, белые, бело-красные доломитовые мраморы. Бледно-розовый мрамор с этих ломок, например, был использован в XIX веке для постройки часовни в Абас-Тумани на Кавказе (2).

В 10 км к востоку от Тивдийского мраморного завода на северном берегу озера Лижмозеро, в 500 м к западу от устья реки Шайдомки, в середине XIX века находилась Гажнаволоцкая ломка. В ней немного добывали кусками до 1 м в длину «гажнаволокский синеватый» или «из-синясерый» мрамор (№ 8). Это – серо-розовая, светло-серая, пестрая, неравномернозернистая, плотная порода, состоящая преимущественно из доломита (до 98 %) с небольшой примесью кварца и практически без примеси гематита. Мрамор с каменоломни на завод вначале доставляли по озеру Лижмозеро на плотах, и далее – по дороге волоком (6).

В 15 км от Белой Горы, на низком северном берегу озера Лижмозеро, напротив деревни Палосельга, в середине XIX века немного добывали кусками до 0,7 м в длину «палосельгский сургучного (или суричного) цвета камень» (№ 22). Так как эта порода залегала почти вровень с землей, содержала много глины и переходила в нижележащий глинистый сланец, то Палосельгская ломка проработала совсем недолго. Вероятно, здешний камень шел на мелкие поделки (6).

По данным П. А. Борисова, на Палосельгском месторождении до 1941 года выламывалась в качестве поделочного и плитчатого камня «палосельгская плита». Это – окварцованный доломитовый сланец, окрашенный в темно-красный, оранжево-красный, кофейный и сиреневый цвета. Размеры плит достигали до 1x1,5 м, при толщине 1–5 см (6).

К северо-востоку от озера Лижмозеро, в 0,7 км к западу от железнодорожной станции Кяппясельга и в 3 км к юго-востоку от озера Шайдомозеро, находится Кяппясельгское проявление доломитовых мраморов. Проявление неоднократно изучалось геологами: в 1948–1951, 1958–1959, 1967–1972 и 1982 годах и признано неперспективным для производства технологического сырья (13). Кяппясельгские мраморы незначительно разрабатывались в XIX веке, вероятно, для производства извести.

В 10,5 км к югу от Тивдийского мраморного завода, в северо-западной части озера Сандал, на высоком острове Карьеострове (Кари-острове) Лычноостровского погоста, находилась Карьеостровская (Кариостровская) каменоломня. В ней в конце XVIII – первой половине XIX века кусками до 1,8 м длины ломали «кариостровский мясокрасный» или «мясной с полосками» мрамор (№ 14), который, по данным Комарова, применялся для украшения Зимнего дворца, Мраморного дворца, дворцов Ее Императорского Высочества Великой Княжны Елены Павловны и для внутреннего убранства Исаакиевского собора (6).

Кариостровский мрамор представляет собой кирпично-красную, с бурыми полосками, неравномернозернистую породу, состоящую практически из одного доломита, с незначительной примесью кварца (до 1,2 %) в виде крупных гнезд и с повышенным содержанием гематита.

В 5 верстах к юго-западу от Тивдийского завода, на реке Викше при озере Сандал, в середине XIX века действовала Викшламбинская каменоломня, в которой блоками до 4 м длины добывали «викшламбинский темно-зеленый камень» (№ 20) – габбро-диорит. Этот прочный, но тяжело обрабатываемый камень в основном применялся для изготовления надгробий (9). Из него однажды были выполнены подшипники для вала приводного колеса Тивдийского мраморного завода (8).

В 5,5 км от Тивдийского завода, на северо-восточном берегу озера Сандал, недалеко от деревни Матюки, в середине и во второй половине XIX века добывали блоками до 2 м длиной «матюковский зеленый камень» (№ 23) – зеленовато-серый плотный и крепкий габбро-диорит, который пошел на изготовление надгробий и украшения интерьеров Исаакиевского собора. Из-за высокой твердости этот камень тяжело полировался (9). Из габбро-диорита, выломанного в Матюковской каменоломне, на средства камер-юнкера В. В. Савельева и Олонецкого земства, по проекту профессора А. О. Томишко в 1885 году тивдийскими мастерами был выполнен пьедестал памятника Александру II в Петрозаводске. Пьедестал состоял из 19 частей со ступеньками. Средний монолит в необработанном виде весил 19,2 т (8).

В 39–40 км от Тивдийского завода, на северо-восточном берегу озера Пялозеро, в середине XIX века действовали две небольших Пялозерских каменоломни. В одной из них немного добы-

вали кусками до 0,5 м для Кабинета Его Величества «пялозерский темносургучевый» или «сургучно-красный» мрамор (№ 25) буро-кирпичного цвета с темно-оранжевыми точками и полосками, плотный, мелкозернистый, с отчетливой слоистостью, состоящий из доломита и кварца с примесью гематита.

Во второй каменоломне в те же годы добывали кусками до 0,7 м «пялозерский оранжевый» мрамор (№ 27) оранжево-красного цвета с мелкими белыми пятнами, неравномернозернистый и плотный, также состоящий из доломита, кварца с очень незначительной примесью гематита. Камень шел для производства мелких изделий по заказу Кабинета Его Величества (6, 9).

Пялозерское месторождение доломитовых мраморов, в котором помимо указанных разновидностей, также встречаются серые, желтовато-серые, лилово-серые, серовато-желтые и розовые мраморы, изучалось геологами на «флюсовый» и облицовочный камень в 1930, 1939, 1948, 1951–1954, 1960, 1962–1963 годах и признано неперспективным из-за низкой декоративности и высокой трещиноватости камня и отсутствия потребителя сырья для металлургии (14). В 1973 году на месторождении Кондопожским камнеобрабатывающим заводом было добыто 6 опытных блоков объемом от 1 до 3 кубометров. На некоторых участках встречаются мраморы с красивым и сложным рисунком слоев, обусловленным наличием в них строматолитов – окаменевших остатков древнейших сине-зеленых водорослей.

В некоторых литературных источниках в границах Пялозерского месторождения отмечаются каменоломни «Кимсай-Ранда» (15 км северо-западнее водопада Кивач) и «Мраморный Бор» (10 км южнее Кимсай-Ранда), в которых в XIX веке также добывали доломитовый мрамор.

В 48 км к юго-западу от Тивдийского завода, между озерами Пялозеро и Мунозеро, в 1850-е годы недолго действовала Мунозерская каменоломня, в которой кусками до 0,25 см добывали «мунозерский темномалиновый» мрамор (№ 24) для изготовления предметов Кабинета Его Величества (7, 9). Мунозерский мрамор – это темно-красная, с белыми прожилками неравномернозернистая, плотная порода, состоящая из доломита (до 91 %), кварца (до 8 %), с небольшой примесью гематита и кальцита. Здесь также встречалась и белая разновидность мрамора.

В 65 км от Белой Горы, на берегу озера Укшезеро, вблизи деревни Царевичи, в первой половине XIX века, добывали «царевичский бледнозеленый с черными крапинками мрамор» (№ 29), по-сути, являющийся авгитовым порфиритом. Камень выламывали кусками до 0,7 м длины и использовали для производства мелких поделок (7, 9).

В 70 и 73 км от Тивдийского завода, у села Янгозеро, в середине XIX веке в двух каменоломнях недолго добывали кусками до 0,7–0,9 м «янгозерский камень зеленого цвета с черными крапинками» (№ 30) и «янгозерский камень с красными и черными крапинками» (№ 31), который шел в основном на мелкие поделки (7).

В 46–47 км к северо-востоку от Тивдии, в 8 км юго-восточнее г. Медвежегорска, в 1,4 км северо-западнее железнодорожной станции Пергуба, на северной оконечности мыса Меньший

Наволок Пергубского залива Онежского озера расположена знаменитая Пергубская каменоломня. В ней в XIX и начале XX века кусками до 0,7 м добывали «пергубский светло-красный» мрамор (№12) с буро-красными пятнами на белом фоне (6). Это – белая, местами бледно-розовая, лишенная рисунка, неравномернозернистая плотная и твердая порода, состоящая из доломита (до 86 %), кварца (до 11 %), с примесью кальцита и гематита. Пергубский мрамор, например, был использован для облицовки пола Этнографического музея в Санкт-Петербурге.

Пергубское проявление доломитового мрамора изучалось геологами в 1951–1952, 1967–1972 и в 1980–1982 годы как источник облицовочного камня, но оказалось неперспективным.

В 42 км к югу от Тивдийского завода, вблизи озера Нигозера, у села Кондополь (Кондопоги), в 1770–1890-е годы добывали плитами длиной до 1–1,7 м и шириной до 0,7 м «нигозерский аспид черный» (№ 19) – черный шунгитовый сланец. Это камень широко применялся для облицовки полов знаменитых сооружений Санкт-Петербурга – Казанского собора, Исаакиевского собора, Нового Эрмитажа. Нигозерский сланец также пошел на украшение интерьеров зданий Мраморного дворца, Военно-медицинской академии, Сената, Синода, Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. Барона А. Штиглица.

Некоторые исследователи считают, что «нигозерский аспид» был открыт сердобольским пастором Самуилом Алопеусом в 1757 году. Но сам С. Алопеус об этом умалчивает (1).

Нигозерское месторождение шунгитовых сланцев сложено черными многозольными шунгитовыми сланцами с аморфным глинисто-углистым цементом, переслаивающимися с вулканомиктовыми песчаниками, алевролитами, туфлитами, и детально изучалось геологами. Запасы шунгитовых сланцев утверждены ТКЗ в 1972 году.

В середине XIX века Нигозерские ломки принадлежали Тивдийскому мраморному заводу. В 1863–1864 годах добычей и доставкой в Санкт-Петербург «нигозерского аспида» занимались: бывший мастеровой Тивдийских ломок Медведев, крестьяне Гурьев и Федор Юдин. Именно тогда из Нигозерской ломки в столицу было отправлено 100 плит «аспida» для Санкт-Петербургской военно-медицинской академии (17). Плиты шунгитового сланца добывали вручную, вбивая клинья между слоями породы.

По данным Майнова, в 1877 году Нигозерская ломка не работала, но тамошний шунгитовый сланец местные жители понемногу ломали на разные поделки: грузила, ступени, точила, ручные жернова (9).

В 1870-е годы нигозерские шунгитовые сланцы неудачно пытались использовать в качестве угля. В 1891 году Нигозерские каменоломни были окончательно заброшены.

С 1931 по 1935 годы изучением шунгитовых пород Карелии, в т. ч. и Нигозерского месторождения, занимался трест «Шунгит».

Разработки шунгитовых сланцев в Нигозере возобновились в 1970-е годы Кондопожским шунгитовым заводом. Из шунгитовых сланцев получали фракционированный щебень, облицо-

вочную плиту, шунгизит, а в более поздние времена – из них стали делать фильтры для очистки воды. Облицовочные плиты в основном изготавливали на Кондопожском камнеобрабатывающем заводе, а шунгизит – на Кондопожском шунгизитовом заводе. В настоящее время нигозерский сланец добывают только для производства щебня.

В 92 км к югу от Тивдии, на берегу пролива, соединяющего озеро Логмозеро с Онежским озером, у села Соломенное, в конце XVIII века в небольшом количестве ломали «соломенский темнозеленый камень» (№ 11), также называемый «соломенской брекчиеей» за свою декоративную, брекчевую структуру. Это – темно-серая, зеленовато-серая, с белыми, зелеными неправильными прожилками и пятнами, порода вулканического происхождения (вулканическая брекчия), связанная с деятельностью протерозойского Соломенского вулкана.

Порода состоит из остроугольных обломков габбро, связанных тонкозернистым цементом такого же состава. Камень интенсивно разбит трещинами, быстро выветривается, приобретая буровый цвет, хрупок, поэтому для производства больших изделий не годился и применялся только в очень ограниченном количестве на внутренних работах. Соломенская бречия в небольшом количестве пошла на украшение интерьеров Мраморного дворца, Исаакиевского собора. Из нее также изготавливали очень красивые мелкие предметы прикладного искусства. Добывали соломенский камень бурением и порохострельными работами кусками до 0,6–1 м.

Одна из самых дальних каменоломен Тивдийского мраморного завода располагалась на западном берегу Онежского озера, у деревни Шокша. Здесь с конца 1770-х годов и до конца XIX века добывали «шокшинский малиновый камень» (№ 16 и № 17), также называемый за свои свойства «шоханом» или «шокшинским порфиром». Этот прочный и красивый, окрашенный в густой малиновый цвет, камень широко применялся для украшения различных сооружений Санкт-Петербурга – Мраморного дворца (1770-е годы), Зимнего дворца (1845 год), Исаакиевского (1840-е годы) и Казанского (1810 год) соборов. Он также украсил памятник Николаю I (1857 год), Красный мост. Из лучших кусков «шокшинского порфира» в 1848 году по проекту архитектора Висконти был выполнен памятник-саркофаг для праха Наполеона Бонапарта в Париже. В 1850-е годы из шокшинского порфира были вытесаны ступени для раки Пр. Александра Свирского в Свято-Троицком монастыре и приготовлялись разные вещи для олонецкого губернатора И. П. Волкова.

При добыче кварцитов применяли ручное бурение, пороховые взрывы и клинья. Шокшинские кварциты хорошо принимали полировку, окрашиваясь в густой темно-малиновый цвет, почему и получили в свое время почетные названия – «шохан» и «порфир». Но из-за высокой твердости тяжело обрабатывались.

Разработка кварцитов Шокшинского месторождения возобновилась в 1960–1970 годы. С 1970-х годов здесь работал «Шокшинский карьер» Онежского рудоуправления производственно-го объединения «Карелстройматериалы». Тогда шокшинские малиновые кварциты пошли на

украшение ряда сооружений в Москве – Мавзолея, Могилы Неизвестного солдата, аллеи городов-героев в Александровском саду, станции метро «Бауманская» и в других городах страны. В Петрозаводске шокшинским кварцитом облицованы, например, постамент К. Марксу и Ф. Энгельсу, памятник воинам и могила Неизвестного солдата.

Шокшинские кварциты также разрабатывали на блоки, футеровочные плиты и мелющие тела для шаровых мельниц. Много камня отправлялось на Кондопожский пегматитовый завод и Магнитогорский metallургический комбинат, на цементные заводы Московской области, Поволжья, Урала, Белоруссии, Эстонии. Из блоков получали облицовочные плиты, изготавливали надгробия. Из шокшинских кварцитов также производили тротуарные плиты, мостовую шашку, брусчатку, декоративный и строительный щебень. Но было время, когда высокодекоративные малиновые кварциты шли в отвалы.

С 1981 года на месторождении стало работать Шокшинское карьерауправление.

В настоящее разработкой шокшинских кварцитов занимается ОАО «Кварцит». Из малинового кварцита изготавливаются слэбы, облицовочная плитка, ритуальные изделия, брусчатка, щебень. Работает большой карьер светло-розовых кварцитов.

В строении месторождения шокшинских кварцитов и кварцита-песчаников выделено три пачки (снизу-вверх): красных кварцитов, малиновых кварцитов и красных кварцита-песчаников. Малиновые кварциты, которые и служили предметом разработки для архитектурных изделий, представляют собой тонко-и мелкозернистую, плотную, массивную, иногда с еле заметной слоистостью породу, состоящую преимущественно из кварца (94–98 %), с включениями халцедона и серицита и примесью окислов железа, придающей камню столь изящную темно-малиновую окраску. Декоративные свойства малиновых кварцитов уникальны и не имеют аналогов в мире.

В 175 км к югу от Тивдии, в 10 км юго-восточнее Шокшинской губы, на острове Брусно Онежского озера, в конце XVIII–XIX веке ломали «броненский беловатый и бледно-зеленый камень» (№ 18) – светло-серый и бледно-зеленый песчаник, который по твердости был значительно мягче шокшинских кварцитов. Со времен Петра I и до 1810-х годов бруненский песчаник употреблялся в качестве «горнового камня» на футеровку каменных печей Олонецких горных заводов, а также для изготовления брусьев и точил. В конце XVIII– начале XIX века из бруненского камня были выполнены: ступени парадной лестницы Мраморного дворца, отмостка Красного, Синего и Николаевского мостов, ступени солеи Казанского собора в Санкт-Петербурге. Во второй половине XIX века бруненские разработки принадлежали церкви Бруненского прихода. Местные крестьяне за арендную плату выламывали песчаник для изготовления жерновов, брусков, точил, половых плит, которые продавались в Петрозаводске, ближайших к ломкам деревнях и селениях Новгородской губернии. Для обработки камня применяли инструменты: киянку, долото, тесовик и железный циркуль. Камень добывали клиньями и ломами, разбирая скалу на тонкие плиты (8).

В настоящее время практически все каменоломни, когда-то принадлежавшие Тивдийскому мраморному заводу, заброшены и давно уже не используются. По-прежнему действуют только карьеры на Нигозерском и Шокшинском месторождениях. Часть месторождений мрамора в районе Тивдии находится на балансе запасов строительного камня.

В последние годы исторические каменоломни Белогорского месторождения мрамора, в первую очередь, карьер № 1, активно посещаются туристами из разных городов страны. Одними из организаторов таких экскурсий выступают санкт-петербургская фирма «Эклектика» и автор данной статьи. В поселке Белая Гора есть местные жители, которые доставляют на лодках туристов до каменоломен. Перспективы включения в туристические маршруты имеются и у других исторических выработок, расположенных вокруг Белой горы – на озерах Лижмозеро, Кривозеро и Сандал, а также у далеко находящейся Пергубской каменоломни. Большой интерес для туристов представляют и действующие карьеры Нигозеро и Шокши, которые можно посещать при договоренности с администрацией.

Остальные исторические каменоломни бывшего Тивдийского мраморного завода должны быть детально изучены для оценки из функционального потенциала. Самые крупные и интересные горные выработки должны быть поставлены на государственный учет в качестве памятников истории горного дела. Пока что такой статус имеет только «Главная» каменоломня Белой горы. История деятельности Тивдийского мраморного завода и принадлежавших ему каменоломен еще не до конца изучена. Одним из инициаторов исследования этого вопроса выступает Региональный музей Северного Приладожья г. Сортавала.

Список литературы:

1. **Алопеус С.** Краткое описание мраморных и других каменных ломок, гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии, Санкт-Петербург, 1787.
2. **Борисов П. А.** Каменные строительные материалы Карелии. Петрозаводск, 1963.
3. **Броницкий М. Ф.** Камень в архитектуре Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв., Ленинград, 1948.
4. **Булах А. Г.** Каменное убранство Петербурга. Ленинград, 1987.
5. **Карелин В.** Тивдия и Белая Гора // Авангард, 2006.
6. **Комаров Н.** О строительных материалах Олонецкой губернии // Горный журнал, Санкт-Петербург, 1851.
7. **Кустарная промышленность в Олонецкой губернии.** Составители: И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводская губернская типография, 1895 г.
8. **Кустарная промышленность в Олонецкой губернии,** Петрозаводск, 1915.
9. **Майнов В.** Поездки в Обонежье и Корелу, Санкт-Петербург, 1877.

10. **Озерецковский Н. Я.** Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, Санкт-Петербург, 1812.
11. **Олонецкие** губернские ведомости, Петрозаводск, 1880.
12. **Державин Г. Р.** Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем олонецкого наместничества Державиным. Санкт-Петербург, 1785.
13. **Паспорт ГКМ № 9646**, Карелнедра, 2010.
14. **Паспорт ГКМ № 1159**, Карелнедра, 2010.
15. **Российский** государственный исторический архив, ф. 1311, оп. 1, д. 401, л. 85.
16. **Тимофеев В. М.** Мраморы Олонецкого края. Петроград, 1920.
17. **Филиппов М. М.** Нигозерские сланцы. Петрозаводск, 2007.
18. **Шуйский В. К.** Огюст Монфферан. Москва-Санкт-Петербург, «Центрполиграф», 2005.
19. <http://kost-kobernik.ru>
20. <http://museum.fondpotanin.ru>

Раздел 2. Секция «Лингвистическое краеведение»

Карлова О. Л., ПетрГУ

Модели именования человека в карельском языке

На официальном уровне карелы пользуются русской антропонимией. Современная русская модель полного именования человека состоит из трех компонентов-антропонимов: имени, отчества и фамилии. Личное имя человека служит для различения лиц в семье или в другом узком кругу; отчество выражает отношение детей к отцу; фамилия отличает членов одной семьи от членов другой семьи. Данная модель именования начала функционировать в России как официальная только в начале XX века. Карельская традиционная система именований человека начала претерпевать изменения особенно интенсивно после 1930-х годов в связи с введением в стране паспортизации населения. К примеру, карел, именовавшийся в родной карельской среде как *Lesosen Omelien Petri*, получал паспорт на имя Петра Емельяновича Лесонена или Лежоева. Или *Harakan D'ušši* в официальной практике нарекался Сорокиным Егором. Приведем в качестве живого примера зафиксированную нами в дер. Вокнаволок Костомукшского городского округа куриезную историю получения карелами официального документа. Две сестры из деревни Толлорека (кар. *Tollonjoki*), носившие родовую фамилию *Kuikkani*, получили паспорта: одна – на фамилию Куйкканен, другая – Гагарина. Первая фамилия является примером прямого усвоения карельской фамилии, вторая – ее переводом (ср. родовая фамилия *Kuikkani* < личное имя или прозвище *Kuikka* < апеллятив *kuikka* 'гагара (название птицы)').

Надо сказать, что ещё в 1980-х годах, когда карельский язык продолжал активно развиваться и использоваться в народной карельской среде, данные традиции именования были живы и среди детей и молодежи. На современном этапе данным пластом языка пользуется только старшее поколение карелов. Отметим, что карелоязычная антропонимия – имена, фамилии, прозвища – является неофициальной, потому как карельский язык не имеет статуса официального государственного языка. Карельский именослов практически не подвергался специальному изучению и, к сожалению, на сегодняшний день нет словарей личных имен и фамилий карелов. В настоящей статье рассматриваются основные типы или модели именования лица в карельском языке.

Вначале представим основные компоненты-антропонимы, из которых состоят анализируемые модели именования человека:

1. **Имя личное.** С приходом православия в карельский язык стали проникать русские календарные имена. Однако карелы усваивали заимствованные из русского языка имена согласно нор-

мам родного карельского языка: кар. *Makko* < рус. Макар; кар. *Rod’o* < рус. Родион; кар. *Jöyssei* < рус. Евсей; кар. *Tuarie* < рус. Дарья; кар. *Joukenie* < рус. Евгения; кар. *Načči* < рус. Надежда. Обращает на себя внимание сосуществование различных фонетических и морфологических форм одного и того же личного имени: рус. *Vасилий* > кар. *Vakko, Vaske, Vaski, Vaško, Vasselei, Vuacči, Vuacčoi, Vuasši, Vuosša*; рус. Пётр > кар. *Pedri, Pekka, Pekki, Peško, Petka, Petri*; рус. *Федор* > кар. *Fen’ka, Hedu, Hečči, Hettoi, Hotatta*; рус. Мария > кар. *Muarie, Mari, Muarja, Man’u, Man’ukki, Maikki, Mašoi*; рус. Елена, Алёна > кар. *Jelenä, Jeli, Ol’ona, Ol’o, Jenni*. Необходимо заметить, что русские календарные имена заимствовались в карельский язык через посредство северных русских говоров и поэтому отражают характерные последним черты. В частности, в карельских вариантах русских православных имен сохраняется наличие в первом предударном слоге гласного звука «о» («оканье»): кар. *Ontto* < севернорус. Онтон (Антон); кар. *Ondrei* < севернорус. Ондрей (Андрей); кар. *Okku* < севернорус. Окулина (Акулина); кар. *Ogoi* < севернорус. Огafья (Агафья). Также, к примеру, наличие особенности образования уменьшительно-ласкательных (гипокористических) имен: карельское мужское имя *Šan’ā* восходит к севернорусскому варианту Шаня календарного имени Александр.

Отметим также, что среди карелов используются самобытные карело-финские личные имена, которые восходят к нарицательной лексике родного языка. Данные имена, в отличие от указанных выше, бытуют и на официальном уровне, т.е. фиксируются документально в паспорте: жен. Хилья – *Hilja* (ср. *hilja, hiljainen* ‘тихий, спокойный’); муж. Вейкко – *Veikko* (ср. *veikko* ‘брать’); муж. Армас – *Armas* (ср. *armas* ‘любимый, родной’).

2. **Фамилия.** Некоторые карелизированные формы русских православных имен, также как и нехристианский пласт карельской антропонимии находят отражение и в официальных фамилиях карелов:

- *Tеппоеv* < кар. *Terpo* < рус. Степан; *Гилоев* < кар. *Hiloi* < рус. Филимон; *Лежоев, Лежев, Лесонен* < кар. *Leso, Ležo* < Елисей; *Кибреев* < кар. *Kibroi* < рус. Киприян;

- *Кокков, Гоккоев* < кар. *Kokko* < нариц. *kokko* ‘орел’; *Тиккуев* < кар. *Tikku* < нариц. *tikku* ‘перен. о тощем худом человеке’; *Куйка, Куйкин, Куйкканен* < кар. *Kuikka* < нариц. *kuikka* ‘гагара’; *Ремиу, Ремиуев, Ремиуунен* < кар. *Remšu, Rempšu* < *remšakka* ‘бодрый, славный, веселый’.

3. **Прозвища.** Внутри этой группы антропонимов можно выделить семейно-родовые и лично-индивидуальные прозвища. К первой группе относятся так называемые уличные фамилии, отличительной особенностью которых является передача их, как и фамилий, по наследству от отца к сыну, от деда к внуку и т. п. Взаимоотношения официальных и неофициальных фамилий карелов выстраиваются по-разному:

– Лексические основы «уличной» и официальной фамилии совпадают: *N’akoi – Няккуев* (Олон. р-он), *Huttuset – Хуттусев* (Ругозеро, Муез. р-он);

- Официальная русская фамилия является переводным вариантом неофициальной карельской: *Leskiset* (кар. *leski* 'вдова') – **Вдовин** (Оуланга, Лоух. р-он), *Hapoin* (кар. *hapoi* 'блин') – **Блинов** (Большие Горы, Олон. р-он);
- «Уличная» и официальная фамилии не соответствуют: *Vičči* – **Кириллов** (Янгозеро, Медв. р-он), *Čakkuzet* – **Евсеев** (Тунгуда, Белом. р-он).

Анализ карельских антропонимов указывает на то, что в большинстве случаев, официальная и неофициальная фамилии не совпадают.

Лично-индивидуальные прозвища указывают на конкретное лицо. Создаются они, как правило, на базе нарицательной лексики родного языка. Семантической основой прозвищного именования является указание на характерное качество называемого лица. В отличие от семейнородовых индивидуальные прозвища сохраняют мотивировку их возникновения, и отмечены эмоционально-экспрессивной окраской. Приведем примеры современных прозвищных именований карелов.

Repukki-Irka: геро 'лиса'. Обладательница данного прозвища отличалась хитрым нравом. Антропоним *Repukki* оформлен суффиксом *-kki*, который является вариантом антропонимного суффикса *-kka*. Последний имеет очень древние корни. Известно, что он функционировал уже в языческие времена и был необычайно продуктивен в древнем прибалтийско-финском мире (сравн. **Mannikka*, **Viljakka*, **Rehakka*, **Janakka*) [Forsman 1894: 181]. Интересно заметить, что суффикс *-kka* имел негативное значение (насмешка, пренебрежение, презрение). В Карелии ходила прибаутка, объясняющая значения некоторых суффиксов, включая и *-kka*:

Mies on -nen,	‘Мужчина на -nen,
nainen on -tar,	женщина на -tar,
orja on -kka,	раб на -kka,
talo on -la.	дом на -la.’

С другой стороны Форсман отмечает, что суффикс *-kki*, принес в язык ласкающие слух калевальские женские имена *Kyllikki*, *Mielikki*, *Tuulikki* [Forsman 1894: 185].

Hähäččy-Maikki: *hähäččy* 'хохотунья', кар. *Maikki* < рус. Мария. Женщина отличалась привычкой громко посмеяться.

Raudapala-Griiša: *raudapala* 'кусок железа'. Обладатель данного прозвища был небольшого роста и хорошо разбирался в технике и механизмах.

Отметим, что в современных прозвищах отражается система именования лица в нехристианское время.

Ниже приведем примеры различных моделей именований человека в карельской среде, которые используются и сегодня.

В неофициальной карельской практике бытует традиция именования сына по отцу:

Timon Aleksi (рус. Алексей Тимофеевич): Timo < Тимофей, Aleksi < Алексей; *Šimpun Mikko* (рус. Михаил Семенович): Šimppu < Семен, Mikko < Михаил; *Hil'vanan Puavila* (рус. Павел Филимонович): Hil'vana < Филимон, Puavila < Павел; *Trohiman Jyrki* (рус. Егор Трофимович): Trohima < Трофим, Jyrki < Егор; *Ohvon Homa* (рус. Фома Афанасьевич): Ohvo < Афанасий, Homa < Фома; *Ol'okan Iivana* (рус. Иван Алексеевич): Ol'okka < Алексей, Iivana < Иван; *Pešan Oleša* (рус. Алексей Петрович): Peša < Петр, Oleša < Алексей.

Незамужнюю дочь также именуют по отцу:

Lukan Muarie (рус. Мария Лукинична): Lukka < Лука, Muarie < Мария; *Miikkulan Outi* (рус. Евдокия Николаевна): Miikkula < Николай, Outi < Евдокия; *Mišan Daša* (рус. Дарья Михайловна): Miša < Михаил, Daša < Дарья. Как только девушка выходила замуж, ее начинали именовать по мужу: *Väinön Maikki* (Мария, жена Вяйно), *Juššin Irja* (Ирина, жена Ивана), *Miikkulan Glaša* (Клавдия, жена Николая).

Женщина, вышедшая замуж за примака, обычно сохраняет традиционное именование по отцу. Так, Елена Ивановна Мюгриева (кар. Mygry-Iivanan D'el'a) из деревни Ведлозеро (кар. Vieljärvi) выходит замуж за приезжего Вахроева Николая (кар. Vahroin Kol'a) и остается для односельчан *Mygry-Iivanan D'el'a*. Причем, даже ее дети носят в деревне имя матери, а не отца: *Mygry-D'el'an Anni* (Анна, дочь Мюгриевой Елены).

Принцип именования детей по матери функционирует, прежде всего, в том случае, если женщина остается вдовой или каким-то другим причинам не имеет мужа: *Taimin Iivana* (Иван, сын Тайми): Taimi < Тайми, Iivana < Иван; *Mot'an Peša* (Петр, сын Матрены): Mot'a < Матрена, Peša < Петр. Зафиксированы также случаи, когда мужа именуют по имени жены и соответственно дети также именуются по матери. Данный принцип мотивируется тем, что жена имеет в семье главенствующую роль: *Paron Iivana* (Иван, муж Прасковьи), *Paron Niina* (Нина, дочь Прасковьи), *Paron Val'a* (Валентина, внучка Прасковьи), *Paron Kol'a* (Николай, внук Прасковьи). Из примеров явствует, что даже во втором поколении женское имя сохраняется в качестве определения к личному имени именуемого.

Одним из распространенных типов именования лица в карельской среде является двухкомпонентная конструкция родовая фамилия-прозвище + личное имя. Как уже отмечалось выше, официальная фамилия не всегда совпадает с неофициальной «уличной» фамилией. В качестве родовых фамилий выступают, с одной стороны, антропонимы, восходящие к календарным именам (1), с другой, некалендарным (2). Приведем некоторые примеры.

1. *D'ekoin Oleša* (рус. Алексей Ефимов): D'ekoi < Ефим, Oleša < Алексей; *Timozen Vaske* (рус. Василий Иванов): Timoni < Timo < Тимофей, Vaske < Василий; *Kyyrösen Matti* (рус. Матвей Кириллов): Kyyröni < Kyytö < Кирилл, Matti < Матвей.

2. **Rikin Semoi** (рус. Семен Риккиев): Rikki < апел. rikki 'о маленьком, низкорослом человеке', Semoi < Семен; **Puzun Ončči** (рус. Антон Аникиев): Puzu < апел. puzu 'брюхо, большой живот', Ončči < Антон; **Kuren Pekka** (рус. Петр Ремшуев): Kurki < апел. kurki 'журавль', Pekka < Петр.

Наряду с указанной двухчленной конструкцией бытует и более сложная конструкция, состоящая из трех и даже более компонентов:

Riijon Matin Vasselei (сын Василий Матвеевич, отец Матвей Григорьевич): Riiko < Григорий, Matti < Матвей, Vasselei < Василий; **Makoin Akiman Grigoi** (сын Григорий Акимович, отец Аким Макарович): Makoi < Макар, Akima < Аким, Grigoi < Григорий; **Tuavitaisen Šimanan Huotin pojat** (т.е. сыновья Федора Семеновича из рода Tuavitaini): Tuavita < Давид, Šimana < Семен, Huoti < Федор, poika 'сын'.

Обращает на себя внимание бытующая в карельском языке традиция именования человека с указанием социального статуса. Например, **Miihkalin akka** или **Miihkalin naini** (рус. жена Михаила): Miihkali < Михаил, akka 'баба; жена; старуха', naini 'женщина; жена'; **Pešan mučoi** (рус. жена Петра): Peša < Петр, mučoi 'невеста; жена'; **Šimpun pojat** (рус. сыновья Семена): Šimppu < Семен, poika 'мальчик; сын'. Среди карелов такие термины родства как «veikko» (брать) и «čikko» (сестра) часто употребляются по отношению к чужим людям, не-родственникам. Указанные термины используются в связке с личным именем: **Isakku-veikoi** (брать Исаак); **Meloi-veikoi** (брать Мелентий); **Jyrki-veikko** (брать Егор); **Anni-čikko** (сестра Анна); **Ust'oičoi** (сестра Устинья); **Ol'ačoi** (сестра Ольга). В последних двух примерах наблюдается «сращение» имени личного с лексемой «čidžoi» (рус. сестра) с выпадением целого слога в апеллятиве.

Подведем итоги. На официальном уровне карелы именуются с помощью трехчленной формулы, которая характерна русскому языку. В системе карельских именований лица можно выделить несколько типов:

1. двухкомпонентная конструкция.

- карелизированная форма календарного имени отца + личное имя именуемого;
- карелизированная форма календарного имени матери + личное имя именуемого;
- личное имя именуемого + термин родства;
- родовая фамилия нехристианского происхождения + личное имя именуемого;
- родовая фамилия христианского происхождения + личное имя именуемого;
- прозвище + личное имя именуемого.

2. трехкомпонентная конструкция.

- личное имя предка (деда, прадеда) + имя отца + личное имя именуемого;
- родовая фамилия + имя отца + личное имя именуемого.

Использованная литература:

Карлова О. Л. Карельская антропонимия // Бубриховские чтения: сб.науч.ст. / под ред. Т. И. Старшовой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009.

Карлова О. Л. «Уличные» фамилии карелов в начале XX века (по экспедиционным материалам Э. В. Ахтиа) // Бубриховские чтения: Вопросы исторического развития и современное состояние языков и культуры прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011.

Forsman A. V. Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla. Helsinki, 1894.

Источники:

Топонимическая картотека, хранящаяся в секторе языкоznания Института языка, литературы и истории КНЦ РАН. Петрозаводск.

Картотека сектора Словаря карельского языка (Karjalan kielen sanakirja). Исследовательский институт по изучению родных языков (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus). Хельсинки.

Полевые материалы автора.

Зооморфная метафора как способ отражения мировосприятия жителей Карелии и сопредельных областей

Национально-культурная специфика языка отражается в первую очередь в экспрессивной части его словарного состава: пословицах, поговорках, устойчивых сочетаниях и оценочной лексике, возникающей в результате образности и переноса значения, осуществляемого на основе мотивационных признаков. Особое место при описании языковой картины мира занимают используемые в качестве средства экспрессивно-оценочной характеристики наименования представителей мира животных и птиц – зооморфные метафоры (Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина и др.).

Исследование метафоры является одним из важнейших направлений современной когнитивной лингвистики. Метафора рассматривается как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объяснения мира, как источник сведений об организации человеческого мышления. Как говорят многие ученые, человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но мыслит метафорами, создает тот мир, в котором он живет (В. Н. Телия, В. Г. Гак, Н. Д. Арутюнова, Г. Н. Скляревская, К. И. Демидова и др.).

В настоящей статье делается попытка представить зооморфную (анималистическую) метафору как способ отражения мировосприятия жителей Карелии и сопредельных областей. Материалом исследования служат данные СРГК. Для сопоставления используются и другие региональные источники.

В зооморфной метафоре вспомогательным субъектом сравнения выступает ‘животное, птица’ или семантический признак ‘что-л. свойственное животному, птице’. Второй признак позволяет говорить о метафоре в широком смысле слова.

Среди регулярных метафорических переносов выделяются ‘животное’ → ‘человек’, ‘животное’ → ‘растение’, ‘животное’ → ‘природное явление’, ‘животное’ → ‘предмет’. Реже наблюдаются модели ‘животное’ → ‘мифологический персонаж’, ‘животное’ → ‘животное’.

Семантическая модель ‘животное’ → ‘человек’ является одним из самых сильных экспрессивных средств. Принцип наименования человека именами других объектов является антропоцентрическим. Человек представляется в центре мира, и для его характеристики может привлекаться любой признак любого объекта. Нами интерпретируются зооморфные метафорические оценочные наименования, которые описывают следующие качества человека: внешний вид, характер, манеру поведения и движения, физическую силу. «Обычно такие наименования

характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской» (Скляревская, 2004, 98). Но нередко в говорах встречаются лексемы с положительной или нейтральной окраской.

Так, в основе метафорического значения слов, обозначающих человека, лежат семы ‘сходство с животным’, ‘сходство с птицей’, ‘сходство с насекомым’. В череповецких, каргопольских говорах употребляется лексема *лань*, обозначающая крупного человека. Для формирования переносного значения послужило, видимо, прямое значение *лань* ‘животное из семейства оленей, отличающееся быстротой бега и стройностью’. В основу переноса лег признак ‘крупный, сильный’.

В пудожских говорах *цы’гонькой* называют доброго, спокойного человека, в прямом значении *цы’гонька* – ‘цыпленок’. Следовательно, главным мотивационным признаком является признак ‘неопасный, безобидный’. В терских говорах лексема *кóппала* обозначает человека с веснушками (СРГК, 2, 419), в кемских и архангельских *кóппала* используется в качестве прозвища растрёпанной длинноволосой женщины (СРНГ, 14, 281). Ср. *кóппала* ‘самка глухаря’ белом.¹, карг., *ку́ппо-ла* ‘то же’ медв. (СРГК, 2, 419). Существительное *кóппала* – прибалтийско-финского происхождения: карел. *koppala* ‘глухарь’, фин. *koppalo* ‘то же’ или саам. кильд. *kuppel* ‘то же’ (Фасмер, 2, 317). В кемских, архангельских и терских говорах произошло переосмысление данного слова. В основе вторичной номинации лежит ‘сходство человека с птицей по внешнему облику: растрёпанный, взъерошенный; пёстрый’.

Пудожским говорам известны наименования человека *блохá* ‘злой, вспыльчивый человек’, ‘о непоседливом, непостоянном человеке’, *комáр* ‘вредный, придирчивый человек’, *жук* ‘хитрый, ловкий человек’. В основе семантического переосмысления находятся такие признаки насекомых, как ‘причиняющий вред’, ‘способный быстро, ловко двигаться’, ‘имеющий скрытную манеру поведения’.

Метафорический перенос ‘животное’ → ‘растение’ чаще наблюдается в устойчивых сочетаниях, при этом образность можно выявить через какие-то вспомогательные слова и признаки.

С мотивационными компонентами ‘дикое животное’, ‘что-л. свойственное животному’ зафиксирована следующая лексика. Распространены фразеологизмы с компонентом *заячий*. Возможно, сема ‘сходство по форме’ проявляется во внутренней форме сочетаний *заячыи лáпки* ‘растение бессмертник’ кондоп., подп., кирил., бат., *заячыи лáтушки* ‘растение’ баб. (СРГК, 3, 96–98), *заячыи соскí* ‘цветы клевера’ кончезер. (Куликовский, 29). Образность видна и в выражениях *заяшковы гостíнцы* ‘растение заячья капуста’ карг. (СРГК, 2, 243), *заячыи гостíнцы* ‘кислая трава с тремя кругленькими листочками’ медв., карг. (СРГК, 1, 381).

Мотивационные признаки ‘дикий’, ‘не имеющий пользы для человека’ содержатся, вероятно, в устойчивых сочетаниях с компонентом *медвéжий*: *медвéжий мох* ‘мох’ медв., *медвéжий табák* ‘перезревший гриб дождевик’ кем., *медвéжья ягода* ‘ягодное растение с ядовитыми пло-

¹ Сокращения географических названий соответствуют данным региональных словарей.

дами: вороний глаз’ прион., тер., ‘ягодное растение с ядовитыми плодами: волчье лыко’ кондоп., тер., медвёжий ноготь ‘спорынья’ кондоп. (СРГК, 3, 209). Ср. также лексему волки в значении ‘жесткая трава’ пуд. (СРГК, 1, 221).

За определённым словом или фразеологическим оборотом закрепляется конкретный дополнительный признак. В значениях лексем с компонентом волк и медведь выявляются семы ‘дикий’, ‘жёсткий’, ‘опасный’, ‘вредный’, ‘ядовитый’, с заяц – ‘безопасный’, ‘неядовитый’ (исключение составляет заячья бруска ‘несъедобная ягода, похожая на бруснику’ медв. (СРГК, 1, 122).

Устойчивых сочетаний, содержащих слова с внутренней семантикой ‘домашнее животное (кошка, собака, лошадь)’, ‘что-л. свойственное животному’, еще больше. Например: кискины лапки медв., котёвьи лапки медв., кошачьи лапки пуд. – ‘растение бессмертник’ (СРГК, 3, 96); собачий гриб ‘сыроежка и несъедобные (ядовитые) грибы’ пуд. (СРГК, 1, 395), собачьи батушки ‘трава, применяемая для лечения чесотки’ онеж. (СРГК, 1, 45), собачья брутуха ‘конский щавель’ выт., ср. брутуха ‘толстый стебель щавеля с семенами’ выт. (СРГК, 1, 122), ‘кислица’ север., олон. (СРНГ, 3, 211); конёк кириш., коня’вик чер., коня’вина пуд. – названия травы, чаще сорной (СРГК, 2, 412-418), лошадиная кислица ‘конский щавель’ шекн., лошадиные ягоды ‘ягодное растение’ прион., лошадиный кисляк ‘конский щавель’ пест. (СРГК, 3, 153).

Образы козла и коровы проявляются в наименованиях грибов: козлята ‘съедобные грибы’ кирил. (СРГК, 2, 387), коровий грузень ‘разновидность груздя’ прион., медв., лод., новг., подп., чуд. (СРГК, 1, 401), коровак ‘гриб’ онеж. (СРГК, 2, 433), коровьяк ‘белый гриб’ новг., сол. (СРГК, 2, 433), коровья рёна ‘турнепс’ онеж. (СРГК, 5, 515).

В кандалакшских говорах ягоды жимолости называют овёчими титьками (СРГК, 4, 129).

Таким образом, зооморфная метафора, содержащая признаки, прямо или косвенно связанные с домашними животными, в наименования растений переносит семы ‘сходство по форме’, ‘возможность употребить в пищу’, ‘используемый для лечения’.

Реже для названия растений, ягод употребляются образы птиц. Приведем некоторые примеры: кукушечка ‘морошка (ягода)’ выт., куропатка ‘белая лилия’ выт., ласточкино крыльышко ‘комнатное растение’ медв., прион., пуд., тихв., курица ‘соцветие, метелка растения’ пуд. (СРГК, 3, 55–100), куричий оклёвок ‘одуванчик’ чаг. (СРГК, 4, 175). В центре метафорического переосмыслиния – сема ‘сходный по форме, по внешнему облику с птицей’.

Семантическая модель ‘животное, птица, насекомое’ → ‘природное явление’ отражается в образном значении лексем и сочетаний коровушка ‘морская ракушка’ тер. (СРГК, 2, 433), овёчка ‘о морских ракушках как игрушках’ тер. (СРГК, 4, 129), морж ‘неровный камень’ тер. (СРГК, 3, 257), лягушья водá ‘отмель’ медв. (СРГК, 1, 210), петушиные кóсы ‘перистые облака’ пуд. (СРГК, 2, 437), мухи повáлятся ‘пойдет снег’ бокс. (СРГК, 4, 578).

В семантике указанных лексических единиц отражается мотив «своего» и «чужого» (домашние и дикие животные). Для обозначения растений, природных явлений диалектоноситель чаще всего использует образы домашних животных и птиц.

Сходство **животного и предмета** по внешнему облику или функции находится в основе вторичной номинации следующих слов и фразеологизмов. Так, лапоть с широким носком в каргопольских говорах называют *бульдогом* (СРГК, 1, 137). *Первый конь* – это предмет первой необходимости (шим. СРГК, 4, 428). Метафоры с элементом ‘дикое животное’ наблюдаем в словах и устойчивых сочетаниях *кабан* ‘большой четырехугольный кусок льда, вырубаемый на реке, для набивки погреба’ онеж. (СРГК, 2, 307), *медвежья лана* ‘метелка из сосновых веток с длинной ручкой для подметания пода в русской печи’ медв. (СРГК, 3, 95). Реже для наименования предметов используются образы насекомых. Например, сачок для ловли рыбы называют *пауком* медв., сланц. (СРГК, 4, 410), заколку для волос – *жучком* валд., дем., ост. (Селигер, 2, 93).

Нерегулярные метафорические переносы, в основе которых лежит сема ‘животное’, также встречаются в северорусских говорах. Перенос ‘животное’ → ‘мифологический персонаж’ предполагаем в лексеме *гадю’га* ‘по суеверным представлениям: водяной’ лод. (СРГК, 1, 322); модель ‘животное’ → ‘животное’ – в словах *бык* ‘рыба’ волх. (СРГК, 1, 152), *кобы’лечка* ‘рыба карась’ кириш. (СРГК, 2, 382), *конё’к* в значениях ‘кузнецик’ чер., плес., волог., онеж. и ‘стрекоза’ карг. (СРГК, 2, 412).

Как видим, в русских говорах Карелии и сопредельных областей наблюдается широкое употребление метафорических образований, включающих в себя названия животных.

Для зооморфных метафор характерна достаточная структурированность понятийной сферы, принадлежность к ближайшему кругу интересов человека, что обеспечивает высокую частотность соответствующих образов в лексике.

Изучение диалектного языка как системы отображения внешнего мира позволяет увидеть в нем, как в зеркале, ценности носителей языка, их видение мира, основанное на чувственно-эмоциональном подходе к окружающим явлениям.

Словари

1. Куликовский – *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1898.
2. Селигер – Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. – Вып. 1: А–Г / Сост.: С. Н. Варина, Н. В. Богданова, З. А. Петрова / Под ред. А. С. Герда. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003; Вып. 2: Д–И / Сост. З. А. Петрова, А. С. Герд, Т. В. Кириллова, Л. Н. Новикова, Е. А. Архипова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004.

3. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. – Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.
4. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. – Вып. 1–40. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965 – 2006.
5. Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. 1–4. – М.: Прогресс, 1964–1973.

Литература

1. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.
2. Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения / Ред. А. А. Леонтьев и др. – М.: Наука, 1977. – С. 147–165.
3. Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты её изучения: Монография. – Ч. 1. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2007. – 110 с.
4. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. – 2-е издание, стереотип. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.
5. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.
6. Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.

Пространственные концепты в духовных стихах, записанных в Карелии

В последнее время в отечественной науке о языке особое место занимает лингвистическая концептология, зародившаяся на стыке языкоznания, логики, психологии и философии языка. Интерес к концептологии неизменно возрастает, что обусловлено негативным воздействием на русский язык современных экономических, политических и социопсихологических условий, которые приводят сам язык и выражаемую им концептуальную картину мира к стандартизации. В этих условиях особенно актуальным для филологии становится выявление, исследование и введение в общеобразовательную практику духовных опор каждой национальной культуры, что становится важным для развития культурно-языкового иммунитета носителей языка. Сама жизнь диктует необходимость русского лингвоэкологического сознания и охраны собственного мировидения, без которого невозможна свобода самовыражения не только отдельной личности, но и всего нашего евразийского суперэтноса²¹.

Проблема определения *концепта*, интерпретации его философии, связи со словом, понятием и образом достаточно сложна (см. работы С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова, Л. В. Савельевой и др.). В. В. Колесов, подытоживая свои исследования в области концептологии, определил концепт как «зерно первоисмысла, семантический «зародыш» слова», представляющий «диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение неопределенной сущности бытия в неопределенной сфере сознания»²².

Вслед за проф. Л. В. Савельевой²³, мы понимаем концепт как ключевую категорию национальной речемысли, воплощенную в исходной этимологической образности слова (предыстория концепта) и в речевых формулах культуры – устно-поэтической и книжно-письменной.

Пространственные концепты духовного стиха уже становились предметом изучения. Так, известный исследователь духовных стихов С. Е. Никитина в одной из своих работ⁴ рассматривает значимые для жанра концепты *мир*, *монастырь*, *келья*, *три окна*, *поле*, *лес*, *море*, имеющие в своей семантике самое непосредственное отношение к пространству и несущие на себе дополнительную, существенную для мира духовного стиха семиотическую нагрузку. С. Е. Никитина

²¹ Савельева Л. В. Языковая экология. Петрозаводск, 1997. С. 9–10; 105–134; *Она же*. Русское слово: Конец XX века. СПб., 2000. С. 49–71; 214; *Она же*. Русская концептуализация действительности в свете проблем языковой экологии // Язык и общество: коммуникация и интеграция. Подольск, 2008. С. 46–50.

²² Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002. С. 51.

³ Савельева Л. В. Лирическое слово А. Пушкина как концепт русского этноисторического мировидения // Русский язык от Пушкина до наших дней. Псков, 1999. С. 133–139.

⁴ Никитина С. Е. Келья в три окошечка (о пространстве в духовном стихе) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 348–357.

называет главный признак пространства духовного стиха – принципиальную неоднородность, определяющуюся религиозным отношением к миру как божественному творению, в котором должны быть отмеченные, освященные Богом места, места прорыва священного пространства в земное¹.

Неоднородность, иерархичность и оценочность пространства свойственна многим фольклорным жанрам (например, былине, сказке), но в русском духовном стихе эти характеристики имеют свои особенности. Иерархичность пространства проявляется не столько в его членении по горизонтали, сколько по вертикали (существенное отличие от других фольклорных жанров), которое происходит «в двух разновидностях: физической и духовной, причем «верх» – и физический, и духовный – отмечен положительной оценкой»². Между верхом и низом в физическом и духовном смысле осуществляется постоянный контакт, реализующийся посредством присутствия на земле *пустыни*, в физическом смысле принадлежащей земле, а в духовном – небу.

Концепт *пустыня*, как показывает суффиксальное оформление, – старославянское (церковнославянское) по происхождению слово, восходящее к праславянскому корню *rurst- («пустой»), в котором М. Фасмер усматривает родство с др.-prus. pausto («дикая» – о кошке)²⁴, перекликающимся с русским словом *пуща*, генетически также связанным с прилагательным *пустой*. Таким образом, этимологический образ слова *пустыня* – дикое, необитаемое место.

В христианской книжно-письменной культуре концепт *пустыня* появляется в синкретическом значении неограниченного необитаемого пространства – топографического наименования местности (ср. *Бяше бо пустыня з ло, не бъ бо видѣти ни села, ни человѣка, токмо звѣри, лоси же и медвѣди и прочая звѣря* – Пут. Игнатия: Палея, 3) и вместе с тем уединенного места молитвенного общения с Богом (ср. *Пустыни же душю твою напоить разума Божіа* – Поучение митр. Иллариона; *Възведенъ бысть Иисус духомъ въ пустыню искуситься отъ діавола* – Пут. Игнатия: Палея, 3). В процессе метонимической конкретизации синкетры позже отпочковывается значение уединенной монашеской обители в безлюдном месте. В БАС *пустыня* трактуется как «1. Уединенное, безлюдное место, где живет отшельник. 2. // Об уединенном тихом, жилье. 2. Небольшой монастырь, возникший в пустынной, незаселенной местности»⁴. В православных изданиях *пустынь* (= *пустыня* современного русского языка) определяется как «прежде уединенный мон. или келья; теперь такъ называются очень многолюдные мон., возникшіе въ безлюдных лѣсахъ или отдаленных степяхъ»⁵.

В народном православии *пустыня* выступает как символ духовной чистоты, подлинной нравственности. Концепт наделен сакральным смыслом, о чем, на наш взгляд, свидетельствует отсут-

¹ См. также: Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и comment. Н. К. Гарбовского. М., 1994.

² Никитина С. Е. Келья в три окошечка (о пространстве в духовном стихе) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 349.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. М., 1996. Т. 3. С. 411.

⁴ Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. М.; Л., 1961. Т. 11. С. 1738.

⁵ Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 1938.

ствие пространного ряда фразеологических единиц, в которых находит свое отражение русское народное мировоззрение. Фразеологизмы фиксируют в своей семантике длительный процесс развития истории, культуры народа, способствуют передаче из поколения в поколение сведений, установок, стереотипов, возникших у наших предков (см. *глас вопиющего в пустыне* в словарях А. К. Бириха, А. И. Молоткова, А. И. Тихонова, А. И. Федорова).

Для этноисторического мировидения интересны показания русского духовного стиха, который является своеобразным мостом между христианской литературой и фольклором.

В записях духовных стихов, хранящихся в архиве Карельского научного центра РАН¹, а также в текстах, включенных в сборник Н. Г. Черняевой², лексема *пустыня* обычно вступает в синтагматические отношения с глаголами движения *пошел, пришел, приплыл...*, состояния *жсить, пребывать, стареть, молиться, трудиться...*, с атрибутивными прилагательными *святая, благодатная....* Лексема *пустыня* сочетается с глагольными фразеологизмами говорения (*прогласила архангельским гласом*), она *говорит, глаголет, сказует* герою, обращающемуся к ней.

В парадигматическом плане *пустыня* как сакральное пространство находится в оппозиции к пространству мирскому, где человек отягощен житейскими заботами и земными грехами. *Пустыня* наделена всеми атрибутами рая, однако жизнь в ней представляет собой каждодневный тяжелый труд.

В духовных стихах нет четкого обозначения местоположения *пустыни*, которая может находиться «за чистым полем», «за синим морем», «в Индейском царстве», однако праведник, который хочет посвятить свою жизнь или ее часть служению Богу, всегда знает, где *пустыня* расположена. Наиболее ярко концепт *пустыня* репрезентируется в случаях ее персонификации и «самораскрытия».

В стихе «Алексей человек Божий» мы находим диалог главного героя и сакральной сущности, в котором праведник обращается к *пустыне* с просьбой допустить его молиться:

Не гребёт Олексиюшка, не правит,
А куды надь, туды его и тащит.
Приташшило к матушке пустыни.
Стал ён пустыни молиться,
Стал ён пустыни коритьсе:
«Допусти меня, пустыня,
Допусти меня свята»
Пустыня ему отвеает:
«Аи же ты, Олексий человек божий,
Чего ты сюды ко мне приехал?»

¹ Записи сделаны на территории Карелии и сопредельных областей в период с 1910 по 1983 гг.

² Русские эпические песни Карелии / Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981.

Нет во мне красного ношенья,
Нету во мне сладкого еденья,
Нет во мне садов-то, виноградов,
Нет во мне царских забавов».
«Аи же ты, матушка пустыня,
Того я к тебе приехал,
Господу богу помолиться,
За младые лета потрудиться»¹.

Таким образом, мы наблюдаем трансформацию значения концепта *пустыня* в народном православии: *пустыня* – это не просто место для уединения, место, где совершается христианский подвиг, а одушевленная субстанция, которой отводится важная роль – принимать или не принимать человека, жаждущего покаяния.

¹ Русские эпические песни Карелии / Издание подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981. С. 191.

Образ новорожденного в фокусе этнолингвистики (на материале карельского языка)

Объект моего исследования – выявляемая с позиций этнолингвистики языковая картина детства у карелов. В данной статье в рамках данной темы я остановлюсь пока только на основных аспектах изучения образа новорожденного.

Основной идеей этнолингвистики, методы и принципы которой использованы в исследовании, является мысль об интегральности традиционной духовной культуры, о содержательном (семантическом) единстве всех ее жанров и форм, при котором «одни и те же смыслы выражаются в языке, фразеологии, верованиях, обрядовых действиях, фольклорных текстах и как одни жанры и формы культуры помогают в семантической реконструкции и истолковании других» [Толстая, 2000]. Итак, анализируемые образы и понятия рассматриваются, трактуются в их взаимосвязи и бытовании в языке, фразеологии, традиционных верованиях и ритуалах, произведениях устного народного творчества.

Ключевым положением при рассмотрении образа новорожденного является его переходный статус, поскольку младенец до сорока дней воспринимался как существо, сохраняющее связь с потусторонним миром, откуда, по народным представлениям, он явился; целью направленных на него в это время обрядов (придание внешнего облика, крещение, имянаречение и др.) является стремление удержать новорожденного в мире людей и повлиять на его судьбу (см. напр. Баранов 1998). Установки матери (или пестуньи) на получение хорошей профессии, лучшего статуса для малыша в дальнейшей жизни распространены в текстах колыбельных песен; в языке фольклора эти установки воплощаются в использовании падежа транслатива, например:

Tuuti, tuuti, lastani	Туути, туути, моего ребенка,
Kasvamaan suureks',	Расти большой ,
Pessyn penkin hierojaksi,	Натирающей вымытую скамью,
Tyttölasta leipojaksi. (1)	Дочку – в пекари.

Tuuti, tuuti, lasta tuomariksi,	Туути, туути, ребёнка в судьи,
Keiku kirjan kandajaksi,	Качайся, чтобы носил книгу,
Suudijaksi, reädijaksi,	В судьи, в родители,
Suuren sopen istujaksi... (2)	В сидящего в большом углу...

Существуют многочисленные приметы и запреты, связанные с «программированием» будущего младенца и влиянием новорожденного, в связи с его «пограничным» положением, на жизнь семьи, в которой он родился, например: если пользоваться колыбелью, в которой в детстве укачивали маму, родится больше девочек, если укачивать детей в папиной зыбке – будут рождаться мальчики. Поверья, связанные с колыбелью, существуют у разных народов. В работе «Семейные обряды и верования русских Заонежья» К. К. Логиновым упоминается о запрете качать пустую ляльку и приводятся следующие поясняющие это правило народные объяснения: ребёнок умрёт, родится много детей, колыбель сломается, младенец будет спать беспокойно [Логинов 1993: 69]. Известен также запрет не брать для корзины, в которой первые шесть недель жизни спал ребёнок, лучину из сердцевины полена и по его краю, иначе место для сна малыша будет «*katehellini*» (порченым) и ребенок перестанет расти [Paulaharju 1995: 55–56].

Некоторые лексемы, связанные с фигурой младенца, универсальны для разных языков, например, использующиеся в традиционной культуре карелов именования ребёнка не по количеству прожитых им месяцев, а по его психофизическому развитию аналогичны бытующим в других языках, например: *kapalolapši* букв. 'пеленаемый ребёнок', 'младенец', *yskyniekku[lapsi]*, *yškälapši* 'ребёнок, который просится на руки', *nännilapši*, *nänniniekku[lapsi]* 'грудной ребёнок' и др. Сравним с русскими именованиями «грудничок», «зыбочник», «ходунок» и т. д. Отсутствие именования ребёнка по месяцам в первый год жизни, связано, вероятно, с опасением влияния злых сил. Так, называя возраст, например, двухнедельного младенца пестунья, по народным представлениям, «раскрывает» его положение невоцерквленного существа (напомним, детей старались окрестить в шесть недель) и делает его более уязвимым для болезней и несчастных случаев.

Языковая картина мира детства у карелов наиболее ярко раскрывается в использовании многообразных иносказательных обозначений ребёнка (т. н. метафорических замен), связанных с табу на имена в семейных обрядах и фольклоре (в частности, в плачах). Метафорическими заменами термина «ребёнок» изобилуют колыбельные песни, основными функциями которой наряду с усыплением считают защитную и прогностическую. Более семидесяти зафиксированных мной в карельских колыбельных иносказательных обозначений младенца можно условно отнести к следующим группам: «птичья» лексика (*alli* 'утка-морянка', *ituva* 'пух'); лексика флоры (*idoizeni* 'мой росточек', (*mehiläizen*) *kukka* '(медовый) цветок'); характеристика ребёнка по поведению (*vakavaini* 'спокойненький', *hullu* 'несмышлённый') и внешним физическим признакам (*hoikkašormi* 'тонкопалый', *kierošuu* 'криворотик'); иносказания, отражающие кровную связь матери и ребёнка (*kannetti* 'выношенный', *maksaine*, *maksazeni* '(моя) печёночка'); культурно-обусловленная лексика (*hopijaini šauvan varši* 'серебряная трость', *liinapaita* 'льняная рубашка') и др.

Остановимся ещё на одном аспекте изучения лексики. С помощью этимологического анализа некоторых важных для народной традиции лексем можно выявить исконный для языка словар-

ный фонд или установить факт заимствования, определив сферы межкультурного взаимодействия. Так, слово *vagahaini, vakahaini* 'новорожденный' в народной этимологии ассоциируется со словом *vakka* 'корзина из лучины' (в которой младенец спал первые шесть недель жизни), Сетяля сделал предположение о связи лексемы с нем. *svakaz* 'слабый'. Вероятнее всё же относить слово *vagahaini, vakahaini* к корню *vaka* 'тихий', 'спокойный', 'непорочный' (кстати, в эстонском языке *vagane, vakane laps* имеет значение 'некрещёный ребёнок' [SKES V, 1975] и соотносится с периодом невоцерквленности младенца и его переходным статусом). Если слово *vagahaine, vakahaini* 'новорожденный' относят к исконной прибалтийско-финской лексике, то другое обозначение новорожденного ребёнка *bladenčča, bladenčči, platenčča* 'младенец' является более поздним заимствованием из русского языка посредством церковных молитв и заговоров.

Сопоставление большого лексического материала, представленного как прямыми, так и иносказательными именованиями младенца, а также фольклорных, этнографических данных помогло бы определить доминанты народной философии, психологии, педагогики.

Источники

- (1): Suomen kansan vanhat runot. Osa I (3–4) (Vienan läänin runot). Helsinki. SKS. 1919. №2303.
 - (2): Suomen kansan vanhat runot. Osa II (Aunuksen, Tverin-, Novgorodin-Karjalan runot). Helsinki. SKS. 1927. №580.
- Баранов 1998: Баранов Д. А. «Незнакомые» дети (к характеристике образа новорожденного в русской традиционной культуре) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 112–116
- Логинов 1993: Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. – 229 с.
- Paulaharju 1995: Paulaharju, Samuli. Syntymä, lapsuus ja kuolema. SKS. Gummerus Kirjapaino Oy. Jyväskylä. 1995.
- SKES V, 1975: Suomen kielen etymologinen sanakirja, V. Ред.: Itkonen, Erkki, Joki, Aulis J. & Peltola, Reino. Suomalais-ugrilainen seura. Helsinki. 1975.
- Толстая С. М. Этнолингвистика: современное состояние и перспективы: лекция. – Фольклор и постфольклор: структура типология, семиотика: сайт. М., 2000. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (дата обращения: 15.01.2013).

Характеристика человека в русских народных сравнениях с мифологической семантикой компаратов

Сравнение традиционно изучается в двух направлениях – литературоведческом и лингвистическом. С одной стороны, сравнение является одним из самых распространенных средств речевой выразительности, с другой стороны, формально-грамматически оно реализуется посредством синтаксических структур (единиц). Сравнение может быть выражено словом, словосочетанием, сравнительным оборотом, придаточным предложением, самостоятельным предложением или сложным синтаксическим целым.¹

Энциклопедия «Русский язык» определяет сравнение как «стилистический прием, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления».²

Сравнение – один из способов косвенной характеристики явлений, так как оно предполагает уподобление одного предмета другому, в результате чего «усиливается» определенный «общий признак, который может остаться неназванным».³

Известный современный лингвист В. М. Мокиенко, составитель «Большого словаря русских народных сравнений», считает, что с помощью сравнения постигается окружающий мир, поскольку это не что иное, как краткий образный способ мышления, процесс «сопоставления неизвестного или малоизвестного с известным и хорошо знакомым»; сравнение не только номинирует окружающую действительность, но и является ярким средством оценки: «оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации».⁴

Источником образов народных сравнений является жизнь человека, его занятия, верования, поэтому «ядро многих сравнений составляют образы животного и растительного мира, традиционного крестьянского быта, производственной деятельности человека или духовной сферы жизни, например, мифологии».⁵

В зеркале русских компаратных фразеосочетаний отражается сложный комплекс верований славян, восходящий к язычеству. Хотя христианская религия отвергала языческие воззрения древних людей на тайны бытия, их изначальные представления об окружающем мире сохрани-

¹ Голуб И. Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф, 2001. – 448 с. – С. 141–143.

² Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ф. П. Филина. – М.: СЭ, 1979. – 432 с. – С. 327.

³ Краткая литературная энциклопедия. – М., 1972. – Т. 7 – С. 126.

⁴ Мокиенко В. М. Предисловие // Большой словарь народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». – 2008. – 800 с. – С. 4.

⁵ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА МЕДИА Групп», 2008. – 800 с. – С. 4.

лись в былинах, сказках, преданиях, песнях, мифологических рассказах, пословицах и поговорках, загадках, устойчивых народных сравнениях.

Научные исследования, посвященные языческому мировоззрению славян, появились еще в 1804–1810 годах, когда вышли в свет словарь славянских мифов профессора А. С. Кайсарова («Славянская и российская мифология») и публикации по религии славян Г. А. Глинки («Древняя религия славян»). В этих работах представлены мифы, обряды, обычаи русского народа, дается первое системное описание богов и духов.⁶

В настоящее время известно достаточно большое количество научных работ, в которых описывается мировосприятие древних славян, их вера в сверхъестественные силы и зависимость от высших богов и духов.⁷ Опубликованы сборники мифов и легенд, мифологические словари, энциклопедии.⁸

Исследования по дохристианской мифологии показывают, что религиозные понятия и нормы определяли материальный мир древнего человека: строительство дома, например, было не только техническим актом, но и деятельностью, наполненной глубоким смыслом. Изготовление домашней утвари, оружия, одежды, украшений, художественная роспись, прядение, ткачество, вышивка – все носило отпечаток духовной культуры.⁹

В настоящее время, несмотря на обилие культурологической литературы по языческим представлениям славян, проблема языковой репрезентации дохристианского образа мира в жанрах русского фольклора остается открытой. Значимость лингво-культурологических исследований очевидна, так как в слове, как известно, отражается и преображается окружающая действительность.

В ряду недостаточно изученных стоит вопрос о языковом описании русских народных сравнений, хотя в последнее время такие работы стали появляться.¹⁰ Думается, что во многом это связано с выходом в свет целого ряда словарей народных сравнений. На наш взгляд, имеют несомненную научную ценность сборники Л. А. Лебедевой,¹¹ В. М. Мокиенко,¹² В. М. Огольцева.¹³

⁶ Кайсаров А. С., Глинка Г. А., Рыбаков Б. А. Мифы древних славян. – Сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. – Саратов: «Надежда», 1993. – 320 с.

⁷ Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. – 1008 с.; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М., 1987; Чмыхов Н. А. Истоки язычества Руси. – Киев, 1990.

⁸ Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символов. – М.: Индрик, 2001. – 320 с.; Бородулина Н. В. Мифы и сказания славян // Золотая книга легенд и мифов: Популярная энциклопедия. – Ростов н/Д: Владис, 2011. – 544 с. – С. 268–304; Власова М. Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 2000. – 672 с.; Криничная Н. А. Предания Русского Севера. – СПб., 1991; Мифологический словарь / Под ред. Е. М. Мелетинского. – М., 1991. и др.

⁹ Семенова М. Мы – славяне! Популярная энциклопедия. – СПб.: Изд. Дом «Азбука-классика», 2008. – 560 с. – С. 115–182; 283–329; 333–487.

¹⁰ Кузнецова И. В. Отражение культурно значимых реалий в славянских устойчивых сравнениях. – Чебоксары: Чебоксарский гос. ун-т, 2001; Кузнецова И. В. Культовые строения в устойчивых сравнениях славян // Проблемы фразеологической и лексической семантики: Материалы Международной научной конференции. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – С. 237–243.

¹¹ Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. – 300 с.

Сравнение репрезентируется через синтаксические конструкции, имеющие определенный компонентный состав. Выразительные возможности компаратива вытекают из его структуры – объекта сравнения (первого компарата), субъекта сравнения (второго компарата), общего признака сравнения и показателя сравнительного отношения.

В заголовках словарных статей устойчивое сравнение представлено лишь в виде сравнительной части его логико-грамматической структуры, которая отличается постоянством и неизменностью состава в процессе ее воспроизведения. Устойчивость сопроводительной части (термин В. М. Огольцева) относительна: языковые единицы первого компарата могут быть связаны с разными словами компаративно-синонимического ряда (например, *жить одиноко, отчужденно, как медведь, барсук, бирюк, волк, крот; бледный как бумага, как мрамор, как смерть, как полотно, как снег*).

Согласно проведенным исследованиям, подавляющую часть устойчивых сравнений составляют синтаксические структуры, компаративные отношения в которых оформляются сравнительными союзами *как, будто, словно, ровно*.

По материалам словарей, более половины русских компаративных фразеосочетаний характеризуют человека – его внешний вид, физическое и психическое состояние, манеру общения, поведение, личностные качества, с помощью сравнений оценивается его умение работать дома и в поле, содержать хозяйство и т. д.

Для яркой, выразительной характеристики нередко используются образы так называемых «низших духов», или «духов-хозяев», которые, согласно верованиям, всегда находились рядом с человеком, могли и дружить, и враждовать с ним.

А. С. Кайсаров отмечал, что домовых духов было множество: домовой, кутный дух, дед, спорыни и спехи (духи, «споспешающие человеческим делам»), дрема (божество сна), баюнок, лень, окоёмы (плуты), прокураты (неслухи), прокуды (проказники), банник, злыдни и др.¹⁴

В русских народных сравнениях субъектными компаратами с мифологической семантикой являются прежде всего слова *домовой, бука, леший*.¹⁵

Домовой, как известно, – это бескрылый, бестелесный и безрогий дух, живущий в каждом доме. Он может поселяться в подполье, под печью, на печи, на чердаке или на конюшне.¹⁶ Домового обычно представляли маленьким бородатым старичком, лицом похожим на главу семьи.

¹² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА МЕДИА Групп», 2008. – 800 с.

¹³ Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: ООО «Русские словари»; ООО Изд. Астрель; ООО Изд. АСТ. – 2001. – 800 с.

¹⁴ Кайсаров А. Славянская и российская мифология // Кайсаров А. С., Глинка Г. А., Рыбаков Б. А. Мифы древних славян. – Сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. – Саратов: «Надежда», 1993. – 320 с. – С. 75.

¹⁵ Тематическая группа сравнений со словом «черт» требует специального рассмотрения.

¹⁶ Русский народ: его обычай, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – В 4-х ч. – М.: Изд. М. Березина, 1880. – 615 с. – С. 245–247.

Домовой любит поворчать, может обижаться на домочадцев и проказничать. Если хозяин дома дружит с домовым, то дух оберегает семью и не приносит ей вреда.¹⁷

Образ домового часто служит оценке внешнего вида человека и описанию его действий.

1) Вид как у домового.

Так негативно характеризуют человека непричесанного, косматого, неопрятного, заросшего спутанными волосами и густой бородой.¹⁸

Между компаратами устанавливаются атрибутивно-характеризующие отношения: *вид какой? – как у домового.*

Основанием для сравнения является сходство внешнего вида объекта и субъекта: *неопрятный, неприятный, создающий впечатление диковатости.*

2) Вертеть как домовой на конюшине.

Это фразеосочетание употребляется в тех случаях, когда речь идет о человеке, пытающемся хитроумными уловками обмануть кого-либо, обвести вокруг пальца.

Отношения между компаратами – обстоятельственно-характеризующие: *вертеть как? каким образом? – как домовой на конюшине.* Сравниваемые единицы имеют общее значение: *вводить в заблуждение, поступать недобросовестно по отношению к кому-либо.*

3) Возиться как дед домовой.

Шутливо-иронически так говорят о достаточно молодом мужчине, в привычке которого долго, надоедливо, шумно, мешая другим, выполнять повседневную домашнюю работу.

Между компаратами обнаруживаются обстоятельственно-характеризующие отношения: *возиться как? – как дед домовой.*

Основанием для сравнения является сходство поведения объекта и характеризующего субъекта.

4) Выть/завыть как домовой.

Этот оборот имеет значение *издавать жалобные, тосклевые звуки, похожие на плач, которые могут исходить не только от человека, но и от природных явлений: ветра, метели, тургии.*

Между компонентами сравнительной конструкции устанавливаются обстоятельственно-характеризующие отношения: *завыть как? – как домовой.*

Компараты тождественны по характеру издаваемых звуков – протяжных, жалобных, тосклевых.

5) Появляться как (ровно) домовой.

Так с оттенком неодобрения говорят о незваном госте, появляющемся ночью и пугающем своим неожиданным посещением.

¹⁷ Семенова М. Мы – славяне! Популярная энциклопедия. – СПб.: Изд. Дом «Азбука-классика», 2008. – 560 с. – С. 53–55.

¹⁸ Значения сравнительных оборотов уточнялись в указанных выше словарях.

Отношения между компаратами – обстоятельственно – характеризующие: *появляться как? каким образом? – как (ровно) домовой.*

Основанием для сравнения является значение *вызывающий испуг внезапным ночным появлением.*

Слово **домовой** имеет диалектные варианты. Например, в ярославской области наряду с традиционной лексемойпотребляют еще слово **домовик**.

6) Как домовик.

Домовиком шутливо называют домоседа – человека, который свое свободное время проводит дома.

Отношения между компонентами фразеосочетания – атрибутивно-характеризующие: *человек какой? – как домовик.*

Сравнение базируется на значении *жизнь, ограниченная рамками домашнего пространства, домашней территории.*

7) На Печоре домового называют шутливо-иронически **доможирко:**

Сидеть (дома) как доможирко.

Это сравнение употребляется при характеристике человека, редко покидающего пределы дома.

Отношения между объектом и субъектом – обстоятельственно-характеризующие: *сидеть как? – как доможирко.*

Основанием для сравнения является значение *жизненные интересы сосредоточены в пределах дома.*

8) Известно, что в уральских говорах дух дома представлен не только в мужском, но и в женском образе: *жить одна, ровно домовушка.*

Так на Урале говорят о нелюдимой, одиноко живущей женщине.

Отношения между компаратами – обстоятельственно-характеризующие: *жить как? каким образом? – ровно домовушка.*

В основе сравнения лежит значение *жить замкнуто, почти ни с кем не общаясь.*

Следует отметить, что образ домового используется в сравнениях не только для характеристики человека, но и для представления (обрисовки) жизненных ситуаций, например, если в доме что-то терялось (гребень, нитки, пуговицы, ложки, полотенца и др.) и долго не находилось, то домочадцы считали, что это проделки домового, и говорили:

Как домовой съел.

Для того, чтобы найти потерянную вещь, просили: *Дедушка домовой, поиграй и отдаи!*

Если к домовому отношение человека было в целом положительное, и сравнения с ним носили главным образом шутливо-иронический характер, то другого духа – **буку** – люди боялись. Буку в народной мифологии представляли злым существом устрашающего вида, с большим ртом и

длинным высунутым языком.¹⁹ Оно приходит по ночам и пугает детей, может причинить зло ребенку.

Наблюдения показывают, что в сравнительных оборотах с этим компаратором прослеживается негативная семантика образа.

1) Как бука.

Так говорят об угрюмом, неприветливом, дичащемся окружающих человеке (часто ребенке).

Отношения между компонентами фразеосочетания – атрибутивно-характеризующие: *он (она) – какой? (какая?) – как бука.*

Основанием для сравнения является внешнее сходство объекта и субъекта: *устрашающая внешность,зывающая негативное отношение.*

2) Как бука сидеть.

Это фразеосочетание характеризует темного, невежественного и неграмотного человека, который угрюмо и неприветливо смотрит на мир.

Компаративные отношения – обстоятельственно-характеризующие: *сидеть как? – как бука.*

Сравнение базируется на значениях *неприветливый, мрачный, диковатый.*

Следует отметить, что компаратив представлен не только сравнительным оборотом с союзом как, но и формой творительного падежа имени существительного: *сидеть букой.*

3). Как бука тихая.

В Вологодской области так называют тихого, неразговорчивого и неприветливого человека.

Смыловые отношения – атрибутивно-характеризующие: *человек какой? – как бука тихая.*

Основанием для сравнения является значение *скрытности, недружелюбия, возможно, затянутого негатива.*

4) Смотреть (глядеть, таращиться) как бука; букой; бука букой.

Представленное сравнение полисемично: *смотреть молча, насупившись, исподлобья, недоброжелательно, обиженно.*

Между компаратами обстоятельственно-характеризующие отношения: *смотреть (глядеть, таращиться) как? – как бука; букой; бука букой.*

Базовое значение – *быть недоброжелательным, враждебным.*

Лексический повтор *бука букой* усиливает экспрессию.

Следует отметить, что в качестве субъектов сравнения с тождественными значениями наблюдается целый синонимический ряд: *глядеть как бирюк, волк, леший, черт, медведь.*

5) Ходить как бука.

На территории Карелии, в Ленинградской, Новгородской областях, а также на Кубани так говорят о человеке, который постоянно угрюм и неприветлив, ходит насупившись, не бывает доброжелательным, отличается суровым нравом и пугает окружающих внешним видом.

¹⁹ Иванов В. В. Русский мифологион. – Петрозаводск: КГПУ, 1998. – 246 с. – С. 31–33.

Объект и субъект связаны обстоятельственно-характеризующими отношениями: *ходить как? – как бука*.

Общий признак сравниваемых компараторов – *неприветливо-угрюмый*.

6) Что бука стоять.

В Ленинградской области (Кириши) это фразеосочетание определяет не только угрюмого и неприветливого человека, но и некрасивого, не вызывающего симпатии своим внешним видом.

Отношения между компонентами – *обстоятельственно-характеризующие: стоять как? – как бука*.

Основанием для сравнения являются признаки *отчужденно-безучастный, непривлекательный*.

7) Ходить букой лесовой.

Угрюмого, нелюдимого человека в карельских диалектах называют не просто бука, но *букой лесовой*. Факультативный компонент *лесовой* свидетельствует об опосредованной связи с дикими обитателями леса. Неслучайно лексическими вариантами субъекта сравнения являются слова *бичрюк, волк, медведь*.

Как отмечают словари русских народных сравнений, в некоторых сибирских и карельских говорах употребляется наряду со словом *бука* его варианты *бukan и bukara*:::

Угрюмый как bukan (об очень угрюмом, нелюдимом и суровом на вид человеке);

Сидеть bukanom (об угрюмо сидящем человеке – непостоянный признак; о нелюдимом и суровом на вид человеке – постоянный признак);

Как bukara (о нелюдимом, всегда мрачном человеке);

Сидеть как bukara – сидеть с угрожающе-суровым видом.

Следует отметить, что сравнение *стоять как bukara*, зафиксированное в карельских говорах, может характеризовать не только угрюмого, мрачного человека, но и очень некрасивое, непривлекательное на вид здание.

Как показывают наблюдения, устойчивая часть сравнительных оборотов с компонентом *бука* полисемична; в компаративах прослеживается негативная характеристика внешнего вида человека: *угрюмый, суровый, неприветливый, непривлекательный, с устрашающей внешностью, недоброжелательный, недружелюбный, молчаливо-агрессивный, обиженный, враждебный, диковатый, мрачный*. По всей видимости, это связано с мифологическим персонажем, отрицательный образ которого лег в основу фразеосочетаний.

Представляют несомненный интерес сравнительные обороты со словом *леший*, которые образуют тематическую группу, насчитывающую более двадцати языковых единиц.

Леший, как известно, является хозяином леса. Его внешность представляли по-разному. То он показывался великаном, то съеживался, мог спрятаться за низкорослым кустом. В облике лешего видели и человеческие черты: чаще всего его представляли дряхлым стариком с длинной космой

той бородой и телом, покрытым шерстью; он мог быть даже одет, как человек. Волосы у него длинные, серовато-зеленые, глаза горят как изумруды. Леший любит кричать в лесу, громко хотать, хлопать в ладоши, пугая людей. Он может завести человека в лесную чащу, в бурелом и даже в болото. Однако леший умеет платить добром, если человек уважает лесные законы и благодарит лесного духа за собранные ягоды и грибы.²⁰

Компараты со словом **леший** имеют разнообразную семантику.

1) Бояться как лешего.

Так говорят в тех случаях, если наблюдается высокая степень проявления страха, испуга.

Между компаратами – обстоятельственно-характеризующие отношения: *бояться как? в какой степени? – как лешего.*

Основанием для сравнения является значение *испытывать сильный страх.*

2) Биться как лешие.

Это фразеосочетание полисемично: так говорят *об ожесточенно и беспощадно дерущихся людях и о тех, которые часто попадают в тяжелые аварии.*

Компаративные отношения – обстоятельственно – характеризующие: *биться как? – как лешие.*

В первом случае общим значением является значение *высокой степени проявления названного признака;* во втором примере – *с тяжелыми последствиями.*

3) Бегать/убегать как леший от козла.

Так иронически говорят о настойчивых попытках избежать неприятных встреч, общения с кем-либо нежелательным.

Отношения компаратов – обстоятельственно – характеризующие: *бегать/убегать как? – как леший от козла.*

Обобщающее значение – *систематически уклоняться от возможных личных контактов.*

Это сравнение синонимично компаративу *бегать как черт от ладана.*

4) Велик как леший.

В Вологодской области так представляют *крупного, очень высокого человека.*

Компаративные отношения – обстоятельственно-характеризующие: *велик как? в какой степени? – как леший.*

Базовое значение – *высокая степень проявления признака, названного в сопроводительном слове.*

5) Вертеть, как леший в уйме (древучем, огромном лесу).

С помощью названного сравнения характеризуют *какие-то неуклюжие действия человека, производимые с большим шумом, со звуком, режущим слух.*

²⁰ Семенова М. Мы – славяне! Популярная энциклопедия. – СПб.: Изд. Дом «Азбука-классика», 2008. – 560 с. – С. 57–61.

Отношения между объектом и субъектом сравнения – обстоятельственно-характеризующие: *вертеть как сильно? в какой степени? – как леший в уйме.*

Сравнение имеет базовое значение – *раздражающе громко.*

6) Вертитсѧ как леший в уйме.

Это ироническое фразеосочетание относится к *беспокойному, суетливому человеку, который с трудом может усидеть на одном месте.*

Отношения между компаратами – обстоятельственно-характеризующие: *вертитсѧ как? – как леший в уйме.*

Основанием для сравнения являются значения *неспокойный, неусидчивый.*

7) Грязный как леший.

Так неодобрительно отзываются о *неопрятном или испачкавшемся человеке.*

Отношения между компаратами – обстоятельственно-характеризующие: *грязный в какой степени? – как леший.*

Компараты объединяют значение *высшей степени проявления признака, названного в сопроводительном слове.*

8) Дековаться ровно леший в лесу.

Сравнение содержит оценку действий человека, который *ведет себя по-детски: шалит и дурачится.* Если сравнение с этим значением носит шутливо-иронический характер, то другое его значение *негативно определяет поведение человека: безобразничать, приносить вред.* В Ярославской области *дековалась* нечистая сила – дурачила, запутывала, сбивала кого-либо с толку. Именно эти значения лежат в основе сравнения компаратов.

Логико-грамматические отношения – обстоятельственно-характеризующие: *дековаться как? – ровно леший в лесу.*

Базовое значение – *вводить в заблуждение.*

9) Заросший (лохматый) как леший.

Это фразеосочетание дает представление о небритом, неряшливом, бородатом и лохматом человеке. В «Большом словаре русских народных сравнений» представлен целый синонимический ряд тождественных компаратов: *черномор, бродяга, каторжник, горилла, дикобраз, колдун, кактус, обезьяна.*

Компаративные отношения – обстоятельственно – характеризующие: *заросший лохматый) как? в какой степени? – как леший.* Сравнение обозначает высшую степень проявления признака, названного в сопроводительном слове.

Первый и второй компараты связаны значениями *с грязными, спутанными волосами, лохматой бородой.*

10) Кричать как леший.

Значит, *кричать громко, пронзительно, устрашающе*. Это фразеосочетание произносится с оттенком неодобрения.

Компаративные отношения – обстоятельственно-характеризующие: *кричать как? – как леший*. Базовое значение – *пугать своим криком*.

11) Оборваться что леший (в лесной чаще).

В Новгородской области так говорят о человеке, который ходит в рваной одежде. Отношения между компаратами – обстоятельственно-характеризующие: *оборваться как? в какой степени? – что леший*.

Объединяющее значение – *носить очень рваную одежду, висящую лохмотьями*.

12) Перегонять с места на место как леший зверя.

Следует отметить, что, согласно преданиям, лешему подчиняются все обитатели леса, в его власти определять их места обитания по своему усмотрению. Это устойчивое сочетание применяется при неодобрительной оценке действий человека, заставляющего кого-нибудь менять местоположение против воли (иногда с применением силы).

Отношения между объектом и субъектом – обстоятельственно-характеризующие: *перегонять как? – как леший зверя*.

Обобщающее значение между компаратами – *перемещать кого-либо с места на место, не считаясь с его желанием*.

13) Смотреть как леший (смотреть лешим).

Считается, что взгляд лешего, недовольный, неприветливый, угрожающий, злобный, наводит ужас на человека.

Отношения между компаратами – обстоятельственно-характеризующие: *смотреть как? – как леший (лешим)*.

Базовое значение – *смотреть угрюмо, неприветливо*. В сравнениях с мифологической семантикой компаратов отмечается синонимический ряд языковых единиц с тождественным значением: *смотреть как аспид, бука, черт, бирюк, волк*.

14) Страшный как леший.

Леший, как известно, вызывал у древнего человека уже потому, что являлся хозяином неизведанного, враждебного человеку пространства – дремучего леса. Кроме него в лесу обитали и другие мифические обитатели: бесы, черти, шишиги, мавки лесные, упыри, анчутки, оборотни, волкодлаки, нетопыри, чудо-юдо, баба Яга, лихо одноглазое, а также боровик, попутник, дикий мужик, Микола (Никола) Дуплянский, дедок и др.²¹

²¹ Кайсаров А. С. Славянская и российская мифология // Кайсаров А. С., Глинка Г. А., Рыбаков Б. А. Мифы древних славян. – Сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. – Саратов: «Надежда», 1993. – 320 с. – С. 79.

Чаще всего лешего представляли страшным существом с длинной бородой, спутанными серо-зелеными волосами, напоминающими мох, хитрым и злым взглядом.

С лешим сравнивали человека *неряшливого, неопрятного, вызывающего страх у окружающих своим внешним видом*.

Логико-грамматические отношения между компаратами – обстоятельственно-характеризующие: *страшный в какой степени? – как леший*. Сравнение показывает высшую степень проявления признака, названного в сопровождающем слове.

Основанием для сравнения является внешнее сходство между объектом и субъектом.

15) Устать как леший – очень устать, выбиться из сил.

Согласно мифологическим представлениям славян, за лето леший очень устает и поздней осенью впадает в зимнюю спячку, а в лесу власть переходит к Морозу, Зиме, Метелям и Вьюгам.²²

Компаративные отношения между объектом и субъектом – обстоятельственно-характеризующие: *устать в какой степени? – как леший*.

Основанием для сравнения является *признак усталости от физической (реже – психологической) нагрузки*.

16) Ходить лешим.

Так говорят о неряшливом человеке, который не только ходит в грязной одежде, но и не умывается, что вызывает ощущение брезгливости у окружающих.

Логико-грамматические отношения между компаратами – обстоятельственно-характеризующие: *ходить как? – лешим (как леший)*

Обобщающее значение – *признак неопрятности*.

Таким образом, компаративные фразеосочетания с тематическим словом *леший* отражают двойственность представления о лесном хозяине, отсюда и характеристика внешнего вида и поведения человека – позитивная, шутливо-ироническая, и негативная, неодобрительная, порицающая.

Наблюдения показывают, что рассмотренные устойчивые сравнения с мифологической семантикой являются частью компаративного пласта русской фразеологии. Объединяемые общим семантическим центром, они образуют тематическую группу «низшие духи». Образы духов-хозяев, домашних, дворовых, лесных, взяты из легенд, сказок, преданий. Как правило, в сравнениях наблюдается ассоциативная связь с персонажами, представления о которых легли в их основу. Позитивность или негативность традиционного восприятия того или иного низшего духа проявляется в семантике компаративных фразеосочетаний.

²² Семенова М. Мы – славяне! Популярная энциклопедия. – СПб.: Изд. Дом «Азбука-классика», 2008. – 560 с. – С. 60–61.

Логико-грамматические отношения между компонентами фразеосочетаний – атрибутивно-характеризующие и обстоятельственно-характеризующие. Общий признак сравниваемых предметов нередко содержится в сопроводительном слове: *страшный, лохматый, заросший* (как леший), *угрюмый* (как букан).

С помощью фразеосочетаний с мифологической семантикой создаются наглядные, зримые образы, выражается представление о признаке предмета, признаке действия или признаке признака, дается яркая, точная характеристика человека. Связь с духами, по представлениям славян, сопровождавшими их в повседневной жизни, порождает неожиданные ассоциации, повышает эмоциональность восприятия, стимулирует мысль читателя. Образность и эмоциональность в русском народном сравнении взаимосвязаны: чем ярче образ, тем сильнее эмоции.

Уходящая лексика заонежского говора (на материале записей речи жителей п. Ламбасручеи Медвежьегорского района)

Карелия известна богатой народной культурой. Особенno ярко выделяется Заонежье, сохранившее русский эпос, выдвинувшее ряд представителей устного народного творчества, таких, как Т. Г. и И. Т. Рябинины, И. А. Федосова, В. П. Щеголёнок, М. Коргуев. Не случайно Заонежье привлекает внимание деятелей русской культуры: историков, этнографов, фольклористов, филологов [Доля, Кривонкина, 1997: 221].

В исследовании русских говоров Карелии Н.А. Мещерский выделил три основных периода: 1-й период – это 70-е гг. XVIII в. – представлен работами П. Н. Рыбникова, Е. В. Барсова, которые в собранных песнях дают толкования более тысячи областных слов Олонецкой губернии; 2-й период – это начало XIX в., который характеризуется возросшим интересом к словарным материалам и стремлением описать особенности языка онежских говоров; 3-й период – XX в. – время активной работы по изучению отдельных частей Олонецкой губернии, т.е. исследуются пудожские, вытегорские, прионежские и другие говоры [Мещерский 1962: 113–126].

Заонежский говор вызывает интерес многих лингвистов. Особое место среди исследователей, изучавших русские говоры Олонецкой губернии, принадлежит А. А. Шахматову, который еще в студенческие годы побывал в Карелии. Он посетил Кондопожскую волость в Заонежье и записывал сказки, песни, былины на территории Пудожского, Вытегорского уездов [Мещерский, 1963: 113]. Свою экспедицию в июле-августе 1884 г. А. А. Шахматов начал из Петрозаводска, затем он обследовал северо-запад Олонецкой губернии по берегу Онежского озера и через Кондопожскую волость двинулся дальше на север в Повенецкий уезд. Результаты поездки оказались очень значительными: он записал 71 сказку, 10 былин, 30 загадок, 2 духовных стиха, песни и причитания. Сказкам он уделял особое внимание, так как их язык наиболее близок к разговорному [Фольклорное наследие, 2005: 14–15]. А. А. Шахматов выявил множество диалектных слов из фольклорных материалов, а так как запись велась от живых людей, носителей диалекта, то собранные им материалы очень важны для исследователей говоров.

Б. П. Ардентов исследовал особенности говора Заонежья на разных уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом. При описании говора он приводит историко-этнографические сведения. Ученый выдвигает гипотезу о причинах появления якающих говоров Заонежья, предполагая, что «яканье» могло явиться следствием воздействия карельских диалектов [Ардентов, 1955: 87].

Лексическая система народных говоров Карелии очень богата как по семантической структуре, так и по словообразованию. Это касается и говоров Заонежья. В этой связи для нас важен труд Г. А. Фадеева о говорах Заонежья, в котором рассматривается проблема лексической синонимии. Работа направлена на выявление характера синонимических связей в пределах небольшой группы глаголов речи, связанных общим значением ‘говорить невнятно, раздраженно, выражая недовольство’ [Фадеев, 1976: 79].

Работы А. С. Герда наиболее глубоко освещают лингвистическую историю Карелии. Они отличаются особым методом изложения материала, а именно: А. С. Герд сопоставляет лексику по микрозонам. Например, в своей работе «К истории образования говоров Заонежья» он прослеживает лексические связи данных говоров, исходя из их собственных словарных богатств, с диалектами в бассейне рек Оять, Волхов и собственно псковскими («с севера на юг») [Герд, 1979: 207].

Важную роль в изучении говоров Заонежья играют работы, посвященные топонимии. И. И. Муллонен является автором словаря «Топонимия Заонежья». В нём представлены географические названия Заонежского полуострова. Материал собирался в течение четверти века в полевых экспедициях [Муллонен, 2008]. В. А. Агапитов сделал попытку выявить в топонимии Южного Заонежья географические названия, этимологически связанные с земледельческой и скотоводческой лексикой [Агапитов, 1994: 24–29].

Л. П. Михайлова исследовала лексику Заонежья в сопоставлении с другими говорами на основе «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» [Михайлова, 2004: 30–35]. Нельзя не отметить Выпускную квалификационную работу Е. А. Калкиной, студентки КГПУ, на тему: «Ареально-исторический анализ лексики Заонежья». Автор говорит о проблемах изучения русских говоров Заонежья, о лексике Заонежья в ареально-историческом аспекте, также о Заонежских диалектизмах на общерусском фоне [Калкина, 2008].

Несмотря на многочисленные экспедиции и исследования, в лексике говоров Заонежья еще осталось много неизвестного и неизученного [Попов, 1974].

Цель настоящей статьи – проанализировать архаичную лексику заонежского говора. Задачи – собрать, описать и проанализировать уходящую лексику заонежского говора в деревне Ламбасручей, Медвежьегорского р-на;

Мы провели опрос, среди местных жителей д. Ламбасручей, в ходе которого мы выявляли уходящую лексику заонежского говора.

Упоминание о деревне Ламбасручей появилось в начале 15 века, а современное название уже было в начале 18 века. Как и много лет назад, деревня стоит на берегу Онежского озера. Протекает по деревне ручей, имеющей с ней общее название, в переводе – «Овечий ручей».

При выявлении лексики заонежского говора наибольший интерес у нас вызвали именно архаизмы – уходящая лексика. Ведь эти слова когда-то употреблялись в том или ином ремесле, которым уже не занимаются местные жители.

Нами было опрошено 8 информантов, возраст которых от 57-ми до 84-х лет, ведь именно они не только помнят различные заонежские архаизированные слова, но и на собственном опыте знают, где и когда употреблялось, то или иное слово.

Список информантов:

Ларюшкина Валентина Ивановна (81 год),

Конева Людмила Владимировна (73 года),

Рындина Анастасия Николаевна (80 лет),

Росликова Валентина Ивановна (57 лет),

Устинова Мария Александровна (82 года),

Лашко Клавдия Егоровна (84 года),

Кривко Антонина Фёдоровна (80 лет),

Кожина Людмила Владимировна (77 лет).

Мы проанализировали собранную уходящую лексику заонежского говора и классифицировали её по тематическим группам:

- Льнообработка и льнопрядение: бро'сальница, мя'лица, па'чесы, отре'бы, лён, изгре'бы, кости'ца, делать по про'дергу, тру'бы, то'чиво.
- Хозяйство: свива'льник, сла'ни, бу'к, лоха'нь, па'лица, туши'лка, пёкло, помело', за-кра'ек, подзо'р, прискры'нок, поте'льники.
- Ремесло: ба'ло, бу'чить, уклю'чинья, ки'брушки.
- Одежда: станови'ца.
- Русская печь: задоро'жье, заколу'пина, ошо'сток, при'печек, о'печек.

Подробнее мы остановимся на некоторых словах изо всех выделенных тематических групп.

1. Терминология обработки льна, прядения и ткачества характеризуется древностью происхождения в системе русского и других славянских языков. Льноводство, домашнее прядение, а также ткачество имеют длительную многовековую историю, они занимали большое место в хозяйственной деятельности, в быту, а также в духовной жизни русского народа.

Слово **мя'лица** 'приспособление для обработки льна'. В карельских говорах слово **мя'лица** употребляется в значении 'приспособление для первичной обработки льна' Выт., Лод., Медв., Подп., Конд., Пуд., Тихв., Чер. [СРГК, 3: 283]. Слово **мя'лица** в значении 'станок для мяттья льна, конопли вручную' имеет широкий ареал распространения: Смол., Свердл., Прионеж., Новг., Твер., Калин., Моск., Влад., Нижегор. [СРНГ, 19: 83].

Па'чесы 'волокно средней толщины, из которого потом делали утиральники': «И'ной раз с изгре'бов да па'чесов вме'сте тка'ли, о'пять же утира'льники де'лали» (Ларюшкина В. И.). В карельских говорах слово **па'чесы** бытует в значении 'вторые или третьи высечки льна, конопли, остающиеся после чесания щеткой' Медв., Кирил., Подп., Чер., Лод. [СРГК, 4: 415]. Другим русским говорам слово **па'чесы** известно в значении 'волокно льна после второго или третьего че-

сания; вторые вычески льна’ Олон., Север., Арх., Новг., Псков., Твер., Калин., Костром., Яросл., Вят., Перм., Урал., Тюмен., Тобол., Кемер., Курган., Свердл., Омск., Волог. [СРНГ, 25: 299].

Отре’бы ‘самые толстые нитки изо льна’: «Из отре’бов се’тки да ве’рши вяза’ли» (Ларюшкина В. И.). Многим карельским говорам известно слово **отре’бы** в значении ‘первичные отходы при обработке льноволокна’ Выт., Медв., Прион., Тихв., Уст., Карг., Кирил., Кондоп., Лод., Подп., Пуд., Чер., Шексн. [СРГК, 4: 322]. В этом же значении слово **отре’бы** зафиксировано в других русских говорах: Вят., Костром., Волог., Новг., Арх., Калин., Урал., Свердл., Курган., Новосиб., Перм. [СРНГ, 24: 293].

Слово **то’чиво** ‘домотканое полотно изо льна’. В карельских говорах слово **то’чиво** бытует в значении ‘домотканый крестьянский холст без узора’ Медв., Люб., Чуд., Кириш., Пест. [СРГК 6:499]. В этом же значении слово **то’чиво** известно многим другим русским говорам: Арх., Север., Олон., Пск., Новг., Волог., Беломор. [СРНГ, 41: 305].

2. Предметы, обозначающие хозяйственную утварь, интересны своими названиями. Например, слово **подволо’ка** ‘самодельные антресоли на сенях’: «На подволо’ке держа’ли, что не ну’жно, но вдруг пригоди’тесь – ва’ленки ста’ры, опо’рки...» (Конева Л. В.) В Карелии слово **подволо’ка** имеет значение ‘чердак над сенями в доме’ Медв., Тер.+Баб., Белом., Волог., Кем., Лоух., Онеж., Пуд. [СРГК, 5: 232]. Во многих других русских говорах слово **подволо’ка** ‘потолок холодной части дома или хозяйственных построек, обычно не имеющий засыпки’ Моск., Волог., Нижегор., Яросл. [СРНГ, 28:363].

Слово **бук** ‘сосуд, сплетённый из луцины для замачивания и стирки белья’: « В бу’ке мы бельё бу’чили» (Конева Л. В.) В ленинградских говорах слово **бук** ‘кадка или корыто для стирки белья’ [СРНГ, 3: 261]. В карельских говорах значение слова **бук** более расширенное ‘деревянная кадка или корыто, в которых кипятили бельё, опуская в них раскалённые камни’ Пуд., Уст., Подп.+Белоз., Онеж., Прион. [СРГК, 1: 134].

Интересно слово **лоха’нь** ‘деревянный таз’: «В лоха’ни в ба’йне мы’лись» (Конева Л. В.) В архангельских говорах слово **лоха’нь** ‘круглая или продолговатая посудина для различных надобностей’ [СРНГ, 17: 160]. В кондопожских и беломорских говорах слово **лоха’шка** известно в значении ‘деревянная посуда для разных хозяйственных нужд’ [СРГК, 3: 152].

3. Из группы «ремесло» интересно слово **ба’ло** ‘приспособление гнуть полозья’. В медвежь-егорских говорах слово **ба’ло** бытует в значении ‘приспособление для загибания полозьев и дуг’ [СРГК, 1: 36]. Пермским, вологодским, архангельским и печорским говорам слово **ба’ло** известно в значении ‘приспособление для загибания полозьев, ободьев, дуг, колёс, состоящее из толстого, с двух сторон стёсанного бревна с вырезанными в нём желобами’ [СРНГ, 2: 83]. Л. П. Михайлова говорит о том, что «многие слова изменили свой фонемный состав под влиянием такой особенности прибалтийско-финских языков, как отсутствие сочетаний согласных в начале слова». В вологодских говорах приспособление для сгибания дуг носит название **гало**. Станок для выгибания

дуг и полозьев носит название *гibalо*, возникшее из более раннего *гъibalо*. Слово **бало** появилось на базе исходного *гъibalо*, в котором утратился редуцированный. А слово **гало** образовалось от слова *блalo*. Изменения можно представить в виде цепочки *гъibalо* > *блalo* > *блalo*; *блalo* > *блalo* > *гало* [Михайлова, 2012: 15-16]

Ки'брушки ‘берестяные поплавки в рыболовных сетях’: «Ки’брушки из бересты варили в горячей воде, бросишь кусочек бересты в горячую воду, он и ски’брится (скрутится)» (Рындин А. Н). Медвежьегорским, пудожским и беломорским говорам известно слово **ки’брушки** в значении ‘поплавки невода или рыболовной сети’ [СРГК, 3: 342, СРНГ, 13: 13].

4. В группу «одежда» входит слово **станови’ца** ‘нижняя юбка’. Медвежьегорским говорам известно слово **станови’ца** в значении ‘холщёвый подол женской рубахи, часто расширенный узорами’ [СРНГ, 41: 55]. Слово **станови’ца** бытует и в других карельских говорах в значении ‘нижняя часть длинной женской рубахи, сшитая из более плотной ткани’ Кем., Чр., Карг.+Белоз., Белом., Кад., Кирил., Кондоп., Медв., Онеж., Прион., Пуд., Тер., Тихв. [СРГК, 6: 309].

5. Из последней тематической группы «русская печь» интересно слово **задоро’жье** ‘самый дальний угол на печке’. «Там мы сушили лучину» (Конева Л. В.). Ни в каких-либо говорах слово **задоро’жье** не зафиксировано. Многим русским говорам известно слово **за’дорога** ‘часть пода русской печи по обе стороны, по бокам серединной полосы, «дороги»’ Арх., Сиб., Сев-Двин., Костром., Влад., Вят., ср. Урал, Новосиб., Том., Амур., Волог., Киров., Заурал. [СРНГ, 10: 64].

Не вошедшее ни в одну группу, но также, вызывающее интерес слово **по’яв** ‘появление чего-либо, урожай’: «Ну’ньку по’яв гри’бов хоро’ший» (Ларюшкина В. И.). В русских говорах слово **по’яв** бытует в значении ‘первое появление грибов, ягод и т. п., всходы семян’ Арх., Ряз., Ср. Урал., Костр., Прион. [СРНГ, 28: 44]. В каргопольских говорах слово **по’яв** известно в значении ‘признак, примета’ [СРГК, 14: 134].

В дополнение к исследованию мы провели опрос среди жителей деревни Ламбасучей по пять человек в трёх возрастных группах:

- от 70 до 84 лет,
- от 55 до 70 лет,
- от 35 до 55 лет.

Мы предоставили им список собранной нами уходящей лексики заонежского говора и задали вопрос «Знакомы ли Вам данные слова?». Результаты опроса:

От 70 до 84 лет	От 55 до 70 лет	От 35 до 55 лет
Знакомы – 3, Плохо помнит – 1, Частично знает – 1.	Знакомы – 2, Частично знают – 2, Не помнит – 1	Плохо помнят – 4, Частично знает – 1.

На основе выше изложенного мы сделали следующие выводы:

По мере исключения из жизни и быта Заонежья определённых ремёсел, слова обозначающие предметы, необходимые в том или ином ремесле забываются, выходят из обычного разговорного языка – становятся архаизмами. Давние традиции и обычаи стираются в памяти поколений, не востребованы в современной жизни деревни Ламбасручей.

Люди старшего поколения уходят из жизни, и с ними уходит живая диалектная речь.

Список используемой литературы

1. **Агапитов, 1994** – *Агапитов В. А.* Прибалтийско-финская земледельческая колония в Южном Заонежье (опыт топонимической реконструкции) // Кижский вестник. Вып. 4. – Петрозаводск, 1994. С. 24–29.
2. **Ардентов, 1955** – *Ардентов Б. П.* К изучению заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского ун-та. Т. 15. – Кишинев, 1955. С. 73–89.
3. **Герд, 1979** – *Герд А. С.* К истории образования говоров Заонежья // Северорусские говоры. Вып. 3. – Л., 1979. С. 206–213.
4. **Доля, Кривонкина, 1997** – *Доля Т. Г., Кривонкина М. Я.* Лексикографическое изучение русских народных говоров Карелии // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95»: Сб. докл. – Петрозаводск, 1997. С. 221–225.
5. **Калкина, 2008** – *Калкина Е. А.* Ареально-исторический анализ лексики Заонежья. Выпускная квалификационная работа. Научный руководитель Л. П. Михайлова. – Петрозаводск, 2008. – 61 с.
6. **Мещерский, 1963** – *Мещерский Н. А.* К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР // Уч. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 13. 1962. – Петрозаводск, 1963. С. 112–130.
7. **Михалова, 2004** – *Михалова Л. П.* Внутрирегиональные различия русских говоров Карелии // История края в народном слове. Русские говоры Карелии / Л. П. Михайлова; ГОУВПО «КГПУ». – Петрозаводск, 2004. С. 30–35
8. **Михайлова, 2012** - *Михайлова Л. П.* Этнические контакты на Севере России сквозь призму русского слова // К истокам: вестник лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии. Вып. 1. – Петрозаводск, издательство КГПА, 2012. С. 15–17.
9. **Мызников, 2004** – *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб., 2004. – 492 с.

- 10. Муллонен, 2008** – *Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями.* – Петрозаводск: Карельский Научный Центр РАН, 2008. – 242 с.
- 11. Попов, 1974** – *Попов И. А. Диалектологическая экспедиция на п-ов Заонежье // Диалектная лексика 1973.* – Л., 1974. С. 185–192.
- 12. Фадеев, 1976** – *Фадеев Г. А. Глагол «ворчать» и его синонимы в говоре Заонежья Медвежьегорского района Карельской АССР // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах.* – Петрозаводск, 1976. С. 79–85.
- 13. Фольклорное наследие, 2005** – *Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Подготовка текстов, вст. ст. и comment. В. И. Ереминой.* – СПб., 2005. – 800 с.

Используемые словари

1. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л. – М., СПб., 1965–2011. Т. 1 – 44.
2. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. – СПб., 1994–2005. Т. 1–6.

История села Вешкелица в географических названиях¹

Географические названия несут в себе при умелом их прочтении самую разнообразную информацию о названных местах, а также людях, которые эти названия дали. Исследования топонимии Карелии свидетельствуют о том, что топонимы маркированы хронологически и географически: для каждого времени и каждой территории характерны свои типы названий.² Накопленные знания по топонимии Карелии применены в этом докладе к топонимии с. Вешкелицы и его окружки. Для написания статьи использованы материалы Научной топонимической картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН, собранные в 2000-х годах, а также собственные сборы автора. Широко привлекались также материалы писцового дела XVI–XVII вв., а также списки населенных мест Олонецкой губернии и Карельской республики XIX–XX веков.

Первое известное упоминание Вешкелицы в письменных источниках относится к 1582 году. В Писцовой книге Заонежских погостов в Олонецком погосте упомянута деревня «Салмина на Вешелукской горе».³ В это время она включает в себя 7 дворов крестьян и «двенадцать мест дворовых» – огромная по тем временам деревня, что дало историку Алексею Жукову основание предположить, что деревня в действительности может быть старше, а отсутствие сведений о ней в предшествующей переписи 1563 года связано с тем, что та часть документа, в которой поселение могло быть упомянуто, просто не сохранилась.⁴ Кстати, Писцовая книга упоминает еще и о второй деревне на той же горе, в которой перечислено три жилых дома и четыре пустых дворовых места, поскольку, как и в первой деревне, «хоромы пожгли и крестьян побили немецкие люди».⁵

Традиционная Вешкелица – это конгломерат небольших деревень, занимавших довольно обширную территорию на берегах нескольких небольших озер (Рис. 1). Где же могли находиться те упомянутые в документе первые вешкельские деревни? Судя по названию *Салмина*, в основе которой, видимо, находится карельский географический термин *salmi* ‘пролив’, деревня должна была находиться на берегу пролива.

¹ Исследование выполняется при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

² Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ. 20002. С. 11–26.

³ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск–Йоэнсуу. 1993. С. 48.

⁴ Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2008. С. 74.

⁵ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск–Йоэнсуу. 1993. С.48.

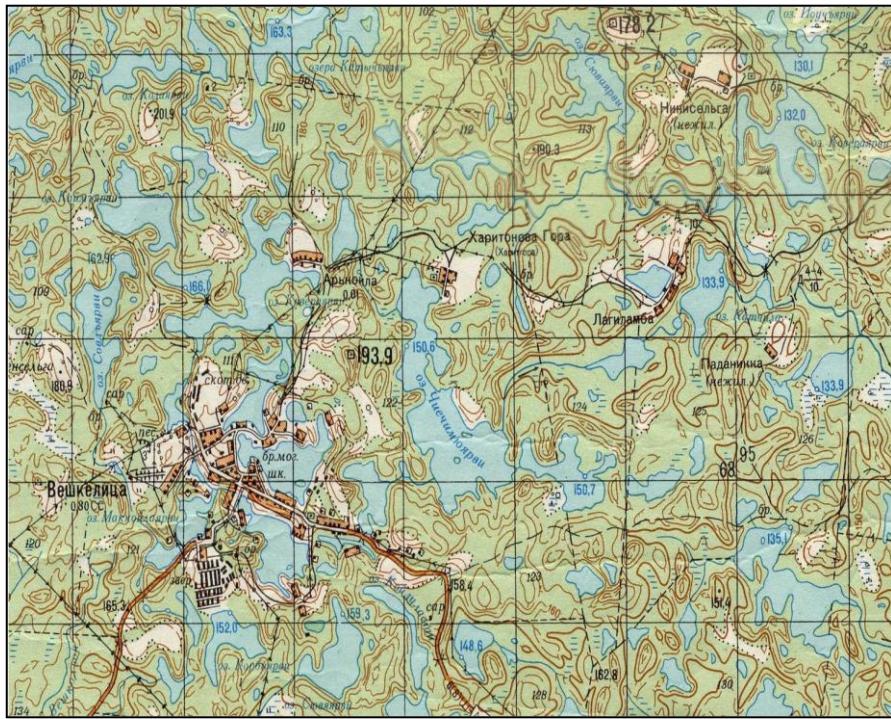

Рис. 1. Село Вешкелица

При внимательном изучении карты местности обнаруживается один пролив, теперь уже практически исчезнувший – между озерами Ковероярви (Koverojärvi) и Кириккеярви (Kirikköjärvi), побережья которого и сейчас входят практически в центр села. Кроме того, на важность этого места с точки зрения древности его освоения указывает название озера *Kirikköjärvi*, т. е. ‘Церковное озеро’. Церкви, как правило, устанавливались в исторических центрах кустов или гнезд поселений, каковым является и Вешкелица.

В начале XVII века по письму 1610 года деревня делится на несколько концов: «Салмина Кирияков (или Корьяков) конец на Вешелуксе-горе у часовни на леше-озерке», «Патрекеевской конец на Вешелуксе-горе на лесных озерках», а также «Горшечный конец на Вешелуксе-горе».⁶ Из этих названий *Патрекеевский конец*, преобразованный в *Питракиеву Гору*, доживает до Списков населенных мест 1873 года,⁷ а *Горшечный конец* продолжает использоваться и в современной топонимии Вешкелицы как *Padagji*, по-русски ‘Горшечный конец’ в качестве названий одной из частей современной Вешкелицы. Исходя из того, что в названиях двух других частей исторической Вешкелицы – *Кириякова конца* и *Патрекеева конца* – присутствует имя жителя (или, возможно, основателя) поселения, таковое же логично реконструировать и в названии третьего конца – Горшечного и видеть в нем некоего Горшечника (изготовителя горшков), по-карельски *Padaniekku*. Не исключено, что один из наследников этого легендарного горшечника начала 17 века основал в XIX веке деревеньку *Padaniekku*, в которой до войны насчитывалось 11 домов.

⁶ Жуков А. Ю. Там же. С. 75.

⁷ Олонецкая губерния Список населенных мест по сведениям за 1873 год. СПб., 1879.

Судя по историческим материалам писцового дела, в XVII веке в Вешкельской округе появляется еще одно поселение – Угмола-гора в один двор,⁸ которая благополучно доживает, по крайней мере, до начала XX века и отмечается в Списках населенных мест 1905 года как деревня Угмойгора на берегу оз. Маткозера.⁹ Списки населенных мест 1926 года уточняют, что в Угмойгоре две деревни – *Хошкойла* и *Никкойла*, помогая тем самым уточнить, где конкретнее находилась историческая Угмола-гора.

Таким образом, первых поселенцев привлекли окруженные озерами две горы: *Вешелукса-гора* и расположенная южнее *Угмола-гора*. Оба названия ждут еще своей расшифровки.

В последующие века вокруг первоначальных деревень появляются новые поселения, при этом анализ их названий проясняет, как происходил этот процесс. Только среди названий деревень, составляющих центральную округу Вешкелицы, окаймляющих исторический центр, представлен тип наименований с суффиксом *-lu* (в русской интерпретации *-ла*): *Арькойла*, *Хошкойла*, *Никкойла*, *Маккойла*, *Ваччойла*. Они отмечены в ревизской сказке 1795 года. В прибалтийско-финской, в том числе в карельской, топонимии такие названия поселений вырастают из первоначальных наименований домов.¹⁰ Иначе говоря, это первоначальные однодворные поселения, названные по имени основателя:

Hoškoilu, рус. *Хошкойла*, от карельского *Hoškoi*, которое восходит к рус. православному мужскому имени Осип.¹¹

Ar'koilu, рус. *Арькойла*, от кар. *Ar'kkoi* – рус. Аркадий.

Vuacčil, рус. *Ваччойла* (*Vuatšil* – Василий).

Makkoilu, рус. *Маккойла* (*Makkoi* – Макар).

Nikkoilu, рус. *Никкойла* (*Nikkoi* – Никон).

Постепенно, по мере разрастания семьи, ее деления возводились рядом новые дома, и однодворная деревня превращалась во многодворную, сохраняя в своем названии память о родовом доме и его основателе.

Примечательно, что поселения, возникавшие в более отдаленной округе, практически не назывались таким образом. Судя по списку деревень Вешкельского прихода конца XVIII века (1795 г.), деревни получали свои названия по тем природным объектам, в черте которых располагаются: озерам (*Кангозеро*, *Корбозеро*, *Нялмозеро*), их мысам и заливам (*Сяргилахта* и *Инжунаволок* на западном берегу Сямозера), а также сельгам: *Канчин-сельга*, *Лухтан-сельга*, *Масельга*, *Нинисельга*, *Подкусельга*, *Чалкой-сельга*. В XIX веке присоединяется еще *Вехкусельга*, *Везойсельга* и *Мулдусельга*. Этот список очень примечательный, поскольку свидетельствует о широком

⁸ Жуков А. Ю. Там же. С. 73.

⁹ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. Олонецкий Губернский Статистический Комитет; Сост. И. И. Благовещенский. – Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1907.

¹⁰ Карлова О. Л. – 1-овая модель в топонимии Карелии. АКД. Петрозаводск, 2004. С. 7.

¹¹ Здесь и далее карельские варианты русских православных мужских имен см. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 72. 1973. S. 239. 275.

распространении в XVIII–XIX веках т. н. сележного типа поселений – своеобразной внутренней миграции, появлении и развитии сельскохозяйственных поселений на сельцах. В названиях селег отражаются либо их природные особенности, либо закреплялось именование человека, основателя поселения. Например,

Niiniselgy, рус. *Нинисельга*: карел. *niini* ‘липа’

Mulduselgy, рус. *Мулдусельга*: карел. *muldu* ‘почва (как правило, плодородная)’

Vehkuselgy, рус. *Вехкусельга*: карел. *vehku* ‘вахта’, растение с мощным корнем, который в голодные годы добавлялся в муку для выпечки хлеба.

Loginselgy, рус. *Логинсельга*: карел. *Login* ‘Логин’

Jeroinselgy, рус. *Еройнсельга*: карел. *Eroi* ‘Еремей’.

Рубеж XIX – XX веков характеризуется появлением еще одного типа населенных мест, связанным с рождавшимися в это время хуторами и выселками, отпочковавшимися от родовых деревень. В их названиях закрепляется имя или прозвище основателя поселения в чистом виде. Примером могут служить хутора с названием *Aksentii* (*Аксентий*), *Barti* (*Барти*), *Bul'a* (*Буля*), *Bogdi* (*Богди*), *Dekku* (*Декку*), *Mikkoi* (*Миккой*), *Mul'igu* (*Мулюга*), *Juplu* (*Юппу*). Часть этих названий восходит к карельским вариантам православных имен, в других же закрепились прозвища, родовые именования:

Bul'a (*Буля*), ср. кар. *bul'u* ‘глазное яблоко’,¹² использовалось как прозвище пучеглазого человека. В названии деревеньки *Närhi Lukka* (*Нярхи Лукка*), в которой в 1926 году значилось три дома, закрепилось личное (Лука) и, видимо, родовое имя *Närhi* ее основателя, ср. карел. *närhi* ‘сойка’. Хутор с забавным названием *Korotkoi* (*Короткой*) сохраняет память о человеке с соответствующим прозвищем, имеющим русские корни: короткий – видимо, небольшого роста человек. Видимо, прозвищное происхождение имели и названия хуторов *Барти*, *Богди*, *Юппу*, *Мулюга*.

Таким образом, в топонимии Вешкелицы просматривается привязка определенных типов названий поселений к определенному времени и определенному типу поселений.

Картотека названий Вешкелицы включает около 200 топонимов – названий поселений, озер и их частей и побережий, болот, ручьев, бывших и современных сельскохозяйственных угодий и т. д. В рамках созданной совместными усилиями Института языка, литературы и истории и Петрозаводского университета студенческой научной лаборатории «ИсТоК» (Историческая топонимика Карелии) сейчас осуществляется ввод этих топонимов в созданную в ИЯЛИ совместно с Отделом геоинформационных систем ПетрГУ специальную Геоинформационную систему «Топонимика Карелии», которая позволяет отразить каждый топоним на карте и в результате получить уникальную по насыщенности географическими названиями карту села Вешкелица и его окрестностей. Фрагмент такой карты, показывающий побережья озера Чиечюмиярви, расположенного в паре километров от центра села, представлен на рис. 2. На карту нанесены названия,

¹² Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Täydennysosa. Helsinki; 1950.

которые удалось собрать в ходе полевой экспедиции сотрудниками ИЯЛИ в 2009 году. Мы видим, что свое название было практически у каждого мыса и залива, приметной части побережья, островов, угодий, расположенных на берегу. При этом понятно, что каждое название несет оригинальную информацию о названном месте – историческую, географическую, связанную с особенностями использования данного места в жизнедеятельности местных жителей.

Рис. 2. Топонимия побережий оз. Чиечумюярви.

К примеру, на северо-западном побережье озера сосредоточен целый комплекс названий, в которых закрепилось прозвище *Töröi* (Тёрёй), свидетельствующие о том, что здесь в прошлом было угодье, принадлежащее человеку с таким прозвищем, а, возможно, и хуторское поселение или выселок: берег *Töröinrandu*, гора *Töröinmägi*, залив *Töröinguba*, ручей *Töröinoja*. Само прозвище имеет карельские корни и связано с карельским словом *törö*, *töröi*, обозначавшим в сямозерских и суоярвских говорах человека глуповатого, недалекого.¹³ Южнее располагались мыс *Mandžoiniemi* и залив *Mandžoiniemenguba*, которые отражают характерную особенность местности – богатое земляникой побережье (кар. *mandžoi* ‘земляника’). В названиях отражаются также ландшафтные особенности местности. Например, *Salmen-guba* – залив у пролива, *Pitkyguba* –

¹³ Karjalan kielen sanakirja. Kuudes osa. T–Ö. Lexica societatis fennougricæ XVI, 6. Helsinki; 2005.

длинный залив. Названия сохраняют в памяти хозяйственную деятельность: *Peldoniemī*, *Peldosuari* напоминают о том, что в разных местах существовало когда-то поле (кар. *peldo* ‘поле’). Топоним *Mul’iganmatku* (кар. *matku* ‘путь, дорога’), видимо, помечает место на берегу, куда выводила тропа из хутора *Mul’ugu*. Очевидно, здесь в самом узком месте озера существовал перевоз в деревни, расположенные на другом берегу. На южном берегу озера известен мыс с названием *Ruoččīniemī*, в котором, возможно, сохраняется память о каких-то событиях, связанных с набегами шведов (финнов), поскольку *ruoččī* в кар. ‘швед, финн’. К сожалению, народная память не сохранила этого события.

Топонимическая карта, таким образом, реконструирует культурный ландшафт территории, и в этом ее исключительная ценность.

В статье на материале топонимии рассмотрены этапы формирования Вешкельского гнезда поселений, выявлены топонимные модели, характерные для каждого из них. Предложено описание фрагмента топонимической карты с реконструкцией культурного ландшафта участка территории в окрестностях с. Вешкелица.

Раздел 3. Секция «Культура. Библиотечное дело. Литература»

Ягодкина В. А.,
НБ РК

История Национальной библиотеки РК в публикациях

Все публикации о Национальной библиотеке можно условно разделить на четыре группы: профессиональная печать, информационные статьи о событиях, происходящих в библиотеке, обзорные публикации о библиотеке, чаще всего приуроченные к юбилеям библиотеки и, наконец, исторические источники и научные изыскания карельских авторов по библиотечному делу. Именно последняя группа и является предметом данной статьи.

Одним из дискуссионных моментов в истории библиотеки была сама дата ее основания. Надо сказать, что в разные годы отмечались разные юбилеи библиотеки. Начиная с 1960-х годов и до недавнего времени, датой открытия библиотеки считался 1860 год, когда в газете «Олонецкие губернские ведомости» было помещено объявление об открытии в Петрозаводске общественной библиотеки. Первым из журналистов усомнился в правильности этой даты В. Н. Верхоглядов, который в нескольких номерах газеты «Петрозаводск» в ноябре-декабре 1994 года опубликовал статью «День рождения только раз в году... Или два?». ¹ Работая в архиве с так называемым «губернаторским фондом», он натолкнулся на отчеты библиотеки более раннего периода, в частности 1847 года. Он неставил задачу выявить точную дату появления общественной библиотеки в Петрозаводске, но высказал предположения, что это середина 1830-х годов, так как в архивных документах разных лет, начиная с середины 1830-х годов, мелькала скучная информация, иногда в одну строку, о библиотеке. Журналист поселял сомнения среди библиотекарей в точности даты возникновения библиотеки, и в 2000 году в Национальный архив была заказана историческая справка, которая и указала нам окончательную дату появления в Петрозаводске общественной библиотеки – 1833 год. Эта справка позднее была представлена на сайте НБРК и опубликована в «Библиотечном вестнике», издающемся в Национальной библиотеке РК.² Из нее мы узнаем, что 15 октября 1833 года в квартиру губернатора Яковлева прибыли губернский предводитель дворянства Иван Иванович Бек, вице-губернатор Платон Петрович Мячков, начальник Олонецких горных заводов Роман Адамович Армстронг, директор училищ Михаил Иванович Троцкий. Они

¹ Верхоглядов, В. Н. День рождения только раз в году... или два? // Петрозаводск. 1994. 4 – 18 нояб.

² Архивная справка о Национальной библиотеке Республики Карелия // Библиотечный вестник Карелии. Вып. 4. Петрозаводск, 2003, с. 125–131.

заслушали предписание Министерства внутренних дел о создании в губернских городах общедоступных библиотек и «принимая во внимание пользу, которая может произойти от Публичной библиотеки»³ решили учредить в городе библиотеку.

Обращаясь к истории организации, всегда интересно знать о людях, которые в ней работали. Впервые фамилии библиотекарей 19 века были написаны в статье В. Н. Верхоглядова. Это были первый Олонецкий губернский публичный библиотекарь Лаврентий Никифорович Мартынов и заведующий библиотекой в 1852–1854 гг. – Александр Анисимович Ласточкин. О библиотекаре Л. Н. Мартынове позднее появилась статья М. Е. Нееловой «Олонецкий губернский публичный библиотекарь», опубликованная в сборнике материалов I конференции «Краеведческие чтения». Л. Н. Мартынов работал в должности библиотекаря в течение 7 лет, совмещая эту работу с должностью архивариуса. Л. И. Капуста в статье, посвященной истории библиотеки⁴ пишет о том, что директором народных училищ Игнатовичем был высоко оценен труд библиотекаря Никифорова. Игнатович сообщал губернатору: «Все эти книги обязаны самой целостностью единственно той неусыпной и истинно отеческой заботливости, с какой о них печется почтенный г. библиотекарь Никифоров... К его заботливости должно отнести и то, что до сих пор уцелели еще кое-как, хотя и в весьма ветхом положении, беллетристические сочинения, более всех требуемые для чтения и выдаваемые читателям на дом...».⁵ В 1842 году он подал рапорт в Олонецкую казенную палату с просьбой освободить его от обязанностей библиотекаря. «Утвержден я сверх сей архивариуса должности ... исправлять должность Олонецкого губернского публичного библиотекаря; а как я уже сию должность исправляю более семи лет, ныне по старости моих лет и множеству занятий по службе моей в архиве, исправлять должность библиотекаря прихожу не в силах, а потому Олонецкую казенную палату прошу покорнейше от исправления должности библиотекаря меня освободить и сделать должное распоряжение».⁶

Об Александре Анисимовиче Ласточкине известно опять со слов В. Н. Верхоглядова и Л. И. Капуста. Верхоглядов пишет: «В Петрозаводске той поры это был один из образованнейших людей. Мягкий, умный, деликатный и гостеприимный интеллигент».⁷ В разные годы он преподавал в учебных заведениях историю, словесность, немецкий язык, философию, латынь. Кроме того, он был редактором неофициальной части «ОГВ». «Приняв по просьбе начальства гимназическую и общественную библиотеки, Александр Анисимович навел в них полный порядок – систематизировал имеющиеся в наличии книги и периодические издания, завел описи и каталоги. В 1855 году Ласточ-

³ Там же. С. 125.

⁴ Капуста, Л. И. Публичная библиотека в Петрозаводске : страницы истории // Краевед. 10 лет.: сб. ст. – Петрозаводск. 1999. С. 5–11.

⁵ Цит. по: Капуста, Л. И. Публичная библиотека в Петрозаводске : страницы истории // Краевед. 10 лет.: сб. ст. – Петрозаводск. 1999. С. 7.

⁶ Неелова, М. С. Олонецкий губернский публичный библиотекарь // Краеведческие чтения: материалы I науч. конф. Петрозаводск, 2008. С. 41.

⁷ Верхоглядов, В. Н. День рождения только раз в году... или два? // Петрозаводск. 1994. 4 нояб. С. 12.

кин переехал в Петербург. И вскоре оставленная им общественная библиотека... пропала. О ее судьбе не смог ничего выяснить даже живший в то время местный краевед К. Петров».⁸

Следует отметить, что начальный период истории библиотеки наиболее полно отражен в статье Л. И. Капуста, опубликованной в сборнике «Краевед. 10 лет». В этой статье отражена и роль известного русского ученого этнографа Павла Николаевича Рыбникова в истории библиотеки. В 1860 году П. Н. Рыбников попытался сформировать библиотеку при статистическом комитете. В это время в газете «Олонецкие губернские ведомости» поместили объявление, что в залах Благородного Собрания открывается библиотека, что давало основание на долгие годы считать 1860 год временем создания библиотеки. Рыбников организовал подписку на новые журналы, однако в 1862 году все воскресные школы, народные библиотеки и читальни были закрыты – вплоть до особого распоряжения. Библиотека продолжала существовать, но не как публичная, а как служебная при статистическом комитете. Не случайно в 1867 году губернатор Ю. К. Арсеньев обратился с инициативой создать в городе публичную библиотеку. В письме к министру внутренних дел П. Валуеву он писал: «Ввиду развития охоты к чтению в жителях города Петрозаводска и для доставления здешним чиновникам возможности развлекаться чем-либо более полезным, чем вино и карты, я действительно задумал открыть при губернском статистическом комитете публичную библиотеку и читальню».⁹

Инициатива Ю. К. Арсеньева не была поддержана, так как пришлась на период запрета деятельности библиотек. «Для установления во всех губерниях правильного и действенного за библиотеками надзора» в 1867 году все библиотеки были изъяты из подчинения Министерства народного просвещения и переданы в ведомство Министерства внутренних дел, которое поспешило все общедоступные библиотеки закрыть и оставить только библиотеки при учебных заведениях.

Третий период истории библиотеки связан с историей Петрозаводской Алексеевской библиотеки, которая была открыта в 1871 года и работала уже продолжительный период – вплоть до 1917 года. Общеизвестно, что она была названа Алексеевской в честь Великого князя Алексея Константиновича, который передал значительную сумму губернатору Григорьеву для открытия в Петрозаводске библиотеки. Именно в этот период своего развития в библиотеке появились печатные каталоги, устав и другие документы. Источниками по истории библиотеки могут служить несколько дореволюционных публикаций – устав и каталоги Алексеевской общественной библиотеки с 1871 по 1879 гг. и отчет о благотворительном вечере, данном в пользу Алексеевской общественной библиотеки в 1898 г.

В 1871 году впервые в «ОГВ»¹⁰ был опубликован устав Алексеевской Петрозаводской общественной библиотеки. В документе был установлен комитет по управлению библиотекой, обозначе-

⁸ Верхоглядов, В. Н. День рождения только раз в году... или два? // Петрозаводск. 1994. 4 нояб. С. 12.

⁹ Цит. по: Капуста, Л. И. Публичная библиотека в Петрозаводске : страницы истории // Краевед. 10 лет.: сб. ст. – Петрозаводск. 1999. С. 8.

¹⁰ Олонецкие губернские ведомости. – 1871 – № 29. – С. 350–353.

ны его права и обязанности, определены обязанности библиотекаря, условия для пользования книгами. Библиотекой заведовал особый распорядительный комитет из четырех человек под наблюдением «общего собрания уполномоченных от всех учреждений и ведомств, участвующих в ее основании от всех по одному».¹¹ Всего было назначено 19 наблюдателей. В обязанности библиотекаря входило хранение фонда, соблюдение порядка в нем и составление каталога на библиотечный фонд, а также прием от населения денежных средств и передача их в распорядительный комитет. Устав определял и суммы денежных средств, необходимых библиотеке. Пользование библиотекой было платным. Годовой абонемент стоил 3 рубля, месячный – 40 коп.

До наших дней сохранились несколько выпусков печатного каталога Алексеевской библиотеки 1870-х гг. Каталоги библиотеки интересны для анализа эпохи, так как с одной стороны они дают представление о читательских пристрастиях и, с другой, отражают государственную политику по формированию читательского вкуса. В Уставе библиотеки было записано, что библиотека обязана «приобретать лучшие сочинения, преимущественно популярные, по разным отраслям науки..., могущие распространять в массы читателей основательные научные и общественно-полезные сведения». Реконструировать библиотеку 1870-х годов довольно затруднительно, так как систематические печатные каталоги того времени издавались как дополнение к традиционному карточному каталогу, поэтому описания книг не включают год издания и содержат ссылку к традиционному каталогу. Однако проследить репертуар книг и журналов в фондах библиотеки вполне возможно. Попытаемся представить, что представляла собой библиотека того времени. На 1 мая 1872 года в библиотеке содержатся 555 книг, 8 журналов, 9 газет. Весь фонд способен разместиться на 20 книжных полках. Что же читали жители Петрозаводска в 19 веке? Больше всего в библиотеке художественной литературы – 140 названий книг русских авторов и 78 – зарубежных писателей и еще 39 книг в разделе «сочинения драматические, стихотворения».

В библиотеке имелись собрания сочинений Екатерины II, Гоголя, Пушкина, Веневитинова, Вонлярянского, Крестовского, Лажечникова, Некрасова, Писарева, Писемского, Тургенева, Л. Н. Толстого, А. К. Толстого и др. Из зарубежных авторов наиболее полно представлены Шекспир, Фенимор Купер, Майн Рид, Диккенс и Дю-Тэрайль (романы о Рокамболе). Были в библиотеке отдельные тома «Истории государства Российского» Н. Карамзина, произведения Н. Костомарова, И. Забелина, Бокля, Пржевальского, педагогические работы Миропольского. Из журналов библиотека выписывала «Отечественные записки», «Дело», «Вестник Европы», «Всемирный путешественник», «Душеполезное чтение», хранила архив журнала «Вокруг света» за 8 лет, «Природа и землеведение» за 7 лет.

Систематический каталог библиотеки был разделен на 11 отраслевых разделов. В разделе «сочинения, относящиеся до Олонецкого края» всего восемь записей. Здесь отражены среди прочих «Памятные книжки Олонецкой губернии» с 1864 по 1869 гг., две книги Е. В. Барсова «Пале-

¹¹ Олонецкие губернские ведомости. – 1871 – № 29. – С. 350.

остров, его судьба и значение в Обонежском крае» и «Олонецкий монастырь Клименцы». Аналогичные издания и сейчас имеются в фонде отдела национальной и краеведческой литературы и библиографии НБРК.

Если вновь вернуться к статье В. Н. Верхоглядова, то можно привести некоторые данные по статистике чтения. Автор пишет: «как и сегодня, наибольшим успехом у читателей пользовалась приключенческая литература. Так, за 1871 год произведения Гоголя затребовали 21 раз, Тургенева – 41 раз, Некрасова – 20, Жюля Верна – 90 раз, Майн Рида – 128 раз».¹²

Любопытным документом по истории библиотеки является отчет о литературно-музыкальном вечере, данном в пользу Петрозаводской Алексеевской общественной библиотеки 24 апреля 1898 г, опубликованный сначала в Олонецких губернских ведомостях, а затем отдельным изданием в этом же году.¹³ В издании подробно описывается подготовка к вечеру и его содержание, дан отчет по сбору и расходованию денежных средств. Собрано средств : на генеральной репетиции с воспитанников учебных заведений – 27,8 руб. по 20 коп. за учащегося, на сам вечер продано было билетов на 221 руб., пожертвовано при входе 53,90 руб. Кроме того прислали денег (без присутствия на вечере) 25,50 руб. Всего собрано 328 руб. 20 коп.

Израсходовано на постановку (афиши, билеты, настройку роялей, за музыку, суплеру, парикмахеру) 99, 82. Чистый сбор в пользу библиотеки 228 руб, 38 коп.

Из отчета: «Поступление такой суммы составляет существенную помощь при чрезвычайно плохом состоянии ее финансов. Этой поддержкой библиотека обязана Прасковье Николаевне Демидовой и врачебному инспектору М. Н. Мотрохину, принявшим горячее участие в организации и устройстве вечера».¹⁴

Благотворительный вечер состоял из двух частей: сначала на сцене театра была поставлена пьеса местного автора Г. М. Максимова «Прежде скончались, затем повенчались», затем был концерт. Из отзывов о вечере, опубликованных в этом же отчете: «Пустейший фарс, но премило было сыграно нашими даровитыми любителями. Концерт сошел также удачно, как и спектакль. Хор балалаечников прекрасно сыграл и звучал хорошо. Госпожа В. Н. Оссовская доставила большое удовольствие слушателям исполнением романсов. Прекрасно сыграли на двух роялях г-жи Л. К. Оссовская и С. В. Чермак музыкальную вещь из оперы Доницетти. Г. Носков с чувством играл на скрипке. Театр был полон и публика не пожалела о проведении вечера».¹⁵ Остается вопрос, был ли это единственный вечер в истории библиотеки? Судя по тому, что проведение благотворительных вечеров было достаточно популярно, можно предположить, что это – не единичный случай, но собравший самую

¹² Верхоглядов, В. Н. День рождения только раз в году... или два? // Петрозаводск. 1994. 11 нояб. С. 12.

¹³ Отчет о литературно-музыкальном вечере, данном в пользу петрозаводской Алексеевской библиотеки 24 апреля 1898 г. Петрозаводск, 1898.

¹⁴ Отчет о литературно-музыкальном вечере, данном в пользу петрозаводской Алексеевской библиотеки 24 апреля 1898 г. Петрозаводск, 1898 С. 3.

¹⁵ Там же С. 12.

значительную сумму, которой хватило на издание отдельного отчета. Как бы там не было, это достаточно интересный документ для тех, кто изучает историю библиотеки.

В 1895 году библиотека получила постоянное помещение, перестроенное из здания гаупвахты. В 1896 году библиотека провела первые народные чтения. Они были посвящены Екатерине II. «Развлечений в городе никаких, поэтому народные чтения должны привлечь массу слушателей», – писал корреспондент ОГВ.¹⁶

Первым исследователем, изучавшим историю библиотеки в советский период, была Александра Ивановна Афанасьева. В своих монографиях «Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии, 1918–1927» и «Культурные преобразования в Советской Карелии, 1928–1940»,¹⁷ посвященных культуре Карелии в период становления социализма, она достаточное место уделила публичной библиотеке.

Несколько статей, посвященных истории библиотеки есть в материалах I научной конференции «Краеведческие чтения», которая проходила в 2007 г. Это статьи С. Н. Филимончик¹⁸ и Л. И. Капуста.¹⁹

Из публикации Л. И. Капуста мы узнаем, что в начале 1918 года охрана Мурманской железной дороги сделала попытку захватить помещение библиотеки, взломала шкафы, выкинула книги, но, к счастью, книжное собрание уцелело. К концу 1918 года отдел народного образования характеризует библиотеку следующим образом: «...библиотека реорганизована и временно одна обслуживает весь город».²⁰ Реорганизация связана с упразднением Земства, которое финансировало библиотеку. Библиотека перешла в ведение Народного Комиссариата просвещения. Народный Комиссариат просвещения стал выдавать библиотеке небольшие суммы на пополнение ее новыми книгами, подыскал и отремонтировал новое помещение (здание городской типографии № 2). В библиотеку были переданы книги из бывшей духовной семинарии, губернского правления, Архиерейского Дома, Общества изучения Олонецкой губернии, Комитета попечительства о народной трезвости.

13 февраля 1919 года состоялось открытие губернской библиотеки-читальни. В штате было 3 сотрудника: заведующий и два помощника библиотекаря. Книги выдавались на дом под залог, но обслуживание было бесплатным. Работал малый читальный зал.

¹⁶ Цит. по : Капуста, Л. И. Публичная библиотека в Петрозаводске : страницы истории // Краевед. 10 лет. : сб. ст. Петрозаводск. 1999. С. 11.

¹⁷ Афанасьева, А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии, 1918– 1927 / А. И. Афанасьева ; Карельский филиал Академии наук СССР, Институт языка, литературы и истории. – Петрозаводск : Карелия, 1983. – 238, [2] с.

¹⁸ Филимончик, С. Н. Публичная библиотека Карелии в 1920–1930-е годы // Краеведческие чтения: материалы Инауч. конф. Петрозаводск, 2008. С. 45–50.

¹⁹ Капуста, Л. И. Библиотеки Петрозаводска в первые годы советской власти (1918–1923) // Краеведческие чтения: материалы Инауч. конф. Петрозаводск, 2008. С. 41–44.

²⁰ Цит. по.: Капуста, Л. И. Библиотеки Петрозаводска в первые годы советской власти (1918–1923) // Краеведческие чтения: материалы Инауч. конф. Петрозаводск, 2008. С. 42.

19 марта 1919 года сгорела только что сформированная библиотека отдела народного образования. В некоторых документах проходит информация о том, что сгорела губернская библиотека, так как было уничтожено здание, в котором библиотека располагалась до революции.

Возвращаясь к дате основания библиотеки необходимо отметить, что некоторое время в послереволюционный период именно 1919 год считался датой возникновения публичной библиотеки. Так, в газете «Красная Карелия» от 15 февраля 1939 года помещена статья о двадцатилетии библиотеки.²¹ В 1949 году отмечался соответственно 30-летний юбилей библиотеки.

В статье С. Н. Филимончик рассказывается об истории областной публичной библиотеки в 1920-е – 1930-е годы. Из ее статьи мы узнаем, что в начале 1920-х годов в городе организованы 3 районные городские библиотеки, финская, детская библиотека и библиотека искусств. В августе 1922 года эти библиотеки слиты с губернской библиотекой. После слияния всех библиотек учреждение получило название Карельская областная, а затем – Карельская публичная библиотека. В библиотеке организовано общеобразовательное отделение и читальный зал. Заведовал библиотекой И. М. Никольский. Это имя хорошо известно среди библиотекарей. Он сначала был директором библиотеки, потом возглавлял краеведческий отдел библиотеки. Именно перу Никольского принадлежит первая комплексная краеведческая библиография «Книги о Карелии». В 1922 году открыто краеведческое отделение, чуть позднее – научно-академическое отделение. Правда, уже в 1928 году научно-академическое отделение, в котором хранились книги, поступившие из духовной семинарии и гимназии, закрылось, что было вызвано требованием «очистить библиотеки от идейного хлама».²² Из статьи С. Н. Филимончик мы узнаем имена руководителей библиотеки в 30-е годы, а также ее сотрудников. С 1933 по 1937 год возглавлял библиотеку Семен Федотович Молодьков. Он родился в крестьянской семье, однако закончил Академию коммунистического воспитания им. Крупской и в 1931–1933 годах учился в аспирантуре НИИ библиотековедения в Москве. В 1930-е годы библиотека рассматривалась как один из институтов политического просвещения, что накладывало отпечаток на формы и методы работы. Библиотека ведет диспуты и лекции по международной политике, по религии и атеизму, о Сталинской конституции и т. п.

Одним из наименее изученных периодов истории библиотеки является ее деятельность в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на многочисленные упоминания о библиотеке в книгах по военной истории, по сути о ее деятельности известно немного. Известно, что эвакуация части фонда проходила по Онежскому озеру и при бомбежке в водах Онеги погибли библиотекари Серафима Николаевна Погарская и Зинаида Ивановна Суханова. Известно, что при эвакуации Петрозаводска библиотека была перевезена в г. Кемь, что здание библиотеки было разрушено и уже в 1944 году началось возвращение фондов в Петрозаводск. Директором библиотеки времен Т. Ф. Мартыновой и сотрудниками своими руками разобрано 14 вагонов книг, возвращенных из Финляндии, 14 тыс.

²¹ Мартынова Т. Двадцатилетие карельской публичной библиотеки // Красная Карелия. – 1939. – 12 февр.

²² Филимончик, С. Н. Публичная библиотека Карелии в 1920–1930-е годы // Краеведческие чтения: материалы I науч. конф. Петрозаводск, 2008. С. 48.

книг, переданных из Госфонда для восстановления библиотеки. Эти и другие факты истории библиотеки в военный период можно прочитать в статье «Библиотека в годы войны», написанной сотрудником библиотеки И. В. Кондратьевой и опубликованной в газете «Карелия».²³ Это, пожалуй, наиболее полная публикация по данной теме.

В 1959 году библиотека получила новое здание, в котором живет и сейчас. История послевоенного периода более знакома сегодняшним специалистам в основном не по публикациям, а по рассказам ветеранов библиотеки. Однако с каждым годом события 20 века уходят все дальше и тоже становятся историей. В разных выпусках «Библиотечного вестника Карелии», издаваемого Национальной библиотекой, есть материалы рубрики «История библиотек в лицах». В рубрике помещены статьи, посвященные специалистам библиотеки разных поколений. Есть статья об Анне Максимовне Синицыной, главным делом которой было строительство нового здания для библиотеки, открытого в 1959 году.²⁴ Сотрудниками и ветеранами библиотеки написаны статьи о Перле Яковлевне Левиной,²⁵ Марии Ивановне Венустовой,²⁶ цикл публикаций о Вениамине Ароновиче Штейнберге.²⁷ В 2012 году клубом ветеранов культуры издана книга воспоминаний библиотечных работников, в том числе ветеранов Национальной библиотеки «Отражение исчезнувших лет».²⁸ В книге собраны воспоминания людей, хорошо известных и уважаемых в библиотечном мире М. Э. Каллиевой, Л. П. Гребневой, В. Д. Сеидовой, Т. В. Базулевой.

В заключение хочется отметить, что специалистами библиотеки составлены два библиографических указателя, содержащих материалы по истории библиотечного дела региона: «Библиотеки Олонецкого края XIV– начала XX вв.» и «Библиотеки Карелии. XX век». Они содержат все публикации о библиотеках республики и могут помочь исследователям в изысканиях. Полная история библиотечного дела в Карелии еще ждет своего автора.

²³ Кондратьева, И. Библиотека в годы войны // Карелия. 2010. 8 мая. С. 6.

²⁴ Лапичкова, В. П. Анна Максимовна Синицына // Библиотечный вестник Карелии. 2005. Вып. 14. С. 165–167.

²⁵ Лапичкова, В. П. Перла Яковлевна Левина / В. П. Лапичкова, И. К. Бугнина // Библиотечный вестник Карелии. 2003. Вып. 4. С. 134–135.

²⁶ Лапичкова, В. П. Энтузиаст библиотечного дела : Венустова Мария Ивановна (1903–1969 гг.) // Библиотечный вестник Карелии. 2005. Вып. 15. С. 132–134.

²⁷ Библиотечный вестник Карелии. 2005. Вып. 15. С. 135–142.

²⁸ Отражение исчезнувших лет / общ. орг. пенсионеров г. Петрозаводска «Клуб ветеранов культуры». Петрозаводск, 2012.

Из истории библиотечного дела Кондопожского края

В середине 1890-х гг. в Олонецкой губернии началось создание народных библиотек-читален.¹ С 1908–1909 гг. эта работа приобрела упорядоченный характер, так как губернское и уездные земства утвердили специальные планы библиотечной деятельности. Каркас создаваемой библиотечной сети составляли волостные библиотеки-читальни. Для них устанавливался радиус действия в 9–15 верст. Комплектование фондов таких библиотек осуществлялось по принципу «гимназия в книгах», основное книжное ядро составляли две тысячи книг общей стоимостью 500 рублей. К 1 января 1914 г. в Олонецкой губернии работали 62 такие библиотеки и создание сети земских библиотек было близко к завершению.²

К 1917 г. в преобладающей части библиотек-читален насчитывалось уже по три тысячи и более экземпляров книг с богатыми разделами по естествознанию, прикладным наукам, географии, имелись полные собрания сочинений и «народные издания» классиков русской и зарубежной литературы. При каждой волостной библиотеке постоянно функционировала читальня с газетами и журналами. Местные работники – врачи, фельдшеры, лесничие – вели беседы и лекции по сельскому хозяйству и медицине. Были особые «детские» и «женские» дни, изредка ставились спектакли или проводились «семейные вечера» как мера борьбы с деревенскими «беседами» и «игрищами».

Село Кондопога (Вестник Олонецкого губернского земства – 1912 – № 3 – с. 17–19).

18 сентября с. г. в селе Кондопога, Петрозаводского уезда была открыта земская библиотека-читальня. На открытие прибыли от земства заведующий внешкольным образованием Г. Никольский и член управы г. Пиккат, а также местное духовенство, почти все местные труженики и много грамотных крестьян. Был отслужен молебен с певчими из крестьян. После молебна был организован Попечительский совет библиотеки, в состав которого сразу же вступило 14 человек из местной интеллигенции и крестьян. На первом собрании Попечительского совета были выработан внутренний порядок библиотеки, проведены были выборы председательского совета, секретаря и пр. – и в тот же день началась выдача книг. Из статьи можно выяснить, что крестьянство активно интересовалось работой библиотеки. Принимало участие в Попечительском совете. Автор Ф. Окинчиц³ говорит, что население вполне серьезно относится к просветительскому делу

¹ Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1895 г. Петрозаводск, 1896. С. 15.

² Обзор состояния внешкольного образования в Олонецкой губернии в 1913 году. Петрозаводск, 1913. С. 1.

³ Ф. Окинчиц. Село Кондопога (Народная библиотека-читальня) // Вестник Олонецкого губернского земства. – 1912. – № 3. – с. 17.

и начинает видеть в учреждении библиотеки не источник развлечения, а источник света и знаний. «О серьезном отношении к делу можно уже судить хотя бы потому, что при разборе вопросов о выписке книг и журналов члены Совета, в большей степени крестьяне, руководствовались при этой выписке желанием получить какие-либо полезные знания, а не простое развлечение».⁴ Известно, что выписывался журнал «Вестник Знания» на свои средства.

В статье следующего номера Вестника Олонецкого губернского земства (№ 4, 1912 г.) рассматривается деятельность библиотеки-читальни по выдаче книг за короткий промежуток с 18 сентября по 1 ноября. Исходя из представленных цифр, можно сделать вывод, что библиотека функционировала довольно успешно.

Автором приводятся статистические сведения с 10 по 30 сентября, проверенных и признанных правильными Попечительским Советом.⁵

	мужчины	женщины	всего
Дети школьного возраста (14–17 лет)	14	7	21
Подростки (15–17 лет)	11	1	12
Взрослые с 18 лет	50	12	62

Всего числилось в списке читателей 95 человек, книг выдано – 140.

По отделам взятые книги распределялись:

Религиозно-нравственный отдел – 11

Исторический отдел – 29

География и путешествие – 19

Природоведение – 10

Литературный отдел – 71

Всего – 140

За октябрь месяц работоспособность библиотеки определяется так:⁶

	мужчины	женщины	всего
Дети школьного возраста (14–17 лет)	16	12	28
Подростки (15–17 лет)	14	4	18
Взрослые с 18 лет	82	13	95

Всего числилось в списке читателей 141 человек, книг выдано 440, рабочих дней было 27.

Выданные книги по отделам распределялись:

⁴ Ф. Окинчиц. Село Кондопога (Народная библиотека-читальня) // Вестник Олонецкого губернского земства. – 1912. – № 3. – с. 18.

⁵ Ф. Окинчиц. Село Кондопога (Народная библиотека-читальня) // Вестник Олонецкого губернского земства. – 1912. – № 3. – с. 19.

⁶ Ф. Окинчиц. Село Кондопога (Народная библиотека-читальня) // Вестник Олонецкого губернского земства. – 1912. – № 4. – с. 18.

Религиозно-нравственный отдел – 26

Исторический отдел – 89

География и путешествие – 37

Природоведение – 13

Литературный отдел – 246

Общественно-юридический отдел – 8

Сельско-хозяйственный отдел – 14

Медицинский отдел – 5

Пользовались библиотекой, главным образом, жители села Кондопоги. В единичных случаях брали книги крестьяне из соседних селений.

Таким образом, наибольшее число читателей – это взрослое население в возрасте с 18 лет. Обращает на себя внимание количество девиц в возрасте от 15 до 17 лет. Их меньше, чем девушек школьного возраста. Это связано с тем, что в те времена было не принято, чтобы девушка, которая ходит на беседы, занималась чтением книг. Следовательно, читающее женское население – это девочки школьного возраста и женщины, по преимуществу из интеллигенции.

Исходя из записи в «Журналы Повенецкого уездного земского собрания 1912 года» в 1913 году было запланировано открытие библиотеки в селе Кяппесельга с книжным инвентарем в 800 рублей. Контролировал её работу Уездный комитет попечительства о народной трезвости. В 1914 году библиотека получала следующие периодические издания: «Святые трезвые всходы», «Хутор», «Сельский вестник», «Юная Россия», «природа и люди», «Олонецкая неделя», «Читальня народной школы», «Родная старина».⁷ После гражданской войны начинало возрождаться библиотечное дело. Некоторые библиотеками во время войны погибли совсем, а в тех, что остались, наблюдалась большая нехватка книг: «Растащены малосознательными элементами воинских частей». В отчете Повенецкого уездного отдела народного образования указывалось: «С 1 августа по 1 декабря 1920 года открыть 3 районные библиотеки: в селе Кяппесельга, Типиницах и в Лумбушах». Можно предположить, что основу библиотечного фонда Кяппесельги составляли книги И.П. Захарова.⁸ С началом революции дом его в Петрограде был реквизирован и он вернулся на родину в Кяппесельгу. В числе самого ценного имущества были вывезены книги и журналы (несколько ящиков). Здесь художественная литература, книги для детей, журналы «Нева», «Огонек», «Родина» и приложения к ним.

В «Журнале Петрозаводского уездного земского собрания» под записью № 87 мы узнаем о том, что крестьянин Александр Ураев запрашивает денег на строительство здания для библиотеки-читальни, фельдшерского пункта и приюта. Запись датирована 26 октября 1912 года. Следова-

⁷ В. А. Карелин. Кяппесельга. Уница//Авангард. – 2006. – 3 февраля, с. 18.

⁸ В. А. Карелин. Кяппесельга. Уница//Авангард. – 2006. – 17 февраля, с. 18.

тельно в селе Спасская губа библиотека существовала уже раньше и на её содержание уездное земство ежегодно выплачивало 72 рубля. Но если мы обратимся к «Обзору Олонецкой губернии за 1894 год». То мы сможем найти небольшую заметку в разделе «Народное образование»: «В отчетном году земством сделаны новые ассигнования на народное образование <...> ассигновано 200 рублей на учреждение двух народных читален в селах Толвуе и Спасской губе». Таким образом, первые библиотеки-читальни появились в этих селах уже приблизительно к концу 19 века. Однако в других источниках можно встретить информацию, что библиотека была основана в 1917 году.

В 20–30-е годы на территории современного Кондопожского района насчитывалось около 20 библиотек, в то время они назывались избы-читальни и представляли из себя сочетание клуба и библиотеки.

Спасогубская библиотека – 1917 год

Тивдийская библиотека – 1917 год

Кончезерская библиотека – 1923 год

Кяппесельская библиотека – 1923 год

Гирвасская библиотека – 1935 год

Нелмогозерская библиотека – 1936 год

Новинская библиотека – 1938 год

Янишпольская библиотека – 1938 год

Городская библиотека № 1 – 1947(по 2006) год

Кондопожская центральная библиотечная система – 1946 (по 2010) год

Кондопожская центральная городская детская библиотека – июнь 1948 года

Профсоюзная библиотека ОАО «Кондопога» – 1949 (по 2010) год

Березовская сельская библиотека – 1950 год

Библиотека ООО «Санаторий Марциальные воды» – 1964 год

Кедрозерская библиотека – 1968 год

Городская библиотека №4 – 1978 год

Медицинская библиотека Кондопожской центральной районной больницы – 1979 год

Научно-техническая библиотека ОАО «Кондопога»

Первой библиотекой г. Кондопога является библиотека на ул. Кондопожской. Кондопога тогда была деревней и располагалась вокруг Успенской церкви. Одно время там же в поповском доме находилась и библиотека.

5 июня 1938 года рабочий поселок Кондопога приобрел статус города. После войны в городе создается библиотека, которая получает название: районная. Первые ее книги – 2 тыс. томов – получены из Публичной библиотеки КФССР (Из числа возвращенных из Финляндии). Библиоте-

ка занимала 12-ти метровую артистическую уборную в ДК бумкомбината. И в библиотеке работали три сотрудника: заведующий (занимался административно-хозяйственными вопросами), и два библиотекаря на выдаче книг. Фонд долгое время составлял 2 тыс. экземпляров, новых поступлений не было. Выписывали 8 названий газет, читателей было 120 человек. Из них 80 детей. На 12 квадратных метрах располагались: шкаф, стеллаж с 4-мя полками, большой стол, где можно разложить газеты, два дивана, табурет. Комната темная, неотапливаемая. Работала библиотека с 10 утра до часа дня и с 4 часов до 10 часов вечера.

Документы донесли до нас не только положительные сведения. С 1945 по 1947 года в библиотеке был беспорядок. Большей частью на дверях висел замок. Инвентарной книги не было, каталог растрапан. Средства, отпущеные на книги и инвентарь, использовались слабо. Учет, по словам проверяющих, жуткий, регистрируют выдачу на клочках бумаги, сроков возврата не устанавливается. Планов работы не было. Хотя, по словам библиотекарей, дневник они вели, но его «съели крысы» (буквально). Также они съели пачку читательских абонентов. С 1 июля 1946 года библиотеку перевели в помещение ремстройконторы барачного типа. Возможно, это было на месте современного здания полиции. Это была маленькая, плохо отапливаемая комната. Здание это не сохранилось, т. к. было снесено. Затем где-то в 1949–50 годах библиотека была в здании старой гостиницы, которую так же снесли – на ул. Гористой. С 1949 года по 1955 районная библиотека была расположена в 2-х этажном здании школы по ул. Школьников, 3. Здесь долгое время был детский сад, затем филиал Петрозаводской швейной фабрики «Северянка». Библиотека занимала 3 комнаты, одна из них была размером всего 7 кв. метров, другая – хранилище – очень холодная. Зимой книги покрывались инем.

Данных о работе библиотеке в деревне Кондопога практически нет, но есть упоминания, что она была и вела свою работу.

В 1955 году библиотека переехали в другое помещение – по ул. Советов, напротив здания лесопункта. Сейчас на этом месте стоит новое здание противопожарной охраны. А в те годы в деревянном двухэтажном здании располагался горсовет, позднее – пожарная часть. У библиотеки появились отдельные абонемент и читальный зал, хранилище и небольшой кабинет для заведующей.

1 мая 1957 года районная библиотека переехала в дом 198 по улице пролетарской, где в настоящее время находится детская библиотека. В 1957 году Кондопогу объявили Всесоюзной молодежной стройкой. Население города резко увеличилось, а следовательно и число читателей возросло. В эти годы в библиотеках страны и в Кондопоге тоже вводился открытый доступ читателей к книжным фондам. Новатором в введении открытого доступа назвали Ивана Тимофеевича Федорова с ул. Кондопожской, который первый в республике открыл читателям доступ к фондам. Часто проводились тематические вечера, обсуждения книг, читательские конференции. На селе организаторами были не только библиотека, но и школа, клуб, сельский совет, круг активи-

стов. В городе – районная библиотека, библиотека ДК ЦБК, дом культуры, активисты. Часто в библиотеку приезжали различные знаменитости. Библиотека напрямую из Москвы приглашала Симонову, Кетлинскую. Имеются сведения о существовании в 1950-х годах профсоюзной библиотеки. В 50-х – 60-х годах в фондах районной библиотеки было около 30 тысяч книг, много журналов. Поиск литературы облегчал указатель литературы, систематический и алфавитный каталоги. Однако с течением времени становилось все более понятно, что места не хватает, и было принято решение о расширении библиотеки. Для этого пришлось перевести хозяйственный магазин в другое место. К 15 января 1968 года реконструкция была завершена. Значительно прибавилось число сотрудников. Также появилась сеть пунктов выдачи, раньше их называли передвижными библиотеками. В 60-е–70-е годы библиотека, судя по отчетам, жила ровно. Пристально следили за событиями в мире и в стране, которые четко отражались в работе библиотеки. Кондопожская центральная районная библиотека не раз выходила победительницей в различных республиканских смотрах и конкурсах: в 50-е годы библиотека не менее 3-х раз занимала первое место среди библиотек республики; в 1967, 1970, 1976. с 1978 года по всей стране библиотеки вступают в новый этап своего развития: начинается централизация, образуются централизованные библиотечные системы. Кондопожская ЦБС возникла 1 января 1978 года, объединив 25 библиотек-филиалов с книжным фондом 253 тыс. томов с количеством читателей 20424 человека. Это был очень большой шаг вперед. Комплектование литературы, ее обработка, ведение каталогов и картотек приобрели научную основу. ЦБС купила библиобус, некоторую множительную технику, библиотечное оборудование. В 70–80-е гг. в стране, в культпросветучреждениях. Школах. Техникумах и т. д. началось увлечение клубами по интересам. В районе библиотеке за этот период работал целый ряд клубов: «Искусство быть читателем», «Современный молодой рабочий», «Молодой строитель», «Жить, отвечая за всё» и так далее.

90-е годы по воспоминаниям работников библиотеки были более-менее спокойными. Работники вспоминали о том, что библиотека находилась в центре города, были недалеко магазины, что в условиях дефицита было огромным плюсом. А в эпоху подорожания было интересно смотреть на красивые импортные вещи и ужасаться от цен. Библиотека была своеобразным отделом партийной организации. Райком партии контролировал деятельность и иногда оказывал поддержку. Библиотека пропагандировала идеи партии через библиотечные формы. В библиотечно-библиографической классификации, в расстановке фондов марксизм-ленинизм был впереди, вначале, а все остальное потом. Каждый раздел систематического каталога начинался с работ Ленина. Когда кончилась партийная власть фонды очищались от партийных изданий и в тот момент возник огромный интерес к этой литературе. Библиотека стала увлекаться новыми формами библиотечной работы: бенефис читателя, выставка одной книги, презентация книги, ярмарка идей и т. д. в дальнейшем в деятельность библиотек пришел маркетинг: стали обучать на районных и республиканских семинарах.

В декабре 1993 года библиотека переехали в новое помещение по адресу ул. Советов, д. 19. с 1 февраля распахнулись двери для читателей. Неоценимую помощь в переезде и оформлении библиотеки по новому оказал ОАО «Кондопога». С 1994 года началась компьютеризация библиотеки.

*(Информация подготовлена по материалам
МБУ Кондопожская центральная библиотека им. Б. Е. Кравченко)*

Развитие сети культурно-просветительных учреждений Пряжинского района в XX в.

В 1920–30-е годы постепенно шло формирование сети культурно-просветительных учреждений Пряжинского района: повсеместно открывались избы-читальни, библиотеки, клубы колхозников, Дома культуры, лектории. Рабочие, служащие, колхозники принимали активное участие в художественной самодеятельности, в различных кружках, объединениях, студиях развивали творческие способности. Занимаясь политической, агитационной, общепросветительской, развлекательной деятельностью, культурно-просветительные учреждения в XX веке являлись центрами культуры во всех населенных пунктах Пряжинского района.

Объявленный в конце 1920-х гг. кульptoход за всеобщую грамотность населения обусловил новые направления культурной политики в деревне. В ряду первоочередных задач стоял вопрос о ликвидации неграмотности и малограмотности населения. Особая роль в решении этих задач отводилась сельским учителям, культурно-просветительным учреждениям. Комсомольцами района была создана культармия в составе 413 человек, и организовывались кружки по ликвидации неграмотности (ликбезы) при учебных заведениях, избах-читальнях, сельских советах. Уже в 1931 г. в районе 2147 неграмотных взрослых посещали кружки ликбеза, где их учили читать и писать. За 1932 г. было обучено 1152 неграмотных и 315 малограмотных. В 1936 г. в районе работало 95 пунктов ликвидации неграмотности.¹

Среди колхозов было организовано соревнование «За грамотный колхоз». Колхозники брали на себя обязательства: научиться читать, писать и считать, усвоить учебную программу в объеме школы для малограмотных, посещать занятия, не допуская опозданий и прогулов. Власти всячески помогали в организации такой работы. Так, весной 1937 г. правление колхоза «Энзимяйнен» Святозерского сельского совета обеспечило школу дровами и освещением, а неграмотных колхозников для учебы в вечернее время освободили от работы в 17 часов вечера.²

Численность неграмотных и малограмотных в Пряжинском районе с 1930 по 1939 гг. постоянно снижалась. Если в 1930 г. их насчитывалось 2295 человек, то в 1938 г. – 1933 человека, а в 1939 г. – 1200 человек. Тем не менее полностью ликвидировать неграмотность населения района не удалось. Эта проблема сохранялась до конца 1950-х годов. Так, по данным Пряжинского отдела народного образования в январе 1958 г. среди населения района от 16 до 49 лет было 483 неграмотных. В связи с этим в феврале 1958 г. исполком Пряжинского райсовета принял решение

¹ НА РК, ф. П-21, оп. 1, д. 9/175, л. 43.

² Включаемся в поход «За грамотный колхоз» // Красная Пряжа. 1937. 13 апреля.

«О ликвидации неграмотности населения», в котором утвердил план мероприятий по ликвидации неграмотности населения в возрасте от 16 до 50 лет и предложил за каждого обученного неграмотного, после соответствующей проверки качества обучения, выплачивать 100 руб.³ Однако по данным Всесоюзной переписи населения (1959 г.) в районе оставалось еще 345 неграмотных в возрасте от 9 до 50 лет.

Большую роль в культурно-просветительной работе среди населения играли сельские клубы (впоследствии сельские Дома культуры). Они были призваны заниматься организацией политической и агитационной работы, а также организовать досуг жителей сел и деревень. С этой целью при клубах работали различные объединения по интересам, создавались драмкружки, хоры, оркестры. Приметой времени становились агитколлективы (агитбригады), которые выезжали в отдаленные населенные пункты района. На территории Пряжинского района в довоенное время действовал один Дом культуры в районном центре с. Пряжа и 15 клубов колхозников в различных населенных пунктах. В деле организации культурного отдыха колхозников широко использовались патефоны, гармони, самодельные музыкальные инструменты, радио.

Самой распространенной формой работы клубов в довоенное время была кружковая. Как правило, это были кружки: литературные, рукоделия, культурно-просветительские, технические, агрономические и другие. Затем, кроме творческих кружков стали появляться кружки политграмоты и антирелигиозные. Например, в 1935 г. в Саригорском клубе работал агроколхозный кружок с охватом 23 человека, 3 политпросвет кружка с охватом 27 человек, военный и драматический кружок. В 1930-е годы среди населения активизировалась военно-патриотическая работа. В связи с этим при клубах стали организовываться ячейки осовиахима, стрелковые и военные кружки. Так, в 1937 г. в с. Пряжа для молодежи были организованы стрелковый и планерный кружок, их участники изучали основы военных знаний и летное дело.⁴

Важную роль в проведении культурно-просветительной работы среди сельского населения играли и красные уголки. Они создавались на лесопунктах, в колхозах и сельских советах. К 1939 г. в районе работало 23 красных уголка. Здесь проводились беседы, лекции, читки художественной литературы или публикаций из газет и журналов. Кроме того, практиковались вечера вопросов и ответов. В Вешкельском клубе колхозника в 1935 г. было организовано три красных уголка, создан клубный актив, насчитывавший до 45 человек, в Ведлозерском клубе регулярно проводились беседы по разъяснению решений партии и правительства и политическая учеба колхозников.⁵

Центральное место в организации культурно-просветительной работы занимал районный Дом культуры в с. Пряжа, здание которого было построено в середине 1930-х годов. Здесь проводились все районные мероприятия: партийные конференции и собрания партийного актива, слеты

³ НА РК, ф. Р-706, оп. 12, д. 7/205, л. 15–16.

⁴ В Пряже организуется планерный кружок // Красная Пряжа. 1937. 13 февраля.

⁵ НА РК, ф. Р-706, оп. 6, д. 6/46, л. 124.

колхозников и передовиков производства, выборы в органы власти, смотры художественной самодеятельности. В зрительном зале ДК демонстрировались кинофильмы, в фойе устраивались танцевальные вечера для молодежи, на площади перед зданием устраивались митинги.

Определенное место в деятельности всех клубных учреждений занимала театральная и литературная работа. В 1930-е годы в Пряже, Крошнозере, Святозере и Саригоре были организованы драматические кружки, в репертуаре которых были постановки спектаклей по произведениям А. П. Чехова, М. Зощенко и других.

Новым видом деятельности культурно-просветительных учреждений в это время стала организация и проведение смотров художественной самодеятельности. Первое такое районное мероприятие прошло в августе 1936 г., его участниками были колхозники и колхозницы из с. Кунгозера, Пряжи, Святозера. Самодеятельные артисты исполняли русские народные и современные песни, частушки на русском и карельском языках, декламировали стихи, показали спектакль по пьесе в А. Чехова «Медведь».⁶ Отметим, что эти смотры стали традиционными мероприятиями и проводились ежегодно. В сентябре 1937 г. в Пряжинском районном Доме культуры выступали артисты художественной самодеятельности из Интерпоселка, Святозера, Пряжи.

Одним из направлений работы клубов стала организация экскурсионной работы. Например, в 1930-е годы были организованы экскурсии женщин-колхозниц Пряжинского района в Олонецкий район в коммуну «Сало», для приобретения передового опыта ведения сельскохозяйственного производства, а также поездки передовиков производства г. Петрозаводск.

Сельские клубы вели активную киноработу. Передвижные киноустановки обслуживали не только сельские поселения, но и отдаленные лесопункты. К началу Великой Отечественной войны в Пряжинском районе имелось 6 таких киноустановок. В 1935 г. в п. Матросы впервые было установлено звуковое кино. Эта звуковая киноустановка была получена лесопунктом в качестве премии от ЦК Союза леса и сплава за перевыполнение сезонного плана лесозаготовок. В клубах проводились кинофестивали колхозной молодежи. Например, в дни такого фестиваля 28–29 апреля 1936 г. в с. Пряжа демонстрировались фильмы: «Чапаев», «Крестьяне», «Аэроград», «Веселые ребята».

Следует подчеркнуть, что кино постепенно становится важным фактором не только досуга, но и развития политico-просветительной работы среди жителей района. Кроме художественных кинолент для зрителей демонстрировались документальные фильмы. Так, в марте 1937 г. в с. Пряжа был показан звуковой кинофильм «Доклад т. Сталина о проекте Конституции Союза ССР и Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов». Примечательно, что посещение киносеансов становилось неотъемлемой частью жизни сельских жителей.

В послевоенное время важное значение приобрела лекционная работа, проводимая культпросвет учреждениями. При сельских клубах и избах-читальнях создавались постоянно действующие

⁶ Развивать художественную самодеятельность // Красная Пряжа. 1936. 18 августа.

лектории, к работе в которых активно привлекались внештатные лекторы – общественники из числа сельской интеллигенции. Для населения было организовано чтение политических докладов по разъяснению материалов съездов партии, об итогах выборов в высшие и местные органы власти и т. д.

В 1970-е годы в крупных населенных пунктах района сельские клубы были преобразованы в сельские Дома культуры (в Святозере, Эссойле, Чалне, Ведлозере). Основным направлением в культурно-просветительной работе все больше становилась производственная тематика. Повсеместной формой массово-политической и культурно-воспитательной работы клубных учреждений в это время стали праздники урожая, дни животноводов, тематические вечера, встречи с передовиками и новаторами производства, ветеранами революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, Героями Советского Союза и Героями Социалистического Труда, известными писателями, учеными, деятелями искусства. Эффективность этих мероприятий заключалась прежде всего в том, что в них сочетались политическая агитация с производственной пропагандой, воспитание патриотических чувств с организацией культурного отдыха.

Входило в традицию проведение вечеров по новым обрядам: торжественная регистрация браков, новорожденных, проводы в ряды Советской Армии и на заслуженный отдых. Регулярно проводились праздники искусств, КВН и другие мероприятия. Достаточно активной была работа с молодёжью и детьми: тематические вечера, утренники, сбор лекарственных трав, привлечение к физкультуре и спорту (волейбольные, футбольные команды) организация агитбригад и т.д.

Характерной чертой времени стала организация духовых и струнных оркестров. Судя по документальным материалам, первый духовой оркестр в Пряжинском районе был создан в п. Интернациональный в 1935 г. из числа приехавших на работу финнов. В январе 1958 г. в Доме культуры с. Пряжа организовали духовой оркестр, руководителем которого стал рабочий ремстройконторы Д. Д. Ильичев, в 1969 г. струнным оркестром в Крошнозере руководила завуч школы Р.Э. Кальске. В 1960-е годы в районе действовало несколько оркестров русских народных инструментов: в Пряжинской детской музыкальной школе (руководитель В. И. Кондратов), в Чалне (руководитель грузчик нижней биржи лесопункта Р.И. Рапу) и в Матросах (руководители – учащиеся республиканской культпросветшколы). В 1978 г. оркестр народных инструментов из п. Пряжа был награжден Почетной грамотой Министерства культуры КАССР. Во многих клубах и ДК появились самодеятельные вокально-инструментальные ансамбли.

Значительное место в работе учреждений культуры занимала наглядная агитация и оформительская работа. На стенах клубов вывешивались лозунги, плакаты, призывающие тружеников леса досрочно выполнить производственный план, создавались уголки: «Трудовая слава», «Лучшие люди участка» и другие, выпускались «Молнии» и «Боевые листки».⁷

⁷ НА РК, ф. Р-706, оп. 15, д. 7/93, л. 12–26.

Развитие киносети Пряжинского района продолжилось и в послевоенное время. В 1948 г. в Пряжинском районе имелось 6 киноустановок (1 стационарная в Пряже и 4 передвижки в Свято-зере, Вешкелице, Падозере и Эссойле и 1 автопередвижка), которые в том же году продемонстрировали 300 художественных кинокартин, среди них: «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», «Подвиг разведчика», «Сельская учительница», «За советскую Родину», а также 65 документальных, 50 научно-популярных фильмов.

В 1950–1980-е годы численность стационарных киноустановок увеличилась. Они появились в Ведлозере, Чалне, Эссойле, Святозере и других поселениях. Киносеть района в 1983 г. была представлена 39 киноустановками

Постоянное внимание клубные учреждения уделяли организации и работе различных самодеятельных кружков. Например, в 1971 г. в клубах района работало 70 кружков художественной самодеятельности, в том числе: 17 хоровых, 12 драматических, 8 танцевальных, 5 музыкальных, 4 агитбригады и т. д.⁸ В 1981 г. в Пряжинском районе работало уже 110 коллективов художественной самодеятельности с числом участников 1100, четверым из них было присоено звание «Народный». Силами этих коллективов только в I полугодии 1983 г. дано 350 концертов, на которых присутствовало 27,3 тыс. зрителей.⁹

Первые хоровые коллективы в Пряжинском районе появились в 1930-е годы: в Святозере – в 1936 г., в Пряже – 1937 г., в Крошнозере и в Ведлозере в 1938 г. Это были хоры колхозниц, исполнявшие песни на русском и карельском языках и с большим успехом выступавшие на районных смотрах художественной самодеятельности. В послевоенное время хоровые коллективы возобновили свою работу.

Визитной карточкой района в 1950–1980-е годы стал Ведлозерский народный хор (первым его руководителем был Заслуженный артист Карельской АССР И. И. Левкин). Участники хора давали перед населением в год по 40–50 концертов. Коллектив был постоянным участником районных смотров художественной самодеятельности, Дней культуры Пряжинского района в г. Петрозаводске, республиканских праздников песни и танца, декад искусств Карелии в Москве. В 1963 г. и 1972 г. на Всероссийских смотрах сельской художественной самодеятельности он становился победителем.

Примечательно, что в 1960–1970-е годы во многих Домах культуры, сельских клубах, предприятиях района создавались хоровые коллективы. В декабре 1962 г. в Пряже состоялась I районная конференция хорового общества, председателем которого избрана художественный руководитель Ведлозерского народного хора Р. М. Михайлова. Пользовались успехом у зрителей и мужские хоры с. Святозера и Эссойлы. А хор учителей Пряжи на втором республиканском смотре художественной самодеятельности учительских коллективов в 1967 г. занял I место, жюри от-

⁸ НА РК, ф. Р-706, оп. 15, д. 11/171, л. 12–41.

⁹ МА ПИМР, ф. 1, оп. 1, д. 701, л. 43.

метило высокое мастерство исполнения песен «Мы твои, Революция, дети» (муз. Подольского) и «Песнь-сказ о Мамаевом кургане» (муз. А. Пахмутовой).

В середине 1970-х годов была проведена работа по совершенствованию сети культпросвет учреждений, централизация клубов и Домов культуры Пряжинского района. В этих целях упорядочили сеть автоклубов, провели работу по созданию кустовых методических центров, ввели единое комплексное планирование работы учреждений культуры на территории сельских советов. В 1981 г. в районе было создано 3 централизованные клубные системы – Ведлозерская (в составе 3 Домов культуры и 6 клубов-филиалов), Эссойльская (3 ДК и 6 клубов-филиалов), Пряжинская (1 ДК и 2 клуба-филиала). Методическим центром для 8 профсоюзных клубов Шуйско-Виданского леспромхоза являлся Чалнинский базовый Дом культуры.¹⁰

Несомненно, в работе культурно-просветительных учреждений было немало проблем. Создание клубов колхозников, красных уголков требовало специальных помещений, но в селах и деревнях их не было. Еще в 1930-годы для этих целей стали приспосабливать церковные здания или арендованные крестьянские дома. Например, клубы в с. Сямозере, Крошнозере, Вешкелице, Эссойле и других помещались в бывших церквях. В докладе на заседании сессии Пряжинского РИКА в апреле 1935 г. зав. Пряжинским РОНО Х. Котсалайнен сообщил, что здания колхозных клубов, арендованные в крестьянских домах, с низкими потолками с недостаточной световой площадью не соответствуют своему назначению, кроме того не хватает инвентаря, столов, скамеек.¹¹

В 1950–1980-е годы на средства промышленных и сельскохозяйственных предприятий района было организовано строительство новых зданий сельских клубов и Домов Культуры, в них располагались большие танцевальные и зрительные залы на 200 или 400 мест, помещения библиотек, комнаты для кружковой работы. Осуществлялось обеспечение их новой мебелью, музыкальными инструментами, литературой и техническими средствами.

Для работы в клубах остро не хватало специалистов. Только в послевоенное время в сельских клубах появились освобожденные клубные работники. Острой проблемой был невысокий уровень образования культпросветработников. Чаще всего для культурного обслуживания лесных рабочих поселков привлекались люди без специального образования.¹² Имела место и большая текучесть кадров. Так, в 1968 г. из 52 клубных работников района, только 15 имели специальное образование, 28 не имели даже среднего образования, на работу в культпросветучреждения было принято 6 человек, а уволилось – 7.¹³ К началу 1970-х годов в клубных учреждениях имелось 10 вакансий. В это время отсутствовали художественные руководители в Эссойльском, Савиновском, Колатсельгском Домах культуры, заведующие клубами в Палалахте, Каскесельге, Сыссой-

¹⁰ МА ПНМР, ф. 1, оп. 1, д. 701, л. 38.

¹¹ НА РК, ф. Р-706, оп. 6, д. 6/46, л. 123.

¹² НА РК, ф. Р-706, оп. 10, д. 13/270, л. 22–43.

¹³ НА РК, ф. Р-706, оп. 15, д. 7/93, л. 12–26.

ле, не было директора в Святозерском Доме культуры.¹⁴ Постепенно кадровая проблема решалась. В 1983 г. в клубных учреждениях района работал 51 клубный работник, из них с высшим образованием 6 (1 окончил консерваторию, остальные педагогические учебные заведения), со средним специальным 32, средним 7, неполным средним 6.¹⁵

В 1990-е годы в клубных учреждениях все меньше проводилось массовых мероприятий – лекций, докладов, политических собраний. Предпочтения отдавались развлекательным мероприятиям. Посетитель клуба становился не активистом, а потребителем. Остаточный принцип финансирования привел к тому, что большинство клубов и ДК не могли вести элементарную работу, поскольку не было мебели, не обновлялись музыкальные инструменты, отсутствовали костюмы. В это время среди работников культуры увеличилась текучесть кадров из-за низкой заработной платы сотрудников и обострения жилищной проблемы.

Мероприятия отдела культуры Пряжинского райсовета в 1996 г. были профинансираны всего на 40 %, а некоторые на 7–10 %. В результате тяжелейшего финансового положения в это время закрылись все киноустановки, работавшие раньше в районе. Почти все помещения клубов, библиотек требовали капитального ремонта, а некоторые находились в аварийном состоянии.¹⁶

Новые условия требовали иных форм работы. Ушли в прошлое народные университеты, лектории, агитационные бригады. Однако даже в этих трудных условиях работа учреждений культуры не прекратилась. Многие коллективы художественной самодеятельности стали участниками международных фестивалей, проводимых в Карелии, России, Финляндии. В районе сложились хорошие традиции проведения народных праздников, особенно любимых населением – «Киндасово», «Кукушкина гора», «Играй, гармонь», «Рождественские встречи» и другие. Приоритетным направлением деятельности учреждений культуры стало возрождение национальных традиций: карельских горниц, праздников села, выставок умельцев народных ремесел, фольклорных фестивалей и других.

Таким образом, несмотря на слабую материальную базу клубы, Дома культуры были настоящими культурными центрами сел и деревень. Работники этих учреждений проводили разнообразные мероприятия, которые с одной стороны были направлены на удовлетворение культурных потребностей сельских жителей, с другой – обеспечивали реализацию политики партии на местах.

Ключевое положение среди учреждений культуры в сельской местности имели избы-читальни, при которых работали красные уголки, пункты ликвидации неграмотности, воскресные школы и т. д. Численность этих учреждений в довоенное время постепенно возрастала. Так, если в 1930 г. в Пряжинском районе имелось только 13 изб-читален, то к 1939 г. – 17, действовало 17 постоянных библиотек с фондом 38244 экземпляра книг, 23 красных уголка. В 1935 г. в с. Пряжа открылась районная библиотека, а в 1937 г. начала работу детская библиотека.

¹⁴ НА РК, ф. Р-706, оп. 15, д. 11/171, л. 12–41.

¹⁵ МА ПНМР, ф. 1, оп. 1, д. 701, л. 43.

¹⁶ МА ПНМР, ф. 1, оп. 1, д. 7/63, л. 29–32.

В 1930-е годы библиотеки активно включаются в агитационно-просветительскую работу. Формы работы с читателями были весьма разнообразными: вечера книги, беседы, громкие читки, литературные утренники, выставки книг к определенным датам, праздникам, вечера вопросов и ответов по произведениям русских и советских авторов. В 1937 г. во всех библиотеках района прошли мероприятия, посвященные 100-летию смерти А. С. Пушкина. Например, Крошнозерская библиотека в эти дни провела громкую читку о жизни и творчестве Пушкина, организовала выставку книг поэта, на собрании читателей библиотеки была заслушана лекция о жизни и творчестве А. С. Пушкина.¹⁷

Самыми востребованными формами работы библиотек в это время были мероприятия к выборным кампаниям, политическим акциям. Именно через библиотеки в районе было устроено широкое обсуждение «Краткого курса истории ВКП(б)», вышедшего в 1938 г., а также биографии И. В. Сталина.

Одним из направлений работы библиотек района стала организация библиотек-передвижек. Они создавались с целью приближения книги к читателям, прежде всего – рабочим в лесных поселках, в школах для взрослых. Как правило, библиотекари выезжали прямо на лесные делянки с выставками книг, делали обзоры новинок поступающей политической и художественной литературы, выдавали лесорубам книги для чтения. При библиотеках были организованы группы книгонош, которые доставляли книги читателям на дом.

Библиотечные фонды постоянно пополнялись и включали в себя книги различной направленности: общественно-политической, художественной, беллетристику, издания периодической печати. Читателям предлагались также книги на карельском языке.

Серьезной проблемой в работе библиотек была нехватка специалистов-библиотекарей. Некоторые библиотеки нередко закрывались из-за отсутствия работников. Как правило, избыточные библиотеки не имели своих помещений и размещались в частных домах.

В 1950–1960-е годы совершенствовались формы работы библиотек. Появился открытый доступ читателей к фондам, библиотеки стали заниматься продажей книг населению. Больше стало проводиться обсуждений литературных произведений, устраивались диспуты по проблемам нравственности и морали, организовывались встречи с писателями и поэтами. При библиотеках были организованы Советы библиотек. Библиотеки откликались на различные политические кампании. Выставки книг посвящались не только литературным датам, но и партийным съездам и конференциям, событиям международной жизни. Работники библиотек района проводили библиографические обзоры, беседы, выпуск фотогазет и плакатов.¹⁸

По-прежнему важную роль играли передвижные библиотеки. Пряжинским РК КП(б) был составлен специальный список библиотек-передвижек по обслуживанию лесопунктов, в котором

¹⁷ Иванов, Богданов Д. Как мы подготовились к юбилею великого поэта // Красная Пряжа. 1937. 10 февраля.

¹⁸ НА РК, ф. Р-706, оп. 12, д. 8/234. л. 35.

все существующие в районе библиотеки закреплялись за лесоучастками, находящимися вдали от пунктов выдачи книг. Например, Маньгинский лесопункт обслуживали Пряжинская районная и Каскеснаволокская библиотеки.¹⁹

Сельские библиотеки активно занимались пропагандой сельскохозяйственной литературы. Библиотекари регулярно посещали бригады животноводов, полеводов, механизаторов и строителей, проводили беседы и обзоры новинок сельскохозяйственной литературы. В 1959 г. Ведлозерская, Паннильская, Щеккильская библиотеки провели работу по распространению передового опыта в сельском хозяйстве. Они обсудили среди рабочих совхоза «Ведлозерский» книги Лихачева «Пути создания высокопродуктивного стада крупного рогатого скота», Редкина «Советы свинарке», Трофимова «27 поросят от свиноматки».²⁰

М. Н. Кропачева, проработавшая в библиотечной системе около 40 лет вспоминала, что на работу в Ведлозерскую библиотеку она приехала в 1948 г. «В то время в районе было шестнадцать библиотек, которым надо было оказывать методическую помощь. А транспорта никакого не было, даже не курсировали рейсовые автобусы. В Колатсельгу, Кинелахту, Тигверу и другие населенные пункты зимой ходила на лыжах. От деревни к деревне. Летом пешком или на велосипеде. Помню, направилась в Сысскойлу, чтобы подготовить вопрос на собрание о работе местной библиотеки. Сказали об этом днем, а собрание уже должно было состояться вечером. Узнала, что с Репного озера есть прямая дорога в Сысскойлу, по которой возят сено. Иду на лыжах. Уже стемнело, мороз щиплет лицо, мерзнут руки, ноги. Даже подумала, что не по той дороге иду. Обрадовалась, когда увидела огни Сысскойлы».²¹

В те годы библиотекарь решал основную задачу доведения книги до каждой семьи, до определенного читателя. На карте-схеме села отмечалась каждая читающая семья, проводились подворные обходы, было организовано книгоношество. Работники библиотек, обрабатывая новую книгу, на листке возврата указывали фамилии тех, кому книга предназначалась профессионально и после этого книгоноша или передвижная библиотека доставляла книгу потенциальному читателю. В качестве контроля за чтением использовалась специальная тетрадь, в которой фиксировались отзывы механизаторов или животноводов. Этот метод работы определялся так: «Каждой книге – свой адрес».

В 1976–77 гг. была создана единая районная централизованная библиотечная система, с едиными фондами и каталогом, по которому можно было узнать, в каком филиале находится та или иная книга. Так библиотеки перешли на новую форму обслуживания населения. Положительными результатами этой работы стали увеличение числа читателей, возрастание книговыдачи, посещаемости, улучшение справочно-библиографической работы. Появились новые формы: работы литературная студия, гостиные, клубы по интересам и т. д. В эти годы созданная библиотечная

¹⁹ НА РК, ф. П-21, оп.1, д. 23/420, л. 52.

²⁰ НА РК, ф. Р-706, оп. 12, д. 8/234. л. 36.

²¹ Кропчева М. Н. Книга в нашей жизни // Наша жизнь. 1996. 1 июня.

система Пряжинского района являлась школой передового опыта для библиотекарей республики. А по итогам работы за 1988 г. районной библиотечной системе было присуждено I место в республике.

В 1900-х гг. ситуация в библиотечном деле резко изменилась, что было связано с недостатком финансирования. Многие сельские библиотеки были закрыты или объединялись с более крупными учреждениями. Из-за отсутствия средств на ремонт помещения прекратила свою деятельность Пряжинская детская библиотека. Большинство библиотек фактически не пополняло фонды новыми изданиями, не выделялось средств на периодику. Примечательно, что в целом библиотеки не утратили своей просветительско-образовательной функции. Важными направлениями работы в начале XXI в. стали: активное сотрудничество с администрациями муниципальных образований, обустройство в стенах библиотек выставочных залов для демонстрации различных выставок художников, мастеров художественного промысла, краеведческая работа. Например, в Эссойльской сельской библиотеке в 2007 г. был открыт выставочный зал, где персональную экспозицию картин «Созерцание» представил художник О. Н. Обносов.

Таким образом, культурно-просветительные учреждения постепенно становились центрами сельской округи. Все праздничные мероприятия, конференции, собрания, приуроченные к различным политическим датам, проведение выборов, показ кинофильмов, радиопрослушивание важных правительственные сообщений проходило в этих учреждениях. Быстрое развитие библиотечной сети в довоенное время, приближение ее к разным категориям читателей было результатом реформирования образования и повышения уровня грамотности взрослого населения. Разнообразие форм и методов работы библиотек делало их важным звеном в системе политико-просветительной работы. Несмотря на трудности, культурно-просветительные учреждения много внимания уделяли организации досуга жителей сел и деревень Пряжинского района и являлись очагами народного просвещения.

Из истории библиотек Соловецкого лагеря особого назначения и Беломорско-балтийского комбината

Поводом для этого небольшого исследования стали штампы на книгах из университетской библиотеки: большие треугольники **«Библиотека УСЛОН ОГПУ. КПП»** и прямоугольные **«Центральная библиотека КВО ББК ОГПУ»**. Впоследствии оказалось, что разновидностей лагерных штампов больше, но все они за небольшими исключениями говорят о наличии в библиотеке Петрозаводского университета книг, побывавших в двух самых известных советских концлагерях: Соловецком и Беломорканале. Естественно, возникает вопрос, как они сюда попали, а за ним и другие: что это были за библиотеки, как они комплектовались, кто в них работал и кто читал, что случилось с ними после закрытия лагерей? Очевидно, что какая-то часть была передана в государственные хранилища. И действительно, кроме НБ ПетрГУ (177 экз., из них две книги поступили из расформированной библиотеки Госстроя), книги с лагерными штампами есть в фондах Национальной библиотеки Республики Карелия (113 экз.), есть сведения о наличии их в библиотеке пос. Ерцево Кондопожского р-на Архангельской обл.¹

Что представляет собой собрание лагерных книг, обнаруженных в Университетской библиотеке и Национальной библиотеке Республики Карелия?² Из 290 выявленных книг 214 со штампами ББК, 60 – УСЛОН, 11 изданий имеют оба эти штампа, 4 из Сыктывкара, 1 – УСВИРЛАГ. Большую часть составляет художественная литература (75) и естественные науки (41), далее идут сельское и лесное хозяйство, история, экономика и др. В НБ РК выявлено 23 издания по краеведению, из них 6 изданы в типографиях ГУЛАГа. Университетская коллекция содержит периодические и продолжающиеся издания (43 экз.).³ Почти все они изданы в 30-е годы, т. е. получены скорее всего обычным путем библиотечного комплектования (в данном случае по подписке), как и книги этого же времени (их около 30-ти), а вот 52 дореволюционные книги вполне могли быть реквизированы при арестах.

В воспоминаниях бывших узников упоминания о библиотеке редки, иногда одной фразой, как у Солженицына: «в лагерной библиотеке есть Горький, да и то страницы на курево вырваны». То же самое говорит Никонов-Смородин: «библиотека в лагере – это обычно несколько полок с за-

¹ Поселок Ерцево появился 1937 году, вместе с первыми лагерными зонами, тогда же возникла библиотека, книжный фонд которой был сформирован из частных собраний книг репрессированных, библиотек Соловецкого лагеря особого назначения и Беломорско-Балтийского канала.

² Сведения о книгах из НБ РК предоставлены главным библиографом сектора редкой книги этой библиотеки Е. Н. Вознесенской.

³ В Национальной Библиотеке работа с периодикой еще не проводилась, т. к. большая часть журналов находится в общем хранении.

трепанными, замызганными книгами, чаще всего Панферова, Сейфуллиной, Павла Низового, Гладкова». По-видимому, чаще всего так и было, но не везде: на Соловках и Беломорканале были крупные библиотеки, о которых есть воспоминания, больше всего их о Соловецком лагере и это не случайно, т. к. именно здесь возник необыкновенный расцвет «каторжной культуры», о котором вспоминают многие. Конечно, больше всего воспоминаний о театре, но кроме того были музеи, биосад, опытные станции, издавались газета «Новые Соловки», журнал «Соловецкие острова», материалы Соловецкого общества краеведения.⁴ Очень эффектно рассказана история возникновения всего этого Борисом Ширяевым, который прибыл на Соловки в 1923 году и был не только свидетелем, но и участником событий. По его версии, вначале была инициатива снизу, а вовсе не «туфта» для прикрытия жуткой правды об условиях жизни заключенных и для отчетов об успехах в их «перековке». По словам Ширяева, на той же волне возникла и библиотека. Основой ее стали книги, выделенные библиотекой Бутырской тюрьмы,⁵ затем в 1925 г по настоянию начальника лагеря Эйхманса из Москвы прибыло несколько реквизированных частновладельческих и коммерческих библиотек. Цензура проведена была поверхностно, в особый закрытый фонд было выделено лишь несколько десятков томов, выдававшихся все же по особому разрешению Воспитательно-просветительной частью. «Таким образом в Соловецкой библиотеке можно было получить книги, уже изъятые на материке: «Бесы» Достоевского, полное собрание статей К. Леонтьева, «Россию и Европу» Данилевского и др.». На последнее замечание стоит обратить внимание: если прибавить к нему аналогичные отзывы о театре и журналах, то получается вполне фантасмагорическая картина: на острове можно было прочитать, написать и сыграть такое, за что на воле запросто могли бы отправить на Соловки!

Но вернемся к воспоминаниям Ширяева.⁵ «Заведовал библиотекой бывший большевик и эмигрант царского времени Шеллер-Михайлов (Михайлов — партийная кличка), по прозванию «Соперник Ленина», вероятно, первый из уклонистов». В 1917 г. он в чем-то разошелся во взглядах с самим Лениным и основал свою партию, в которую завербовал пять или шесть человек... и приехал на Соловки. Библиотечное дело он знал и вел его прекрасно, но в этой библиотеке был дефект: по распоряжению Москвы там не было никаких газет с материка. При библиотеке был большой читальный зал, используемый раз в неделю для пропаганды на политические и антирелигиозные темы. Слушатели на них высыпались из рот принудительно. В другие дни там шли доклады и диспуты чаще всего на литературные или научные темы, мало доступные массам. На них шли без принуждения, часто без оповещения; темы лишь регистрировались у Неверова. Читались доклады: по истории масонства проф. Макаровым (умер на Соловках), по истории Соловков до-

⁴ Отдельные номера этих изданий есть в фондах НБ РК и НБ ПетрГУ, на некоторых из них — лагерные штампы. Представлены также издания ББК, в том числе Труды сельско-хозяйственной опытной станции.

⁵ До революции заключенные в Бутырской тюрьме твердо держались традиции оставлять в ней при выходе или переводе присланные им книги. Это вместе с большими покупками за счет казны создало в Бутырках крупный книжный фонд.

⁵ Ширяев. — С 120–122.

центом Приклонским, о сокровищах Эрмитажа художником Бразом, о литературе Древнего Востока проф. Кривош-Неманичем и т. д. Самым интересным и оживленным был диспут на тему «Преступность в социалистическом обществе», в котором выступали и интеллигенты, и марксисты, и уголовники».

Из официальных источников о библиотеке нужно упомянуть газету «Новые Соловки», где иногда раздавались призывы о выделении средств на комплектование, т. к. библиотека является самым слабым местом в культурной жизни, а в номере 23 за 1925 год сказано, что «культпросветом I-го отделения была ассигнована довольно крупная сумма на покупку книг».⁶

Никонов – Смородин, оказавшись на Соловках в 1928 году, через год после Ширяева, вспоминает: «Сюда поступали все книги, отобранные у заключенных во время обыска и при освобождении из лагеря. Можно представить себе эту пестроту. Тут же при библиотеке – читальня, обильно снабженная газетами и журналами. Здесь можно было встретить читателей в серых бушлатах, имеющих блат и, следовательно, возможность пользоваться читальней. Что касается «масс», то эти самые массы и понятия не имеют о существовании читальни». Любопытное замечание, многое объясняющее – например, скудность воспоминаний о библиотеке, развивается ниже: «Впрочем, как в библиотеку, так и в театр могли попасть единицы. Пролетариат хода сюда не имел. Его участь – гнить в рабочих ротах на общих работах, заполнять трупами болота на лесозаготовках и всяких фараоновых сооружениях. Чекисты всяких оттенков, небольшая часть специалистов, смогших выбраться с общих работ, отдельные, имеющие блат, удачники, надзор и охрана – вот кто заполнял театр, пользовался библиотекой, баней номер первый и другими лагерными благами».⁷ Хорошему знакомству с библиотекой Смородин обязан работавшему там однокамернику по Бутыркам, которого он называет «франко-русским комсомольцем». По его словам, это был «сын журналиста-эмигранта царского времени. Во Франции он вел пропаганду в войсках и на этом деле «засыпался». Ему оставалось только скрыться в гостеприимных пределах СССР». В библиотеку ему помогло устроиться знание иностранных языков (библиотека была интернациональная), что было для него избавлением. Гораздо больше об этом примечательном библиотекаре можно узнать из воспоминаний Д. С. Лихачева.⁸ Его звали Владимир Свешников, писал он под псевдонимом «Кемецкий» и был среди немалого количества молодых поэтов «самым талантливым и «настоящим». Кроме Свешникова в библиотеке работали: «Кох (немецкий коммунист, молодой, без единого зуба – выбиты на допросах), Борис Брик (поэт), А. Н. Греч (потомок известного Грече, посажен за дело «Общества русских усадеб»), Новак (венгерский коммунист), небольшого роста старик Мебус – составитель Теософской энциклопедии...». Все эти люди, по словам Лихачева, помогали Володе Свешникову, отличавшемуся не только полной неприспособленностью к жизни, но и опасными взрывами ярости – иногда по пустякам. В книге Д. С. Лихачева

⁶ Новые Соловки. – 1925. – № 21. – С. 3.

⁷ Никонов – Смородин. – С. 125, 126.

⁸ Д. С. Лихачев. – С. 317–339.

Свешникову посвящена целая глава, где немалое место занимают поступившие от читателей сведения, которые освещают судьбу этого необыкновенного человека и до, и после Соловков, вплоть до смерти его в 1938 году.

Автор последнего и самого объемного из мемуарных источников прибыл на Соловки в 1935 году. Юрий Иванович Чирков попал на Соловки четырнадцатилетним школьником по обвинению в попытке взрыва мостов, а также подготовке покушения на Сталина и Косиора. Для нас же особенно важно то, что он работал в библиотеке, которой посвящена целая глава в его воспоминаниях, красноречиво озаглавленная «Луч света в темном царстве». Эту страницу своей лагерной жизни сам Чирков оценивает как огромное счастье и везение. При нем библиотека насчитывала «около 30 тыс. томов и несколько тысяч переплетенных журналов по всем отраслям знаний». По поводу источников поступления он упоминает уже известные нам книги, привезенные первыми заключенными, посылки из дома и переданные «после умертвий или освобождений». Среди этих книг попадались настоящие редкости. «Там можно было встретить автографы Менделеева и Тургенева, фельдмаршала Миллютина и Пржевальского, графа Витте и барона Будберга, Комиссаржевской и Боборыкина». Фонд иностранной литературы насчитывал более 1800 томов, изданных в лучших издательствах Лондона, Парижа, Лейпцига, Берлина.

Чирков «имел удовольствие видеть прижизненное лондонское издание «Орлеанской девы» Вольтера, прижизненные лейпцигские издания Гейне, Уланда, второй том «Отверженных» Гюго, принадлежавший Тургеневу, с его заметками на полях, книги на русском и французском языках, экземпляр «Пана Тадеуша» с дарственной надписью Мицкевича графу Тышкевичу и другие ценные книги. В иностранном отделе были книги на 26 языках, в том числе на арабском и японском, но преобладали французские, немецкие, английские».

А вот и подтверждение мысли о комплектовании новыми книгами вполне традиционным библиотечным путем: «с 27-го года в библиотеку поступали книги советских издательств. Особенно много книг, журналов и газет стало поступать с начала 1934 года».

В воспоминаниях Чиркова мы находим и выразительные портреты библиотекарей.

«В 1935 году заведовал библиотекой Григорий Порфириевич Котляревский, недоучившийся, как Stalin, семинарист. Он пошел в революцию, стал членом РСДРП, затем РКП (б), ВКП (б), комиссарил во время гражданской войны, был заместителем начальника политотдела Черноморского флота». В 1929 году во время рекламной поездки Сталина по Черному морю, произошел анекдотический инцидент, из-за которого Котляревский оказался на Соловках. Его революционные заслуги были зачтены: должность заведующего библиотекой по здешним масштабам была знатная. «Григорий Порфириевич был очень живой, хитроватый, с чувством юмора, говорил гладко, убедительно, любил приводить латинские пословицы».

Заведующий иностранным отделом библиотеки профессор Алексей Феодосьевич Вангенгейм был тоже (еще до революции) членом РСДРП, лично знаком с Лениным. Организатор, затем до

34-го года начальник Гидрометеорологического комитета при Совнаркоме СССР, он был хорошо образован, прекрасно знал французский и немецкий языки. В лагерь Алексей Феодосьевич попал за групповое вредительство и контрреволюционную пропаганду и в с конца 1935 года уже работал в библиотеке. «По внешнему виду он напоминал известный портрет А. И. Герцена художника Николая Ге: коротко стриженная седая голова, седые усы и бородка. Носил серую стеганку, се-рые ватные брюки, обмотки и грубые кожаные ботинки».

«Библиотеки-передвижки, которые посыпались в другие лагпункты Соловецкого архипелага, а также в СИЗО № 2 и № 3, комплектовал Пантелеимон Константинович Казаринов — президент Сибирского отделения Географического общества, профессор Иркутского университета. «У него также было десять лет за подготовку к вооруженному восстанию, вредительство и т. п. Это очень деликатный, кроткий человек лет пятидесяти, с хорошей улыбкой на тонком румяном лице, что при густой седоватой шевелюре выглядело весьма оптимистично».

Еще одна примечательная фигура: дама лет шестидесяти — Ольга Петровна, «заведующая кафедрой иностранных языков Военной академии имени Фрунзе. Ей по должности подходила статья 58⁶ — шпионаж, срок — десять лет. До реабилитации она, конечно, не дожила. Эта очень шустрая, капризная старушка жила в женском бараке за кремлем, но проводила часов двенадцать — четырнадцать в библиотеке. В штате состоял и переплетчик Какалин. Тихий, пожилой, он целый день любовно реставрировал потрепанные книги, переплетал журналы»

Приводятся Чирковым и сведения о читателях: «в библиотеке в начале 1936 года числилось свыше 1800 индивидуальных абонентов, около ста абонементов СИЗО № 2, № 3 и примерно 30 коллективных абонементов, представлявших маленькие лагерные пункты, разбросанные по архипелагу. Особо активных читателей было около двухсот» и среди них множество профессоров, самым знаменитым из которых конечно был Павел Александрович Флоренский. Поначалу Юра был принят настороженно коллективом библиотеки, и ему пришлось доказывать свою профпригодность. Он быстро освоил все виды библиотечной работы, а его любознательность, недюжинные способности и стремление учиться не могли не подкупить старых интеллигентов, которые устроили для своего ученика университет и были так довольны результатами, что, по словам Чиркова, «стали прогнозировать перспективы моей биографии, то нарекая мне блестящую ученную карьеру, то предсказывая пост министра иностранных дел», пока не вмешался профессор Яворский, известный украинский историк: «Все может быть, если он доживет до...» Доверие к подростку было таково, что его даже пустили в закрытый для большинства работавших там архив, где были собраны роскошные редкие издания, подшивки журнала «Соловецкие острова» и «запрещенка».

К сожалению, луч света вскоре начал гаснуть и Ю. Чирков стал свидетелем этого. Началось с нового начальника КВЧ по фамилии Пендюрин, который показался в сравнении с прежним мало-грамотным дворником. Посетив библиотеку, он сказал, что «не понимает, зачем столько книг со-

брали и зачем столько заключенных здесь «ошивается». Через несколько дней опечатали архив. Новый, 1937 год начался со смены заведующего. Им оказалась мадам Орлова Ираида Петровна — бывший работник НКВД, отбывающая срок в Соловках по 193-й статье (воинское преступление), затем была создана комиссия, которая проверяла допустимость книг для лагерной библиотеки, а также их наличие. Библиотеку закрыли, и только СИЗО регулярно снабжали книгами. Уволили старушку Ольгу Петровну, Котляревского и Вангенгейма. «Остались профессор Казаринов, я, переплетчик и архимандрит — дневальный. В штат были принятые Удисман и Шепсман — оба бывшие работники НКВД, сидевшие по 193-й статье, оба необразованные, не знающие библиотечного дела, не любящие книги, как и Орлова. Казаринову и мне было дано задание: обучить новый штат». Юра Чирков сразу же заявил об уходе в знак солидарности с уволенными. Дальше начинается следующая не менее увлекательная и поучительная страница жизни в Соловках этого необыкновенного человека, его схватки с системой не на жизнь, а на смерть... и побед. Но это происходило вне стен библиотеки, золотой век которой, как и театра и других явлений лагерной культуры подошел в это время к концу.

Если проследить судьбу соловецкой библиотеки, то складывалась она таким образом: в 1929–30 гг. в связи с перенесением Управления на материк, она частично была вывезена в Кемь, затем в 1932–33-м — в Медвежью Гору, а после 1937 г. находилась в ведении Соловецкой тюрьмы (1937–39), книги в это время выдавались ограниченно. Впоследствии часть их была передана в другие лагерные библиотеки, прежде всего на ББК (об этом говорят и двойные штампы на книгах), а часть, как мы знаем — в государственные библиотеки. По словам одного из исследователей, после передачи монастырских зданий в ведение школы юнг (1942–45) все лагерные книги были сожжены.⁹ Сейчас их нет ни в Соловецкой поселковой библиотеке, ни в фондах музея, где сохранились лишь одна книга со штампом ББК, 8 сборников Соловецкого общества краеведения и 4 номера журнала «Соловецкие острова» за 1925 и 1930 гг.¹⁰

В отличие от Соловецкой лагерной библиотеки воспоминаний о библиотеке Беломорско-Балтийского канала найти не удалось. Источником могут служить лишь письма работавшего там библиотекарем Георгия Ивановича Поршнева, известного книговеда, библиографа, специалиста в области книжной торговли. Уроженец Олонецкой губернии, в 1930 г. он был арестован, осужден на 10 лет за вредительство и отправлен в родные места на строительство Беломорканала. На протяжении всех лагерных лет Поршнев вел активную переписку с дочерью, письма эти, представляющие собой удивительный человеческий и исторический документ, были изданы в 1990 г. отдельной книгой. Свою дочь, оставшуюся в Москве, отец пытался оттуда, из лагеря воспитывать, образовывать, руководить чтением, не имея при этом никакого справочного аппарата, кроме па-

⁹ О. В. Панченко. Исторический очерк изучения книжного собрания Соловецкого монастыря // Соловецкий сборник. – Вып. 2. – Архангельск, 2005. – С. 132.

¹⁰ Сведения сообщены А. П. Яковлевой (Соловецкий музей, отдел по изучению наследия Соловецкого монастыря).

мяти, а из всех родительских возможностей имея только слово, но какое! Не зря ими зачитывался, как романом тот, в чьи обязанности это входило. К сожалению, из-за этого третьего участника переписки Поршнев очень мало пишет о жизни в лагере и о библиотеке. И все же кое-что мы узнаем. Поршневу повезло: ему разрешили работать по специальности. На одном из участков строительства канала, который назывался Водораздел, ему поручили организовать библиотеку. Помещалась она в небольшом дощатом бараке. Дочь вспоминает, что стены его защищали скорее от ветра, чем от холода, пролитая на пол вода быстро замерзала, хотя постоянно топилась печурка. В отгороженном закутке стоял топчан, на котором спал Георгий Иванович: и библиотекарь, и сторож, охранявший библиотечное хозяйство от уголовников. В одном из писем есть скучное упоминание об этом: «Урки опять посетили меня, ущерб небольшой». Библиотека была небогатая. Поршнев жалуется дочери: «Меня окружает такая мелкота, такой плебс интеллектуальный, что в руки взять омерзительно». И все же работа с книгами и возможность читать были большой отрадой для готового отчаяться человека, и когда пришла пора расставаться, Поршнев находит для своего детища слова благодарности и даже нежности: «Хилая, потрепанная, с уличными вкусами, она все же грела меня, освещая мои серые дни невольника, а порой и доставляла вполне приличные радости (Пушкин, Белый, Франс)». В начале 1933 г. Георгия Ивановича переводят на строительные работы (строительство канала стремились закончить досрочно – использовали все рабочие руки), затем он работал как экономист, а летом поступило распоряжение принять Центральную библиотеку в Медвежьей горе. В течение двух лет Поршнев руководил ею. Большой коллектив сотрудников, состоявший в основном из заключенных, вел серьезную работу. Неоднократно Поршнева награждали, в 1934 он был послан делегатом на слет ударников ББК, где выступал с речью о работе с книгой. Здесь он готовит библиотекарей, читает лекции и становится известной личностью в лагере. Вот что пишет в одном из писем В. М. Лосева, жена философа: «Главное, здесь прекрасный ученый библиотекарь Г. И. Поршнев. Москвич. Ученый библиограф. Выписывает даже Книжную Летопись».¹¹ В краеведческом отделе НБ РК хранится документ, подтверждающий этот поразивший Валентину Михайловну факт. Это счет-накладная из Книжной палаты, присланная в Культурно-воспитательный отдел ББК. В ней значится Книжная летопись за 1935 г. № 25 и 29, а также сообщается, что Изолетопись № 1 сдана на почту 23... (справа край утрачен), а Картографическая летопись не вышла из печати. По-видимому, Поршнев пользовался доверием руководства: в 1933 г. его посыпали в Петрозаводск для комплектования, правда под охраной, а также в Мурманск и Тулому для инспектирования лагерной библиотечной сети, а в 1934 – на две недели в Ленинград с целью организации книгоснабжения Беломорстроя. В конце 1935 года Поршневу пришлось оставить библиотеку и заняться книгоснабжением всей

¹¹ Лосева В. М. Письма из лагеря (1931–1933) // Лосев А.Ф. Жизнь : Повести. Рассказы. Письма. – СПб. : Комплект, 1993. – С. 430–459.

библиотечной сети Беломорско-Балтийского комбината. В 1936 он был досрочно освобожден, а в 1937 снова арестован и расстрелян.¹²

Что же мы можем узнать из писем Поршнева о библиотеке? Первая, водораздельская – небольшая, потрепанная, довольно убогое содержания («с уличными вкусами»), «подозрительное прошлое» по-видимому означает реквизированные книги, а вот вторая, Медвежьегорская – совсем другое дело! В письме от 25.12.33 Поршнев пишет: «Запарился, оглушен и раздавлен книгами. И какими книгами! Наверное, такие вы только изредка в витринах магазинов видите... Нахлынувший поток книг экспроприировал все время и подавил сознание. Принимаю, считаю. отмечаю, расставляю, изредка листаю, рассматриваю и восхищаюсь». Это свидетельство подтверждает, что лагерная библиотека не только регулярно комплектовалась новыми книгами, но и получала все лучшие издания в первую очередь. Чем не дополнение к соловецкой фантасмагории! Пользуясь сведениями о лагерной библиотеке ББК, полученными из других источников, мы можем добавить, что насчитывала она 25 отделений (в Медгоре было 2 библиотеки) и 40 передвижек,¹³ а в диаграмме «Библиотечная работа на Б.М.С.» в знаменитой книге. «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» упомянуто 136 передвижек (1932 г.).¹⁴

Известно также, что количество книг в ней превышало 50 тысяч (самый большой из встретившихся нам инвентарных номеров – 50181).

Итак, что же мы знаем о судьбах лагерных книжных фондов? Наверняка, часть их перемещалась в границах системы ГУЛАГа: книги из Соловецкой библиотеки были переданы на ББК, а после его закрытия разошлись по другим лагерям (есть предположение, что это мог быть Волгоградон). Часть книг, как мы видим, попала в государственные библиотеки. О судьбе книг, оказавшихся в фондах двух крупнейших карельских библиотек, известно немного: судя по записям в инвентарных книгах, это случилось в 1945-м, не исключено, однако, что книги могли поступить и перед войной, но записей не сохранилось, во время войны много книг погибло, а оставшиеся могли быть записаны позже. За это говорит довольно туманная формулировка в графе «источник поступления»: «Книги старого фонда. Бесплатно». Известно также, что много книг вместе с другими культурными ценностями Карелии было увезено во время войны в Финляндию. По возвращении книги были распределены по библиотекам, возможно среди них были и лагерные, подтверждением могут служить финские штампы на некоторых книгах.

И последний штрих к теме лагерных библиотек уже в другие времена, более близкие к нам. Игорь Губерман, сидевший в конце 1970-х – начале 80-х рассказывает, как кинулся он первым

¹² К слову сказать, Поршнев был не единственным известным библиотекарем на ББК. Там же, а ранее на Соловках отбывал срок В. В. Гельмерсен, заведовавший библиотекой Николая II, который, как вспоминает В. Дворжецкий, «когда-то был почетным членом разных заграничных академий, магистр, доктор-филолог, свободно владел многими иностранными языками, потрясающе знал историю всех времен и народов, мог часами наизусть цитировать главы из Библии, декламировал Державина, Пушкина, Блока и еще вырезал ножницами из черной бумаги стилизованные силуэты из «Евгения Онегина»: Татьяна, Ольга, Ленский... С закрытыми глазами».

¹³ Цифры эти из архивных источников, сообщены С. Н. Филимончик.

¹⁴ Диаграмма приводится у Е. П. Романовой и О. Тишлера.

делом в библиотеку, «вожделея, как молодой любовник», а вернулся темнее тучи. В крохотной комнатушке было около 200 книг, но какие! «Биография Ленина и воспоминания о нем, толстые тома белиберды об экономике и преимуществах социализма, и пособия трактористам, слесарям и штукатурам». Вот и все. Библиотекарем был севший за аварию деревенский шофер. Можно подумать: какое изощренное издевательство, почти такое же, как прекрасные библиотеки и театры прошлых времен рядом с Секиркой и горами трупов строителей канала. Впрочем, в данном случае все оказалось проще: книги были, но разворованы офицерами. Вряд ли рассказанная Губерманом история – исключение, но ведь библиотеки, о которых мы рассказали, тоже не были рядом явлением в истории системы ГУЛАГ. Не будем забывать, что наличие прекрасной библиотеки, театра, сравнимого с Большим, и самых продвинутых научных заведений нисколько не уменьшало ужаса, который на протяжении стольких лет внушали Соловки и Беломорканал.

Автор выражает благодарность Е. Н. Вознесенской, главному библиографу сектора редакции книги и М. Ванчуровой за работу по выявлению и описанию лагерных книг в фондах НБ РК а также О. В. Бочкаревой, зав. отделом «История XX века» Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника, за ценные замечания.

Использованная литература

Губерман И. М. Прогулки вокруг барака. – Эрмитаж, 1988. – 189 с.

Лихачев. Д. С. Избранное: Воспоминания. – Изд. 2, перераб. – СПб.: «Logos», 1997. 582 с.

Никонов-Смородин М. З. Красная каторга (Записки соловчанина) / Под ред. А. В. Амфитеатрова. – Изд-во Н.Т.С.Н.П., 1938.

Романова Е. П. Библиотековед Георгий Иванович Поршнев // Библиотечный вестник Карелии. – Вып. 8. – Петрозаводск, 2004.

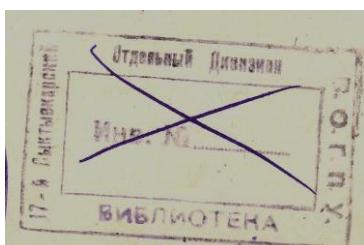
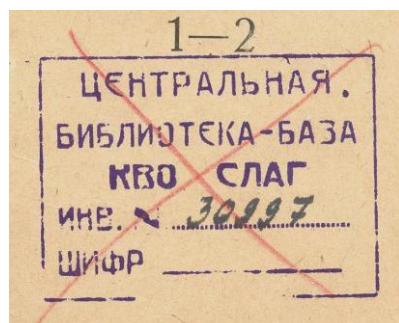
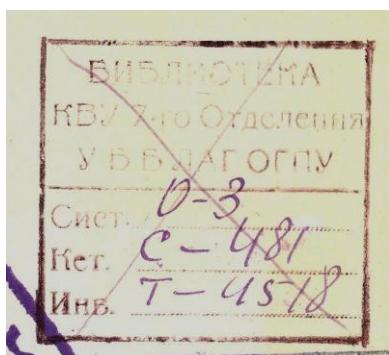
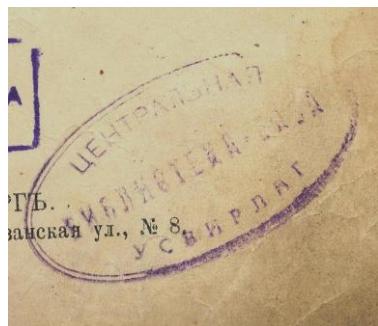
Тишлер О. «Заставляют забывать невзгоды...» // Библиотекарь, 1990, № 2. – с. 45–47.

Чирков Ю. И. Из книги «А было все так...» // «В Белом море красный слон...»: [Воспоминания узников Соловецкого лагеря особого назначения и литература о нем] / [сост. М. Е. Бабичева]. – М.: Пашков дом, 2006.

Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада: Репринтное воспроизведение с изд. 1954 г. – М.: Столица, 1991. – 416 с.

«Я все же жив...»: Письма из неволи / сост. О. М. Андреева – М.: Изд-во МПИ, 1990. – 288 с. – (Книжники Земли Российской).

Библиотечные штампы

Описание библиотечных штампов

СЛООН

I. Штамп «Библиотека УСЛООН ОГПУ. КПП» (треугольный, довольно большой, со сторонами ок. 7,2 см; «КПП» вписано во внутренний, более мелкий треугольник).

II. Штамп «Управление Соловецкими лагерями ОМ (ОН?) ОГПУ. Библиотека секретариата» (квадратный, со сторонами ок. 3 см, но располагается он вниз углом; слова «Библиотека секретариата» – полукругом в центре).

III. Штамп «Центральная библиотека-база КВО СЛАГ» (прямоугольный, 3,9×5,3 см; в штампе предусмотрены места для инвентарного номера и библ. шифра: «Инв. №», «Шифр»).

IV. Штамп «ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА УСЛООН» (овальный 47x33).

V. Штамп «2 (8?) л СЛООН. инв. №... шифр...» (прямоугольный 36x30).

VI. Штамп «Библиотека | =В. П. Ч.= | 1-го Отделения СЛООН» (овальный 4,8x3,3).

ББК

VII. Штамп «**Центральная библиотека КВО ББК ОГПУ**» (прямоугольный, 4,5×5 см; в штампе предусмотрены места для библ. шифров и инвентарного номера: «Сист.», «Кет.», «Инв.»).

VIII. «**Базисная библиотека Инспекции ВОХР. Инв. №____**» (овальный, 2×4,5 см.) Всегда вместе с № VI.

IX. «**Библиотека КВУ 7-го Отделения УББЛАГ ОГПУ**» – еще один штамп, внешне похожий на штамп Центр. б-ки КВО (он прямоугольный, того же размера и с теми же «Сист.», «Кет.» и «Инв.» с текстом.

X Штамп «**Беломорско-Балтийский КОМБИНАТ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА КВО**» НБ ПетрГУ.

XI. Штамп «**БЕЛОМОРСКО_БАЛТИЙСКИЙ КОМБИНАТ. О.Г.П.У. ЦЕНТРАЛЬН. БИБЛИОТЕКА** (квадрат со стор. 3,2).

Другие

XII. Штамп «**17-й Сыктывкарский отдельный дивизион ВОГПУ. Библиотека. Инв. №____**» (На тит. л. прямоугольный, 3,5×5,8 см.).

XIII. Штамп «**БИБЛИОТЕКА № 19. Погран. и Внутрен. Войск НКВД. №....**» (овальный 4,8x2,9).

XIV Штамп «**Центральная библиотека – база УСВИРЛАГ**» (овальный 5x2,5).

XV Штамп «**16 Котласский стрелк. дивизион ВОГПУ Библиотека. №...**» (треугольник со стор. 3,5).

Культурная жизнь населения республики на страницах карельских газет

Вашему вниманию представляется доклад на тему «Культурная жизнь населения республики на страницах карельских газет». Необходимо сразу внести уточнение в тему, заявленную в программе.

Во-первых, это касается хронологии выбранного периода. Авторами выбран 1944 год. Это неслучайно, поскольку нас интересует послевоенный период. Он в нашей республике начался именно со второй половины 1944 года. Это наша региональная особенность. Именно в июне 1944 года территория Карелии была освобождена и в республике началось возрождение мирной жизни, восстановление народного хозяйства и культуры, постепенно налаживалось административно-территориальное управление.¹ Уже 7 июля 1944 года Совнарком и бюро ЦК Компартии республики приняли постановление о переезде руководства Карело-Финской ССР из Беломорска, где оно находилось во временной эвакуации в освобожденный Петрозаводск.²

Во-вторых, газета, информация из которой была использована для доклада – это «Ленинское знамя». Именно так она называлась в вышеозвученный период. Выпускаясь с 1923 года до 1940 под названием «Красная Карелия», с 1940 по 1955 годы «Ленинское знамя», а с 1955 по 1991 год «Ленинская правда», она охватывала события по всей республике, не касаясь только Петрозаводска или определенного района. Хотя стоит отметить, что на территории республики выходили самые различные издания, такие как «Беломорская трибуна», «Водник Карелии», «Вперед», «Заонежская правда», «Красный Пудож», «Колхозник», «Коммунист», «Красная Пряжа», «Красное Шелтозеро», «Лоухский большевик» и многие другие. Но все они печатались либо в определенном районе республики, либо касались новостей в отдельно взятых областях экономики, народного хозяйства ил отдельно взятого предприятия. Возможно, они подробнее касались и вопросов культуры в своем районе, но нас в данном случае интересовали новости, о которых писали на уровне республики. Важно отметить, почему нас заинтересовали именно газеты. Это связано с тем, что они выходят чаще, чем другие виды периодической печати, по сравнению с журналами, например. А так же газеты по стоимости гораздо дешевле, они являются более доступны для населения. Наконец, газеты содержат самые актуальные новости и «злободневные» вопросы.

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.: ил. С. 660–662.

² Советы Карелии: 1917–1992: Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. М. 244–245.

Прежде чем начать говорить о культурной жизни Карелии в 1944 году следует пару слов сказать о том, какова была обстановка в освобожденной республике. Люди массово возвращались в свои деревни, поселки, города. Им оказывали помощь на восстановление жилищ. Постепенно начинали работу предприятия. Открывались медицинские учреждения, школы готовились к новому учебному году.³ Безусловно то, что жители Карелии внесли большой вклад в восстановление республики, с их помощью, заработали фабрики и заводы, начался лесозаготовительный сезон. С сельским хозяйством дела обстояли похуже, но тем не менее к концу 1944 года было восстановлено 448 колхозов и 13 машино-тракторных станций.⁴ Но тем не менее, несмотря на то, что много сил уходило на различного рода работы, люди целиком и полностью отдавали себя работе, культурная жизнь населения республики, оправляясь от тяжелых военных лет, постепенно восстанавливалась тоже. Об основных событиях этой жизни рассказывали корреспонденты газеты, а зачастую и ее читатели со страниц «Ленинского знамени». Вообще в послевоенный период в Советской России уделяли большое внимание периодическим изданиям, а в особенности газетам, поскольку они должны были стать «боевыми органами политического воспитания масс», важнейшим средством «партийного руководства массами».⁵ Что же до культурной жизни, что тут следует сказать, что 1944 год, а если говорить точно с 1 августа 1944 года – именно эта дата стала отправной точкой в изучении материалов «Ленинского знамени», был довольно насыщен событиями. Для лучшего восприятия разделим их на совершенно условно виды. Итак, это будут спортивные события, искусство (сюда войдут выставки, концерты, театральные постановки), отдельно хотелось бы выделить кино, далее – образование (здесь речь пойдет об образовательных учреждениях разного уровня, а так же о библиотеках, избах-читальнях, различных образовательных конференциях).

Начнем именно с образования, поскольку это одна из самых популярных тем на страницах газеты. Много статей посвящалось тому, как жители республики помогают восстанавливать разрушенные школы. Например, сегежские комсомольцы активно участвовали в ремонте классных помещений, перевозке и ремонте парт для школ своего города.⁶ Но школам требовались не только отремонтированные помещения, но и наглядные пособия и учебники. И опять молодежь, в данном случае села Пряжа занялись сбором необходимой литературы. Повсеместно для школ заготавливались дрова, вновь начинали работу подсобные хозяйства при школах.⁷ Да и сами ученики вместе с учителями принимали активное участие в жизни своих населенных пунктов. Так ученики школ Петрозаводска даже взяли шефство над госпиталем, не говоря уже о том, что вы-

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.: ил. С. 663–665.

⁴ Там же, С. 666.

⁵ КПСС в средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 288.

⁶ Комсомольцы помогают восстанавливать школу // Ленинское знамя. 5 сентября. № 181. С. 2.

⁷ Подготовим школы к учебному году // Ленинское знамя. 12 августа. № 164. С. 1.

рашивали овощи на школьном приусадебном участке и собирали книги в школьную библиотеку.⁸ Тем не менее, учебный год в школах все же начался, правда на месяц позже, с 1 октября.⁹ Педагоги и учителя собирались на конференции, обсуждали вопросы воспитания, расширения знаний учащихся, широкого применения их на практике.¹⁰ Подобные вопросы волновали и директоров и методистов детских домов республики.¹¹

Между тем, на страницах газеты все чаще и чаще появлялись заметки и о возобновлении работы учебных заведений и курсов. Например, кооперативный техникум, курсы для учителей начальных классов русских и нерусских школ,¹² Петрозаводский Статистический техникум ЦСУ Госплана при СНК СССР и курсы дошкольных работников,¹³ Петрозаводское педагогическое училище¹⁴ Ладейнопольский механический волховстроевский путейский техникум Кировской железной дороги¹⁵ и другие. Одним из самых важных новостей в области образования стало возвращение в столицу республики Карело-Финского государственного университета. И, несмотря на то, что из всего здания университета сохранился только один корпус, выпускникам 1944 года выдали дипломы именно в Петрозаводске. А новый учебный год начался как и в школах – 1 октября.¹⁶ Прием студентов проходил на историко-филологический, физико-математический, геологический, биологический факультеты.¹⁷ А так же был объявлен прием в аспирантуру по специальностям петрографии, геологии, зоологии, физиологии растений, фольклора и финно-угорских языков.¹⁸ Несмотря на тяжелое время и то, что университет недавно переехал в столицу, диссертации на ученые степени уже защищались в нашем университете.¹⁹

Постепенно и библиотечное дело в Карелии приходило в нормальный режим работы. Для библиотек освобожденных районов из Москвы было прислано 75 тысяч книг, 25 тысяч из которых было передано для публичной библиотеке Петрозаводска.²⁰ Избы-читальни так же налаживали режим работы и собирали колхозников и работников для участия в коллективных беседах, на кружки.²¹ При библиотеках тоже организовывались кружки не только для взрослых, но и для детей и подростков.²²

⁸ Ученики 16 школы // Ленинское знамя. 8 августа. № 161. С. 2.

⁹ Начались занятия в школах // Ленинское знамя. 2 сентября. № 179. С. 1.

¹⁰ На учительских конференциях // Ленинское знамя. 30 сентября. № 199. С. 1.

¹¹ Семинар директоров детских домов // Ленинское знамя. 18 ноября. № 233. С. 2.

¹² Объявления// Ленинское знамя. 3 сентября. № 180. С. 2.

¹³ Объявления// Ленинское знамя. 17 ноября. № 232. С. 4.

¹⁴ Объявления// Ленинское знамя. 18 октября. № 212. С. 2.

¹⁵ Ладейнопольский путейский техникум объявляет набор на курсы // Ленинское знамя. 2 августа. № 157. С. 2.

¹⁶ Университет возвратился в Петрозаводск// Ленинское знамя. 15 августа. № 166. С. 2.

¹⁷ Объявления: Карело-Финского университет: Условия приема в университет в 1944 году // Ленинское знамя. 27 августа. № 175. С. 2.

¹⁸ Объявления: Карело-Финский университет объявляет набор в аспирантуру // Ленинское знамя. 9 сентября. № 184. С. 2.

¹⁹ Объявления о защите диссертации // Ленинское знамя. 1 ноября. № 223. С. 4.

²⁰ Книги для библиотек освобожденных районов // Ленинское знамя. 2 августа. № 157. С. 2.

²¹ В избы-читальне// Ленинское знамя. 5 ноября. № 225. С. 1.

²² Литературный кружок в Шелтозере // Ленинское знамя. 24 ноября. № 237. С. 2.

Таким образом, все уровни образования постепенно готовились к новому учебному году, восстанавливали здания, обсуждали пути развития образовательного процесса, и даже высшая степень образования, а именно в аспирантуре началось обучение нового поколения молодых ученых. Библиотеки вновь стали принимать своих читателей и развивали активную деятельность среди молодежи и взрослого населения республики.

Немаловажной частью культурной жизни являлись события в области искусства, как то выставки, литературные вечера, театральные постановки. Сама редакция газеты проводила вечера-встречи с писателями, художниками, артистами, знатными людьми фронта и тыла.²³ О них подробно писалось в газете. Уже в сентябре 1944 года статьи газет обещали открытие сезона Республиканского Государственного театра музыкальной комедии-оперетты «Перикола», готовилась музыкальная комедия «Сорочинская ярмарка».²⁴ Государственная филармония и государственный театр Музкомедии представляла концерты известных певцов,²⁵ виолончелистов, художественных чтецов, солистов Ленинградского Государственного ордена Ленина академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова.²⁶

Активнов в городе Петрозаводске заработал кинотеатр «Сампо». В разное время на его экраны вышли такие фильмы, как «Девушка с характером», «Юбилей», «Оборона Царицына», «Битва за Севастополь», «Георгий Саакадзе», «Живи, родная Беларусь», «Моя любовь», «XXVII Октябрь», «Большая земля», «Веселые ребята», «Два бойца», «Свадьба», американские фильмы «Старая мельница» и «Джунгли» и некоторые другие.²⁷

Таким образом, для карельского кинозрителя 1944 год стал годом не только замечательных советских новинок, с которыми знакомились и последующие поколения, но и кинофильмов американского производства.

Насыщенными событиями были полны и спортивные колонки в газете «Ленинское знамя». В республике проводились и дорожные спартакиады, в которых участвовали жители не только нашей республики, но к примеру и Мурманской области,²⁸ но и республиканские спортивные праздники, в рамках которых проходили и футбольные матчи, и соревнования по бегу и прыжкам в длину и высоту, и по многим другим видам спорта.²⁹ В соревнованиях принимали участие из-

²³ Литературная среда в редакции газеты Ленинское Знамя // Ленинское знамя. 23 сентября. № 194; Литературная среда в редакции газеты Ленинское знамя // Ленинское знамя. 13 октября. № 208. С. 4.

²⁴ Над чем работают театры и музыкальные коллективы республики // Ленинское знамя. 9 сентября. № 184. С. 2.

²⁵ Объявления // Ленинское знамя. 12 декабря. № 250. С. 2.

²⁶ Объявления // Ленинское знамя. 24 октября. № 216. С. 4.

²⁷ Объявления // Ленинское знамя. 15 декабря. № 252. С. 4; Объявления // Ленинское знамя. 11 октября. № 207. С. 2; Объявления // Ленинское знамя. 15 октября. № 210. С. 2; Объявления // Ленинское знамя. 30 сентября. № 199. С. 2; Объявления // Ленинское знамя. 4 октября. № 202. С. 2; Объявления // Ленинское знамя. 18 октября. № 212. С. 2; Объявления // Ленинское знамя. 26 сентября. № 196. С. 4; Объявления // Ленинское знамя. 30 декабря. № 263. С. 2; Объявления // Ленинское знамя. 22 ноября. № 236. С. 2; Объявления // Ленинское знамя. 24 ноября. № 237. С. 4; Объявления // Ленинское знамя. 27 декабря. № 261. С. 2; Объявления // Ленинское знамя. 20 сентября. № 191. С. 2; Объявления // Ленинское знамя. 8 декабря. № 247. С. 4.

²⁸ Дорожная спартакиада // Ленинское знамя. 16 сентября. № 188. С. 2.

²⁹ Республика летний спортивный праздник // Ленинское знамя. 6 сентября. № 182. С. 2; Чемпионы республики // Ленинское знамя. 9 сентября. № 184. С. 2.

вестные спортивные общества республики: «Трудовые резервы», «Динамо», «Спартак», «Буревестник», «Локомотив», «Водник», «Рыбак Севера» и другие.³⁰ Для развития спорта среди молодежи во дворце пионеров в Петрозаводске открылась детская спортивная школа.³¹

Теперь жители Карелии могли получить духовную пищу для размышлений, но и развить себя физически, пробуя себя в различных соревнованиях, спартакиадах, а так же просто занимаясь спортом на стадионах или в спортивных школах.

Подводя итог, следует отметить, что 1944 год для Карелии стал очень важной вехой в развитии экономики и культуры. Еще не закончилась Великая Отечественная война, но республика уже делала первые шаги в восстановлении Карелии. На наш взгляд, газеты сыграли в жизни людей не последнюю роль. Подбадривая их со своих страниц, они освещали самые актуальные новости, достижения, которые, безусловно, помогали подъему настроения и энтузиазма, несмотря на то, что жители находились в тяжелейших условиях быта, нехватки продовольствия, жилья, одежды.³² Между тем, газеты рассказывают нам и о культурных событиях, происходящих в республике в сфере искусства, спорта, образования.

Список использованной литературы и источников

1. В избе-читальне // Ленинское знамя. 5 ноября. № 225. С. 1.
2. Дорожная спартакиада // Ленинское знамя. 16 сентября. № 188. С. 2.
3. Ладейнопольский путейский техникум объявляет набор на курсы // Ленинское знамя. 2 августа. № 157. С. 2.
4. Литературный кружок в Шелтозере // Ленинское знамя. 24 ноября. № 237. С. 2.
5. Литературная среда в редакции газеты Ленинское знамя // Ленинское знамя. 13 октября. № 208. С. 4.
6. Литературная среда в редакции газеты Ленинское Знамя // Ленинское знамя. 23 сентября. № 194.
7. Книги для библиотек освобожденных районов // Ленинское знамя. 2 августа. № 157. С. 2.
8. Комсомольцы помогают восстанавливать школу // Ленинское знамя. 5 сентября. № 181. С. 2.
9. На стадионе Динамо // Ленинское знамя. 3 сентября. № 180. С. 2.
10. На учительских конференциях // Ленинское знамя. 30 сентября. № 199. С. 1.
11. Над чем работают театры и музыкальные коллективы республики // Ленинское знамя. 9 сентября. № 184. С. 2.

³⁰ На стадионе Динамо // Ленинское знамя. 3 сентября. № 180. С. 2.

³¹ Физкультура и спорт: Детская спортивная школа// Ленинское знамя. 8 декабря. № 247. С. 4.

³² История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.: ил. С. 667.

12. Начались занятия в школах // Ленинское знамя. 2 сентября. № 179. С. 1.
13. Объявления // Ленинское знамя. 3 сентября. № 180. С. 2.
14. Объявления // Ленинское знамя. 4 октября. № 202. С.2.
15. Объявления // Ленинское знамя.8 декабря. № 247. С. 4.
16. Объявления// Ленинское знамя. 11 октября. № 207.С. 2.
17. Объявления // Ленинское знамя. 12 декабря. № 250. С. 2.
18. Объявления // Ленинское знамя. 15 декабря. № 252. С. 4.
19. Объявления // Ленинское знамя. 15 октября. № 210. С. 2.
20. Объявления // Ленинское знамя. 17 ноября. № 232. С. 4.
21. Объявления // Ленинское знамя. 18 октября. № 212. С. 2.
22. Объявления // Ленинское знамя. 20 сентября. № 191. С.2.
23. Объявления // Ленинское знамя. 22 ноября. № 236. С. 2.
24. Объявления // Ленинское знамя. 24 октября. № 216. С. 4.
25. Объявления // Ленинское знамя. 24 ноября. № 237. С. 4.
26. Объявления // Ленинское знамя. 26 сентября. № 196. С.4.
27. Объявления // Ленинское знамя. 27 декабря. № 261. С. 2.
28. Объявления // Ленинское знамя. 30 декабря. № 263. С. 2.
29. Объявления // Ленинское знамя. 30 сентября. № 199. С. 2.
30. Объявления: Карело-Финского университет: Условия приема в университет в 1944 году // Ленинское знамя. 27 августа. № 175. С. 2.
31. Объявления: Карело-Финский университет объявляет набор в аспирантуру // Ленинское знамя. 9 сентября. № 184. С. 2.
32. Объявления о защите диссертации // Ленинское знамя. 1 ноября. № 223. С. 4.
33. Подготовим школы к учебному году // Ленинское знамя. 12 августа. № 164. С. 1.
34. Республиканский летний спортивный праздник // Ленинское знамя. 6 сентября. № 182. С. 2.
35. Семинар директоров детских домов // Ленинское знамя. 18 ноября. № 233. С. 2.
36. Университет возвратился в Петрозаводск // Ленинское знамя. 15 августа. № 166. С. 2.
37. Ученики 16 школы // Ленинское знамя. 8 августа. № 161. С. 2.
38. Физкультура и спорт: Детская спортивная школа // Ленинское знамя. 8 декабря. № 247. С. 4.
39. Чемпионы республики // Ленинское знамя. 9сентября. № 184. С. 2.
40. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.: ил.
41. КПСС в средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 288.
42. Советы Карелии: 1917–1992: Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. М. 244–245.

Литературные праздники Карелии

Под литературными праздниками в данной статье подразумеваются все мероприятия, связанные или посвященные создателям произведений прозы, поэзии и драматургии. Были проанализированы литературные праздники, начиная с момента образования Карельской Трудовой Коммуны (1920) по 2010 год. Все праздники условно можно разделить на: всесоюзные (всероссийские), республиканские и городские.

Проанализировав все праздники за почти вековую историю Карелии, мы пришли к выводу, что из русских писателей особо отмечен был А. С. Пушкин. Так, в феврале 1937 года широко отмечалось 100-летие со дня его гибели. На всех предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях республики проходили торжественные вечера и собрания. Так, 11 февраля состоялось торжественное заседание общественности Петрозаводска, на котором с докладами о творчестве величайшего русского поэта выступили Я. Виртанен и В. Базанов. Петрозаводское отделение издательства *Kirja* в юбилейные дни выпустило четырехтомное издание избранных произведений А. С. Пушкина на финском языке. В переводах участвовали Я. Виртанен, Т. Вяттиайнен, А. Эйкия, К. Халме, Э. Виртанен, В. Аалто и другие.

В феврале 1962 года в связи со 125-летием со дня смерти А. С. Пушкина, а в 1987 году в связи со 150-летием¹ в клубах, Домах культуры и школах республики проводились литературные вечера, читательские конференции, посвященные жизни и творчеству поэта.

В феврале 1997 года в Институте повышения квалификации учителей состоялся вечер «Пушкинскими строками». В нем приняли участие карельские писатели Виктор Пулькин, Иван Костин и Армас Мишин.

Традиция отмечать юбилей А. С. Пушкина в июне была заложена в 1949 году, когда в КФССР отмечалось 150-летие со дня рождения поэта. Однако в середине прошлого столетия этот праздник не был ежегодным. Так, в 1974 году к 175-летию А. С. Пушкина в Карельской государственной филармонии состоялась премьера спектакля по пьесе И. Бацера «Дуэль». В конце XX века пушкинский праздник станет отмечаться ежегодно и всегда будет проводиться 6 июня у памятника поэту в Петрозаводске.

В разные годы со своими стихами и раздумьями о влиянии творчества Пушкина на современную литературу выступали М. Сысойков, О. Мишин, И. Костин, Е. Сойни, П. Шувалов, А. Воронин, О. Мошников, Д. Горох, В. Дергилев и др.

¹ Neuvosto-Karjala. 1987. 13. helmik.; 27. maalisk.

На 200-летии со дня рождения А. С. Пушкина 6 июня 1999 года у здания Национальной библиотеки о поэте говорили потомки Л. Савельева и Е. Тарланов, а 10-й петрозаводской школе было присвоено имя Пушкина. В Парке культуры и отдыха торжественно была открыта Пушкинская аллея из двухсот берез. В выставочном зале на пр. Ленина поэту была посвящена экспозиция, театр «Творческая Мастерская» представил зрителям спектакль «Мой Пушкин». 1 сентября программа традиционного праздника «Город — детям» была построена по сюжетам сказок и стихов А. С. Пушкина.

Торжественно в республике отмечались юбилеи и других русских классиков: М. Ю. Лермонтова (в 1939 году отмечалось его 125-летие, в 1964 году — 150-летие со дня рождения)²; баснописца И. А. Крылова — в ноябре 1944 года в городах и селах республики отмечалось столетие со дня его смерти³, а в 1969 году — 200-летие со дня рождения; поэта-демократа Н. А. Некрасова (в декабре 1946 года отмечался его 125-летний юбилей, а в 1971 году — 150-летие со дня рождения)⁴; драматурга А. Н. Островского (в 1973 году отмечалось его 150-летие);⁵ С. Есенина (в 1975 году отмечалось его 80-летие); Л. Н. Толстого (в 1978 году отмечалось его 150-летие). В июне 1948 года в Петрозаводске широко отмечалось 100-летие со дня смерти В. Г. Белинского. Были организованы выставки, прочитаны лекции и доклады, проведены торжественные собрания, посвященные его памяти.⁶ В апреле 1962 года в городах и селах республики широко отмечалось 150-летие со дня рождения русского писателя А. И. Герцена. В ноябре 1968 года в республике отмечалось 150-летие со дня рождения И. С. Тургенева. В библиотеках, Домах культуры, школах республики устраивались литературные вечера, книжные выставки, посвященные жизни и творчеству великого писателя.

В 1952 году общественность республики широко отметила 100-летие со дня смерти Н. В. Гоголя. В городах и селах состоялись торжественные заседания, лекции, доклады и беседы, посвященные его жизни и деятельности. Во всех библиотеках были организованы выставки произведений писателя. Государственное издательство КФССР выпустило отдельными изданиями в переводе на финский язык *Reviisori* («Ревизор»), *Kuolleet sielut* («Мертвые души») и *Taras Bulba* («Тарас Бульба»).⁷

В ноябре 1971 года по всей стране широко отмечалось 150-летие со дня рождения Ф. М. Достоевского. В Карелии на юбилейных вечерах с докладами выступили М. М. Гин и Э. Г. Карху. В 1973 году в республике отмечалось 100-летие со дня рождения М. М. Пришвина, писателя, чье творчество тесно связано с Карелией. На предприятиях, в Институте усовершенствования учителей (ныне Карельский институт повышения квалификации работников образования), в школах

² Совет. Карелия. 1939. 15 окт.; Комсомолец Карелии. 1939. 15 окт.; Лен. правда. 1964. 19 мая, 14, 17 июня.

³ Totuus. 1944. 17, 21. marrask.

⁴ Totuus. 1946. 5. jouluk.; Лен. знамя. 1946. 7 дек.

⁵ Лен. правда. 1973. 11 апр.; Neuvosto-Karjala. 1973. 18. huhtik.

⁶ Лен. знамя. 1948. 4, 6, 11 июля; Totuus. 1948. 6 kesäk.

⁷ На рубеже. 1953. № 3. С. 79; Totuus. 1952. 24. helmik.

республики организовывались «Пришвинские чтения», книжные выставки. Карельское радио и телевидение посвятило М. М. Пришвину специальные передачи. На литературном вечере в государственной публичной библиотеке КАССР с докладом о жизни и творчестве выступила М. Ф. Пахомова.

Осенью 1932 года в Карелии широко отмечался 40-летний юбилей творческой деятельности Максима Горького. Газета «Красная Карелия» по этому случаю посвятила ему целый номер. В ней было опубликовано письмо М. Горького к основателю Карельской ассоциации пролетарских писателей Я. Э. Виртанену, а также предисловие, написанное М. Горьким к его книге *Työnlomassa* («На досуге», Ленинград, 1930). 18 июня 1946 года Союз писателей КФССР совместно с городским комитетом партии устроил торжественный вечер, посвященный 10-летию со дня смерти А. М. Горького.⁸

22 января 1974 года исполнилось 70 лет со дня рождения А. П. Гайдара (1904–1941). В юбилейные дни в Карелии проходили торжественные пионерские линейки, «Гайдаровские чтения», конкурсы рисунков на темы его произведений, книжные выставки. «Неделя детской книги» также в этом году была посвящена творчеству Гайдара.⁹

Не прошли незамеченными и юбилеи других советских писателей: Н. А. Островского,¹⁰ В. В. Маяковского,¹¹ М. А. Шолохова,¹² К. М. Симонова. В библиотеках, Домах культуры, на предприятиях республики проводились литературные вечера, читательские конференции, книжные выставки, посвященные их жизни и творчеству.

Отмечались в республике и юбилеи писателей союзных республик. Так, 26 декабря 1937 года состоялось торжественное собрание общественности Петрозаводска, посвященное 750-летию со дня рождения Шота Руставели. Несколько ранее на празднование юбилея великого грузинского поэта в Тбилиси выезжал Я. Виртанен. В январе 1939 года Союз советских писателей Карелии организовал специальный комитет по проведению 125-летнего юбилея со дня рождения народного поэта Украины Т. Г. Шевченко. Шевченковские дни проходили и 1964 году, когда в республике отмечали 150-летие поэта.¹³ 2 сентября 1965 года в Парке культуры и отдыха г. Петрозаводска состоялся литературный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося латышского поэта и драматурга Яна Райниса.¹⁴

В начале июня 1948 года ЦК КП (б) КФССР принял решение о проведении 100-летнего юбилея полного издания карело-финского народного эпоса «Калевала»,¹⁵ празднование которого состоялось в феврале 1949 года. 25 февраля в Петрозаводске на торжественном заседании с докла-

⁸ Totuus. 1946. 21. kesäk.

⁹ Лен. правда. 1974. 23 янв., 29 марта.

¹⁰ Лен. правда. 1964. 16 авг., 15, 29 сент.; Neuvosto-Karjala. 1964. 30. syysk.; Комсомолец. 1974. 28 сент.

¹¹ Neuvosto-Karjala. 1968. 19. heinäk.

¹² Лен. правда. 1975. 22-23 мая; Комсомолец. 1975. 24 мая; Neuvosto-Karjala. 1975. 23. toukok.

¹³ На рубеже. 1964. № 2. С. 106–109; Лен. правда. 1964. 8, 11 марта; Комсомолец. 1964. 7 марта.

¹⁴ Комсомолец. 1965. 4 сент.

¹⁵ Лен. знамя. 1948. 9, 13, 31 июля; Лит. газ. 1948. 14 июля; На рубеже. 1948. № 11. С. 22–24.

дом «Основное идейное содержание карело-финского народного эпоса «Калевала» выступил Председатель Верховного Совета КФССР О. В. Куусинен. Позднее именно 28 февраля будет счи-таться «Днем «Калевалы» и с этого времени к этому дню будут приурочены различные меропри-ятия. Юбилей «Калевалы» будет широко отмечаться литературной общественностью не только Советского Союза, а позднее России, но и Финляндии.

16 апреля 1963 года в Государственной публичной библиотеке КАССР проводился вечер, по-священный народному эпосу «Калевала», на котором с докладом выступил заместитель министра КАССР С. В. Колосенок. Отрывки из новых переводов «Калевалы» прочитали А. Титов, А. Хурмеваара, а руны, переведенные М. Тарасовым и Н. Лайне, артисты Е. Томберг и В. Томашевская.

В 1974 году – в год 125-летнего юбилея «Калевалы» – на промышленных предприятиях, стройках города, школах и вузах, в учреждениях, леспромхозах и совхозах республики проводи-лись литературные вечера, встречи с писателями, читательские конференции, читались лекции, организовывались книжные и художественные выставки.¹⁶ Финский драматический театр открыл сезон премьерой спектакля «Калевала» в постановке и оформлении финского режиссера Курта Нуотио и народного художника РСФСР Лео Ланкинена.

В 1985 году ЮНЕСКО приняло решение отметить во всем мире 150-летие карело-финского эпоса «Калевала» и 800-летие древнерусского эпоса «Слово о полку Игореве». Юбилей «Калева-лы» широко был отпразднован в СССР и Финляндии. 30–31 января в Доме политического про-свещения работала Всесоюзная научная конференция «”Калевала” – памятник мировой культу-ры».

В музеях, Домах культуры, клубах и библиотеках, школах были организованы книжные вы-ставки, проводились литературные вечера, читались лекции, устраивались концерты самодея-тельности и встречи с писателями. Работали передвижные выставки «Художники Карелии – эпо-су “Калевала”» и «Дети рисуют “Калевалу”». Серии передач «Читаем “Калевалу”» и «Что ты зна-ешь о “Калевале”» на русском и финском языках транслировались по радио и телевидению. В те-чение всего года в Музыкальном театре КАССР шел балет «Сампо» Г. Синисало. Ансамбль «Кантеле» показывал программу с калевальской тематикой. Для юных зрителей Петрозаводска в Финском драматическом театре по мотивам эпоса шел спектакль «Стрела девы Похъёлы».¹⁷

В начале года в почтовое обращение поступили новая марка и художественно маркированные конверты с иллюстрациями из эпоса. Объединение «Петрозаводскмаш» изготовило значки и ме-дали «150 лет эпосу “Калевала”», в также плакетку «Рунопевец». Издательствами Москвы и Пет-

¹⁶ Лен. правда. 1973. 5 сент.; 9, 25 дек.; 1974. 17 янв., 7, 24 февр., 11 апр.

¹⁷ Punalippu. 1985. N:o 1. S. 149; Neuvosto-Karjala. 1985. 6. tammik.

розводска были выпущены юбилейные книги.¹⁸ Всесоюзная фирма «Мелодия» выпустила грамзаписи композиции О. Мишина по «Калевале» на русском и финском языках.

В отличие от юбилея «Калевалы», праздник, посвященный 800-летнему юбилею «Слова о полку Игореве», отмечался только в Медвежьегорске. На литературном вечере в городском Парке культуры выступили И. Костин, Е. Николаева.¹⁹

28 февраля 1999 года ЮНЕСКО объявило днем празднования 150-летия со дня выхода первого полного издания эпоса «Калевала». По этому случаю в Карелии прошел целый ряд мероприятий. Так, 14 марта в Детской музыкальной школе № 2 г. Петрозаводска проходил концерт «Мифы «Калевалы». В марте в Выставочном зале г. Петрозаводска состоялось подведение итогов международной художественной выставки «Дети рисуют "Калевалу"». Работы победителей были представлены на выставке в Москве в рамках празднования «Дней Республики Карелия» в апреле. 26–27 июня в Петрозаводске прошел праздничный карнавал. 17–18 ноября в п. Калевала проходил праздник эпоса «Калевала», в котором приняли участие гости из Финляндии, Швеции, Эстонии, Венгрии.²⁰

В июле 2000 года был создан сайт, посвященный «Калевале». На его страницах разместились материалы, посвященные юбилею и истории создания эпоса, репортажи о «Калевальском карнавале» и театрализованном представлении «Свадьба в Похъеле», присуждении специально учрежденной премии «Сампо» в области культуры, произведения карельских художников и сам текст «Калевалы» в переводе Э. Киуру и А. Мишина.

Отмечались и юбилеи писателей республики. Так, 22–23 октября 1936 года в Петрозаводске отмечался 30-летний юбилей литературной деятельности Я. Виртанена (1889–1939), основателя Карельской ассоциации пролетарских писателей (ныне Карельское региональное отделение Союза писателей России). По этому случаю в адрес юбиляра пришли десятки поздравительных телеграмм, среди которых телеграммы от Союза писателей СССР, Бела Иллеша, секретаря Союза писателей СССР В. Ставского, Янки Купалы, Сакена Сейфуллина, от *Общества финских трудящихся в Америке* из Нью-Йорка и других. Торжественные вечера прошли в Кестеньге, Ухте, Кондопоге, Шелтозеро и других местах Карелии. Вышли специальные номера журналов и газет, посвященные Я. Виртанену.²¹ Издательство *Kirja* выпустило брошюру «Ялмари Виртанен» на финском и русском языках, а «Союзхроника» г. Ленинграда сняла документальный фильм о нем.

¹⁸ Калевала: Карело-фин. народ. эпос / Собрал и обраб. Э. Леннрот; пер. Л. П. Бельского; вступ. ст. Э. Г. Карху. Петрозаводск, 1985. 383 с.: ил.; Калевала: неброшюрованный альбом / Пер. Л. Бельского. М., 1985, 16 отд. л. ил.; Калевала: Карело-фин. эпос / Пересказ. для детей А. Любарская. М., 1985. 206 с.: ил.; То же. Петрозаводск, 1985. 182 с.; Сампо: из «Калевалы» для детей / Пер. Л. П. Бельского; композиция и предисл. О. Мишина. Петрозаводск, 1985. 126 с.

¹⁹ Neuvosto-Karjala. 1985. 13. syysk.

²⁰ Карелия. 1999. 1 дек. С. 11; Karjalan Sanomat. 1999. 13. marrask. S. 3; 24. marrask. S. 1.

²¹ Rintama. 1936. N:o 5; Punainen Karjala. 1936. 23. lokak.; Лит. газ. 1936. 20–22 окт.; Комсомолец Карелии. 1936. 20–22 окт.; Красная Карелия. 1936. 23–26 окт.

В 1964 году к 75-летию со дня рождения Виртанена в Государственной публичной библиотеке КАССР состоялся торжественный вечер, на котором выступили Т. Сумманен, М. Тараков, А. Тимонен и другие.²² 8 января 1969 года в Финском драматическом театре состоялся вечер, посвященный 80-летию поэта. С воспоминаниями выступили У. Викстрем, В. Вальякка, У. Руханен и другие. Актеры театра читали стихи Я. Виртанена.

В течение 1989 года проводились различные мероприятия, посвященные 100-летнему юбилею поэта. 6–8 января в Финском драматическом театре состоялся торжественный вечер, на который прибыли член правления СП РСФСР Е. Попов (Москва), литературоведы И. Смольников (Ленинград) и А. Ялава (Финляндия). С докладом о жизни и творчестве выступил О. Мишин. 20 июля на доме, где жил Я. Виртанен (ул. Куйбышева, 12) была установлена мемориальная доска. На митинге выступили В. Вальякка, Р. Такала, П. Мутанен.²³

Следует отметить, что во второй половине XX века центром проведения литературных торжеств стала именно Государственная публичная библиотека КАССР (ныне Национальная библиотека Республики Карелия). Именно в ней проходило чествование писателей: А. М. Линевского (20 апреля 1962 года в связи с 60-летием со дня рождения и 35-летием писательской деятельности), А. И. Титова (10 марта 1963 года в связи с 50-летием со дня рождения и 30-летием творческой деятельности), Б. А. Шмидта (10 мая 1963 года в связи с 50-летием со дня рождения) и других.

Во второй половине XX века в стране большое внимание уделялось подрастающему поколению. В последнюю неделю марта – ежегодно во время весенних каникул у школьников – по всему Советскому Союзу проводилась «Неделя детской книги». Эта традиция была заложена в начале 1950-х годов. Не осталась в стороне и наша республика. Так, например, с 25 марта по 2 апреля 1952 года в городах и селах Карело-Финской ССР были организованы выставки, состоялись литературные вечера, коллективные чтения и обсуждения лучших произведений детской литературы. В ведлозерской детской библиотеке читатели обсуждали книгу Л. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре». В дни каникул там проводились громкие читки для детей 1–4 классов по сборникам народов СССР, а для 5–7 классов по книге Э. Эристина «Марыкчанские ребята».²⁴

23 марта 1970 года в Доме культуры Онежского тракторного завода состоялся праздник детской книги «В сердце каждого Ильич», посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Перед школьниками выступили писателями И. Симаненков, Н. Федоров, Л. Шапиро. В 1978 году традиционная неделя детской книги была посвящена 110-летию со дня рождения М. Горького,²⁵ в

²² На рубеже. 1964. № 1 на вклейке; Лен. правда. 1964. 8 янв.; Punalippu. 1964. N:o 1. S. 105.

²³ Neuvosto-Karjala. 1989. 23. heinä.

²⁴ Рочева Н. Неделя детской книги // Сталинец. 1952. 20 марта.

²⁵ Лен. правда. 1978. 30 марта.

1985 году – Победе в Великой Отечественной войне,²⁶ в 1987 году – творчеству Г. Х. Андерсена.²⁷

С 21 по 27 октября 1963 года в республике проводилась Неделя молодежной книги, посвященная дню основания ВЛКСМ. На заводах, фабриках, стройках, в молодежных общежитиях проводились литературные вечера, читательские конференции, встречи с писателями.²⁸ С 25 сентября по 1 октября 1967 года Неделя молодежной книги была посвящена 50-летию Советской власти. Совместно с карельскими писателями в ней участвовали гости из Москвы (Б. Лозовой, Н. Леонтьев, Г. Семенов и другие).²⁹

Если «Неделя детской и молодежной книги» носили всесоюзный масштаб, то «Праздник книги», проходивший ежегодно летом, начиная с 1965 года в Петрозаводске, был сугубо городским мероприятием. Чаще всего местом его проведения становился пр. Ленина, парки Культуры и отдыха или Пионеров (ныне Губернаторский). Организовывались литературные викторины, конкурсы на лучшего чтеца, книжные базары. В разные годы в нем принимали участие Д. Гусаров, Ю. Линник, Р. Такала и другие.³⁰ К сожалению, с распадом СССР традиция проведения праздников книги была утрачена.

Проводились в Карелии и Дни литературы и искусства других городов и союзных республик. Например, с 14 по 16 декабря 1970 года, таким образом, отметила свой 50-летний юбилей Марийская АССР (ныне Республика Марий Эл). Марийские писатели провели творческие встречи в Доме культуры Петрозаводского лесопильно-мебельного комбината им. Октябрьской революции, на Станкостроительном заводе, в доме культуры пос. Соломенное, выезжали в Кондопогу, выступали по Петрозаводскому телевидению.³¹

С 4 по 12 сентября 1971 года в Карелии проходили Дни литературы и искусства Ленинграда, в рамках которых состоялись литературные встречи на заводах «Тяжбуммаш» им. В. И. Ленина, Онежском тракторном, в петрозаводском парке культуры и отдыха, госуниверситете и пединституте, в санатории «Марциальные воды» с участием писателей Г. Горышнина, Э. Грина, С. Давыдова, Д. Гусарова, А. Иванова и других.

С 21 по 28 августа 1977 года в Карелии проходили Дни литературы Чечено-Ингушской АССР, посвященные 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в которых приняли участие писатели Чечено-Ингушетии Ахмет Ведзижев, Джемалдин Яндиев, Шайхи Арсанукаев и другие. Гости выступали на традиционном празднике поэзии в Кондопоге, а также перед рабочими ПО «Петрозаводскмаш», тружениками Олонецкого района, в санатории «Марциальные воды», по карельскому радио и телевидению.

²⁶ Neuvosto-Karjala. 1985. 27. maalisk.

²⁷ Neuvosto-Karjala. 1987. 27. maalisk.

²⁸ Комсомолец. 1963. 22 окт.

²⁹ Комсомолец. 1967. 28 сент.; Neuvosto-Karjala. 1967. 1. lokak.

³⁰ Комсомолец. 1964. 16 июня; Neuvosto-Karjala. 1964. 19. kesäk.; Лен. правда. 1966. 23 июля; 1967. 14, 15 июля.

³¹ Сануков К. Песни над страной Марий Эл // Лен. правда. 1970. 13, 15–17 дек.

Рост национального самосознания малых народов, произошедший в 1990-е годы, привлек внимание к ним, и привел в литературу и культуру новые кадры. Стали проводиться мероприятия, которые больше можно отнести к национальным. Чаще всего местом проведения таких праздников стал Центр Национальных культур в Петрозаводске.

К одним из таких мероприятий, например, у финнов, можно отнести празднование «Дня Аграриков», который проводится в апреле. Так, 9 апреля 1997 года в Институте повышения квалификации работников образования в Петрозаводске прошел литературно-музыкальный вечер, на котором выступили кандидат филологических наук Мария Муллонен; авторы нового перевода «Калевалы»: исследователь Карельского научного центра, кандидат филологических наук Эйно Куиури и председатель Союза писателей Карелии Армас Мишин; писатель Иван Костин.

16 апреля 1998 года Союз писателей Республики Карелия, Ингерманландский союз финнов Карелии, факультет Прибалтийско-финской филологии и культуры провели в Центре национальных культур вечер, посвященный празднику финской книжности и 80-летию поэта Я. Ругоева.

К общероссийским праздникам можно отнести «Дни славянской письменности и культуры», которые также отмечаются в мае и в Петрозаводске. Так, в 1998 году в рамках празднования проводились «Пушкинские чтения», на которых критик И. Рогощенков выступил с темой «Пушкин и западные славяне», поэт А. И. Мишин посвятил свое выступление теме творчества А. С. Пушкина, И. А. Костин говорил об ответственности и добросовестности Пушкина в работе с историческими документами, о его любви к народному слову. Сотрудник Карельского государственного краеведческого музея Т. А. Мошина рассказала о некоторых фактах биографии сказителя из Космозера Ивана Аникиевича Касьянова.³²

В мае 2001 года в Институте повышения квалификации работников образования состоялся праздник, посвященный 10-летию общества русской культуры, приуроченный к Дням славянской письменности. На вечере состоялась презентация третьего тома сборника «История литературы Карелии», который представили: – Ю. Дюжев, Е. Маркова, А. Мишин.

Так получилось, что в основном центром литературных праздников за небольшим исключением стал г. Петрозаводск. Однако свои литературные мероприятия проводились и в Кондопоге. Особо следует выделить «День поэзии», который проводится с 1961 года по инициативе литературного объединения «Новая Кондопога». В разные годы в нем приняли участие кондопожские поэты В. Тихомиров, В. Гаврилов, А. Зубков и другие, петрозаводские И. Костин, М. Тараков, Т. Сумманен и другие, ленинградские Л. Хаустов, П. Кобрakov, О. Шестинский и другие, украинские А. Стешенко, В. Шкода, венгерский писатель Д. Варга, московские В. Соколов, И. Ринк, В. Котов и другие, бакинец А. Халдеев, мурманчане В. Матвеев, В. Смирнов, архангелогородец Д. Ушаков, вологжанин В. Кудрявцев, писатели Чехословакии Владимир Ферко и Петер-Климент

³² Карелия. 1998. 29 мая–4 июня. С. 21; Karjalan Sanomat. 1998. 27. toukoku.

Петишка, Павел Руденко из Куйбышева (ныне Самара). Тема праздника менялась ежегодно, например, в 1963 году «День поэзии» был посвящен 60-летию II съезда РСДРП³³, в 1964 году – 40-летию ВЛКСМ, в 1972 году – 50-летию образования СССР, в 1973 году – 80-летию со дня рождения В. В. Маяковского.

В 1968 году в республике проходили «Дни эстонской литературы». 11 августа гости из Эстонии Р. Каугвер, Э. Ляйттемяе, Х. Руннель приняли участие в традиционном празднике поэзии в Кондопоге. А 25 ноября 2000 года во Дворце Искусств г. Кондопога состоялся праздничный вечер, посвященный 70-летию поэта Марата Тарасова и 50-летию его творческой деятельности. В концерте приняли участие поэты Александр Валентик и Роман Баландин.

Как мы видим, в основном, праздничные мероприятия были приурочены к юбилеям писателей или важным событиям в стране. Случалось, что год был ознаменован сразу двумя крупными юбилеями. Так произошло в 1985 году, когда отмечалось 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне и 150-летие со дня первого издания «Калевалы». В течение всего года проводились мероприятия, связанные с этими датами. А на о. Кижи состоялся праздник книги и фольклора, который объединил оба юбилея. В нем приняли участие М. Тарасов, Лев Ошанин, Натан Злотников, Фазиль Искандер, фольклорные коллективы.³⁴

Безусловно, не стоит забывать и о том, что писатели Карелии занимают активную жизненную позицию и участвуют в различных мероприятиях, проводимых в республике, а также за ее пределами и за рубежом. Цель данной статьи, обратить внимание лишь на литературные события, имеющие место в Карелии.

Так, в декабре 1995 года в Центре народного творчества г. Петрозаводска состоялся литературно-фольклорный праздник, организованный республиканским обществом любителей книги. Со своими раздумьями о литературном процессе и стихами перед собравшимися выступили поэты И. Костин и О. Мишин. В октябре 1996 года в Петрозаводске в Державинском лицее состоялся праздник на тему «Державин и мы», гостями которого были карельские писатели: А. Суржко, В. Судаков, Я. Жемойтель, А. Воронин. В марте 1997 в картинной галерее «Тайде» (г. Петрозаводск) состоялся поэтический праздник, организованный Г. Скворцовой. На вечере выступили поэты О. Мишин, В. Судаков, Е. Сойни, С. Захарченко, А. Воронин и другие.

В течение каждого года писатели Карелии проводили литературные вечера, творческие встречи, читательские конференции в городах и районах республики.

В XXI веке появились свои праздники. 2001 год стал годом начала новых литературных традиций. Сразу же несколько писателей было удостоено внимания общественности. Именно с этого времени ежегодно проводятся «Костер Цветаевой», летний праздник Ортье Степанова (1920–1998) и фестиваль карельской поэзии Владимира Брендоева (1931–1990).

³³ Лит. Россия. 1963. 26 июля; На рубеже. 1963. № 5. С. 126; Комсомолец. 1963. 4 мая, 15 июня.

³⁴ Лен. правда. 1985. 4 июня.

«Костер Цветаевой» проводится в Петрозаводске 31 августа, в день гибели поэта. Вокруг костра собираются почитатели ее таланта, читают стихи, исполняют песни, вспоминают жизнь М. Цветаевой.

Во второе воскресение июля в д. Хайколя Калевальского района на родине О. Степанова проходит летний праздник, посвященный памяти писателя. Эта традиция родилась сразу после его смерти. Первоначально земляки и поклонники О. Степанова собирались, чтобы отметить годовщину и вспомнить писателя. Затем праздничные мероприятия разрослись и в настоящее время включают в себя посещение могилы писателя, встречи с читателями, выступления фольклорных коллективов. О. Степанов был северным карелом, но писал свои произведения на финском языке. Яркие образы, созданные прозаиком и подкрепленные карельской диалогической и монологической речью, вошли в историю финноязычной литературы Карелии. Северные карелы по достоинству оценили заслуги своего земляка и каждое лето вспоминают его.

Фестиваль карельской поэзии *Tä s synnuprannan minun alu...* («Здесь родины моей начало...») проводится в Олонецком районе на родине основоположника карелоязычной литературы Владимира Брендоева. Начинался он с вечеров памяти поэта, затем перерос в праздник поэзии и, наконец, в фестиваль. С 2007 года он носит название «Фестиваль карельской литературы «*Tä s synnuprannan minun alu...*» – «Здесь родины моей начало...» имени В. Е. Брендоева. Это мероприятие проводится при поддержке Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями, Министерства культуры и по связям с общественностью Республики Карелия, Администрации Олонецкого национального муниципального района и муниципального учреждения «Олонецкая централизованная библиотечная система». Активными участниками и организаторами фестиваля являются сотрудники Олонецкой национальной библиотеки Галина Федулова и Татьяна Бойкова.

Фестиваль включает в себя декаду карельского языка и литературы в школах, конкурс литературных произведений (победитель получает премию им. В. Брендоева), конкурс юных чтецов поэзии В. Брендоева, встречи с карелоязычными писателями (А. Волковым, П. Семеновым, О. Мишиной, И. Савиным и другими), посещение могилы В. Брендоева, выступление творческих коллективов, художественные выставки. В 2007 году в рамках фестиваля прошла международная конференция «Брендоевские чтения».

По мнению заведующей сектором краеведческой работы МУ «Олонецкая централизованная библиотечная система» Т. И. Бойковой, «Сегодня фестиваль является единственным на территории Карелии многоступенчатым циклом мероприятий, посвященных родному языку и литературе коренного народа Карелии. Он обладает ресурсным потенциалом, является инструментом воз-

рождения, сохранения, развития и популяризации родного языка, литературы и культуры карельского народа».³⁵

Эстафету Олонца подхватили жители п. Эссойла Пряжинского района. С 2011 года в августе они проводят свой праздник карельской поэзии.

В ноябре 2007 года в п. Надвоицы Сегежского района прошел литературный фестиваль, на котором школьники из Карелии и Мурманской области (п. Кандалакша) встретились с писателями, приняли участие в творческих мастерских, попробовали себя в разных жанрах. Сегежане представили два творческих объединения «Свеча на столе» и «Сегежская поэзия». Праздник состоялся благодаря поддержке московского общественного фонда «Гражданин».³⁶

Литературная общественность Карелии активно участвует в популяризации произведений прозы, поэзии и драматургии. Многочисленные презентации книг, проходящие по всей республике и неотмеченные в данной статье, также можно отнести к праздникам, пусть и небольшим, т. к. выход книги, как для автора, так и для поклонников его таланта, всегда является важным событием.

На протяжении всей истории в республике проводились литературные праздники. Частота их зависела от важных юбилейных дат в жизни страны (революция, образование СССР, Победа в Великой Отечественной войне) и республики (издание «Калевалы»). В советский период литературные праздники носили массовый характер и охватывали не только отдельные города и поселки, но и всю территорию страны. В 1990-е годы многие традиции были потеряны. После смены ориентиров уже не отмечаются юбилеи писателей-демократов, носителей революционных идей, советских писателей, представителей бывших союзных республик.

Тем отраднее отметить, что с советского времени сохранилась традиция проведения пушкинского праздника, «Дня “Калевалы”», «Дня поэзии» (Кондопога). На смену исчезнувшим литературным событиям пришли новые мероприятия республиканского уровня. К сожалению, литературные праздники XXI века уже не имеют такой масштабности и чаще всего носят местечковый характер.

³⁵ Бойкова Т.И. Фестиваль карельской литературы «Здесь Родины моей начало» имени В.Е. Брендоева // Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы: материалы республ. науч.-практ. конф. 26-27 июня 2007 года. Петрозаводск, 2007. С. 21.

³⁶ Мишина Л. «Это - не рутинные уроки, это – праздник литературы» // Курьер Карелии. 2007. 22 нояб. С. 7.

Особенности художественного мира повести Владимира Рудака «Змея, кусающая свой хвост»

Наше исследование посвящено творчеству молодого современного карельского писателя Владимира Рудака. В прошлом году мы представляли особенности его прозы на материале повести «Вечный сахар», в этом году нами рассмотрена повесть «Змея, кусающая свой хвост». Настоящий доклад сосредоточен на постмодернистских приемах и принципах построения автором текста: фрагментарность, монтажность, игра, поэтика воображаемого. Также сделана попытка выявить взаимодействие и характер отношений между прозой карельского писателя и наследием постмодернизма.

Интерес специалистов к прозе В. Рудака в настоящее время растёт. Так, в журнале «Север» вышла критическая статья Е. В. Бермус, где исследователь анализирует рассказы Рудака и наиболее подробно «Пятый океан» и «Единственная стрела». В то же время единичные источники пока не позволяют охватить весь материал и оставляют открытой перспективу его дальнейшего исследования.

Повесть «Змея, кусающая свой хвост» написана в 2006 году, по словам автора, за несколько месяцев на волне воспоминаний о поездке к друзьям в Москву. Собственно, об этой поездке и ведет рассказ главный герой повести Владимир. Действие начинается в Петрозаводске, затем вместе с героем переносится в Москву, где с ним происходит ряд событий и встреч с разными людьми, в той или иной степени повлиявшими на его жизнь. В финале повести герой находит смысл жизни – или, по крайней мере, жизненного периода – находит перспективы для будущего развития в своих песнях, в своей музыке, и возвращается к тому, с чего начинал – к своей любви, к жене Ире. Кольцо замкнулось.

В начале повествования герой показан в разладе с собой и обществом. В основе этого лежат различные конфликты – внутренние и внешние. Первый конфликт – любовный в отношениях между мужчиной и женщиной. После очередной ссоры Ирина и Владимир решают разойтись, а Владимир берет отпуск и уезжает в Москву, чтобы разобраться в себе и попытаться найти продюсеров для своего музыкального проекта. Это не только побег от проблемы, но и поиски способа её разрешения: *«Поезд отлично снимает стресс. Чем дальше оказываешься от точки разрыва, тем легче становится на душе».*

Эксплицитно в тексте присутствует также конфликт между поколениями – главным героем и родителями его жены. Родители – люди старой советской закалки, скептически относятся к работе Владимира – рекламе на радио, к его увлечению музыкой: *«Анатолий Павлович не видел осо-*

бого смысла в моей работе. По его представлению, у мужчины должна быть созидательная профессия». Впрочем, конфликт между Ирой и Володей обусловлен отчасти тем же: Ирина ставит ему в вину беззаботность, несерьезное, наивное отношение к жизни: «На какое-то мгновение мне показалось, что я вижу за спиной Ирины хор подруг, которые поддерживали ее торжественным пением. А дирижировал ее папочка в изношенных трико». В основании конфликта «отцов и детей» заложено столкновение двух сознаний: советского, консервативного и постсоветского, современного.

Здесь обнаруживается конфликт более глубокий, внутренний – между главным героем и окружающей действительностью. Он признается, что иногда ненавидит свою работу: «И все понимающие кивают головами, соглашаются с тем, что реклама – дрянь, превращающая мозги в известку, но увы... поделать с этим уже ничего нельзя. Иногда я ненавижу свою работу». Владимир – неисправимый мечтатель, человек с безграничной фантазией, с чем связаны в повести мотивы мечты, сна, полусна-полуфантазии. Один из друзей героя даже роняет фразу: «Тебе надо писать, Вова». На протяжении всей повести мечта сталкивается с реальностью и часто не выдерживает этого столкновения, но зато украшает серую обыденность, рутинную повседневность. Размышляя о своей жизни, герой находит разумное зерно в словах его жены, что нужно двигаться дальше, идти вперед. За чем он и приезжает в столицу.

Как же построена повесть «Змея, кусающая свой хвост»? Рассказ о жизни главного героя ведется от первого лица, и обращается то к воспоминаниям далекого и не очень далекого прошлого, то описывает настоящие события, то повествует о событиях, никогда не происходивших. Повествование построено по типу нанизывания эпизодов, текст состоит из небольших сцен, фрагментов, обрывков фраз. Фрагментарность текста обусловлена использованием приема монтажа. Например, так вводится объявление на кухне в кафе: «На жёлтом листке корявым почерком выведены ценные рекомендации.

Добавить в фарши большие хлеба и жил!

Мясная масса не должна превышать

10 % от всей котлетины!

(На глаз примерно получается чайная ложка)

В сюжет повести вмонтированы размышления героя эссеистского характера. Они могут быть плавным продолжением повествования, когда герой переключается с одной темы на другую, и мы идем вслед за развитием его мысли. Или же рассуждения могут прерывать рассказ, выделяясь отдельным абзацем, носить характер «вставных конструкций»: «Есть ли в вашей жизни люди, которые общаются с вами только потому, что вы общаетесь с ними? Вы им звоните. Они снимают трубку. Разговаривают с вами. Задают вопросы. Радуются вашим успехам и сопережи-

вают неудачам. На прощанье говорят, что надо бы встретиться. Обязательно. Кладут трубку и забывают о вас. Проходит время, и вы понимаете, что они вам не позовут никогда, если вы сами не позовите им. Они не проявятся в вашей жизни, если не проявитесь вы. Вас нет». Чаще всего это авторские философские размышления о жизни, любви, взаимоотношениях людей – темы, волнующие людей каждый день на протяжении всего их существования. Таким же образом включены в текст сны и мечты героя: «Мы с Аней выбегаем из клуба, на ходу вырубаем второго охранника, красиво, как в кино. Нас ждёт машина. Водитель – свой человек. Мы плюхаемся на заднее сиденье и гоним по ночной Москве, смеясь и обнимаясь». Следует отметить, что помимо монтажного принципа построения текста, в повести Рудака обнаруживаются отсылки к кинореалиям: часты сравнения «как в кино», встречаются такие фразы, как «За это Оскара случайно не дают?», «Жизнь замерла и выглядела, как долгий статичный план из кинофильма», «Сейчас всё это казалось далёким. Будто я посмотрел фильм, который уже стал забывать». Две последние цитаты в некоторой степени отражают само мышление героя – человека, живущего в эпоху визуального искусства, когда главный аспект нашего восприятия – зрительный.

Интересной авторской находкой является графическое оформление фразы «Повисла пауза». Во время разговора персонажей фраза действительно «повисает» в тексте, напечатанная по центру с большими отступами, как бы окруженная незаполненной пустотой неловкости.

Рудак широко использует прием иронии в своих текстах. Точнее даже будет сказать так: его проза насквозь иронична, от первого до последнего слова. С иронией автор описывает современный мир, где ему встречаются странные люди, где каждый на чем-то помешан, будь то йога или народная медицина, в мире, где даже уборщица знает, что такое фэн-шуй. Художественная доминанта мира его повестей стремится к абсурду, автор изображает действительность с позиции сюрреализма, например: «В паузах между песнями кто-то невнятно зачитывает меню вагон-ресторана и учит, куда лучше прятать документы и деньги. Советует не водить в своё купе посторонних и не раскладывать перед ними драгоценности. Не доверяться случайным женщинам. Секс в поезде с незнакомой женщиной может влететь в копеечку». В связи с этим можно говорить о влиянии на стиль Рудака творчества Сергея Довлатова, а также Михаила Зощенко, Виктора Пелевина и других. Наиболее четко прослеживается генетическая связь с Довлатовым – его анекдотичностью, безоценочностью, всепроникающей иронией, а также любовью к разговорному стилю речи, парцелляции как приему в письме. Авторский стиль Рудака испытывает влияние и собственного журналистского опыта – ведение рубрики о новинках зарубежной литературы в журнале «Досуг».

Таким образом, для прозы Рудака характерно использование поэтики воображаемого, то есть мотивов мечты, сна, чуда. Эта тенденция берет свое начало в литературе позднего зарубежного модернизма. Так, герой романа Дж. Джойса «Улисс» Леопольд Блум мечтает о том, как его производят в мэры Дублина, в произведениях Борхеса половина всего происходящего вымышлено.

Из русских авторов этот приём применяет Андрей Битов в «Бездельнике»: повествование происходит одновременно в нескольких планах.

Многие из рассмотренных нами приемов, имеющих место в прозе Рудака, позволяют рецензентам и критикам говорить о нем, как о писателе-постмодернисте. Отчасти это действительно так. Постмодернизм как направление в искусстве в процессе своего формирования в определенную эстетическую парадигму оказал огромное влияние на все сферы человеческой деятельности, в том числе на литературу. Его стремление к синтезу, к смешению верха и низа, тотальному пародированию действительности, игровым принципам построения текста, использование в качестве языка реалий современной массовой культуры – СМИ, кино, телевидения, интернета, поп- и рок-музыки, рекламы, коммерческой литературы – в той или иной степени всё это находит отражение в прозе Владимира Рудака. Но стоит отметить, что это прослеживается лишь на уровне формы, хотя за художественным миром его повестей и стоит постмодернистское, разрозненное, фрагментарное сознание современного автора. Однако в идеологическом, эстетическом плане назвать Рудака писателем постмодернизма было бы большой натяжкой. Для постмодернизма характерно ощущение потерянности, пессимизма, упадка, пустоты, бессмыслицности жизни. В прозе Рудака таковой пафос отсутствует. «Постмодернистская усталость» для его текстов не характерна. Его повести наших дней – явление далеко не пессимистическое. Обе повести несут заряд положительной энергии, в них легко прочитывается любовь к жизни и любование жизнью, а не разочарование в ней. Автор иронизирует и самоиронизирует, но это не ирония безысходности, а скорее, преодоление рутины будней. Герои Рудака воспринимают жизнь легко, такой, какая она есть, преодолевая её трудности с помощью иронии, и все они по-своему счастливы. «Нет в жизни хаоса» – размышляет герой повести «Змея, кусающая свой хвост», и это кардинально не соотносится с философией постмодерна «мир как хаос».

В этом контексте невозможно оставить без внимания название повести. Его разгадка обнаруживается и в самом тексте, в диалоге между героями:

«Им с Максом даже не интересно, что в XIX веке немецкому химику Фридриху Кекуле приснилась змея с собственным хвостом во рту.

- *О чём это говорит?*
- *О том, что структура бензола представляет собой замкнутое углеродное кольцо.*
- *Ты что, химией увлекаешься?*
- *Вычитал у Карла Юнга в книге "Человек и его символы".*

Однако уророс – изображение змеи с собственным хвостом во рту – обозначает, конечно же, не только структуру бензольного кольца. Этот древнейший символ имеет значение одновременного саморазрушения и самосозидания: «Уророс порождает себя сам, он сам с собой сочетается браком, сам себя оплодотворяет и сам себя убивает. Эта эмблема символизирует вечную

силу, которая сама себя тратит и возобновляет».¹ В этом символе прочитывается цикличность всех явлений жизни, вечности, круговорота Вселенной. Какой же смысл этот символ приобретает в контексте повести Рудака? На мой взгляд, он как нельзя лучше соотносится с содержанием повести, углубляя ее смысл до философского, космического и обозначает цельность, единство, закономерность течения жизни и времени, в которой всё не случайно, то есть иными словами – вводит мотив судьбы. Стоит также отметить, что Карл Густав Юнг, на которого и ссылается автор, интерпретировал уророс как символ «ранней стадии развития личности, когда инстинкты жизни и смерти не установлены в своих границах».² И это тоже мы видим в повести: её главный герой показан на стадии становления, или поиска себя и своего предназначения, не смотря на серьезный уже возраст.

Таким образом, художественный мир повести «Змея, кусающая свой хвост» многообразен и интересен для исследования и изучения с различных позиций текста. Рудак испытывает влияние различных литератур и традиций, касающиеся поэтики его текстов и мировоззрения автора. Своей прозой он вливает в карельский литературный процесс свежую струю, так как до него в рамках карельской литературы так никто не писал. В перспективах дальнейшего исследования более подробно и глубоко проанализировать элементы повествования, формирующих поэтику текста: реальное и воображаемое, «своё» и «чужое» слово, европейское и локальное начала, поэтика кино и поэтика литературы.

¹ Турскова Т. Новый справочник символов и знаков. М., 2003. – С.

² Энциклопедия «Символы, знаки, эмблемы». М., 2006. – С. 203.

Пропавшие музеи

Развитие краеведения в нашей стране шло по восходящей кривой с глубочайшими каньонами падения и медленными взлетами. После погрома в 30-х годах, уничтожения крупнейших ученых-краеведов и творческой интеллигенции, (одних только фольклористов более 150!) новый подъем краеведческого движения начинается в конце 50-х нач. 60-х гг. Осознается его научно-практическое, педагогическое и патриотическое значение на самом высоком уровне. Появляются педагогические исследования по краеведению, в Карелии защищены докторская диссертация П. В. Иванова и кандидатская В. П. Ершова. По всей стране в школах и ВУЗах начинают работать краеведческие кружки и клубы, такие, например, как «Сампо» в Университете (Ланев Ю. С.) и «Скифы» в педагогическом (Анисимов Л.), создаются «Станции юных туристов», призванные оказывать методическую помощь школьному краеведению, проводятся туристические слеты – районные, республиканские, союзные с обязательными краеведческими викторинами. По всей стране проходят краеведческие поисковые экспедиции, например, «Из искры возгорится пламя», в Карелии – «По тропе Антикайнена» и, соответственно, издается краеведческая литература, широкое распространение получают краеведческие конференции. Средства массовой информации не проходят мимо этого интересного опыта. Уже несколько лет работает в Карелии телевизионный клуб юных краеведов.

Телевизионный клуб юных краеведов. Ведущий – В. П. Ершов 1975 г.

Периодическая печать республики широко пропагандировала интересный опыт школ, знакомила общественность с краеведческими поисками учителей и школьников, печатала рекомендации и советы специалистов. Опыт пропагандировался на районных, республиканских учительских конференциях, были публикации – как в местной печати, так и на союзном уровне...

*Лонин Рюрик Петрович, основатель
Шелтозерского вепсского музея*

*П. В. Иванов, доктор педагогических наук,
профессор, зав. кафедрой педагогики ПГУ*

Краеведческая атмосфера была оптимистично-созидающей. Она подталкивала к деятельности. Именно в 60-е годы рождаются в Карелии такие известные сейчас музеи как Музей Изобразительных искусств (1960), архитектурно-этнографический музей «Кижи» (1965), Валаамский историко-архитектурный музей-заповедник (1979), целая сеть районных музеев Беломорский – 1960, (Игнатьев), Олонецкий им. Н. Г. Прилукина – 1959, Пудожский им. А. Ф. Кораблева – 1970, Питкярантский им. В. Ф. Себина – 1969, позже – Куркиекский, Сегежский, Кемский, Калевальский, Костомукшский, Кондопожский, Куркиекский, Медвежьегорский, Шелтозерский им. Лонина Р. П., ведомственные музеи (музей ОТЗ – 1966, музей геологии КНЦ – 1961, музей почты, народного образования, истории пединститута и университета и мн. др.) Особое развитие получили школьные музеи, практически в каждой школе велась собирательская работа, оформлялись уголки «Истории школы», «Революционной славы», «Великой Отечественной войны», «Ленинские уголки» и, конечно, экспозиции быта и т. д. (более 80 школьных музеев). В школах накапливался огромный материал исторической, художественной и этнографической значимости. К сожалению, как это часто у нас бывает, самая трудоемкая и ответственная часть работы – научное изучение, описание, систематизация и правильное хранение практически отсутствовало. Собирать легче, а на кропотливое изучение собранного материала времени у учителей не оставалось. Многие школьные музеи со временем переставали существовать (более 40 музеев), экспонаты со стен и витрин перекочевывали в чуланы, сараи, растаскивались, разрушались, пропадали. Это были невосполнимые утраты, это была печальная дань музейному всплеску в школах в 60–70-е годы. Когда я поведал директору национального музея Гольденбергу М. Л., что хочу выступить с этой темой, он с горечью сказал – «Это было одно большое кладбище»...

Вот факты: школа-интернат № 18 в Повенце имела интересные собранные материалы о братской могиле (9 км от Повенца), рук. Тимофишина Т. А., при реорганизации школы в вспомогательную все материалы пропали. Пропали музеи в Тулокской (директор Политов), в Видлицкой, Виданской, Сяндебской, в школе в Новинках. Пропал музей и материал в Деревянской школе о воинах, фамилии которых на обелиске, в т. ч. о космонавте Николаеве (инф. 1976 г.). Был большой и интересный музей в Коловской школе (Пудожский р-н), в Заонежье, в Олонецком районе музеи были почти в каждой школе – Рипушкальская, Михайловская, Кунелицкая, Великогубская и др. – сейчас их нет. Так же и с музеями в Паданской стороне – Евгорская, Кармасельгская… В Виданской школе собирали экспонаты и документы (фронтовые письма, например, фронтовика Данилова И. П.). При закрытии школы все пропало (инф. 1981 г.). Погиб отдел природы Медвежьегорского музея – в конце 70-х годов. Это были уникальные экспозиции природы Карелии с крупными животными, птицами, большими диорамами

Тревогу забили средства массовой информации. О нехорошой музейной истории написал корр. Л. Патуров в г. Ленинская правда (2.07.81): в марте 1980 г. в здании восьмилетней школы № 2 г. Сегежи торжественно открыли музей на общественных началах (рук. А. Д. Линчук). Но очень скоро школе потребовался учебно-производственный комбинат и на этом история музея закончилась – помещение освободили.

О проблеме личных архивов и сохранности документов, взятых «юными следопытами» в школьные музеи пишет г. Комсомолец (26.08.82). Их сохранность вызывает у газеты серьезные опасения. Без основательной подготовки, без навыков работы с историческими реликвиями школьные музеи «невольно могут способствовать рассредоточению личных архивных собраний и безвозвратной утрате важных исторических документов»: неприспособленные помещения, неправильное хранение и эксплуатация, низкий научный уровень обработки материалов, отсутствие личной юридической ответственности и преемственности ведут к их утрате. К безвозвратной! Ущерб этот невосполним!

Тема эта получает развитие и в центральной печати. Литературная газета (13.10.1976 г.) пишет, как пропали фронтовые письма и фотографии из музея ср. школы г. Майкопа. «За прошедшие годы многие из собранных когда-то материалов бесследно исчезли, а те, что остались, находятся в плачевном состоянии… Преступлением считаются археологические раскопки без открытого листа Академии наук СССР, но обычным делом считается вторгнуться вроде бы и с благой целью в чей-то семейный архив. Взять необходимый материал, прикрывшись зыбким обещанием вернуть в целости и сохранности и не принять на себя ни какой подлинной ответственности за сохранность», – пишет учитель Е. Сомов.

В школьном музее пос. Решетиха Горьковской обл. после ухода на пенсию учителя-энтузиаста пропала ценная археологическая коллекция, а вместе с ней и музей. В восьмилетней школе № 4 г. Москвы ветераны 18 дивизии народного ополчения собрали музей боевой славы.

Через некоторое время пулемет оказался в металлоломе, а затем, при закрытии школы пропал и сам музей (К. П. 9.06.79).

Новый виток музейного разрушения мы наблюдаем с начала 90-х гг., после «революции демократии» и раз渲ала СССР.

Вообще вопрос о разрушениях в стране актуален сейчас как никогда: разрушены целые отрасли промышленности, сельского хозяйства, разрушается активно культура и образование, медицина и наука, так что вопрос о разрушениях музеев – это частный вопрос. Частный, но качественно иной. Это касается взаимоотношений церкви и государства. Обретя соответствующий статус в государстве, церковь позволила себе бесцеремонно вторгаться в крупнейшие музеи страны, составляющих гордость ее – Кремлевских, Эрмитажа, музеев Владимира и Суздаля и др.... Культура оказалась заложницей кремлевских игр с церковью. Музейную общественность уже давно сотрясают скандалы: церковь требует реституции, возвращение «награбленного»: храмов, икон из музейных коллекций, произведений искусств, так или иначе связанных с православной культурой. В 1991 г. в Эрмитаж пришел Указ о возвращении церкви произведений религиозного искусства. Разрушение музеев идет под благовидным предлогом – вернуть долги церкви, спекуляции на справедливости – отдать «гонимой» церкви архитектурные памятники, иконы... И отдают, куда денешься – приходят распоряжения из администрации Президента! Все словно в завоеванной стране! Печальная участь отечественных музеев мало кого волновала, кроме музейных работников, стараниями которых были спасены величайшие реликвии культуры. Разгрому подверглись музеи Александровской слободы, Истры, Новгорода, Пскова, Сергиева Посада, Рязани, Костромы, Звенигорода, Углича, Тобольска... Вот, к примеру, памятник – храм Покрова на Нерли. Он был уже однажды на грани разрушения: из-за малой доходности храма игумен Боголюбова монастыря получил разрешение епархии разобрать его на камень для строительства колокольни: к счастью заказчик и подрядчик не сошлись в цене... Это был XVIII век, а в XXI – этот величайший памятник, взятый под охрану ЮНЕСКО, вновь в опасности, его передали церкви. Это грозит ему новыми разрушениями. По-существу принадлежит он уже не епархии или патриархии, а всему миру! Древнерусская культура развивалась в рамках церковной. Этого подчас не понимают даже образованные люди. Раз икона – значит, она должна быть в церкви! Раз храм – то в нем должна идти служба, а не висеть экспозиции. И это в XXI веке! Если святыня – то только духовное наследие церкви! А Поле Бородинское – уже не святыня, и потому можно застраивать его коттеджами. Памятники, созданные народом, принадлежат не только церкви – это всеобщее, народное достояние. Церковь не может или не хочет этого понять. Знаменитый фресками Рублева Владимирский Успенский собор: его реставрировали сразу после войны, когда люди еще до сих пор не ели – это был подвиг реставраторов. Сейчас фрески Рублева в опасности! Служба идет, толпы людей, чад коптящих свечей, нарушен влажностно-температурный режим, зачем так строго следил раньше музей. В Суздальском Покровском соборе фрески 16 века были записаны со-

временным художником: так ярче, красивее. Ипатьевский монастырь в Суздале: там был прекрасный музей. Теперь он разрушен... А церковь требования свои увеличивает: требует отдать ей Золотые Ворота, Архиерейские палаты. «Храм не может быть музеем, это противно его существу», – владыка Евлогий, епископ Владимирский и Суздальский. А вот в Приказной избе Покровского монастыря, в которой были экспозиции музея, стала монастырским картофелехранилищем! (К. П. 20 авг. 1997). И ничему не учит мировой опыт: Франция, Италия, Испания, Великобритания, где использование храмов под музейные экспозиции – явление обычное. В свое время Д. С. Лихачев очень активно призывал передавать брошенные храмы и церкви... Брошенные, в которые надо вкладывать средства Но, видимо, не предвидел, что в первую очередь церковь начнет отбирать отреставрированные здания. И вместе со складами из церкви вылетят и музеи – на радость чиновникам от культуры – не надо тратить на них деньги. Богатые мы... Тему можно продолжать бесконечно: разрушаются органные залы, планетарии... И это при том, что музеев у нас в стране в три раза меньше, чем в США (4600 и 1600)! Репрессиям подвергаются руководители музеев, которые как-то пытаются отстоять целостность коллекций: уволены директор Рязанского музея-заповедника Л. Д. Максимова, директор Соловецкого музея-заповедника М. В. Лопаткин, убрали из Петергофа Знаменова, из Павловска Третьякова, директора музея-заповедника «Ростовский кремль» А. Е. Леонтьева, директора Ярославского музея-заповедника Е. А. Анкудинова, директора Исторического музея Шкурко за то, что не искали компромисса с церковниками, неправильно понимали линию партии. Оправдание одно: «народ требует отдать!» Но ведь мы помним, что этот же народ громил усадьбы помещиков в Гражданскую войну, поместье Пушкина... Практически перестали существовать музеи в Оптиной Пустыни, на Валааме, В Палехе... По-существу – это борьба за собственность. Имущественные конфликты сотрясают Церковь. Я как человек неверующий скорблю вместе с музейщиками. И вспоминаю, что в свое время граф А. К. Толстой писал Александру П: «И все это бессмысленное и непоправимое варварство творится по всей России на глазах с благословения губернаторов и высшего духовенства. Именно духовенство – отъявленный враг старины, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и настолько оно упорно в своем консерватизме и косно по части идей, настолько оно усердно по части истребления памятников. Что пощадили татары, оно берется уничтожить» (Толстой А. К. Собр. соч. в 4-х т., т.-4, Л., 1980, С. 343). Известный литературовед, философ Вяч. Вс. Иванов видит в официальной православной церкви такую же ложь, как официального атеизма (МН, № 42, 20 окт. 1991, с. 14).

Есть еще один аспект в этой борьбе церкви за собственность. Сейчас он как-то подзабылся, но у истории память не отнять. Во времена преследования старообрядцев церковь без стеснения отнимала у гонимых иконы, книги: «Итак мы вытянули у раскольниц в Церкви образов: от Никандры, что в Улангере, 65, от Агафьи Константиновой 145, да от этой Матрены Ивановой 190, итого 400, – пишет исправник г. Семеново П. И. Мельникову (Муравьев Г. П. Арест инока Германа и

письмо семеновского исправника П. И. Мельникову // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 2007, Т.-1. С. 209). Этот печальный список можно продолжать долго: в 1863 г. православные священники изъяли книги, иконы, предметы богослужения у старовера Ивана Кондратьева, у Герасима Копотева, в 1911 г. при обыске у старообрядца Иутина в д. Разметай изъяты десятки икон и книг... Выселок Сёмжунский Мезенского уезда: старообрядческий скит, при выселении старообрядцев в 1903 г. все иконы и книги были отобраны и переданы православным. Н. А. Окладников История старообрядческого скита. Сёмжунские кельи на Мезени (XVIII – начало XX века) // Этот же сборник, С. 90.

(см. В. Ершов Церковное рейдерство // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 2011).

О философии музейной вещи я рассуждаю во второй части доклада.

Вещи

Вещи окружают нас со дня рождения. Они часть нашей жизни. Они – сама жизнь. Мы никогда не задумываемся о них, а когда они ломаются или теряют свои функциональные свойства – выбрасываем. Вспомните, сколько на помойках выброшенных вещей... Согласно современным представлениям этнографов любая вещь обладает целым набором (пучком) функций, среди которых – практические, утилитарные и символические. Одни вещи помогают нам выполнять определенную работу – готовить пищу, строить дом, шить одежду, колоть дрова; передвигаться или создают комфорт в доме, радуют нас или заставляют страдать, другие – служат нашим духовным запросам – книги, музыкальные инструменты, предметы культа... Или являются памятью о родных и близких нам людях, о событиях, путешествиях. Мы видим в них прагматический, функциональный смысл, и мало интересуемся их прошлым – кто изготовил, технологией. Другое дело – старинная вещь или как ее еще называют у нас – досюльная, т. е. давняя, изготовленная «до этих пор». Я привык к старинной вещи. Старинная вещь меня до сих пор волнует, она стала частью моей жизни. Это может сказать, наверное, каждый музейщик.

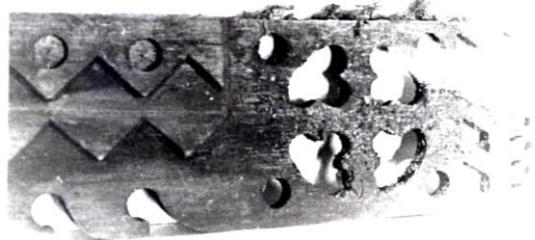
Старые деревеньки, гостеприимные и самобытные люди и вещи, которые их окружали, стали моей любовью. Эту любовь я старался передать своим школьникам и студентам. Мы прошли сотни километров, не было, наверное, ни одной деревушки в Карелии, где бы мы не побывали. Мы слушали и записывали, собирали и изучали, все, что дарили нам эти простые деревенские люди. А дарили они нам вещи, о которых мой любимый философ Мишель Монтень мудро заметил: «Среди вещей, наблюдаемых нами повседневно, встречаются настолько непонятные, что не уступают никаким чудесам» (Монтень. Опыты, с.). И, действительно, почти каждая вещь, которую мы находили, была тайной. Путь к ее пониманию неимоверно труден. «Вспомним, сквозь какие туманы и как неуверенно приходим мы к познанию большей части вещей, с которыми по-

стоянно имеем дело», – продолжает рассуждать Мишель Монтень, – и сколько есть на свете маловероятных вещей» (Опыты, С. 379). «До сих пор человек о вещи как о вещи задумывался не больше чем о близости. Вот вещь: чаша. Что такое чаша?», – вопрошают другой философ – Хайдеггер (М. Хайдеггер Время и бытие. М., 1993). А мудрый Платон даже уподоблял вещь самому Сущему: «Будучи чужд зависти, Он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому» (Тимей, собр. соч. в 4-х тт. М., 1994, Т-3, с. 432–433). Таким образом, о сути вещи: «что такое вещь» рассуждают физики и философы (Платон, М. Монтень, М. Хайдеггер, Ф. Кассиди, Трухтин С. А. ...). Так что этот разговор о вещи далеко не праздный.

Наши предки оставили нам богатое наследие: петроглифы, святилища, лабиринты, фольклорные, архитектурные исторические памятники и памятники бытовой жизни – вещи. Трудно найти другой уголок земли столь богатый культурными сокровищами как Карелия. Но их часто губит наше невежество, незнание, равнодушие. Потому так хотелось пробудить в моих учениках уважение к культуре своего края, гордость за его богатства, за вещи, которые люди делали, пользовались и... удивлялись.

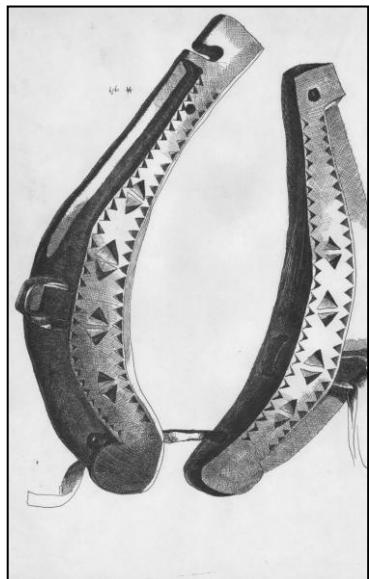
Мы не часто смотрим в бездонное ночное небо – не до того, не до неба, земных проблем хватает. А зря. Космос – древний объект философии. И мир вещей входит в его орбиту. Космос – это порядок, нечто цельное, совершенное. Спираль космических туманностей отражается в спирали улитки, спирали истории, спирали ДНК, в спиралях лабиринтов, в искусстве. Космический разум присутствует в большей или меньшей степени во всех вещах или явлениях, – пишет философ Ф. Кассиди (Вопросы философии, № 2, 1996, С. 139). В обычательском понимании – это парадокс. Но в философском значении космос – это, прежде всего, законы гармонии, порядка, которые ведут к упорядочению вещей и явлений здесь, на земле. Плохая, негармоничная вещь, вступающая в конфликт с функцией, с человеком, природой ведет к самоуничтожению, она опасна для жизни, здоровья человека и общества. И наоборот, красивая вещь радует и хорошо служит человеку: красивый самолет лучше летает, хорошая книга радует. Не зря говорят, что красота спасет мир. Плохо спроектированный завод или железная дорога выводят напрямую к катастрофе. Бедный, убогий квартал-трущоба формирует потенциального преступника, в лучшем случае – ограниченного, неразвитого духовно человека, бедная, дешевая, некрасивая одежда рождает комплекс неполноценности у подростка, накладывает отпечаток на всю его жизнь. В традиционном обществе жизнь человека включена в мифопоэтическую концепцию мира.

Свадьба молодых – была сложнейшим ритуализированным актом сакрального значения: актом обновления земли, повышение ее плодородия, микрокосмом. И все действия, вещи и атрибуты в это время поднимали свой статус выше бытового или развлекательного значения. Из решета

дружка кочергой дарил полотенца гостям, ибо оно было аналогом солнца, а кочерга, кнут и посох (фаллос) символизировали плодородие новой семьи, скота и земли в целом. Свадебная эротика плодородия была связана с эротическими песнями, жестами, заговорами и такими вещами как пест и ступа, кочерга и кнут, рукавицы и горшок.... Топор – обыкновенное орудия труда, в хозяйстве незаменимое – поколоть дрова, построить дом или чудо-церковь, вырезать узор... Но прислоненный к двери – он уже не топор, а знак, означающий, что хозяев нет дома: замки – позднее изобретение (и ужасное) человека. Или солонка – не просто посуда для соли, но символ благополучия, богатства, потому так тщательно украшали ее «говорящими» узорами и бережно обращались... Столь же ритуализированы и «говорящими» были и печные горшки (см. А. Львов, ж. «Родина», 1994, № 8). И много чего еще может значить и рассказать вещь... Она – средство сохранения информации, текст, который надо уметь прочитать, она единица (элемент) религиозно-мифологической картины мира... Не говоря уже об эстетической стороне дела. Без вещи не обойтись. Потому, наверное, появилось новое понятие – вещизм, когда вещь становится самоцелью, тираном, деспотом, на приобретение ее направлены все усилия и средства, она начинает господствовать над человеком. Тоже аспект интересный.

Рождение вещи – акт космического значения. Человек творит ее, он демиург. Вещь входит в духовную сферу человека. А она (вещь!) творит антропогенез: без огня, без одежды, без жилища, без орудий труда в суровых условиях природной жизни антропогенез может прерваться. Первые вещи – как родовспоможение природе и человеку.

ВЕЩЬ лежит в основе каждого серьезного музея. Она рассказывает о жизни полководца и пахаря, о религии и производственных процессах. «Я не умею придавать вещам ценность выше той, какой они обладают на деле», – писал все тот же философ Монтень. Это очень точное наблюдение. Но этого не могут делать и большинство из нас. Вещи живут самостоятельной жизнью, хотя человек выступает по отношению к ним как Демиург, сотворитель. И потому между ним и вещью образуется духовно-интимная связь, прилепленность человека к вещи, а с другой стороны – заражение вещи человеческим началом. Сотворенные для утилитарных функций, т. е. для облегчения труда человека, вещь вдруг начинает вторгаться в сферу его духовного пространства. Через нее оживает миф, вещь становится знаком или символом, активным участником обряда или ритуала. Профанное и сакральное сливаются. И в этом тайна вещи, о которой интуитивно догадывался философ.

Ну, возьмите, на пример, хомут, обыкновенная часть лошадиной упряжи. Современный студент чаще всего не знает этого, как, может быть, не видел и лошади. Кто-то вспомнит, выражение «одеть хомут на шею», т. е. взвалить на себя тяжкий груз, обязанности, житейские трудности...

Но в архаическом сознании – хомут символ животного поведения, потому еще совсем в недалекие времена женщины, имевшей добрачные связи, одевали на шею хомут, или свахе, сосватавшей такую невесту. Эта же процедура предусматривалась за воровство и прелюбодеяние. Это же архаическое сознание видело в хомуте имитативную функцию, знак женского лона, потому больно-го протаскивали через хомут. Или средство магической коммуникации людей с параллельным миром: гадания на святках, общение с духами или умершими родственниками.

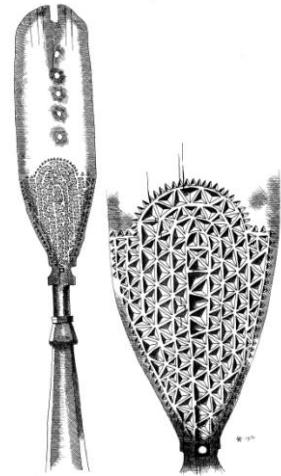
Досюльная, старинная вещь обязательно несет избыточную информацию. Что знает современная девушка о прялке? Только то, что она использовалась для производства нити. Но мифопоэтическая традиция включает прялку, нить, веретено и пряжу в сакральный круг вечного и земного, в круг космических представлений. На широкой лопастке прядицы плывут хороводы звезд, светит солнце и потому оно господствует на всем пространстве прялки.

Или Древо жизни на прялке как ось мира связывает Вселенную и пряжу. Прялка уподобляется женскому началу – девушке-невесте, или храму с золотыми куполами. А смысловой аспект веретена и нити вытекал из почитания древнего бога Велеса или Мокоши, персонифицировался с Судьбой.

Благодарен будь родимой,
Что прекрасную невесту
Эту деву воспитали!
Молотить она умеет,
И прядет отлично нити,
И ловка, чтоб выткать платье.

(35 руна «Калевалы»)

Так вырисовывается еще один, педагогический аспект прялки. А есть еще эстетический, этнографический, поэтический, исторический... Как-то в деревне Вегорукса (Заонежье) купил у хозяина каменную мотыгу – орудие труда неолитического человека. Она была хорошо отшлифована его руками в процессе работы. Как ни странно, хранилась она у хозяина за божницей. Я тогда был молодой и не очень опытный, но все же записал, что это предмет, связанный с лечением, со знаменской практикой. Водой с этой каменной стрелы лечили разные болезни. Позже, работая со специальной литературой, узнал, что в народном сознании эти каменные орудия древнего человека ассоциировались с «громовой или огненной стрелой», которую посыпал на землю Илья Пророк – «управитель туч». Считалось, что «сбрызгивание» водой из-под громовой стрелы лечит все «недуги», ибо она – атрибут Перуна, славянского божества грома, молнии и дождя. В свадебных причитаниях этот громовой камень именуется и «горюч камнем», и «каленой стрелой», опаляющей сердце невесты (Кузнецова, С. 92). А так же может выступать как орудие наказания, если

кто-то нарушает этические правила поведения, например, ходит с растрепанными волосами во время грозы, или держит посуду открытую и не закрещенную. Нельзя «искаться в голове» во время грозы – «не одну такую бабу стрела забила насмерть» (Максимов С. 210).

*В экспедиции – с бытовыми вещами:
Маша Ушакова и автор*

Все это можно сказать и о самой обычной бытовой вещи – рукавице, кочерге, сковороде, топоре, глиняной плошке, серпе и т. д. Но исследователи выделяют еще «сильные» вещи, т. е. предназначенные для духовной сферы, через которые человек может вступать в «общение» с божествами, духами, Богом, святыми... Через них область сакрального сближается с профанной. Это вотивные предметы – иконы, кресты, обереги, амулеты, вышивки, лестовки, атрибуты шамана или знахаря...

Литература:

Кузнецова В. П. Причтания в северно-русском свадебном обряде. П., 1993.

Кассиди Ф. (Вопросы философии, № 2, 1996, С. 139).

Львов, А. Ж. «Родина», 1994, № 8.

Максимов С. В. Нечистая и неведомая сила Санкт-Петербург, 1995.

Монтень М. Опыты. М., 1988.

Платон Тимей, собр. соч. в 4-х тт. М., 1994, Т-3,

Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993).

Раздел 4. Секция «История»

Мошина Т. А.,
краевед

Максим Филиппович Леви, врач и общественный деятель

Земская больница, по оценке известного российского исследователя общественной деятельности Б. Б. Веселовского, была «любимым детищем губернского земского собрания». Больница благодаря «тщательному лечению и внимательному уходу» пользовалась «завидным доверием» со стороны всех классов населения.¹ Почти двенадцать лет работы Максима Филипповича Леви были связаны с земской больницей в Петрозаводске, но до сих пор в краеведческой литературе его имя упоминается лишь мельком.² Благодаря документам Национального архива РК, материалам, обнаруженным в Российской национальной библиотеке и Национальной библиотеке РК, удалось расширить представление об этом замечательном человеке, который по праву вошел в историю отечественной медицины как «один из организаторов советского родовспоможения», а в историю нашего края – не только как доктор, но и как общественный деятель и человек, искренне любивший театр и искусство.

Максим Филиппович Леви родился 21 декабря 1875 г. (по нов. ст. 2 января 1876 г.). Он происходил из семьи потомственных докторов. Его дед Давид Матвеевич Леви (1776–1855) служил в Риге доктором Приказа общественного призрения. Был награжден орденами Святого Станислава 2-й степени, Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й степени. О нем с благодарностью вспоминает в своем «Дневнике старого врача» хирург Николай Иванович Пирогов.³ Отец М. Ф. Леви, Филипп Давидович Леви, был известным санитарным врачом, он служил в Риге, Харькове, в Петербурге, участвовал в подготовке книги Г. Ф. Ундица «Домашний скотолечебник», вышедшей двумя изданиями в Петербурге в 1873 и 1877 гг.

После окончания Рижской гимназии Максим Леви поступил в Харьковский университет, который закончил в 1901 году со званием «лекаря с отличием». Летом 1904 года он был командирован Главным медицинским инспектором для борьбы с холерой на границу с Персией, где в тяжелых условиях проработал до октября 1905 года. Затем он был зачислен в число врачей-экспертов Императорского Клинического Повивально-гинекологического института в Петербур-

¹ Веселовский Б. Б. Из Петрозаводска. Очерк деятельности Олонецкого земства. Саратов, 1905. с. 72.

² Здравоохранение Карельской АССР. Сборник статей. Вып. III. Петрозаводск, 1970. с. 121; 200 лет Петрозаводской городской больнице № 1. 1785–1985. Петрозаводск, 1985. с. 6, 8.

³ Общий штат Российской империи. 1842. Ч. 2. с. 212. Пирогов Н. И. Дневник старого врача. Иваново, 2008. с. 372.

ге, где специализировался под руководством Дмитрия Оскаровича Отта. В апреле 1907 года ему было доверено выступить на Десятом съезде русских врачей в память Н. И. Пирогова, и молодой доктор в своем докладе отметил тогда необходимость учреждения родильных приютов в России.⁴

Именно доктор Дмитрий Отт, занимавший ответственную и почетную должность лейб-медика императорского Двора, рекомендовал его в мае 1911 года на должность акушера-гинеколога в Олонецкую земскую больницу, которую долгое время занимал Иосиф Маркович Рясенцев (12.06.1852–4.03.1911). М. Ф. Леви, уже семейный человек, с женой и двумя детьми, не побоялся поехать из Петербурга в провинциальный Петрозаводск.⁵ Позже, почти через двадцать лет, в 1930 году, М. Ф. Леви посвятит своему учителю большую статью, на которую неоднократно ссылаются авторы основополагающего труда о жизни и деятельности Д. О. Отта.⁶

В то время земская больница была рассчитана на 265 кроватей, она располагалась в одиннадцати зданиях и за год обслуживала до 2000 пациентов.⁷ Здание женского терапевтического и акушерского отделения было возведено в 1885 г. Немало сделал для его оборудования И. М. Рясенцев. М. Ф. Леви успешно продолжил его дело и быстро приобрел авторитет среди коллег и земских деятелей. В характеристике, данной ему Губернским Попечительством детских приютов, почетным членом которого он был, было написано: «охотно оказывает ... помочь заболевшим девочкам приюта. Советы доктора Леви, как специалиста по детским и женским болезням, имеют несомненную ценность».⁸

В октябре 1913 г. Олонецкое губернское земское собрание приняло решение о выдаче субсидии в размере 400 рублей доктору М. Ф. Леви для поездки в зарубежные клиники «для знакомства с новейшими способами лечения заболеваний женской половой сферы». Такой субсидии были в 1911 г. удостоены доктора М. Д. Иссерсон, И. А. Шехман.⁹ Однако, началась Первая мировая война, и в июле 1914 г. докторов М. Ф. Леви, М. Д. Иссерсона, И. А. Шехмана и И. А. Шифа призвали по мобилизации. Однако где служил М. Ф. Леви и когда он вернулся в город пока неизвестно.¹⁰ В 1920–1923 гг., он был главным врачом больницы, Это были трудные, голодные годы : старая система здравоохранения была разрушена, а новую только начинали строить. В 1920 г. губернская больница была переименована в Петрозаводскую центральную больницу. Число коек к этому времени достигло 370. В шести отделениях больницы трудились 8 врачей, 116 средних медицинских работников. Наряду с работой в стационаре врачи и фельдшеры больницы оказывали населению амбулаторную помощь. В мае 1922 г. Карельский областной

⁴ X съезд русских врачей в память Н. И. Пирогова. СПб., 1907. с. 225.

⁵ НАРК. Ф. 337. оп. 1, д. 14/528. Л. 5–8.

⁶ Леви М. Ф. Д. О. Отт // Гинекология и акушерство. 1930. № 1. С. 3–16; Айламазян Э. К., Цвелёв Ю. В., Репина М. А. Дмитрий Оскарович Отт. Служение Отечеству и медицине. СПб., 2007.

⁷ НАРК. Ф. 27. оп. 1, д. 50/2. л. 8.; Дядиченко А. Состояние народного здравия за 1901–1910 гг. // ВОГЗ. 1913. № 4.

⁸ НАРК. Ф. 337. оп. 1, д. 14/528. Л. 1.

⁹ НАРК, ф. 10, оп. 3, д. 3/60, л. 38–38 об.

¹⁰ Отмена съезда и совещания. // ВОГЗ. 1914. № 7. с. 14.

отдел здравоохранения командировал доктора М. Ф. Леви в Петроград для участия в совещании с американским обществом «АРА» (American Relief Administration), которое доставляло в Россию продовольствие, медикаменты, одежду и оказывало всестороннюю помощь голодающим. М. Ф. Леви составил список всего необходимого для медицинских учреждений края, встречался с представителями общества, остался его отчет о командировке.¹¹

По инициативе М. Ф. Леви в 1921 г. появился журнал «Народное здоровье» – первое специальное медицинское издание в крае (тираж 1200 экз. В библиотеке Национального архива РК сохранилось пять номеров этого журнала). Редакция журнала ставила перед собой задачу: дать сведения «по всем вопросам санитарно-просветительского характера», а также «дать медицинскому персоналу ... материал для бесед с малограмотными массами трудящихся на селе».¹²

М. Ф. Леви занимался и преподавательской деятельностью – в фельдшерской школе он читал курс акушерства и гинекологии, общей и частной патологии, терапии и гигиены.¹³

Доктор занимал заметное место и в общественной жизни города. Он был членом «Общества врачей Олонецкой губернии», Олонецкого местного отделения Российского общества Красного Креста, Попечительного Совета Свято-Петровской Общины сестер милосердия, Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом, М. Ф. Леви входил в состав Петрозаводского благотворительного общества, был старшиной Петрозаводского общественного клуба.¹⁴

Особо надо отметить вклад М. Ф. Леви в культуру нашего города. Он был членом Комитета Петрозаводской Алексеевской общественной библиотеки, входил в состав Общества изучения Олонецкой губернии (также, как и доктора И. А. Шехман, М. Д. Иссерсон, К. К. Мошинский, С. Б. Хазен). М. Ф. Леви в юности мечтал стать музыкантом, хорошо играл на рояле, сочинял песни (известно, что на литературно-музыкальных вечерах в Петрозаводске исполнялись его песни «Прощание»).¹⁵ Им была написана оперетта «Наука любви» (музыку и либретто), которая была одобрена в Ленинградском малом оперном театре (ныне Михайловский театр). В Петрозаводске он посещал все спектакли, бывал на репетициях, писал рецензии для газет, принимал участие в концертах музыкально-драматического общества, аккомпанировал певицам и мелодекламаторам, играл небольшие роли в самодеятельных театральных постановках (драматических и даже балетных. Он исполнил роль Фамусова в любительском балете «Горе от ума»).¹⁶ М. Ф. Леви, как

¹¹ НАРК. Р-554. оп. 1, д. 18/210. с. 98–101; Латыпов Р. А. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. // Отечественные архивы. 2009. № 1.

¹² НАРК. Р-462. оп. 1, д. 3/46. л. 47.

¹³ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1915 год. Петрозаводск, 1915. с. 25.

¹⁴ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1914 год. Петрозаводск, 1914. с. 25; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1915 год. Петрозаводск, 1915. с. 26, 84, 88, 92, 112, 113; ОГВ. 1912. № 43, от 19.04. 1914, от 10.04.

¹⁵ НАРК. Ф. 1. оп. 1, д. 113/6. л. 123.

¹⁶ НАРК. Ф. 1. оп. 1, д. 113/6. л. 123; Местная хроника // ОГВ. 1914, 4 января; Леви С. «Таранта» // Петров Н. В. Я буду режиссером. М., 1968. С. 136–140.

активному участнику организации торжеств в память Отечественной войны 1812 года, губернатор А. Ф. Шидловский в августе 1912 г. выразил «глубокую признательность».¹⁷

В квартире М. Ф. Леви (он жил в доме Михайлова на Бородинской, затем – на Военной ул., в здании больницы) устраивались дружеские посиделки, «капустники». Об этом со слов матери, Анисьи Ивановны Рыбкиной, ставшей профессиональной актрисой, написала Наталья Васильевна Ларцева в своей книге «Театр расстрелянный», а также и сын доктора, Сергей Леви.¹⁸

М. Ф. Леви был дружен с актером и режиссером Николаем Васильевичем Петровым (1890–1964), в 1918–1919 гг. гастролировавшим с труппой в Петрозаводске. Позже Н. В. Петров стал известным режиссером, профессором ГИТИСа, доктором искусствоведения. В одной из своих книг он рассказал о жизни в Петрозаводске и тепло отзывался о докторе М. Ф. Леви.¹⁹

Следующий период жизни М. Ф. Леви связан с Москвой. В марте 1923 года Комиссия по приему, назначению, увольнению и перемещению служащих и рабочих Карельского областного отдела здравоохранения рассмотрела заявление доктора Леви о предоставлении ему трехмесячного отпуска в связи с поездкой в Москву и постановила: дать ему отпуск с 1 апреля по 1 мая с сохранением содержания и «сохранять занимаемые по больнице должности в продолжении двух последующих месяцев, т. е. по 1 июля». В случае невозвращения доктора лечебному отделу было поручено подыскать подходящего кандидата на должность заведующего гинекологическим отделением.²⁰ Как показало время, эту должность с 1 августа 1923 года занял Васил Маринович Косогледов, работавший до этого времени в Пудожской больнице.²¹

В Москве М. Ф. Леви работал заместителем, затем главным врачом в родильном доме № 6 имени Крупской, расположенным на Миусской площади (бывшая клиника А. А. Абрикосовой). С 1926 года М. Ф. Леви был заместителем начальника Московского отдела здравоохранения, с 1932 года – консультантом и заведующим отделом родовспоможения наркомата здравоохранения РСФСР, с 1937 года – инспектором-методистом и заведующим научно-методическим отделом наркомата здравоохранения РСФСР, с 1944 года – заведующим отделом Института акушерства и гинекологии Академии медицинских наук.²²

Максим Филиппович Леви был у истоков многих мероприятий по коренному улучшению постановки родильной помощи в России. С юности он занимался наукой и был одним из первых членов Всероссийского общества акушеров и гинекологов. Он был автором многих работ по вопросам планирования родовспоможения, разработки нормативов родильной помощи, планирова-

¹⁷ ОГВ. 1912.28 августа.

¹⁸ Ларцева Н. Театр расстрелянный. Петрозаводск, 1998. с.118, 122; Леви С. «Таранта» // Петров Н. В. Я буду режиссером. М., 1968. С. 134–144.

¹⁹ Петров Н. В. 50 и 500. М., 1960. с. 174, 183, 184.

²⁰ НАРК. Р-554. оп. 1, д. 28/341. л. 132–132 об.

²¹ НАРК. Р-580. оп. 4, д. 1/4. л. 28.

²² Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 482. оп. 42, д. 3458. Личное дело М. Ф. Леви. 27.03.1932–3.10.1937. л. 1–23; Клебанов Ф. Г. Максим Филиппович Леви. К 70-летию со дня рождения // Акушерство и гинекология. – 1946. – № 1. – С. 62–63.

ния и строительства стационаров, деятельности женских консультаций. По мнению современников, его работам были присущи «оригинальность, широта, научная обоснованность постановки вопроса». Его докторская диссертация на тему «Организация родовспоможения населению России...» (1946) легла в основу монографии «История родовспоможения в СССР» (М., 1950), на которую до сих пор ссылаются в Большой медицинской энциклопедии, БСЭ и других изданиях.

Максим Филиппович Леви с 11 октября 1905 года был женат на Маргарите Германовне Герсон. В Петрозаводске она принимала участие в благотворительной деятельности.²³ У доктора было двое детей – Елена (род. 5.09.1907) и Сергей (род. 10.02.1911).²⁴

Сергей Леви стал инженером, работал научно-исследовательском институте, он – автор книг по технологии светочувствительных материалов.²⁵ А его сын, Алексей Леви, унаследовал от деда увлечение театром. Он окончил студию при театре имени К. С. Станиславского, где учился вместе с Елизаветой Никициной, и стал актером и режиссером.²⁶

Интересно и то, что непосредственное отношение к искусству имел родной брат М. Ф. Леви – Василий Филиппович (17/29 сентября 1878 – 13 февраля 1954, Стокгольм). Он получил образование в Рижской Александровской и Харьковской гимназиях, окончил юридический факультет Харьковского университета, служил присяжным поверенным судебной палаты С.-Петербургского округа. Однако с юности он занимался живописью, участвовал в выставках, и в 1916 года, оставив службу, целиком посвятил себя искусству. Со временем он стал доверенным лицом И. Е. Репина и занимался устройством его выставок в европейских городах. В 1945 году он передал Государственному литературному музею в Москве 160 писем Репина к нему, рукопись воспоминаний под названием «Материалы для комментариев к переписке И. Е. Репина с бывшим присяжным поверенным В. Ф. Леви». В 1946 году подарил Третьяковской галерее два этюда Репина к «Запорожцам». Его дочь Наталья Леви (род. в 1914) стала живописцем и скульптором.²⁷

Имя доктора М. Ф. Леви не забыто. В московском родильном доме (ныне роддом № 6), где работал доктор, устроен музей, где отражена его деятельность.

²³ ОГВ. 1912, 8 ноября, 1914, 17 мая.

²⁴ НАРК. Ф. 337. оп. 1, д. 14/528. Л. 10.

²⁵ Поверхностно-активные вещества в технологии светочувствительных материалов : Учеб. пособие / С. М. Леви, А. Н. Дьяконов, О. К. Смирнов, 40 с. ил. 20 см, Л. ЛИКИ 1983 и др.

²⁶ Леви С. «Таранта» // Петров Н. В. Я буду режиссером. М., 1968. С. 145; Алова Л. Театр поэзии // Юность. 1964. № 10. С. 99.

²⁷ Биографический словарь бывших питомцев Первой Харьковской гимназии за истекшее столетие с 1805 по 1905 год. Харьков, 1905. с. 190. Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники русского зарубежья. 1917–1939. Биографический словарь. СПб., 1999. С. 374–375.

К 80-летию образования станции переливания крови в г. Петрозаводске

В 2013 году исполняется 80 лет с момента образования Республиканской станции переливания крови. В 1933 году Станция была открыта на базе хирургической лечебницы в качестве филиала Ленинградского Института переливания крови и чуть позже стала действовать как самостоятельная организация.¹ Основателем Станции принято считать заслуженного врача-хирурга Карело-Финской ССР и Карельской АССР Михаила Давыдовича Иссерсона, положившего начало практике переливания крови в Карелии.

В Национальном архиве Республики Карелия хранятся документы, отражающие историю создания и деятельности Станции переливания крови г. Петрозаводска. Помимо документов народного комиссариата здравоохранения, Министерства здравоохранения, Отдела здравоохранения исполкома Петрозаводского горсовета, Петрозаводской городской больницы, на хранении в Национальном архиве Республики Карелия находится личный фонд Михаила Давыдовича Иссерсона, содержащий интересные материалы, освещдающие деятельность Станции в предвоенный и военный период.

Первое переливание крови в 1933 году делал непосредственно сам Михаил Давыдович. В своих воспоминаниях М. Д. Иссерсон пишет: «...совершенно выдающаяся роль среди новых методов лечения принадлежит делу переливания крови... Нигде в мире, даже в армиях наших союзников так широко и на такую высоту не поставлено дело переливания крови, как у нас в Советском Союзе...».² Изначально перед Михаилом Давыдовичем, как руководителем этой организации, стояла задача поиска помещения, его оборудование согласно требованиям лечебного учреждения, оснащение необходимой аппаратурой, а также подбор кадров и их обучение. Другой не менее значимой проблемой являлось негативное восприятие дела переливания крови некоторыми потенциальными донорами, их недоверие к новому методу лечения. Михаил Давыдович вспоминает: «...Основное затруднение заключалось... в боязни давать свою кровь из опасения вредных последствий для здоровья донора. Врачи не хирургических специальностей также опасались применять переливание крови, как метод ещё недостаточно изученный...».³ В последующие годы Станция переливания крови занималась решением поставленных задач и проблем, развивалась, набиралась опыта, проводила подготовку кадров, осуществляла агитацию доноров.

¹ ф. Р-3488, оп. 1, д. 1/28, л. 14.

² ф. Р-3488, оп. 1, д. 1/10, л. 3 об.

³ ф. Р-3488, оп. 1, д. 1/10, л. 6.

Действительно огромную роль Станция переливания крови сыграла в годы Второй мировой войны. Начиная с зимы 1939 г. Станцией была проведена колоссальная работа по снабжению военных лечебниц консервированной кровью. Из воспоминаний М. Д. Иссерсона: «Этот период обогатил нашу станцию большим опытом по вербовке и комплектованию донорских кадров, по технике заготовки консервированной крови, по её хранению и транспорту. Благодаря полученному опыту наша маленькая станция... уже в течении трёх дней после вероломного нападения Германии на Советский Союз сумела развернуть свою работу, превратив эту маленькую станцию в большую самостоятельную организацию....».⁴ В это сложное время благодаря деятельности Станции и активности доноров были спасены многие жизни раненых солдат.

На протяжении Великой Отечественной войны активно шла работа по вербовке доноров: Михаил Давыдович и его постоянный помощник Вера Александровна Дрейман выезжали на предприятия, посещали различные учреждения города, где проводились лекции и беседы, были организованы выступления М. Д. Иссерсона по радио и публикации в печати. Для более быстрого проведения обследования рабочих и служащих, желающих стать донорами, организовывались выездные бригады. Все мероприятия оказались весьма эффективными. Михаил Давыдович вспоминает: «Высокий патриотический подъем, охвативший народные массы, уже к 1 августу привел в ряды доноров нашей станции свыше 1200 человек».⁵

Летом 1941 года в связи с приближением фронта военных действий к Петрозаводску Станция переливания крови была эвакуирована в село Пудож. В своих воспоминаниях знаменитый хирург Михаил Давыдович Иссерсон даёт весьма хвалебную оценку своим сотрудникам: «Необходимо отметить исключительно дружную и энергичную работу всего коллектива станции, коллектива, состоявшего исключительно из женщин и девушек, которые всю погрузку и разгрузку баржи провели собственными силами, несмотря на то, что это составило огромный труд, ввиду большого количества и тяжелого веса упакованного в ящики имущества...».⁶ В Пудоже работники Станции столкнулась с рядом проблем, в частности, с отсутствием специально оборудованного помещения для проведения подобных операций. К тому же, передача крови из Пудожа во фронтовые лечебные учреждения была затруднительной и приходилось каждый раз вызывать для этой надобности самолет из Петрозаводска. Именно проблемы, связанные со сложностью транспортировки и тяжелыми погодными условиями, привели к тому, что было принято решение о перемещении Станции в город Медвежьегорск. Однако и здесь её пребывание оказалось недолгим. Эвакуация гражданского населения и приближение линии фронта к Медвежьегорску привели к тому, что в октябре работа Станции была вновь свернута, всё необходимое погрузили в вагоны и на платформы и перевезли в город Беломорск. На новом месте пребывания заново пришлось прово-

⁴ ф. Р-3488, оп. 1, д. 1/17, л. 1.

⁵ ф. Р-3488, оп. 1, д. 1/10, л. 7 об.

⁶ ф. Р-3488, оп. 1, д. 1/17, л. 4.

дить работы по ремонту и техническому оснащению помещения, подготовке обслуживающего персонала, вербовке и учёту доноров.

В первой половине 1942 года в связи с невысоким процентом доноров было налажено сотрудничество с Архангельской станцией переливания крови, поставлявшей консервированную кровь для нужд Карельского фронта. В дальнейшем ситуация несколько улучшилась, исчезла необходимость в помощи Архангельской станции, и уже летом 1942 года было организовано 2 филиала Станции переливания крови — в Сегеже и в Кеми. В своих воспоминаниях М. Д. Иссерсон пишет: «Работа Беломорской станции в деле организации филиалов выразилась в том, что мы не только помогли путем выступлений перед трудящимися с целью привлечения донорских кадров, но мы подготовили также ряд работников, которые были в дальнейшем направлены на работу в Сегежу и Кемь».⁷ Однако и здесь не обошлось без трудностей, заключавшихся, в основном, в проблеме доставки крови на фронт. Представители научного сообщества врачей Карелии вспоминали, что банки с кровью доставляли специально подготовленные экспедиторы на попутных машинах, на лыжах, даже пешком, часто под обстрелом. Таким образом, благодаря организованному сотрудничеству гражданского населения с работниками Станции переливания крови была налажена бесперебойная помощь раненым солдатам.

На протяжении войны, помимо сдачи крови, доноры активно собирали средства на нужды фронта. По данным, которые приводит М. Д. Иссерсон, на 1943 г. донорами было собрано более 335 тысяч рублей, из них 165 тысяч рублей — в фонд обороны страны, 66 тысяч рублей — на восстановление народного хозяйства. Ещё одна часть этой суммы была потрачена на строительство боевого самолета «Карело-Финский донор». М. Д. Иссерсон вспоминает: «К сентябрю было собрано свыше 100 тысяч рублей. В этом сборе приняли самое активное участие все работники станции переливания крови, как добровольными взносами, так и отказом от денежной компенсации за сданную кровь».⁸ За столь ощутимый вклад в дело Красной Армии Станция была удостоена телеграммы с благодарностью лично от Сталина: «Прошу передать донорам и сотрудникам Карело-Финской Станции переливания крови, собравшим 100 тысяч рублей на постройку боевого самолета «Карело-Финский донор», мой братский привет, благодарность Красной Армии. И. Сталин».⁹ Боевую машину ездил выбирать на авиабазу сам Михаил Давыдович в сопровождении активного донора Мищенко.

В связи с прекращением военных действий на Карельском Фронте и освобождением г. Петрозаводска Станция переливания крови летом 1944 г. была возвращена в столицу Карелии и вновь возобновила работу. Безусловно, за годы оккупации был нанесен большой ущерб материальной базе. Сложности в работе были вызваны нехваткой врачей, медицинского оборудования. Однако, в течение 1944 г. Станция была обеспечена всем необходимым.

⁷ ф. Р-3488, оп. 1, д. 1/17, л. 8.

⁸ ф. Р-3488, оп. 1, д. 1/17, л. 11.

⁹ ф. Р-3488, оп. 1, д. 1/17, л. 12 об. – 13.

На протяжении Великой Отечественной войны помимо своей основной работы сотрудники Станции также принимали активное участие в деятельности, имеющей общественное значение. К примеру, работники Станции выходили на вечерние и ночные дежурства в Первом Отделении Эвакогоспиталя, к некоторым революционным праздникам готовили подарки находившимся в госпитале бойцам, тем самым поддерживая их моральный дух. Кроме того, коллектив Станции переливания крови принимал активное участие в постройке деревянного аэродрома, оборонных сооружений, дровозаготовке и распиловке дров, лесозаготовке, сборе лекарственных растений и пр.

Конечно, всё же приоритетным направлением в деятельности Станции было выполнение своих непосредственных функций – осуществление агитационной работы среди населения, проведение курсов по вопросам переливания крови с врачами города и районов для подготовки и переподготовки кадров. На предприятиях, в кинотеатрах Пудожа, Сегежи и Беломорска сотрудники Станции организовывали выступления, проводили беседы, читали лекции с целью популяризации донорства. Практическая деятельность Станции переливания крови была налажена, однако в условиях войны разработкой научных трудов заниматься было довольно сложно. Трудности заключались в том, что для изучения тем, связанных с лабораторной работой, необходимых условий не было. К тому же, сведений от военных лечебных учреждений об использовании крови сотрудники Станции не получали, а своей больничной базы для клинических наблюдений не имели. Коллеги Михаила Давыдовича подтверждают факт невозможности проведения научной работы в условиях войны, однако вспоминают, что М. Д. Иссерсон всё же выступал на фронтовых научных конференциях с докладами, посвященными особенностям работы по переливанию крови.

Деятельность Станции переливания крови в послевоенное время недостаточно освещена в материалах нашего архива, однако в документах исполкома Петрозаводского горсовета, Петрозаводской городской больницы нередко встречаются приказы по комплектованию безвозмездных и резервных доноров с указанием графиков донорских дней, приказы о направлении врачей и медицинских сестер на семинары и обучение, проходившие в стенах Станции переливания крови и за её пределами. Специалисты Республиканской Станции переливания крови нередко привлекались при проведении теоретической и практической подготовки и проверке знаний врачей отделений Петрозаводской городской больницы.

Материалы Министерства здравоохранения, находящиеся на хранении в Национальном архиве Республики Карелия, свидетельствуют о том, что с конца 1950-х – начала 1960-х годов службе переливания крови начинает уделяться больше внимания. Так Минздрав указывает на необходимость открытия отделений переливания крови в районах Республики, директор и сотрудники Станции переливания крови неоднократно выезжают в районы по организационным вопросам службы крови и проверке работы отделения переливания крови, для проведения семи-

наров по вопросам Службы крови.¹⁰ В последующие годы в документах встречается информация о постоянном перевыполнении плана по заготовке крови и ее компонентов, по безвозмездному донорству, активном развитии лаборатории республиканской станции переливания крови, научной деятельности.

Таким образом, благодаря активной работе персонала Станции и гражданского населения в годы Великой Отечественной войны были спасены многие солдаты Советской Армии. В это время впервые в стране был применен метод массовой заготовки донорской крови. Немало усилий приложили Михаил Давыдович Иссерсон и его коллектив для развития донорства. За работу станции переливания крови в годы войны Михаил Давыдович был награжден орденом «Красной звезды».¹¹ С начала военных действий и до их окончания основатель Станции, сотрудники не прекращали работу по привлечению населения к помощи фронту посредством донорства.

В послевоенный период учреждение совершенствовало работу: была развита не только практическая, но и теоретическая основа деятельности Станции. Сейчас, в период развитого технического оснащения, улучшенных транспортных условий и связи, перед работниками Республиканской станции переливания крови уже не стоят те проблемы, которые были актуальны 80 лет назад, что создаёт благоприятную почву учреждению для продолжения и развития своей деятельности.

¹⁰ ф. Р-580, оп. 8, д. 19/132, л. 108.

¹¹ ф. Р-2047, оп. 3, д. 1/4, л. 9.

СМИ как канал взаимодействия общества и государства в 1930-х годах XX века (на примере Карелии)

Взаимодействие власти и общества во все времена являлось сложной, комплексной проблемой. Особенно она обостряется в периоды становления новой политической системы, когда новая политическая власть вводит актуальные для себя установки и форматы жизни общества.

На рубеже 20–30 гг. XX века советское общество перешагнуло порог формирования тоталитарной политической системы. Одним из инструментов внедрения установок новой системы являлись средства массовой информации. Новая власть постаралась максимально использовать СМИ не только как канал трансляции информации, но и как форму «обратной связи», позволяющую знать о реальных проблемах жизни людей, их желаниях и надеждах, контролировать степень их лояльности власти. С одной стороны, власть через СМИ «разогревала» общество на решение задач советской власти: пятилетние планы, займы индустриализации, борьба с врагами строительства светлого будущего, обозначала узнаваемые «признаки» врагов. С другой, через корреспондентскую сеть, систему жалоб, общество информировало власть о том, что или кто мешал осуществлять поставленные задачи. Многоуровневая система специальных органов «сканировала» эту информацию и использовала не только для конструктивного разрешения проблем, но и для принятия репрессивных решений.

Современные исследования истории советских средств массовой информации позволяют представить этапы их формирования и структуру в целом по стране, методы воздействия на общественность, информационную тематику, этапы и формы цензуры информации [3, 9, 12, 15, 21]. Становление карельских СМИ в первые десятилетия советской власти подробно исследовано в работах А.И.Афанасьевой [5, 6, 7]. Результаты ее исследований представлены и в обобщающем труде по истории Карелии [11; 490–491]. Авторы обращают внимание на использование рабселькоровского движения властью как канала общения с населением, но не касаются последствий передачи их информации в правоохранительные органы [11; 493]. Формирование и эволюция советских финноязычных журнальных изданий представлена работами Э. Л. Алто [2]. Функционирование цензуры в республике посвящена одна из глав монографии Ф. К. Ярмолича [30]. Исследования по локальным проблемам дают представление о деятельности СМИ по освещению партийной политики [20].

При наличии большого интереса историков к советским СМИ, использование их системы в репрессивных технологиях затрагивается вскользь. В частности, в рамках общей характеристики особенностей СМИ в 30-х годах, Козлова М. М. пишет о том, что «в эти годы доносительство

стало одной из негласных функций журналистики» [12]. Впервые анализируя осуществление ре-прессивной политики в Карелии, И. И. Чухин в своей работе ставит вопрос о той роли, которую сыграли в ней средства массовой информации и сама общественность» [29; 68]. Таким образом, если структура, эволюция создания, частично информационное содержание СМИ Карелии подвергалось исследовательскому анализу, то влияние, использование их для формирования определенного общественного настроя практически не затрагивалось. А ведь именно общественный настрой легитимирует действия или бездействия власти.

Окончательный отход советского руководства от политики нэповской либерализации, новый курс на коллективизацию, индустриализацию, реализацию пятилетнего плана повлекли за собой серьезные изменения в политическом настроении населения. Чем более жестко проводился «генеральный курс» ВКП(б), тем больше росла социальная напряженность во всех слоях общества [24]. Перед печатью и радиовещанием в сложных условиях 30-х годов XX века стояла грандиозная задача смоделировать лояльное общественное сознание в стране, утвердить в нем необходимые политические ориентиры, ценности и оценки, сформировать политическую грамотность по-сталински.

Как и другие институты, способные оказывать влияние на общественное сознание (система образования, например), средства массовой информации Карелии 30-х годов XX века переживали сложный период технического и организационного становления. Но, в отличие от других регионов страны, во-первых, в республике была крайне слабая материально-техническая база СМИ, во-вторых, в первой половине 30-х годов во главе Карелии находилось «финское» руководство, не утратившее амбиций автономного строительства в республике, в-третьих, особое влияние на развитие карельских СМИ оказывала приграничная политика советского государства.

Советская периодическая печать в Карелии начала свое становление в 20-х годах и в течение 30-х годов ее развитие происходило в общесоюзном формате: постепенно рос тираж газет и журналов, происходила их горизонтальная и вертикальная дифференциация [21]. Помимо республиканских, появлялись районные, заводские, профессионально ориентированные газеты. К началу первой пятилетки периодическая печать Карелии была представлена двумя газетами – «Красная Карелия» и «Пунайнен Карьяла» («Красная Карелия» на финском языке), а также рядом журналов [6; 107]. С осуществлением первого пятилетнего плана резко возросла необходимость проникнуть в самые отдаленные районы приграничной полосы республики, к которым на тот момент относились Кестенгский, Ухтинский, Ребольский, Петровский, Сямозерский, Ругозерский и Видлицкий [19, Р-690, Оп. 1, Д. 129, Л. 18]. На рубеже 1931–1932 гг. власть масштабно обследует состояние дел СМИ всех уровней. Результаты обследований оказались неутешительными: работа была плохо организована, оперативная информация не публиковалась, корреспондентская сеть практически не использовалась, необходимого оборудования не было, сотрудников не хватало, квалификация имеющихся была низкой [19; П-3, Оп. 2, Д. 812]. Это привело к реорганизации

структуры периодической печати Карелии. Была усиlena полиграфическая база республики за счет специальных средств выделенных их бюджета РСФСР и Карелии и полиграфического оборудования, переданного Ленинградским исполкомом. Кроме типографии им. Анохина в Петрозаводске, в 1930 г. начали работать первые районные типографии – в Кеми, Олонце и Пудоже. В 1938 г. местная типография действовала в каждом районе республики [6]. Помимо центральных газет, которые поступали в Карелию, с начала 30-х годов начинает расти количество районных и фабрично-заводских газет. В 1930 г. Карельский обком ВКП(б) просил Ленинградский ОК ВКП(б) ускорить утверждение 7 районных (Олонецкая, Кондопожская, Медвежьегорская, Сорокская, Кемская, Кандалакшская, Ухтинская) и 1 передвижной лесозаготовительной газеты [19; П-3, Оп. 2, Д. 505, Л. 24]. Карельское партийное руководство ставило перед собой задачу организовать только к 1937 году 18 районных газет, но, очевидно, политическая ситуация в республике требовала гораздо более энергичных мер [26; 283]. В 1933 г. выпускалось 14 районных газет, в 1934 г. – 16, а в 1936 г. – уже 18 [16; 123]. Стремясь дойти до максимального количества читателей, был значительно увеличен тираж выпускаемых газет: в 1933 г. общий годовой тираж районных газет составил 3163, в 1934 г. – 3985, в 1935 – 4033 [16]. Примерно одна газета на десять жителей Карелии. Начиная с 1936 г. тираж «районок» несколько падает: 1936 г. – 3455, 1937 г. – 3267 экземпляров [16]. Учитывая национальный состав населения, газеты выходили и на русском, и на финском языке, становясь тем самым общедоступными. Во многих газетах текст дублировался на двух языках. Тем не менее оставались районы, в которых «главное партийное орудие» не нашло своего отклика. Самыми малочитающими газеты оставались районы приграничной полосы республики – Ругозерский, Ребольский и Кестенгский [19; Д. 350, Л. 8–9]. И этот факт не был связан с уровнем грамотности населения. Наоборот, например, северный Ругозерский район к 1933 г. показывал один из самых высоких уровней грамотности в республике [6; 74]. Возможно, территориальная удаленность, отсутствие нормальной дорожной инфраструктуры не позволяли регулярно доставлять в эти районы газеты. Поскольку до того, чтобы totally охватить население газетным словом было еще далеко, власть стремилась быть услышанной.

Карелия была в числе первых автономных республик и областей, где еще в начале двадцатых годов появилось радио. В марте 1918 г. в Петрозаводске была установлена первая радиоприемная станция. С ее помощью принимались телепрограммы и информация для местной газеты. В июне 1918 г. в Петрозаводске появилась первая приемопередающая радиостанция, работающая для военных нужд. Затем, в 1920 г. начинает свою работу приемная радиостанция в Кеми, в 1921 г. – в Олонце [28]. С 1925 года республиканское правительство активно разрабатывает проект радиофикации, результатом которого стала сдача в эксплуатацию 22 января 1927 г. двухкилловатной широковещательной радиостанции [19; Фонд 690, Оп. 3, Д. 21/167, Л. 17]. Но, через год (1 марта 1927 г.), из-за недостаточной слышимости, станцию пришлось закрыть на ремонт. Из-за недостаточности финансирования, технической базы и профессиональных кадров, реальная ситуация с

радиовещанием в Карелии оставалась далекой от запланированных идеалов [19; Фонд 689, Оп. 15, Д. 3/7, Л. 122–123]. Например, план по установке радиоузлов в 1931 г. был выполнен только на 55,5 %, а по радиоточкам всего на 26,7 %, особенно плохо обстояло дело в районах приграничной полосы. Для радиификации приграничных районов средства выделяли из специального погранфонда республики. Власть вынуждена была в начале 30-х годов увеличить ассигнования на развитие радиовещания в республике: если в 1931 г. ассигнования составили 7,4 тыс. рублей, то в 1934 г. – 281 тыс. рублей [6; 32]. В 1932 г. в Петрозаводске, на Кургане, вступила в строй новая широковещательная радиостанция мощностью в 10 килловат. Рост финансовых вложений позволил создать местную радиосеть: в конце 1933 г. на территории республики работало около 10 тысяч радиоточек. Столько же их остается и в 1936 году (сказалось сокращение ассигнований), т. е. один радиоприемник приходился на 39 жителей [19; Фонд П-3, Оп. 3, Д. 349, Л. 28]. При этом, половина всех радиоточек (из 7,050 – 3,544) находилась в г. Петрозаводске. Тем не менее, по оценке специалистов, при всех успехах, «степень радиофикации республики ничтожна» [19; Фонд П-3, Оп. 3, Д. 361, Л. 19]. В результате проверки 1935 г. было установлено, что вещание Петрозаводской радиостанции в республике «или не принимают вовсе или принимают в очень ограниченном количестве» [Там же].

В то же время в приграничных финских районах работали радиостанции в Улеаборге, Рованьеми, была увеличена мощность до 220 киловатт Лахтинской радиостанции. А строительство радиостанции в Сортавале (в то время Восточная Финляндия), по опасениям председателя Карельского Радиокомитета О. Вильми, вообще «неизбежно приводило к интерференции с нашей волной» [18; Фонд П-3, Оп. 3, Д. 361, Л. 19]. Ряд отдаленных районов Карелии не могли слышать своего республиканского центра из-за более мощных радиостанций Финляндии [19; Л. 30, Д. 349, Л. 29]. При всех технических усилиях прекратить прием иностранных передач в Карелии не удавалось [30]. Все названные обстоятельства создавали преграды на пути формирования лояльного общественного настроя по отношению к «генеральной линии» ВКП (б).

Стремительно меняющаяся международная ситуация и напряжение, вызванное проведением курса на индустриализацию и коллективизацию, заставляли партийное руководство живо реагировать на рост зарубежной агитации и пропаганды [17; 53]. В 1935 г. председатель СНК АКССР Э. А. Гюллинг, отмечая, выросшее хозяйственное значение Карелии и всего севера за счет обнаруженных «крупнейших богатств», подчеркивал что «агитация за создание «великой Финляндии» с включением в нее Карелии не прекращается» [13; 1935, № 8]. Приводя агитационно-пропагандистские материалы из финских журналов и газет («Суомен Хеймо», «Аян Суунта», «Суоелускунталайс текти»), Э. А. Гюллинг говорит о Карелии как, прежде всего о форпосте Советского Союза [Там же]. Согласно этой «оборонно-угрожающей» установке располагают информацию местные СМИ, требования к ним становятся все более жесткими.

В течение десятилетия в республике формируется система контроля над СМИ: партийные органы всех уровней, главлитовская цензуры, политконтроль ОГПУ/НКВД. До середины 30-х достаточной согласованности в работе контролирующих органов не было. Карельский обком ВКП(б) в начале десятилетия не спешит оказывать какую-либо помощь Главлиту [30], в структуре которого в 1933 г. появится Отдел Военной Цензуры, что подчеркивало особенность пограничного положения республики. Только к 1937 г., после тотальной смены республиканского руководства всех уровней, в каждом районе республики будут работать штатные представители Главлита КАССР [30]. Цензоры доводили до сведения партийных органов все изъяны и недочеты, при этом, сами находились под бдительным «оком» ОГПУ/НКВД [9]. Все элементы системы выполняли свои задачи, но главная цель заключалась в том, чтобы через инструменты СМИ успешно внедрялась «нужная» информация и в случае противоречий, сбоев в виде «антисоветчины» оперативно обнаруживался ее носитель. То есть, система использовалась не только для внедрения «нужной» информации, образов, но и для получения «обратной связи» от населения.

Общие идеологические установки в этой системе осуществлял Отдел пропаганды и агитации Карельского Обкома ВКП(б). Руководство над районными газетами был возложен на райкомы ВКП(б) [19; Фонд П-3, Оп. 3, Д. 350, Л. 3]. Непосредственное руководство местной радиопередачей возлагалось на редакции газет, а контроль – на райком ВКП(б) [19; Фонд П-3, Оп. 2, Д. 505, Л. 6]. Партийные органы, добиваясь соответствующего требованиям центрального аппарата власти «идейно-политического уровня» СМИ республики, определяли их главные тематические направления работы (лесозаготовки, колхозное строительство, строительство новых промышленных предприятий) [6; 121–128], контролировали текстовое содержание, степень актуальности размещаемых материалов. Если еще на рубеже 20–30-х годов информационное содержание СМИ имело культурно-просветительский характер, то с начала 30-х оно становится политико-экономическим. Чаще стали использовать однотипный формат программ и публикаций, более стандартно-официальным становился язык. Печать и радиовещание рассматривались как, прежде всего орудие формирования общественного мнения о событиях по определенному из центра заказу и как агенты, осуществляющие практический повсеместный поиск и обнародование подтверждений сталинской политической теории.

Многочисленные протоколы совещаний парторганов в течение всех 30-х годов демонстрируют пристальное внимание к работе СМИ и механизмы осуществления контроля над ними. Если в начале 30-х годов редакторы газет и авторы радиопрограмм еще позволяли себе на таких совещаниях дискутировать относительно информационного содержания, передаваемого СМИ, то ко второй половине 30-х г. элементы дискуссий стремительно убывают. Редакторы областных и районных газет регулярно подвергаются критике, работа вверенной им газеты обсуждению, от них требуют «воинствующей партийности», «партийной бдительности» [19; Фонд П-3, Оп. 3, Д. 348, Л. 5]. Партийными комиссиями проводятся обследования содержания СМИ, которые вы-

являют недостатки организационного порядка (несвоевременные выходы газет, низкий уровень грамотности текстов, не поступление газет подписчикам и т. д.), но главное – обнаруживают недостатки в политическом освещении, частое «отставание» районных газет в освещении политических событий [19; Л. 11; П-3, Оп. 3, Д. 349, Л. 30]. Перед редакциями газет ставилась задача не просто констатировать произошедшие события, а «уметь нащупывать важнейшие вопросы практической работы, вытекающей из партийных решений и являющейся главными именно сегодня» [Там же; 46]. Речь шла о пятилетних планах и проблемах их реализации, виновников этих проблем и должны были «нащупывать» и указать районные СМИ. Действенным стимулом формирования соответствующей активной позиции газет всех уровней являлись их публичные обзоры, которые с начала 30-х регулярно практиковались. Тон подобных обзоров печати задавали центральные печатные органы ВКП(б), например, газета «Правда», которая делала это периодически по однотипным, стандартным схемам, в рамках очередной злободневной кампании, разоблачая и «Бурято-Монгольскую правду» и «Красную Карелию» [23; 249, 247]. Региональная печать схему таких обзоров практически повторяла. А от редакций подвергнутых критическому «разносу», требовалось покаяние, согласие с правильностью указанных недостатков [22].

В 1935 г. резкой критики со стороны партийного руководства республики подверглось содержание радиопередач, транслируемых в республике. Выяснилось, что «Последние известия» проходят с большим опозданием, в передачах звучат многочисленные ошибки не только фактические, но и при переводах речей В. И. Ленина, И. В. Сталина на финский язык, к микрофону не приглашают партийных, советских, профсоюзных работников, отсутствует информация о событиях с мест и … транслируют иностранную музыку [19; Фонд П-3, Оп. 3, Д. 361, Л. 17–18, 40–46]. Критически анализируя материалы СМИ, партийная власть требовала, чтобы они находились не «в хвосте, а в авангарде борьбы по разоблачению нарушений государственной дисциплины, антисоветских настроений, извращений, вредительства…» [Там же; 36–45, Д. 348, Л. 11–13].

Действенным инструментом осуществления такой задачи СМИ стала корреспондентская сеть военных, рабочих, крестьян, так называемое рабселькоровское движение. В Карелии количество нештатных добровольных помощников – корреспондентов в 20-е годы росло медленнее, чем в центре страны, но в годы первой – начала второй пятилетки темпы его роста были выше, чем в центральных районах [6; 116–117]. Ведущая республиканская газета рапортовала, что общее число рабселькоров республики в 1930 г. составило около 10 тысяч человек [13]. Но, как отмечал В. Градусов, заместитель редактора «Красной Карелии» к 1933 г. рабселькоры в газету практически не писали [19; П-3, Оп. 3, Д. 98, Л. 12–18]. Корреспондентскую сеть радиовещания всерьез начали формировать только с 1935 года, отставание было обусловлено, прежде всего, технической сложностью радиофикации республики.

Стремясь повысить эффективность использования корреспондентской сети, партийные органы страны начинают уделять рабселькоровскому движению активное внимание, переводя его в

организованные формы. Наиболее распространенной формой работы стали бригады и, в духе требований времени, посты рабселькоров, информационные пункты [26; 251]. Власть много внимания уделяет обучению нештатных корреспондентов. Для них проводятся инструктивные собрания, всесоюзные, областные, всекарельские и районные совещания и конференции. Перед ними ставились недвусмысленные задачи: «...сплотить все силы рабочего класса и крестьян для выполнения задач социалистического строительства и организации масс для нанесения сокрушительного удара всем классовым врагам, безжалостно разоблачая конкретные факты вредительства, антисоветской деятельности» [19; Фонд П-3, Оп. 2, Д. 639, Л. 56].

И корреспонденты «брали под обстрел» самые различные, актуальные, часто схожие проблемы сельской и городской жизни, которые, в условиях политической обстановки 1930-х годов опасно граничили с антисоветской деятельностью: о разгильдяйстве и пьянстве [13; 169, 208], о грубости и отсутствии чистоты и порядка [Там же; 88; 18,7; 22], о растратах и плохом обращении с социалистической собственностью [14; 39], о саботажниках лесозаготовок и прогульщиках [14; 9, 14, 15], бюрократах [14; 10], болтунах [18; 8], о тех, кто не выполняет поставленных планов и не принимает решительных мер к устраниению имеющихся безобразий. В основном рабселькоры обнаруживали локальные экономическое, производственное «вредительство», ошибки и недочеты. Но с подачи центральных органов они приобретали широкую политическую интерпретацию. Власть злоупотребляла активной гражданской позицией нештатных корреспондентов, нацеленных, как правило, на конструктивное разрешение общественных проблем, ставя перед ними задачу «выявления» десятков, тысяч «врагов» [15; 118]. Рабселькоры писали, как правило, под характерными псевдонимами: «Присутствующий», «Зоркий глаз», «Знающий» [14], «Наблюдателев», «Свидетелев», «Рабочий», «Станционный» [22], «Б-Лин», «Прохожий» [18] и т. д. Поступающую информацию с мест учитывали в так называемых Бюро расследований, которые формировались в составе редакций газет, в штате радиосети [19; Фонд П-3, Оп. 2, Д. 813, Л. 83–89]. Бюро расследований следило за мерами, принятым по заметкам рабселькоров, за тем, чтобы о них сообщали на страницах печати, в радиогазетах, тем самым, с одной стороны, показывая «читателям результативность рабсельковской критики» [19; Фонд П-3, Оп. 2, Д. 639, Л. 60] и, с другой стороны, формируя атмосферу неизбежности наказания за любые антисоветские действия. Бюро расследований принимало «все меры к защите рабкоров и селькоров от преследований» со стороны «разоблаченных» и публично раскритикованных [Там же]. Деятельность Бюро расследований была тесно связана с прокуратурой [Там же]. Более того, прямо на страницах газет, указывая на очередную «наглую вылазку классового врага», авторы требовали от прокуратуры «немедленных мер» [13; 88]. Прокуратура отправляла разоблачительные «заметки» в соответствующие отделения милиции с требованием расследовать сигналы бдительных граждан [4; Фонд 68, Оп. 02, Д. 055, Л. 97–98].

Не смотря на то, что как советская республика Карелия находилась в общесоюзной политической атмосфере конфронтации с «классовыми врагами», ее пограничное положение, опыт «карельской авантюры» 20-х годов и приток иностранных рабочих, позволяли обнаруживать здесь во «врагах» зарубежное происхождение уже в начале 30-х годов. «Враг» как иностранный шпион, диверсант, в рамках общего ожидания очень скорой войны, в местных СМИ рисуется раньше, чем в центральных [13; 14]. «Врага», как шпиона, в этот период рассматривают и в крестьянах, сопротивлявшихся коллективизации, и в вернувшихся домой по амнистии участниках «каравантуры» [24; 134–135]. Такое опасное пограничное положение делает возможным, «оправданным» уже в начале 30-х гг. проведение на территории республики и ближайших прилегающих районах не только общесоюзных репрессивных операций, но «особых» как, например, «Заговор финского генштаба» [25].

С 1936 г. сокращается как численность тиража районных газет, так и численность рабселькоров [6; 129]. С этого времени изменились задачи СМИ. В течение прежних лет общество приучили жить с ощущением перманентной конфронтации: с наглядным, неприкрытым врагом во времена гражданской войны, с врагом в виде «кулака», саботажника и т. д. во времена раскулачивания, коллективизации. Всех их просто было «разглядеть» и публично представить в СМИ. С 1936 г. «враг» в разъяснении И. В. Сталина эволюционирует, теперь он выступает не «с открытым забралом», а прячет свое настоящее лицо. Этот скрытый «враг» теперь непременно шпион, диверсант, вредитель, действующий по найму иностранных держав. Но самое страшное в том, что он «формально не чужой», свой, часто с партийным билетом. Часто – ты сам. В Карелии почва для такой интерпретации «врага» была подготовлена. Иностранцами-«шпионами», «националистами», проникшими в партию, замаскировавшимися под правильную партбиографию и партийный билет, убежденно пугает СМИ этих лет. «Характерной особенностью для подлых вражеских махинаций на территории Карелии является тот факт, что здесь вместе ... бандитами и вредителями ... действуют буржуазные велико-финские националисты. Для примера можно привести фашистско-националистическую шпионскую банду, орудовавшую на Кондопожском бумкомбинате и ликвидированную ныне органами НКВД...» – пишут районные газеты, цитируя передовицу «Красной Карелии» [14; 59].

Людей стравливали между собой, заставляли сомневаться не только в окружающих, но и в собственных убеждениях. Многие переживали растерянность, показательны в этом отношении слова Миляйса Я. Я. (с января 1937 г. он возглавлял Отдел партпропаганды, агитации и печати Каробкома ВКП(б), исполнял обязанности редактора газеты «Красная Карелия»): «Правда, я, как и многие, не сумел своевременно разоблачить замаскировавшихся врагов».

Вслед за центральной прессой местная печать использует однотипную, стандартную, агрессивную терминологию. Целые полосы посвящают перепечатанным из центральных газет хроникам открытых судебных процессов [22; 20–25]. События местного значения отодвигаются на по-

следние полосы. Местные СМИ старательно информируют на своих страницах о хронике судебных процессов над «врагами» и о злорадной реакции на приговоры по ним населения. Теперь даже публикация об успехах и достижениях могла быть истолкована отрицательно, т. к. «вредитель не всегда вредит, хоть иногда показывает успехи в своей работе ..., если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок». Не удивительно, что редакции местных СМИ либо перепечатывают информацию из таких проверенных источников как республиканская «Красная Карелия» или центрального органа «Правда», либо почти дословно излагают доклады И. В. Сталина [1; 45]. Но и такая позиция не была безопасной. Осенью 1937 г. главный партийный орган Карелии был объявлен «рупором буржуазных националистов» в газете «Правда», а значит, под сомнение ставились все республиканские СМИ [23; 249]. Региональная партийная власть, как ни старалась, теперь уже не успевала сориентироваться в «охоте на врагов».

В 1937 г. региональная партийная власть теряет свое лидирующее положение и сама становится объектом для ударов со стороны территориальных органов НКВД [10; 199]. В сентябре 1937 г. бюро Каробкома ВКП(б) обреченно признает, что «не только редакция газеты «Красная Карелия» не вела решительной борьбы с врагами народа – буржуазными националистами, но и само бюро ОК своими решениями неправильно ориентировало и не мобилизовало партийные организации на развертывание этой борьбы» [19; Фонд П-3, Оп. 6, Д. 7026, Л. 22].

Нарастает скорость смены руководящего, редакционного, рядового состава СМИ Карелии. Если, например, Хюппенен П. А. возглавлял отдел пропаганды Каробкома ВКП(б) почти 3,5 года до июля 1937 г. [19; Фонд П-3, Оп. 6, Д. 12002], то Миляйс Я. Я., на этой «политически суицидной» должности проработал около года. Причем, этот «медлительный», по словам Ирклиса, секретаря Каробкома ВКП(б), (или осторожный?) человек, делал все возможное, чтобы не оказаться на ней [19, Д. 7026, 7027]. Даже идеальная по тем временам биография не гарантировала безопасность. Такой биографией «растущего партработника с незапятнанной репутацией» обладала Е. Т. Золина. Но, возглавив отдел пропаганды Каробкома ВКП(б), и она спустя некоторое время, окажется под арестом [19; П-3, Оп. 6. Д. 3605]. Редакционные сотрудники подвергались постоянному прессингу. Одним из них был, например В. Бусаров – редактор «Онежца», потом «Красной Пряжи» и «Новой Кондопоги». Он был человеком своего времени: комсомолец, выдвиженец, коммунист. Но, как писал лично его знавший Д. С. Богданов, «природа наградила его светлой головой» [8]. Под его руководством в районной газете «Красная Пряжа» в 1937 г. хроника судебных процессов могла быть отодвинута на второй план ради того, чтобы посвятить номер 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина [14; 12], написать о 125-летии со дня рождения А. И. Герцена обширную статью, рассказать о «всеобщем законе Вселенной» И. Ньютона. Бдительными однопартийцами-коллегами он будет изгнан из ВКП(б), с «подмоченной биографией» будет трудится в «Новой Кондопоге». Добровольцем уйдет на фронт, чтобы «доказать свою преданность партии и Родине» [8]. Докажет. Погибнет. В среде сотрудников СМИ Карелии его судь-

ба окажется не самой трагической. В издательствах, редакциях газет, сети радиовещания Карелии репрессиям было подвергнуто 73 человека.

Человеку с «подмоченной биографией» было невероятно трудно оставаться в прежней социальной среде. Как только на нем появлялось клеймо «врага», его прежнее окружение шарахалось от него как от прокаженного, старательно его избегало. Страх ошибиться, оказаться на его месте, не позволял никому стереть это клеймо [19; Фонд П-3, Оп. 6, Д. 7026, Л. 25]. Наоборот, стимулировал на исполнение заказанной политической установки – поиск «врагов» советского строя в советском обществе.

Таким образом, в начале 30-х годов в условиях роста общественного напряжения, власть аккумулировала все средства для сохранения собственной легитимности. Одним из них стали средства массовой информации. Организационное, техническое их преобразование позволило власти ко второй половине 30-х гг. получить эффективный канал взаимодействия с обществом. Этот канал позволял одновременно моделировать общественные реакции на проводимый курс и осуществлять превентивные меры для искоренения любого инакомыслия.

Список источников и литературы:

1. **Аркадьев А.** О гнилой теории «затухания классовой борьбы» / А. Аркадьев // Красная Пряжа. – 1937. – № 45.
2. **Алто Э. Л.** Советские финноязычные журналы 1920–1980 гг. / Э. Л. Алто. – Петрозаводск, 1989. – 163 С.
3. **Арнаутов Н. Б.** Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (1934–1938 гг.) / Н. Б. Арнаутов. Автореферат. – Томск, 2010.
4. **Архив МВД РК.** Фонд 68. Оп. 02. Д. 055. Л. 97–98.
5. **Афанасьева А. И.** Периодическая печать и книгоиздательство Карелии в первые годы советской власти / А. И. Афанасьева // 50 лет советской Карелии. – Петрозаводск, 1970. – С. 65–98.
6. **Афанасьева А. И.** Культурные преобразования в советской Карелии 1928–1940 / А. И. Афанасьева. – Петрозаводск, 1989. – 279 С.
7. **Афанасьева А. И.** Периодические и продолжающиеся издания Советской Карелии 1920–30-х годов как исторический источник / А. И. Афанасьева // Археография и источниковедение истории европейского севера РСФСР. Тезисы выступлений на республиканской научной конференции. – Вологда, 1989. – Ч. 1. – С. 74–78.
8. **Богданов Д. С.** Журналист Василий Бусаров. / Д. С. Богданов // Онежец. – 1989. – № 34.
9. **Блюм А. В.** Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953 гг. / А. В. Блюм. – СПб, 2000.

10. **Ерин М. Е.** Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 // М. Е. Ерин, А. М. Мойсинович / Российская история. – 2011. – № 3.
11. **История** Карелии с древнейших времен до наших дней / И. М. Кораблев (и др.). – Петрозаводск: Периодика, 2001.
12. **Козлова М. М.** История отечественных средств массовой информации / М. М. Козлова. – Ульяновск, 2000.
13. **Красная Карелия.**
14. **Красная Пряжа.** – 1937.
15. **Кропачев С. А.** «Большой террор» и его жертвы в зеркале советской пропаганды 1937–1938 годов / С. А. Кропачев // Российская история. – 2011. – № 2. – С. 116–124.
16. **Культурное** строительство в Советской Карелии 1926–1941 гг. Народное образование и просвещение. Документы и материалы. – Петрозаводск, 1986.
17. **Левкоев А. А.** Карельский вопрос в общественно-политической жизни Финляндии (1920–1939 гг.) / А. А. Левкоев // Европейский Север: история и современность – Петрозаводск, 1990. – с. 53.
18. **Лоухский** Большевик.
19. **Национальный** Архив Республики Карелии.
20. **Никитина О. А.** Газета «Красная Карелия» как источник по истории коллективизации в КАССР (1928–1933 гг.) / Никитина О. А. // Европейский Север: история и современность. – Петрозаводск, 1990. – С. 72.
21. **Овсепян Р. П.** История новейшей отечественной журналистики / Р. П. Овсепян. – М., 1996.; Он же. В лабиринтах истории отечественной журналистики. – М., 2000.
22. **Полярный** гудок. – 1938.
23. **Правда.** – 1937.
24. **Репухова О. Ю.** Реакция населения Карелии на мероприятия советской власти в начале 30-х годов XX века / О. Ю. Репухова // Наука и современность. Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. 15.11.2011 г./ под ред. С. С. Чернова. – Новосибирск, 2011. – С. 131–136.
25. **Репухова О. Ю.** Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба») / О. Ю. Репухова // Политическая история и историография (От античности до современности). Сборник научных статей. – Петрозаводск, 1996. – Вып. 2. – С. 85–100.
26. **Сало И. Т.** Республикаанская газета на финском языке / И. Т. Сало // На фронте мирного труда. Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920–1940 гг. Петрозаводск, 1976.

27. **Советская Карелия.** Очерки партийного, советского и культурного строительства АКССР/ под ред. Г. С. Ровио. – Москва, Ленинград, 1933.
28. **Страницы истории:** (из истории радиовещания в Петрозаводске) // Северный курьер. – 1995. – 6 мая.
29. **Чухин И. И.** Карелия–37: идеология и практика террора / И. И. Чухин. – Петрозаводск, 1999.
30. **Ярмолич Ф. К.** Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964 гг.
<http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries>.

Освещение работы радиовещания на страницах местной периодической печати в 1930-е годы

Несмотря на активное развитие современных коммуникационных сетей, в настоящее время радио остаётся одним из ведущих средств массовой информации, и поэтому изучение по-прежнему актуально.

В СССР радиовещание прошло долгий путь, став одним из главных средств государственной пропаганды. Лидеры большевиков быстро оценили потенциал радио как «газеты без бумаги», и уже 21 июля 1918-го года был издан декрет Совнаркома «О централизации радиотехнического дела в стране».¹ Особое место радио в системе советских СМИ подчеркивалось пропагандой. Как писал исследователь Ю. Мурашов: «В пропаганде раннего советского периода радио предстаёт как некий всемогущий инструмент, позволяющий преодолеть вековые противоречия и разрешить актуальные идеологические, политические и социальные конфликты и проблемы» [Мурашов, 2006. С. 18].

История собственного радиовещания в Карелии началась в 1926-ом году с открытия петрозаводской широковещательной радиостанции. Спецификой карельского радио с первых дней было вещание на нескольких языках, сперва – русском и финском, позднее были добавлены передачи на карельском и вепсском языках.

Проблематика карельского радиовещания на сегодняшний день изучена слабо, а материалы периодики не нашли должного применения исследователей радио. При этом периодическая печать широко освещала вопросы, касающиеся его развития в республике. И если в 1920-е годы радио интересовало прессу как перспективный, но далекий от насущных проблем населения вопрос, то в 1930-е, после постройки собственного радиоцентра и сопутствующей вещательной сети оно пришло к массовому слушателю, и, как следствие, вызвало пристальный и разносторонний интерес карельской периодической печати.

На страницах карельских газет в этот период был создан пропагандистский образ радио. Он оказал решающее влияние на отношение населения к новому для него виду массовой информации и, таким образом, повлиял на процесс становления радиовещания в целом.

В 1930-е годы происходит активное развитие радиовещания на территории Советской Карелии. Уже к 1933-му году в республике насчитывалось 23 радиоузла, около 10 тысяч радиоточек и сотни радиоприемников коллективного и личного пользования, а к 1935-му году их число возрос-

¹ Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Т. 21. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – 628 с.

ло до 70 радиоузлов, 18 тысяч радиоточек и 700 приемников коллективного пользования.² Радио оснащались сельские клубы, предприятия, школы, дома и квартиры ударников труда.

Карельская печать в 1930-е годы была представлена различными партийными, комсомольскими, производственными, профсоюзными и районными газетами. Содержание газет контролировалось и цензурировалось партийными органами, следовательно, присутствие или отсутствие той или иной проблематики в газете определялось редакцией в соответствии с партийным заданием. Проанализировав прессу за соответствующий период, можно утверждать, что радиовещание на всем протяжении 1930-х годов оставалось одной из приоритетных тем, которой уделялось не меньше внимания, чем вопросам покорения Арктики, беспосадочным перелётам советских самолетов, судам над «врагами народа» и т. д.

Темы, связанные с радио, разнообразны, подача переплетена с другими важными на тот момент проблемами. Условно газетные публикации можно разделить на несколько больших тем, таких как пропаганда советской науки и техники среди молодежи, новости о предстоящих радиопередачах, расширение сети вещания, и его проблемы. При этом были отражены как несомненные достижения карельского радиовещания, так и трудности на его пути.

Большая часть публикаций, кроме основного информационного ядра, несла в себе очевидную «нагрузку» в виде идеологических, научно-просветительских, агитационных посылов.

О достижениях карельского радиовещания можно узнать из кратких заметок, посвященных расширению радиовещательной сети в республике. Одна из них – «Алло, алло, говорит леспромхоз!...»,³ посвящена радиофикации Ковдинского леспромхоза; заметка «Заговорило радио»⁴ информирует об установке приемника в красном уголке деревни Паданаволок; статья «Колхозный радиоузел»⁵ рассказывает о первом в Медвежегорском районе колхозном радиоузле, сообщение «Радиоузел в доме крестьянина»⁶ – о появлении радио в Центральном доме крестьянина, «Радиофицированный сельсовет»⁷ – о радиофикации села Шокша, «Школьный радио-узел»⁸ – о радиофикации средней школы № 1 г. Петрозаводска. Эти заметки фиксируют одиночные факты, в совокупности передающие картину победного шествия радио по республике.

Примерами пропаганды достижений советской промышленности служат заметки «Автомат-радиола»,⁹ «Усовершенствованный радиоприемник»¹⁰ и «Радиоприёмник ЦРЛ-9».¹¹ Они посвящены новой продукции советской промышленности, предназначеннной, что характерно, для мас-

² Сорокалетие радио // Комсомолец Карелии. 1935. № 62. С. 2.

³ «Алло, алло, говорит леспромхоз»: радио связало район с участком // Комсомолец Карелии. 1933. № 16 (115). С. 3.

⁴ Заговорило радио // Комсомолец Карелии. 1935. № 81 (625). С. 4.

⁵ Колхозный радиоузел // Комсомолец Карелии. 1935. № 35 (579). С. 4.

⁶ Радиоузел в доме крестьянина // Комсомолец Карелии. 1935. № 149 (693). С. 4.

⁷ Радиофицированный сельсовет // Комсомолец Карелии. 1935. № 73 (617). С. 4.

⁸ Школьный радио-узел // Комсомолец Карелии. 1936. № 162 (885). С. 4.

⁹ Автомат-радиола // Комсомолец Карелии. 1935. № 51 (595). С. 4.

¹⁰ Усовершенствованный радиоприемник // Комсомолец Карелии. 1935. № 1 (545). С. 4.

¹¹ Радиоприемник ЦРЛ-9 // Комсомолец Карелии. 1935. № 55 (599). С. 4.

сового личного пользования. В заметке «Колхозный радиоприемник Эп-4»¹² упомянуты несколько моделей изготавляемых на Ростовском радиозаводе приемников, в том числе – приемник ЭП-4, с питанием от батарей, предназначенный для работы в колхозах.

Каждое новое изделие преподносится в прессе, во-первых, как очевидное достижение не только радиостроения, но и советского строя в целом; во-вторых, пропагандируется идея массового домашнего радио; в-третьих, само появление статей о домашних радиоприемниках – факт, говорящий о вхождении таковых в быт советских граждан.

Кроме публикаций достижений советского строя связанные с темой радио статьи популяризовали научные знания среди молодежи. Примером этого служат заметки из газеты «Комсомолец Карелии» за 1937-й год: «О радио и о себе»¹³ и «Радиоконструктор».¹⁴

В обеих публикациях речь о советских пионерах. Статья «О радио и о себе» посвящена ученику 7-го класса А. Сизову, пионеру 14-й средней школы Петрозаводска. А. Сизов рассказывает о своих мечтах – последнем бою с вражеской капиталистической эскадрой, где кораблями с советской стороны управляли по радио, – добавляя в конце, что на момент заметки «один ученик в Ростове уже управлял моделью парохода по радио, правда, в небольшом бассейне». Вывод для себя он сделал такой: его мечта – быть радиоконструктором.

Вторая публикация называется «Радиоконструктор». В ней ведется рассказ об ученике 8-го класса 15-тилетнем Леше Накропине, который конструирует собственный радиоприемник в радиолаборатории. Радиоделом Леша занимался с 1930-го года, то есть заинтересовался он радио в 8-милетнем возрасте. В статье (так же, как и в первой статье) описаны мечты пионера. «Радио – это будущее, – говорит Леша – ведь по радио уже управляют самолетами, пароходами. Что только ни делает радио!». Вскользь затронута популярная тематика освоения Арктики: друзьями Леши из радиолаборатории был пойман сигнал с Северного полюса.

Таким образом, в обеих публикациях присутствует молодой, увлеченный наукой пионер, его мечты о будущем и радио как символ этого будущего. Разница лишь в подходе: «О радио и о себе» – это рассказ от первого лица, «Радиоконструктор» – от третьего. Публикации имеют пропагандистский характер, но это – пропаганда науки, научных знаний среди молодёжи в стране, где совсем недавно крестьяне составляли подавляющее большинство населения, и которая, встав на путь социалистической модернизации, нуждалась в научных кадрах. Здесь мы видим ученика, пионера, как бы говорящего со страницы молодежной газеты: «Моя мечта станет явью!». Радио здесь предстаёт символом нового мира, того самого, который строит молодое Советское государство. Заметки такого рода не только пропагандировали достижения радио, но и науку среди молодежи устами её сверстника, и, наконец, посредством неё – пропаганду социалистического строя.

¹² Колхозный радиоприемник Эп-4 // Комсомолец Карелии. 1935. № 12 (556). С. 4.

¹³ О радио и о себе // Комсомолец Карелии. 1937. № 1. С. 3.

¹⁴ Радиоконструктор // Комсомолец Карелии. 1937. № 147. С. 3.

Не только достижения, но и проблемы радиовещания были затронуты в газетных статьях. В карельской периодике публиковались статьи с изложением организационных, технических, кадровых проблем радиовещания в Карелии, фактов воровства радиоаппаратуры и проблем открытого вредительства. Тут стоит оговориться, что советская печать 1930-х годов ставила своей задачей добиваться «обратной связи» населения с властью, стимулируя корреспондентскую активность населения. На газетных полосах размещались полученные с местсведения о том или ином правонарушении местных органов власти, попустительстве и самоуправстве начальства. Редакции размещали материал, часто с собственными комментариями, и отправляли его в органы власти или правопорядка.

Не стали исключением и статьи, связанные с радиовещанием. В заметке «Приемники по-прежнему молчат»¹⁵ сообщалось о том, что рабочие одного лесопункта близ Петрозаводска не могут слушать радиопередачи из-за отсутствия батарей, при том, что в городе они продаются. В том же, 1935-м, году, как сообщал корреспондент «Комсомольца»¹⁶ ещё большие проблемы с радио были у сплавщиков леса Прионежского района: «Радиовещание на сплаве под угрозой срыва. Радиоприемники в Шуе, Педасельге не установлены, в Ладве оба приемника неисправны. Радиопитания рабочком имеет шесть комплектов, а должно работать пятнадцать приемников». «Повторяется старая история – резюмирует корреспондент – Карпотребсоюз снабжает «только индивидуального потребителя», радиоотдел связи «только свои радиоузлы», а в магазинах управления рабочего снабжения Кареллеса радиопитания нет, как не было его зимой».

Проблема снабжения радиооборудования запасными радиодеталями раскрыта в статье «На волне самотёка».¹⁷ Из неё можно понять, что, несмотря на то, что карельский Совнарком постановил в 1934 году «Снабжение радиоустановок на лесозаготовках возложить на управление рабочего снабжения Карелии», в лесу «из 400 радиоустановок работает на сегодня (январь 1935 года) только 168».

Карельское радиовещание также страдало от непрофессионализма рабочих кадров. В заметке газеты «Кандалакшский коммунист»¹⁸ сетуют на то, что установленный на Кнажегубском лесопункте «аппарат из-за неумелого обращения с ним не работает, а имеющийся радиостанция спит и напрасно получает деньги». С той же проблемой некомпетентности кадров столкнулись на Киндасовском лесопункте, писала газета «Красная Пряжа».¹⁹

О примере открытого злоупотребления своими полномочиями в корыстных целях рассказывает статья «Кандалакшского коммуниста»²⁰ в которой описано отсутствие на Ковдском лесо-

¹⁵ Приемники по-прежнему молчат // Комсомолец Карелии. 1935. № 66 (610). С. 3.

¹⁶ Ни красных уголков, ни радиоточек // Комсомолец Карелии. 1935. № 57 (601). С. 3.

¹⁷ На волне самотёка // Комсомолец Карелии. 1935. № 2 (546). С. 3.

¹⁸ Горе-радиостанция // Кандалакшский коммунист. 1934. № 6 (176). С. 2.

¹⁹ Когда заговорит радио // Красная Пряжа. 1934. № 16 (132). С. 1.

²⁰ Радио говорит у Кузнецовой, а не в лесу // Кандалакшский коммунист. 1934. № 14 (184). С. 1.

промышленном пункте (ЛПХ) радиоприемников, из-за того, что «Рабочком» раздал радиоаппараты по квартирам», причем один из приемников оказался в «квартире секретаря рабочкома».

Таким образом, как показывает анализ прессы Карелии 1930-х годов, ее основное внимание было сосредоточено на отдельных проблемах развития радио: фактах злоупотреблений, непрофессионализме, трудностях со снабжением, которые не связывались друг с другом и со сложившейся системой управления радиовещанием. При этом центральная тема всех публикаций – отсутствие радиосвязи, необходимой в первую очередь простым слушателям, которые и писали в газеты. Этот факт подчеркивается особо: идея радиосвязи как необходимой составляющей жизни граждан советской Карелии преподносилась от лица самих граждан. Таким образом, через газеты слушатели получали возможность участвовать в опосредованном контроле над деятельностью радио.

Карельская периодическая печать внесла существенный вклад в развитие радиовещания в Карелии, который не был ограничен простым информированием населения. Пресса взяла на себя функцию пропаганды и агитации идеи радио среди жителей республики; была связующим звеном между радиослушателями и радиовещанием, обеспечивая «обратную связь» с населением.

Литература

Автомат-радиола // Комсомолец Карелии. 1935. № 51 (595). С. 4.

«**Алло, алло, говорит леспромхоз**»: радио связало район с участком // Комсомолец Карелии. 1933. № 16 (115).

Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Т. 21. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – 628 с С. 3.

Горе-радист // Кандалакшский коммунист. 1934. № 6 (176). С. 2.

Заговорило радио // Комсомолец Карелии. 1935. № 81 (625). С. 4.

Колхозный радиоузел // Комсомолец Карелии. 1935. № 35 (579). С. 4.

Колхозный радиоприемник Эп-4 // Комсомолец Карелии. 1935. № 12 (556). С. 4.

Когда заговорит радио // Красная Пряжа. 1934. № 16 (132). С. 1.

Мурашов, Ю. Электрифицированное слово: Радио в советской литературе и культуре 1920–30-х годов // Советская власть и медиа: сб. ст. / по общ. ред. Х. Гюнтер и С. Хэнсген. – СПб.: Академический проект, 2006. С. 17–38.

Ни красных уголков, ни радиоточек // Комсомолец Карелии. 1935. № 57 (601). С. 3.

На волне самотека // Комсомолец Карелии. 1935. № 2 (546). С. 3.

О радио и о себе // Комсомолец Карелии. 1937. № 1. С. 3.

Приемники по-прежнему молчат // Комсомолец Карелии. 1935. № 66 (610). С. 3.

- Радиоузел** в доме крестьянина // Комсомолец Карелии. 1935. № 149 (693). С. 4.
- Радиофицированный** сельсовет // Комсомолец Карелии. 1935. № 73 (617). С. 4.
- Радиоприемник ЦРЛ-9** // Комсомолец Карелии. 1935. № 55 (599). С. 4.
- Радиоконструктор** // Комсомолец Карелии. 1937. № 147. С. 3.
- Радио** говорит у Кузнецовой, а не в лесу // Кандалакшский коммунист. 1934. № 14 (184). С. 1.
- Сорокалетие** радио // Комсомолец Карелии. 1935. № 62. С. 2.
- Усовершенствованный** радиоприемник // Комсомолец Карелии. 1935. № 1 (545). С. 4.
- Школьный** радио-узел // Комсомолец Карелии. 1936. № 162 (885). С. 4.

К юбилею ББК. Краткий обзор коллекции фотоисточников в Национальном музее республики Карелии

Шесть тысяч единиц хранения – примерно столько фотографий и негативов насчитывает коллекция по теме «Беломоро-Балтийский канал. История строительства. Судьбы». Из всех тематических коллекций в фототеке Национального музея Республики Карелии она самая большая по количеству. Значительная ее часть это 5,5 тысяч небольших по размеру фотографий из семи альбомов, переданных в музей из Госплана КФССР в конце 1955 – начале 1956 годов. Фотографии изготовлены в 1931–1934 годах и дают представление о строительстве канала начиная с вырубки леса на территории намеченной трассы. Заканчивают рассказ о легендарной эпопее строительства фотографии парохода «Карл Маркс» с туристами на борту.

Отдельные фотографии из «ББК-альбомов» опубликованы исследователями И. И. Чухиным, Ю. Дмитриевым, К. Гнетневым, основная же часть изображений еще не включена в научный оборот. Чтобы исследователям удобнее было ориентироваться в огромном массиве фотографий из альбомов предлагаем разделить их на 10 следующих групп:

1. Изображение гидротехнических сооружений (плотин, шлюзов, перемычек) в разные этапы строительства.
2. Механизмы, использовавшиеся в ходе строительства (от тачек, грабарок до экскаваторов, земснарядов).
3. Строители канала (в том числе бытовые условия заключенных, медицинское обслуживание, фотопортреты отдельных каналоармейцев и стахановских бригад)
4. Руководящий состав Беломорстроя (высшее и среднее звено). Почетные гости на канале.
5. Работа Культурно-воспитательной части (в том числе работа художников, литературных сотрудников газеты «Перековка», изображение стенгазет, образцов оформления площадей и т. д.)
6. Виды населенных пунктов вдоль трассы канала (традиционные постройки и новое строительство)
7. Сельскохозяйственные предприятия канала.
8. Геологические съемки (виды рельефа, фиксация разнообразных скальных пород, а также видов почв).
9. Лесозаготовки, сплав – основной вид деятельности некоторых лагерных пунктов
10. Судоходство на канале. Постройка барж, лихтеров.

На такие же группы можно разделить и часть видео источников, собранных в разные годы сотрудниками Карельского государственного краеведческого музея (ныне Национального музея РК) у жителей республики. В 1990-ом году музей организовал на своем автобусе экспедицию, обследовавшую 13 населенных пунктов вдоль трассы канала. Руководил экспедицией заведующий отделом «История Советской Карелии» Кондратьев В. Г. Кроме него в экспедиции приняли участие научный сотрудник музея Степанова Л. М. и водитель Виноградов Ф. В. Экспедиция работала на южном участке канала, активно сотрудничали с сотрудниками петрозаводского музея заведующая Сегежским филиалом музея Неменок В. А. и Галунова С. – научный сотрудник Сегежского филиала. Экспедиция собрала 11 образцов орудий труда, детали сооружений, предметы быта, дипломы, документы, знаки «Почетный ветеран ББК» и фотографии ветеранов ББК 1930-х годов и послевоенных лет.

Количество фотографий невелико, из них только одна принадлежала бывшему заключенному Фидирко Михаилу Савельевичу (1909 г. р., на ББК с 1933 г.), остальные – трудпереселенцам и вольнонаемным. Участниками экспедиции были получены фотографии вольнонаемных: Смирнова Николая Арефьевича (1894–1975, на ББК с 1938 г.), Холичева Николая Васильевича (1911 г. р., на ББК с 1932 г.), Соколова Василия Константиновича (1911 г. р., на ББК с 1932 г.); трудпереселенцев: Кузнецова Петра Владимировича (1914 г. р., на ББК с 1935 г.), Путивцева Александра Ивановича (1907 г. р., на ББК с 1934 г.) и ряд других. Интересны фотографии, выполненные на рабочих местах ветеранов, например, «Сорокина Анна Петровна зажигает бакенный фонарь. 1950 г. ББК». Значимость фотографий намного повышает то, что в легендах, приложенных к актам приема на постоянное хранение в музей, Степановой Ляной Михайловной даны краткие биографии всех изображенных и выдержки из устных воспоминаний Холичева Н. В. и Фидирко М. С. о времени строительства Канала.

Сбор материалов о легендарном строительстве Беломоро-Балтийского Водного Пути проводился и в Петрозаводске. В результате коллекция пополнилась фотографиями и документами из личных архивов Кузнецова Арсения Николаевича (1903 г. р., в 1931–1938 гг. – начальник отделения связи ББК НКВД, в 1938–1940 – начальник Уросозерского лагерного отделения ББК), Захарова Ивана Николаевича (1906 г. р., на ББК с 1939 г. – главный инженер Повенецкого, затем Сосновецкого технических участков ББК, в 1944–1968 – начальник Управления ББК), Шолохова Юрия Яковлевича (на ББК с 1953 г., в 1971–1983 – начальник Управления ББК).

В 1991 году в Карельском государственном краеведческом музее работала выставка, посвященная 60-летию с момента начала строительства Канала, научным руководителем выставки была Степанова Л. М. Водная часть представляла посетителям историю проектов постройки Канала, начиная со времени Петра I, в основной части выставки рассказывалось о ходе строительства в 1931–1933 годах. Разумеется, что материалы экспедиции 1990 г. удачно вписались в концепцию

данной выставки, размещавшейся в одной комнате музея, занимавшего в то время собор Александра Невского.

А когда-то в поселке Повенец было построено специальное здание для музея Беломоро – Балтийского Канала, в музее было как минимум 7 залов. По данным журнала «Беломоро-Балтийский канал» открытие музея состоялось в сентябре 1934 г., а в заметке Р. Миролюбовой «По каналу. Записи экскурсанта» в газете «Красная Карелия» от 12 июля 1935 г. речь идет о том, что музей в Повенце возник полгода назад, то есть в начале 1935 года. Какова бы ни была точная дата возникновения музея, он играл важную роль в деле проведения экскурсий по маршруту Медвежьегорск–Беломорск. Экскурсанты садились на пароход в Медвежьегорске и рассказ о Канале начинался с посещения музея в поселке Повенец. Экспозиция рассказывала о строительстве Канала, о его устройстве и работе, о лесных богатствах и лесной промышленности Карелии. Значительное место отводилось материалам по климатологии и краеведению, существовал отдел «перековки». Экспонаты, повествующие о «истории возникновения мысли о постройке Канала» также нашли место в экспозиции. По воспоминаниям Анциферова Н. П. в основу музея легла геологическая коллекция, собранная при строительстве Канала: образцы гранитов, диабазов, доломитов, гранатовых биотитовых сланцев и т. д., собранных из скважин с разных глубин (Сборник документов. Гулаг в Карелии. 1930–1941).

Музей в Повенце получил высокую оценку и у экскурсантов и у представителей власти, один из членов Карцика писал в книге отзывов: «...надо высказать пожелание, чтобы прекрасные образцы музейной работы ББК передать районным музеям Карелии и оказать содействие в подготовке музейных кадров для Карелии». Посетители высказывали пожелания о расширении музея. Работники музея мечтали о получении моделей конструкций, картографического материала, чертежей, части материалов по перековке правонарушителей – строителей канала, подлинных стенгазет, документов – все это находилось в Москве и в Дмитрове на канале Москва – Волга. Мы рассказали о музее в Повенце довольно подробно, потому что, посвященные ему фотографии, имеются в ББК-альбомах.

Кроме тематических экспедиций, а по данной теме экспедиция 1990 года была единственной, источником пополнения фототеки музея по теме «Беломоро-Балтийский Канал» послужили комплексные экспедиции по районам Карелии, примыкающим к трассе Канала, когда одновременно собирались материалы по самым разным темам. Так в 1990 г. через сотрудницу музея Тихонову Надежду Николаевну были получены 9 фотографий от пенсионерки из г. Сегежа Богдановой Анастасии Ивановны. Жительница Вологодской области Анастасия Ивановна приехала в Карелию в 1935 г. после окончания пединститута в г. Горький (в настоящее время г. Нижний Новгород). В нашей республике она вышла замуж и проживала с мужем в г. Медвежьегорске, работала в НКВД инструктором, затем инспектором КВО (культурно-воспитательного отдела). Богданова А. И. на шлюзе № 7 организовала детский сад, его воспитанники изображены на одной из

фотографий. На снимке, поступившем в музей под номером КГМ-27320, дети играют с машинками, на борту кузовов детских машинок крупными буквами написана абревиатура: «ББК».

Снимки Богдановой А. И. характеризуют работу на Канале культурно-воспитательного отдела НКВД, содержат изображение гидротехнических сооружений шлюза № 7, а фотопортрет самой Богдановой А. И. можно отнести к группе «Среднее звено руководителей Беломорстроя».

В других тематических коллекциях музея также содержатся фотографии и негативы, расширяющие тему «Беломоро-Балтийский Канал». Например, в теме «Искусство Карелии» имеются видео источники, представляющие творчество Леопольда Яковлевича Теплицкого – одного из первых джазменов Советского Союза, организатора первого в нашей стране концертного джаз-бенда, успешно выступавшего в 1920-е годы на лучших концертных площадках Ленинграда. С коллективом Теплицкого выступал молодой Леонид Утесов. Осенью 1930 Теплицкий был арестован и посажен на три года по статье 58, его обвинили в шпионаже в пользу Америки. Во время заключения известному музыканту поручили создать оркестр в Центральном театре г. Медвежьегорска. С этой задачей Теплицкий, разумеется, справился и досрочно осенью 1932 вышел на свободу. После освобождения он обосновался в Петрозаводске, так как в Ленинграде ему не дали возможности получить прописку. В музыкальной культуре нашей республики значение Теплицкого трудно переоценить.

Очерк о Теплицком Л. Я. опубликован в книге К. Гнетнева «Беломорканал. Времена и судьбы» (Петрозаводск. 2008). В своей книге Гнетнев поместил и очерк о популярном в начале XX века поэте и писателе Сергею Яковлевиче Алымове (1892–1948), постоянном авторе ансамбля песни и пляски Красной Армии А. В. Александрова. Фотопортреты Алымова имеются в одном из ББК-альбомов. Летом 1930 года Сергею Яковлевичу как «контрреволюционеру» по статье 58 был определен срок заключения – 10 лет, в Белбалтлаге Алымов являлся литературным сотрудником КВО.

Артист петрозаводского театра русской драмы Петр Чаплыгин не был заключенным, но и его фотопортрет можно отнести к рассматриваемой коллекции. 14–15 января 1935 года на сцене театра состоялась премьера спектакля «Аристократы» по пьесе Н. Погодина. Пьеса посвящена строителям Беломорканала, роль Кости исполнил П. Чаплыгин. В критических заметках местной прессы игра актеров заслужила одобрения, но сама пьеса подверглась резкой критике, так как по мнению рецензента Беломорканал у автора «какой-то детский дом для взрослых», а чекисты «главно уговаривающие, христолюбивые пророки». 6 марта 1935 г. газета «Красная Карелия» поместила письмо Погодина, в котором он в свою очередь упрекал театр за то, что в Петрозаводске был поставлен черновой вариант пьесы без согласования с автором. Правда, Погодин констатировал, что в первом варианте чекисты у него получились толстовцами.

Предлагаемую нами группу «Виды населенных пунктов вдоль трассы канала» расширяют снимки, сделанные в 1910–1930-х годах и в первые после Великой Отечественной войны десяти-

летия. К 1931 году, к моменту начала строительства внешний облик поселков, примыкающих к каналу, мало изменился по сравнению с изображением данных населенных пунктов в начале века. В домах местных жителей проживали руководители разнообразных отделений Белбалтлага, а зачастую и сами заключенные. Согласно указанию ЦИК КАССР от 29.09.31 за подписью Ярвисало, в Медвежьегорском районе разрешалось произвести изъятие 10 % жилой площади в частно-владельческих домах в рабочем поселке Медвежья Гора в связи с переводом в пределы района Управления Соловецкого лагеря (Услага). Норма жилой площади в поселке Повенец по данному указанию была установлена в 6 квадратных метров на человека, а в домах «кулацкого элемента» Повенца предписывалось разместить служебные помещения и квартиры Услага. К кулакам были отнесены дома Соболева, Горева, Диевой, Васильевой, Мухиной и др. Часть помещений бывшей Земской Управы Повенца также использовалась для нужд исправительно-трудового лагеря.

Фотографии, характеризующие работу Канала в годы Великой Отечественной войны, послевоенную реконструкцию важной для Карелии водной магистрали и современное ее состояние можно выделить в две отдельные группы. Для послевоенной истории канала представляют интерес фотоработы Семена Раскина, проводившего многочисленные съемки в Карелии при подготовке альбома к празднованию 25-летия КАССР в 1948 году. На снимках Раскина есть вид «повенчанской лестницы», барж с грузом во время шлюзования, судов для промысла рыбы. Рыбные консервы, живая рыба относились к основным грузам, перевозимым по каналу, наряду с лесоматериалами, строительными материалами, такими как известняк, гранит, алебастровый камень.

Таким образом, мы предлагаем разделить весь массив фотографий по теме «Беломор-Балтийский канал» на 12 групп и надеемся, что это привлечет к ней новых исследователей и позволит ввести в научный оборот, большую часть снимков.

«Святая миссия»: к истории гулаговского театра в г. Медвежьегорске 1931–1940 гг.

Отдельная благодарность научному сотруднику Карельского краеведческого музея Илье Серко и директору Медвежьегорского районного музея С. И. Колтырину за помощь в поисках материала.

Кладбище вдруг увиделось Марике старинным театром, где без конца играют одну и ту же пьесу, меняя лишь костюмы и прически.

Одри Ниффенеггер. Соразмерный образ мой

Мне 21. Моя жизнь только начинается. Говорят, что и после сорока она совсем не заканчивается, а, наоборот, лишь набирает свои обороты. Сколько способен пережить человек, чтобы вовсе иссякнуть, сгореть? И что держит тех, кто по сути уже и не способен жить? Какая же сила заставляет бороться человека за свою, казалось бы, пропавшую жизнь, хвататься последними пальцами за выступ и тащить из последних сил еще и ближнего своего?

Мне 21. Юле Яцевич, студентке из Ленинграда было 18. Родителей, «врагов народа» расстреляли, а ее сослали в лагерь, ни статьи, ни срока, вроде вольновысланная, вроде заключенная. Из воспоминаний В. Дворжецкого, советского актера театра и кино, народного артиста РСФСР: «...не уберегли нашу Юлю! Была такая чудесная, нежная, красивая... Мы взяли ее к себе. Без вещей прибыла, в легком платьишке, шляпка, туфельки, перчатки, сумочка. Два года была она с нами. Репетировала, играла роли, но никак не могла избавиться от потрясения, не могла привыкнуть к обстановке. На общие работы ее не посыпали. Мы всячески ограждали и берегли ее. Не уберегли... Ее изнасиловали десять сволочей – проиграли в карты. Ночью из женской зоны с кляпом во рту вытащили во двор (другие женщины все видели, боялись поднять тревогу)! Утром обнаружили ее без сознания, за штабелями бревен... В больнице через неделю она повесилась. Косынкой за спинку кровати. На «свалку» вывезли. Мы и не видели ее... Милая Юля...

Вот в такой обстановке ставились спектакли...»¹

¹ В. Дворжецкий / Театр Гулага. Воспоминания. Очерки. «Мемориал». – М, 1995, с. 42.

Вы когда-нибудь слышали о крепостных театрах в России? Не правда ли, весьма интересный способ распространения искусства, если можно так это назвать? Крепостное отменили в 1861 году. Театр «крепостных», о котором пойдет речь, берет свое начало в 1931 году.

В 1930 году в структуре УСЛОНа, куда изначально входил Беломорско-Балтийский лагерь, был создан Отдел культурно-просветительской работы. Инструкторы отдела занимались образованием неграмотных и малограмотных заключенных, библиотечной работой, а также театрально-художественной деятельностью. В 1931 году благодаря их усилиям в Медвежьей Горе – «столице» Беломорканала – был создан театр, впоследствии получивший наименование Центрального театра Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР. Медвежья Гора – это наиболее привилегированный пункт Беломорско-Балтийского лагеря, по-видимому, наиболее привилегированного из всех лагерей СССР. Был даже проект показывать ее иностранным туристам. Подобных же театров существовало два, один находился на Соловках. Я расскажу вам о театре в Медвежьей Горе.

Театр носил также название Синтетического, или оперно-драматического. Штат театра полностью состоял из заключенных – бывших актеров и певцов столичных и провинциальных театров, режиссеров, художников, костюмеров, представителей других театральных профессий.

Здание театра располагалось недалеко от вокзала станции Медвежья Гора, предположительно, на месте, где сейчас находится железнодорожный парк (точных данных не предоставлено). Театр был двухэтажным, располагал сценой для спектаклей на 350 человек. Как отмечал Дворжецкий в своих воспоминаниях: «Настоящий, большой, удобный театр. Великолепно оборудован – сцена, зал, фойе, закулисные службы – все! И труппа настоящая. Большая, профессиональная. Директор, главный режиссер, администраторы, режиссеры, актеры, певицы, артисты балета, музыканты, художники – все заключенные. И зрители все заключенные…

...Хороший был зритель, непосредственный. Надо было видеть это «авилонское столпотворение». Многие вообще впервые в театре. Все возрасты! Все статьи уголовного кодекса! Декорации к спектаклям строились отличные, костюмы шились настоящие, добротные, по эскизам художника. Освещение, как в любом столичном театре, под руководством специалистов высокого класса. И все остальные атрибуты, как то: звонки, гонг, занавес, увертюра и прочее – все *настоящее*, как в театре».²

Первым директором театра стал Давид Михайлович Персов – также заключенный. В 1937 году его сменила вольнонаемная Тамара Васильевна Бенутова, а еще через год директорский пост в театре занял помощник начальника культурно-воспитательного отдела ББЛага Хусид Яковлевич Львович.

На протяжении 1930-х годов главным режиссером театра был Алексей Григорьевич Алексеев – один из первых русских конферансье, создатель Московского театра сатиры. У истоков театра

² В. Дворжецкий / Театр Гулага. Воспоминания. Очерки. «Мемориал». – М, 1995, с.18, 21.

стоял Леопольд Яковлевич Теплицкий – руководитель «Первого концертного джаз-банда», ученик Глазунова. Теплицкий создал в театре духовой и симфонический оркестры, при участии которых было поставлено более сорока оперных и драматических произведений, а также огромное количество эстрадных музыкальных программ. Теплицкий работал в Центральном театре ББК также дирижером и тапером, озвучивая немые фильмы, которые нередко демонстрировались в здании театра.

Порядок жизни театралов-заключенных безусловно отличался, но, сказать, что жилось им легче нельзя. Актеры жили в отдельном бараке, все вместе. Актрисы отдельно, в женской зоне. Порядок образцовый. За любое нарушение режима или карцер, или перевод на общие работы. Движение по территории запрещено. Можно в организованном порядке направляться на работу – в театр и обратно.

Художник театра ББК М. М. Потапов (срок заключения отбывал в лагерях Карелии и Мурманской области) в 1938 году был назначен художником Центрального театра Беломорско-Балтийского комбината в Медвежьегорске. Создал ряд декораций к оперным и драматическим постановкам, в том числе к опере «Пиковая дама». Фрески в Одесском монастыре были высоко оценены Патриархом Александрийским Николаем VI – в 1980 году он наградил М. М. Потапова Орденом Святого Марка. На протяжении десятилетий художник работал над серией работ, вдохновленных историей Египта, так называемой «Эхнатонианой» – по имени фараона Эхнатона. Он вспоминал: «Ранним утром водили нас под конвоем в театр. После спектакля ночью – обратно в лагерь. Конвой запрещал во время перехода разговаривать... Если слышал разговоры..., то немедленно следовала команда "Ложись!"... Легко представить переживания заключенных, которые только что вдохновленно играли на театральной сцене... и которые теперь вынуждены были терпеть издевательства садиста-конвойра...»³

Питались в бараке. Комендант назначал дневальных, которые вместе со сменными дежурными приносили в котлах еду и тут же раздавали ее. Утром, днем и вечером. И хлеб дежурные приносили – пайки. Потом в столовой ИТР было выделено место и время «для кормления артистов». На общую поверку не выходили строиться – дежурный по лагерю сам заходил в барак и всех пересчитывал.

Общаться с «вольняшками» – строго запрещено. Контакты с заключенными других бараков – только по служебной необходимости под ответственность бригадира (режиссера), с разрешения коменданта.

Забора или проволочной зоны не было. Охрана и контроль за выполнением режима были мало заметны, но организованы исключительно четко. Были и группы бараков в закрытых зонах, с вахтами и охраной. В баню ходили тоже организованно, по графику.

³ М. М. Потапов / Театр Гулага. Воспоминания. Очерки. «Мемориал». – М, 1995.

Дворжецкий также упоминал о знаменательных личностях, с коими довелось ему познакомиться в лагерях: «В бараке для актеров, где помещались до ста человек, проживали также работники редакции газеты «Петровка». Среди них литераторы, философы, ученые. Особенно запомнился художник Гельмэрсен Василий Васильевич, бывший библиотекарь царя, маленький, худенький старичок, лет 90, всегда улыбающийся, приветливый, остроумный, энергичный. Когда-то — почетный член разных заграничных академий, магистр, доктор-филолог, свободно владел всеми мыслимыми иностранными языками, потрясающее знал историю всех времен и народов, мог часами наизусть цитировать главы из Библии, декламировал Державина, Пушкина, Блока и еще вырезал ножницами из черной бумаги стилизованные силуэты из «Евгения Онегина»: Татьяна, Ольга, Ленский... с закрытыми глазами! Находился в лагерях с 1918 года».⁴

В руках управляющего директора театром находилось все. Репертуар, план работы, снабжение, командировки, состав труппы, поощрения, взыскания. Директор мог любого актера отправить в бригаду на общие работы, мог ходатайствовать о разрешении на свидание с родными, разрешить отправить лишнее письмо на волю (позволялось не более одного письма в два месяца).

Обычно жители актерского барака мало разговаривали о статье и сроке. Известно было, что ни воров, ни убийц среди актеров не было. Была статья — 58-я, и срок 10 лет, а оттенки личного дела — формуляра — не играли никакой роли. Все судимы Особым совещанием, все в одинаковом положении, а «пункты» не имеют значения. Пункт 6 — шпионаж, 8 — террор, 10 — агитация, 11 — организация, 12 — недонесение. Была еще просто 58-я — «разложение армии и флота» — в быту это именовалось короче: гомосексуализм. В театре эти люди не отличались от остальных, только, пожалуй, терпели больше от иногда встречавшихся ухмылок и бесактных намеков.

«Часто приходилось выезжать с концертами на отдаленные участки. Автомобилей не было, отправлялись поездом в Беломорск, Сегежу, Сосновец и даже в Кемь, хотя там уже не канал, а перевалочная база, лесобаза. В поезде ехали без конвоя, в сопровождении опера, и вообще все вокруг как будто свободные, но зэков видно издалека: стриженые, худые, воняют серой. В поезде контроль и проверка от Мурманска до Петрозаводска беспрерывно, не прошмыгнешь, а в сторону, в любую — сплошь лагеря — куда деваться?

Урки уходили. Их ловили, били, возвращали. 58-я, если кто ушел — поймали, расстреляли, портрет повесили — предостережение. А тем, кто рядом с бежавшим на нарах лежал, — карцер, изолятор, следствие, добавка к сроку, за «содействие», за «недонесение». Боялись. Друг за другом следили... Из бригады убежал — вся бригада в карцер! Ответственность! Порядок.

Условия были тяжелые. Приходилось выступать на открытом воздухе, на временно построенной эстраде, если погода позволяла. Лето. Заполярье. Светло долго. К зиме уже перебирались в барак, но холодно все равно было. Из воспоминаний Дворжецкого: «Давали как-то водевиль. Ак-

⁴ В. Дворжецкий / Театр Гулага. Воспоминания. Очерки. «Мемориал». — М, 1995, с. 19.

триса в открытом платье отморозила соски (нарывы потом были). Температура на сцене до 20 градусов мороза (на улице минус 35 и выюга).

...Первый год, пока не было здания клуба, вывозили культбригаду на соседние лагпункты, на гастроли. Однажды были в Кеми. Только что привезли эшелон людоедок с Украины. Дикие, полупомешанные женщины разных возрастов, худые или распухшие, мрачные, молчаливые. Рассказывали, что они съедали своих детей. И якобы рассуждали так: «Или мы все помрем, или я выживу и опять рожу...» Много их привезли, вагонов двенадцать...

...Там, в Кеми, из культбригады пропал гитарист. Через два часа его нашли в женском бараке. Его изнасиловали. То девку обнаружат повешенную на ветке за одну ногу, юбка завязана на голове, то парень на чердаке голый, живот вырезали, тряпками набит, завонялся...

...В карты урки проигрывали, «наказывали», даже квартиру начальника лагеря однажды проиграли. Никакая охрана не помогла – ночью квартиру начисто обокрали. И проститутки «работали», никакой комендатуре не угнаться, никакой карцер не помогал! Одна девка как-то готовилась на волю, решила «подработать». Устроилась в мужском туалете, брала за «удар» пятьдесят копеек или пачку махорки. Когда ее забрали – уже было десять пачек махорки и пятнадцать рублей денег!..

...А матерщина! Постоянное, повседневное сквернословие... Грязная ругань была нормальным лагерным языком. Блатной жаргон, манеры – страшная зараза для всех заключенных. Атмосфера лагеря засасывала всех. Трудно было сохранить СЕБЯ. Повседневное длительно общение с уголовниками, преступниками, отбросами общества непреодолимо откладывало отпечаток и на людей хорошо воспитанных, образованных, интеллигентных...

...Театр воистину вел непрерывный бой с эти уродством за культуру, за красоту! Невероятно трудно было сохранить этот «оазис». А еще труднее сделать театр целенаправленным и боевитым. С одной стороны – сложно найти общий язык со зрителями, чтобы быть понятыми и принятыми, а с другой – непрерывный и тщательный контроль надзирателей, которые стремились выдерживать театр в «ОПРЕДЕЛЕННОМ РУСЛЕ»... Учитывать нужно и контингент, 10 % – уголовники-рецидивисты, 80 % – неграмотных работяг, в самой труппе театра только 15 актеров и интеллигентов, а остальные – тоже уголовники».⁵

Но, несмотря на всю непосильность обстановки, театр продолжал поддерживать тех, кому еще было зачем и для чего жить, к чему стремиться и расти духовно.

Спектакли ставили один раз в неделю, иногда два, а концерты и отдельные выступления в бараках давали почти ежедневно. Примерно раз в два месяца выпускался новый спектакль, повторяли старые, которые долго держались в репертуаре. В 1931–1939 годах в Центральном театре ББК были поставлены оперы: «Евгений Онегин» (впервые в Карельской республике), «Пиковая дама», «Кармен», «Женитьба Фигаро», а также драматические произведения – классика русского

⁵ В.Дворжецкий / Театр Гулага. Воспоминания. Очерки. «Мемориал» – М, 1995, с. 22, 22–23, 41–42.

театра: «Ревизор» Гоголя, «На всякого мудреца довольно простоты», «Без вины виноватые», «Бешеные деньги» Островского, «На дне» Горького, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина. Труппа театра совершила гастрольные выезды со спектаклями в Повенец, Пиндуши, Масельскую, Сегежу, Надвоицы.

Актеры и работники театра нередко получали награды и благодарности от лагерного начальства, их портреты вывешивались на «Красной доске почета». Но в то же время за малейшую провинность любого из них могли отправить на общие работы.

Воспоминания актера: «Театр наш еще был как бы придворным. Очень часто приезжали зрители – начальство из ГУЛага, правительство, комиссии разные, корреспонденты, и даже иностранцы бывали. Начальство ББК демонстрировало все «достопримечательности», в том числе и главную – *театр*. Для представительства актеров одевали соответствующе, и все выглядело «комильфо»!

Среди заключенных была балерина (помнится, Бартольс). Очень хорошенъкая. За какую-то провинность она попала на общие работы и ее заставили в прачечной стирать белье шпаны. Из Москвы приехала какая-то важная персона из ГПУ. В лагере захотели блеснуть нашим клубом. Бартольс отправили в баню и привели в клуб, где она в костюме балерины с большим успехом исполнила несколько номеров – кажется, «Умирающего лебедя». Московский гость поднес ей коробку шоколадных конфет. А после ее отправили обратно в прачечную. Все это напомнило мне крепостной театр».⁶

Горький приезжал, Алексей Максимович. В этот день баланда была без гнилой капусты и постели в бараках прибрали. А он и не ходил никуда. На митинге, на строительстве выступил, тут же у последнего шлюза, у Повенецкого залива. Плакал. От умиления... Слышно было плохо... Говорил о великом энтузиазме, о преобразовании природы, о капиталистическом окружении, о социалистическом соревновании, о том, что труд облагораживает. Актеры декламировали «Буревестника», все кричали: «Слава Сталину!»

Не приходил Горький и в театр, говорили, что уехал в Апатиты, или на Соловки... А в театре для него была подготовлена специальная программа: отрывок из «Матери», «Егора Булычева», «Песни о Соколе». Потом эта программа шла и без Горького. Во вступлении говорилось: «Посвящается величайшему пролетарскому писателю». И всегда полный зрительный зал орал: «Ура Горькому!»⁷

Надо отметить, что вся театральная труппа была очень дружна от того, что занимается любимым делом. В культбригаде не было плохих людей. Людмила Соколова – поэтесса, актриса, много писала частушки и репризы. Десять лет ей дали за стих: «Сталин – это тень, прикрывающая солнце над Россией...»

Различные журналисты, измученные голодом, опустившиеся на дно жизни и возвращенные к жизни добрыми людьми, в лицах той самой театральной труппы.

⁶ Из книги Н. П. Анциферова «Из дум о былом». Глава «Медвежья Гора».

⁷ В. Дворжецкий / Театр ГУЛАГа. Воспоминания. Очерки. «Мемориал». – М, 1995, с. 20.

Матвей Фридман. Музыкант, великолепно играл на саксофоне, был дирижером оркестра. Получил пять лет за то, что однажды неосторожно вздохнул: «Ой! Когда это кончится?»

Марыся Войтович. Польская актриса, получившая 10 лет лагерей за сочувствие интернированным польским солдатам. Прекрасный скрипач оркестра Эдди Рознера.

Лесь Курбас – режиссер, актер, публицист. Раиса Эверс – дирижер, педагог (Можно предполагать, что Раиса Денисовна была первой в СССР женщиной-дирижером симфонического оркестра). Степан Зубко – украинский оперный певец, баритон. Громоз, отличнейший исполнитель старинных романсов, бас, В Белбалтлаге Теплицкий был дирижером и пианистом Центрального театра ББК НКВД. Создал симфонический и духовой оркестры; насколько мы можем судить, и джазовый коллектив в Медвежьей Горе создавался при участии Теплицкого. Джазовый оркестр играл в ресторане построенной в середине 1930-х годов гостинице ББК; посетители отмечали высокий музыкальный уровень коллектива. Николай Есин – артист цирка... Список можно продолжать до бесконечности...

Николай Анциферов в своей книге воспоминаний о жизни в лагере рассказывал об одаренном молодом музыканте Игоре Вейсе. Специальность его – игра на органе. «Больше всего он, естественно, любил Баха. Он был наивен и еще совсем чист. Мечтал о невесте, которую встретит в церкви, как Юрий Мстиславский у Спаса-на-Бору. И он попал в барак с педерастами, которые с отвратительными женоподобными движениями выщипывали себе брови, красили губы, вертесь перед зеркалами...

Поздними вечерами он играл Бетховена. А я в своем геологическом отделе любил слушать эту игру. Как-то, выходя из музея, я увидел сестру жены начальника лагеря Александрова. Меня поразило выражение ее лица. Она была вся поглощена музыкой, а лицо выражало «радость-страданье одно». Вскоре, прия в клуб, я встретил Игоря Вейса. Он был смущен и растерян. На мой вопрос рассказал о своем своеобразном платоническом романе с сестрой жены начальника лагеря. /.../ Между ней и Игорем завязалась переписка. На склоне горы, над крутым берегом Кумсы – старое дерево с дуплом. И вот в это дупло они совали письма и получали ответы». ⁸

Жизнь настолько многогранна и разнообразна, что остановить ее ход практически невозможно. Существование таких человеческих чувств, как любовь, преданность и ГУМАННОСТЬ всегда будут являться двигателями всего живого и противостоять бесчестию и подлости.

Подводя итоги, хочется отметить, что основу театра составляли люди независимые от внешних факторов; стержнем театра являлись люди некогда воодушевленные и готовые к борьбе, к борьбе с «врагом», с противостоящей им идеей, с ложью, грубостью и предательством. «Хорошо, что театр есть, – писал Дворжецкий, когда ему дали очередные пять лет в качестве всеобщего наказания за очередной бунт заключенных совершил другого лагеря, – хорошо, что можно помогать тысячам заключенных преодолевать тупость лагерной жизни, сохранить или ОБРЕСТИ

⁸ Из книги Н. П. Анциферова «Из дум о былом». Глава «Медвежья Гора».

достоинство, не превратиться в скотину. Ну, это ли не счастье! Это святая миссия! Не надо изменять делу, к которому призван СУДЬБОЙ».⁹

Список использованных источников:

1. **Дворжецкий В. Я.** Театр Гулага. Воспоминания. Очерки, – М. Мемориал. 1995.
2. **Анциферов П. Н.** Из дум о былом / Медвежья гора.
3. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
4. **Бахтин М. М.** Вопросы литературы и эстетики, – М., 1975.
5. **Документы НКВД БелБалта по Медвежьей горе** Национального архива р. Карелии.

⁹ В. Дворжецкий / Театр Гулага. Воспоминания. Очерки. «Мемориал». – М, 1995, с. 44.

Редкие фотографии из фондов Музея истории народного образования

Музей истории народного образования ГАОУ РК ИПКРО существует уже более 30 лет и за это время сформировалась значительная коллекция фотографий, связанных с историей образования. Наиболее ценными в этой коллекции являются фотографии начала XX века, 1920–1950-х гг. Многие из этих фотографий связаны с жизнью и деятельностью известных деятелей образования Карелии Н. Г. Кучепатова, И. С. Беляева, Р. Э. Кальске, Г. А. Андерсон, Р. Н. Миролюбовой, Д. Н. Музалёва и с известными в Карелии учительскими династиями: Логиневских-Русановых, Филимоновых, Светловых.

Фотография ([фр. photographie](#) от [др.-греч.](#) φως / φωτος — свет и γραφω — пишу; светопись — техника рисования [светом](#)) — получение и сохранение неподвижного изображения при помощи [светочувствительного материала](#) или [светочувствительной матрицы](#) в [фотокамере](#).

Также фотографией или фотоснимком, или просто снимком называют конечное изображение, полученное в результате [фотографического процесса](#) и рассматриваемое человеком непосредственно (имеется в виду как кадр проявленной плёнки, так и изображение в электронном или печатном виде).

Фотографии относятся к изобразительным или иконическим источникам. Фотография (историческая) позволяет увидеть то, чего уже нет, на нас с фотографий смотрят лица людей, принадлежащих к другим поколениям. Рассматривая старые фотографии, мы, как бы, погружаемся в иное время. Мы можем видеть лица людей, их костюмы, момент какого-то важного исторического события. Но, как отмечает немецкий исследователь Альф Людтке: «Фотографии в исторических исследованиях могут быть источником (давать важную информацию о прошлом) и способом фиксации процесса и результата исследования (участвовать в фотодокументировании). ...Исторические фотографии требуют бережного обращения — они могут оказаться очень «коварны» для историка». Работа со старыми фотографиями, их определение, интерпретация дело кропотливое и сложное. К величайшему сожалению, многие лица на старых фотографиях остаются неузнанными.

Ценность фотографий не только в том, что они показывают нам важные исторические события, но и в том, что они фиксируют частную жизнь людей, что позволяет нам лучше ориентироваться в особенностях эпохи.

Опасность, скрытая в фотографии как историческом источнике, состоит в том, что большинство фотографий являются постановочными и об этом должен помнить сотрудник музея, работа-

ющий над их описаниями. В том числе и многие важные события могут быть запечатлёнными постфактум, когда фотограф просит занять людей определённую позицию, встать в определённом, наиболее выигрышном порядке, тем самым вольно или невольно приукрашивая всю картину. Несомненным плюсом фотографии как источника является то, что, по словам Людтке; «Изображения и фотографии можно сколько угодно раз воспроизводить, и они везде будут понятны (разумеется, если культурная среда едина). Например, совершенно не нужно знать английский, чтобы понять, что на фото – свадьба Чарльза и Дианы». Фотография, таким образом, является универсальным источником, способным дать нам необходимые представления об эпохе и людях эпохи. И тем важнее для нас собирать и классифицировать такие важные источники исторической памяти.

Коллекция фотографий Музея истории народного образования РК интересна, прежде всего, тем, что мы пытаемся с разной степенью успеха задокументировать историю народного образования нашего края. Коллекция включает фотоматериалы от конца XIX – начала XX века до 2000-х гг. Именно фотографии составляют львиную долю фондов нашего музея.

В практику музея с недавнего времени вошло создание виртуальных выставок, основу которых составляют фотографии. В настоящее время на сайте института выложены выставки: «Р. Н. Миролюбова. Вехи большой жизни», «И. С. Беляев. К 100-летию со дня рождения», «Учительские династии Карелии», «Учителя – вершители Победы» – виртуальный вариант выставки «Война у каждого своя», «Лица эпохи», «Мир детства». Всего с начала 2010 г. по конец 2012 г. виртуальные выставки на сайте ГАОУ РК ИПКРО посетили 7469 посетителей сайта.

Мы также практикуем создание временных выставок, в которых значительная роль отводится старым фотографиям. На мой взгляд, именно соприкосновение с подлинником производит наибольший эффект на посетителя. Благодаря участию Музея истории народного образования Карелии в работе КИБО С сентября 2012 г. Музей истории народного образования ГАОУ РК ИПКРО включился в работу КИБО – мобильного комплекса информационно-библиотечного обслуживания Национальной библиотеки, сформированного на базе автобуса. Музей истории народного образования предоставил выставку «Документы эпохи. Из истории народного образования в Карелии», а Национальная библиотека РК – уникальные учебники из своих фондов.

1 сентября 2012 г. выставка музея стала важной частью программы **«Хочу все знать!»** (более 100 посетителей).

6 сентября 2012 г. Олонец. Для 140 олончан, посетивших экспозицию, заведующий музеем Василий Григорьевич Кондратьев провел увлекательную экскурсию.

12 сентября – СОШ п. Мелиоративный (58 посетителей) и Шуйская СОШ (56).

2 октября – Рыборецкая СОШ (86 посетителей).

30 октября – Коткозерская СОШ (93 посетителя).

Подлинные фотографии вызывают неизменный интерес посетителей постоянной экспозиции и передвижных выставок музея. Сегодня мне, прежде всего, хотелось бы представить некоторые наиболее ценные фотографии из фондов нашего музея.

<http://snapshot.kiev.ua/2010/10/dagerrotipy>

<http://www.ukrokiistorii.ru/learning/method/2010/25/kak-rabotat-s-foto>

АЛЬФ ЛЮДТКЕ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОТОГРАФИИ. РЕАЛЬНОСТЬ ИЗОБРАЖЕНИЙ.

Гимназистка Мариинской женской гимназии
Марфа. Мирохина. 1916 г.

Ученица Олонецкого Епархиального
женского училища Лидия Енальская.
Начало XX в.

Учитель Петр Андреевич Лупанов. 1921 г.

Ученицы Видлицкой Школы колхозной
молодёжи Шура Пекшиева, Дуся Денисова
и Маня Хуотарайнен. Нач. 1930-х гг.

Рауха Кальске (в центре)
с бабушкой. Петроград, 1916 г.

К 105-летию карельского уголовного розыска

Яков Роскин – сотрудник карельского уголовного розыска

Уже в самом названии предлагаемого мной доклада, по предварительной оценке исследователей судьбы петрозаводской семьи Роскиных, имеет место определенная сенсация, дающая право назвать открытием в истории Карелии. Это особенно значимо в нынешнем 2013 году в рамках предстоящего юбилея – 105-й годовщиной образования уголовного розыска нашей республики.¹

Основанием для этого стало обнаруженное совсем недавно в архиве Музея истории Культурного центра МВД по Республике Карелия личное дело Якова Менделевича (Михайловича) Роскина, состоявшего на должности фотографа Отдела уголовного розыска в период 1919 по 1928 гг., сначала в составе правоохранительных органов Олонецкой губернии, а затем Карельской Трудовой Коммуны (КТК) и АКССР.²

И по сей день история семьи Роскиных, оставившая свой заметный след в истории Петрозаводска, привлекает внимание нашего научного мира и общественности. При этом малая изученность темы обусловлена отсутствием каких-либо учетных документов, где любая находка становится открытием, позволяя выявлять неизвестные факты в трагической судьбе этой семьи и помогая осмыслинию нашей собственной истории, свидетелями которой стали Роскины.

Причиной для повышенного внимания к семье Роскиных стала известная профессиональная деятельность ее членов, связанная со становлением и развитием фотографии в Петрозаводске в начале XX века. По праву эта известность может быть распределена между двумя фотографами своего времени – Менделем или Михаилом Яковлевичем Роскиным (1875–1956), главой семейства, и его старшим сыном – Яковом (1901–1941). До обнаружения указанных мной документов считалось, в т. ч. и у потомков этой семьи, что Яков Роскин являлся фотожурналистом, работавшим в 1920–1930-х гг. корреспондентом газеты «Красная Карелия» и фотокорреспондентом ТАСС.

Второй сын Менделя, Моисей или Михаил Роскин (1902–1941), также работал в правоохранительных структурах Карелии – в органах госбезопасности, откуда был уволен в 1937 г.³ (как

¹ К сожалению, ОВД России еще в полной мере не избавились от прежних устаревших идеологических стереотипов, определивших в советской историографии дату создания уголовного розыска с 5.10.1918 г. после утверждения Инструкции НКВД РСФСР «Об учреждении отделов уголовного розыска», которой в текущем 2013 г. исполняется 95 лет.

² Личное дело Роскина Я. М., фотографа Отдела уголовного розыска от 23.08.1929 г., арх. № 5319.

³ См. Служебная карточка. Архив Музея истории Культурного центра МВД по РК. Роскин М. М. родился 8.10.1902, из мещан, до службы работал дома в фотографии отца в 1914–1919., окончил 4 кл. приходское училище в 1914, вечерний Рабфак, курсы по подготовке в техникум в 1931, школу ленинизма. Член ВКП(б) с 1928, в 1921 по-

утверждают его родные – после своего ареста и проведенного следствия). В 1938–1941 гг. по примеру отца и брата он также стал причастен к делу фотографии – руководил фотостудией Петрозаводского Дворца пионеров.⁴

Приступая к изложению темы доклада хотелось бы отметить, что фотография, существующая в России более 160 лет, получила свое историческое развитие благодаря «желанию человечества сохранить уходящие моменты быстротечной жизни и создавшему из нее удивительный и совершенно новый вид искусства». При этом к началу XX века в результате стремительного совершенствования фотоаппаратуры и химической обработки фотопластинок и фотобумаги произошло значительное упрощение всех фотографических процессов, что привело к массовому распространению фотографии в стране. Благодаря этому искусство фотографии перестало быть «тайной за семью печатями» и «священнодействием», выйдя на широкую арену общественной жизни России с перспективой ее применения в науке и технике, а также в военном и правоохранительных делах. На социально-бытовом уровне грандиозный толчок для продвижения фотографии дали предпримчивые люди, превратившие ее в целую индустрию, после чего она вошла в каждый дом, прочно заняв свое почетное место в «красном углу» городской квартиры и крестьянской избы.

Развитию фотографии в Петрозаводске также способствовала, наряду с другими мастерами, коммерческая деятельность Менделя Роскина, где благодаря его природной предпримчивости она шла «в ногу» с охватившим всю Россию «бумом» в этой области.

Применительно к теме доклада необходимо также выделить особенность использования фотографии в составе правоохранительных органов России, представляемых к началу XX века полицейскими подразделениями губернских городов и уездов Российской империи. Так для совершенствования расследований и раскрытия уголовных преступлений 6 июля 1908 г. Государственная Дума приняла закон «Об организации сыскных частей», а 10 августа 1910 г. имперское МВД издало Инструкцию членам сыскных отделений.⁵ В результате этого оперативно-розыскная деятельность по уголовным делам стала самостоятельной функцией полицейских органов, возложенная на специально сформированные территориальные сыскные отделения.

В Олонецкой губернии такое сыскное отделение было учреждено при Петрозаводском полицейском управлении под руководством помощника городского пристава прапорщика запаса Анисимова 6 октября (по ст. ст.) того же 1908 г.⁶

ступил в Карельский областной отдел ГПУ, уволен после 14.08.1937 г. с должности Вриод оперуполномоченного 3-го отделения ЭКО УГБ УНКВД АКССР.

⁴ <http://www.visitpetrozavodsk.ru/ru/events/5999.html> (Фотолетопись Карелии. Такой разный XX век).

⁵ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D3%E3%EE%EB%EE%D2%ED%FB%E9_%F1%FB%F1%EA (Уголовный сыск – Википедия).

⁶ Бюллетень УКиВР МВД Карелии. Специальный выпуск № 8, Петрозаводск, 2002, с. 10–11 / Матвеева Е. Ю. «Из истории организации сыскного отделения в составе Петрозаводского полицейского управления»

В рамках работы таких подразделений полиции для выявления и задержания преступников, выяснения их личности и проверки на предмет причастности к другим преступлениям и правонарушениям, а также для регистрации преступников, стала производиться систематизация всех поступающих о них сведений с использованием антропометрии, дактилоскопии и, естественно, фотографии, как самого достоверного и простого метода идентификации личности. Тогда всех задержанных, а также освобождаемых из тюрем, в обязательном порядке фотографировали. Кроме того, фотография использовалась при осмотре места происшествия по тяжким преступлениям для фотофиксации по уголовным делам, где вместе с протоколом осмотра происшествия и преступления она могла служить доказательством в суде. В результате криминалистическая фотография заняла свое важное место в системе полицейских расследований, охраны общественного порядка и общественной безопасности.⁷

После Февральской революции 11 марта 1917 г. царская полиция была полностью упразднена, а все полицейские чины распущены. Сыскные функции из полиции были переданы в Министерства юстиции новой Российской Республики с образованием повсеместно на базе прежних сыскных отделений Бюро уголовного розыска, которые в таком виде просуществовали до 1918 г. Только спустя год после Октябрьского переворота 1917 г. инструкцией НКВД РСФСР от 5.10.1918 г. «Об учреждении отделов уголовного розыска» указанный уголовно-сыскной аппарат был введен в состав подразделений этого ведомства.

Пока у нас нет точных сведений о начальном развитии криминалистической фотографии в Петрозаводском городском и уездных полицейских управлениях Олонецкой губернии, а также в подразделениях уголовного сыска при полиции, юстиции и милиции. При этом документы из личного дела Якова Роскина первые дали сведения об этой работе с момента его поступления Олонецкий губернский уголовный розыск на должность фотографа в 1919 г.

Возвращаясь к еврейской семье Роскиных сегодня уже трудно сказать, когда и откуда их предки приехали в Санкт-Петербургскую губернию, и что способствовало далее ее переезду на жительство в Олонецкую губернию. В Интернете есть сведения о достаточно часто встречающейся фамилии Роскиных на могильных плитах еврейского участка Преображенского кладбища в Санкт-Петербурге. Учитывая, что Мендель Роскин родился в 1875 г. в Колпино под Петербургом в семье сапожника и переехал в Петрозаводск в 1899 г.⁸, можно предположить, что многие из захороненных там Роскиных могут находиться ему родственниками по отцовской линии.

Вероятно в 1902 г., т. е. спустя 3 года после переезда в Петрозаводск, Мендель Роскин был вынужден поменять профессию, как считается, по причине ухудшения здоровья и искать новое дело в получении доходов для содержания своей быстрорастущей семьи. В результате ему пришлось на несколько месяцев выехать в Петербург на учебу к известному фотографу Александру

⁷ <http://xreferat.ru/35/8360-2-istoriya-policii-rossii.html> (История полиции России).

⁸ Карелия глазами фотографов Роскиных. 1904–1941. Издательство музея-заповедника «Кижи», Петрозаводск, 2010, с. 3.

Оцупу.⁹ При этом надо отметить, что Александр Адольфович Оцуп был не просто местечковым ремесленником, а владел там целой фотомастерской на углу Литейного и Бассейной. Кроме того он являлся фотографом учреждений вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а также был удостоен высочайших наград и благодарностей Императорского Двора. Возможно, основанием для учебы Менделя Роскина у такого высокопоставленного фотомастера могла быть либо проекция его петербургских родственников, либо авторитетное ходатайство со стороны еврейской общины Санкт-Петербурга.

Отступая от темы доклада необходимо отметить, что Оцупы до революции имели привилегию права жительства во всех городах империи.¹⁰ Существовали два клана Оцупов – «царкосельцы», ставшие поэтами (дети Авдея Мордуховича или Марковича Оцупа, 1858–1907), и «кронштадтцы» (дети Абеля Оцупа, переименовавшего себя в Адольфа), где три брата стали известными фотографами. Старший, Хацкель (ставший затем Александром), как отмечалось выше, знаменитый портретист, «поставщик двора», снимавший царскую семью и актеров императорских театров. Средний, Иосиф, также имел фотоателье и квартиру на Литейном, 41. Здесь между братьями-фотопортретистами была сильная конкуренция. Младший, Пинхус (он назвал себя Петром, а в послевоенное время даже сумел записаться в караимы,¹¹ что «было удобнее для его карьеры»), – фотокорреспондент петроградских газет, не имевший ателье, но получил в 1918 г. заказ на съемку Ленина и вошел в историю советской фотографии как фотограф истории революции и Гражданской войны.¹²

После учебы у такого мастера, как Александр (Хацкель) Оцуп, Мендель Роскин в 1904 г. уже смог открыть в Петрозаводске свое фотоателье на улице Соборной (будущий пр-кт Карла Марса) в доме Звероловской,¹³ вероятно, по месту жительства своей семьи. С этого времени горожане и окрестные жители стали постоянными посетителями его фотоателье.

Надо полагать, что первенец Менделя Яковлевича и Софьи Анисимовны Роскиных, Яков, родившийся 11 октября 1901 г.¹⁴ и названный в честь своего деда по отцовской линии, как водится, стал первым помощником для отца и пронес любовь к этой профессии до самых последних трагических дней своей жизни. Получив низшее образование, позволявшее только читать, писать

⁹ Там же.

¹⁰ <http://www.lechaim.ru/ARHIV/206/mamedov.htm> (Моисей Наппельбаум: ФОТО – ГРАФ).

¹¹ [http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%E0%F0%E0%E8%EC%FB_\(%ED%E0%F0%EE%E4\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%E0%F0%E0%E8%EC%FB_(%ED%E0%F0%EE%E4)) Согласно этой теории, караимы представляют собой местную крымскую группу евреев и ведут свое происхождение от последователей до-талмудического иудаизма Саддукеев, отколовшегося в VIII веке в Багдаде в отдельную религиозную sectу.

¹² http://www.shamir.lv/images/Otsupi_Latvia.pdf (Отрывки из книги: Кирилл Финкельштейн. «Императорская Николаевская Царкосельская гимназия. Ученики». СПб.: Серебряный век. 2009.). Братьями Александра Оцупа были Иосиф Адольфович Оцуп (1875–1934), владелец фотомастерской на Литейном 41, фотографировал особ царского Двора, известных политических деятелей и людей искусства, а также Петр Адольфович Оцуп (1883–1963), который создал на протяжении более чем за 50 лет около 40000 снимков, запечатлевших многие крупные исторические события начала XX века, а также снимал Л. Толстого, Чехова, Горького, Ленина.

¹³ Карелия глазами фотографов Роскиных. 1904–1941. Издательство музея-заповедника «Кижи», Петрозаводск, 2010, с. 4.

¹⁴ Личное дело Роскина Я.М., фотографа Отдела угрозыска от 23.08.1929 г., арх. № 5319, с. 33.

и решать арифметические задачи, он, тем не менее, получил на практике в отцовском ателье достаточночный опыт, чтобы стать таким же профессиональным фотографом в будущем.

Но с началом нового витка трагических революционных событий, связанных с Октябрьским переворотом в 1917 г., в России и, соответственно, в Олонецкой губернии коренным образом, как и у всего населения, меняется и жизнь семьи Роскиных. При этом на общем фоне полного обнищания дефицитная специализация ее членов в области фотографии, бывшая тогда еще уделом «избранных», а также потребность новой советской власти в исполнителях, преданных большевицким идеям, в значительной степени помогла ей выжить в те трудные времена.

Тогда, в условиях открытого саботажа русскими чиновниками и интеллигенцией работы на «нелегитимную» власть, она, в свою очередь, сразу же нашла в лице более-менее грамотного и предприимчивого еврейского народа, к тому же близкого к делу революции, совершенно новых исполнителей, которые в одночасье и в подавляющем масштабе заменили кадры административных, технических и творческих работников на всех уровнях социально-экономической жизни страны,¹⁵ особенно во вновь создаваемых правоохранительных органах. При этом власть быстро разглядела в еврейском населении, бежавшем в массовом порядке вглубь России с ее западных окраин из-за «черты оседлости» от надвигающихся фронтов Первой мировой и Гражданской войн, «перспективную прослойку», не имевшую отношения ни к дворянству, ни к церкви и ни к бывшим царским чиновникам. Все это делало евреев, как исполнителей, обличенных доверием, востребованными на всех уровнях советской власти.

Для приема на службу в Олонецкий губернский уголовный розыск (УР) Яков Роскин подал свое заявление 7 августа 1919 г., несмотря на то, что полных 18 лет ему должно было исполниться только 11 октября т. г.

На тот момент в стране полыхала Гражданская война, а Олонецкая губерния в составе Петроградского военного округа с 2.05.1919 г. находилась на осадном положении. В июне того же 1919 г. только-только было отбито наступление на Петрозаводск войск интервентов и белогвардейцев под командованием английского генерала Мейнарда с севера со стороны захваченных станций Массельская и Медвежья Гора, а в августе – наступление финской «Олонецкой добровольческой армии», продвигавшейся с южной стороны от захваченного Олонца. В этих кровопролитных боях за город принимала участие и Петрозаводская уездно-городская милиция.

Для поступления на службу Я. Роскин предоставил из учетно-мобилизационного отдела Петрозаводского комиссариата личную карточку № 31, где указал, что является беспартийным, образование низшее (позже в Формулярном списке от 28.08.1920 г. он уже укажет – среднее), курс Всевобуча не проходил, относится к 46 категории, т. е. не проходил военной службы, не принадлежит к эксплуататорскому сословию, имеет профессию фотографа, которую получил в Петро-

¹⁵ А. В. Орлов «Исторические заметки. Для тех, кто жил в XX веке», Изд. «Мастерство», М, 2007, с. 513–514.

градской (губернии – ?) в Царскосельском (уезде – ?), состав семьи – 11 нетрудоспособных членов (возможно с учетом приехавших родственников).

В результате 23.08.1919 г., т. е. через 16 дней после подачи заявления, Я. Роскин становится фотографом Олонецкого губернского розыска с окладом 4290 рублей. Ему сразу же выдали удостоверение от 23.08.1919 г. № 460, в котором за подписью заместителя начальника Олонецкого губернского отделения Уголовного розыска было указано: «Предъявитель сего есть действитель-но фотограф Олонецкого Губернского Отделения Уголовного Розыска Яков Менелевич Роскин. Родился 1901 года октября 11-го дня. Собственноручная подпись тов. Роскина (имеется). Что и удостоверяется подписями с приложением печати».

Однако, не проработав и месяца, 5.09.1919 г. Я. Роскин пишет заявление о том, что по семейным обстоятельствам вынужден выехать в Петроград на 10 дней с «присовокуплением», что вместо себя в случае надобности фотографии он оставляет своего «родного» отца Менделя Роскина. Получив официально на то разрешение, Яков убывает в этот краткосрочный отпуск, необходимость которого, и к тому же в условиях осадного положения губернии, до настоящего времени не понятна.

Уже в начале своей службы в Уголовном розыске принадлежность к нему помогла семье Роскиных избежать нового советского веяния – «уплотнения» на занимаемой его семьей для проживания жилплощади в доме Звероловлевой. Так 16.12.1919 г. за № 979 и подписью начальника Олонецкого Губотдела УР В. Колчинского в Петрозаводский жилищный отдел было направлено письмо, предлагавшее исправить предписание ордера Жилищного отдела от 18 декабря за № 184 «о вмещении в его квартиру семьи (из) 5 человек граждан Фалиных в одну из комнат, которая приурочена им, Роскиным для служебных надобностей при исполнении фотографических работ Отделения Угровыска...».¹⁶

Полагаю, что такое внушительное письмо имело свою силу, однако обращает внимание тот факт, что Уголовный розыск не имеет на то время помещений и оборудования для выполнения нужных фотографических работ, заботу о которых полностью возлагает на своего сотрудника посредством использования фотосредств, находящихся в собственности его отца. Видимо с таким расчетом и брали Якова Роскина для работы в Угро. При этом в деле есть подготовленное им требование за подписью того же начальника УР от 22.05.1920 г. о необходимости приобретения целого перечня фотопластинок и химикатов.

Мандатом от 31.03.1920 г. № 406 агент-фотограф Олонецкого ГО УР Яков Роскин неожиданно временно был откомандирован в распоряжение Олонецкого Губ. ЧК на железнодорожную станцию Массельская, только-только освобожденную 9 марта от войск интервентов и белогвардейцев частями 1 стрелковой дивизии Красной Армии. При этом его не успели, вероятно, из-за срочности дела, даже обеспечить суточными деньгами и продовольствием. На выданном удосто-

¹⁶ См. Приложение. Личное дело Я. М. Роскина, Музей истории Культурного центра МВД по РК, арх. 5319, с. 5.

верении от 22.05.1920 г. за подписью того же начальника Губрозыска В. Колчинского указано, что Я. Роскин «на основании Декрета Совета народных Комиссаров Советской Раб. – Кр. Милиции от 3-го апреля 1919 г. призыву в ряды Красной Армии не подлежит». Вероятно, это было сделано на случай возможной мобилизации его в состав действующей армии. Тем не менее до места назначения Яков все же добрался, т. к. на удостоверении имеется отметка «Пропуск в прифронтовую полосу выдан бюро пропусков Особого Отд. М.Ч.К.».¹⁷

В материалах дела можно и найти и упоминание об учебе Якова Роскина в Первой музыкальной школе, окончание которой и дало ему право писать в учетных документах о своем «среднем» образовании. При этом руководство этой школы, в свою очередь, командировало его «в распоряжение Музыкальной секции Олонецкого Губернского Художественного Подотдела для участия в концертах, устраиваемых Секцией 1 мая». Это подтверждается соответствующим удостоверением от 30.04.1920 г. № 149, которое также могло помочь Роскину получить в условиях сложного режима милицейской работы необходимое время для репетиций. Но до сегодняшнего дня еще не установлено, на чем играл молодой музыкант, а также о степени его таланта.

Кроме того учеба подтверждается еще и личным заявлением Я. Роскина от 14.08.1920 г. на имя начальника Угро об увольнении «в отпуск на 2 недели для следования с экскурсией 1-й Петрозаводской музыкальной школы», где он второй раз отмечает, что «снимки преступников будет производить мой отец». Руководство и в этот раз пошло навстречу незаменимому в деле фотографии специалисту, представив ему отпуск в соответствующем приказе с 15.08.1920 г.

8 июня 1920 г. декретом ВЦИК из населенных карелами местностей Олонецкой и Архангельской губерний была образована Карельская трудовая коммуна (КТК),¹⁸ а также новые ведомства с наименованиями «карельский». Так Я. Роскин автоматически приказом от 1.12.1920 г. был выведен из Олонгуброзыска и включен в состав Карелугрозыска на ту же должность, что подтверждается записью в Личной карточке № 16 дела № 15 от 9.06.1920 г. и удостоверением от 22.10.1920 г. № 1646, подписанным тем же начальником УР КТК В. Колчинским, а также следующим удостоверением от 17.08.1921 г. № 1179 за его же подписью, но уже как начальника Областного Отделения УР Областного Управления Советской Рабоче-Крестьянской милиции (СРКМ) КТК. Тогда это ведомство располагалось в Петрозаводске по пр-ту К. Маркса, 20, вероятно, недалеко от места жительства семьи Роскиных.

15 марта 1921 года X съездом РКП(б) в стране был определен новый курс, получивший название «новая экономическая политика» (НЭП), которая должна была заменить в советской России прежнюю политику «военного коммунизма» времен Гражданской войны. Соответственно, началась послевоенная «перестройка» работы всех советских правоохранительных органов, а

¹⁷ М.Ч.К. – вероятно «Мурманская ЧК» или ЧК Мурманской железной дороги. Там же. С. 10.

¹⁸ <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (Карельская трудовая коммуна).

вместе с ними и РКМ, к которым предъявлялись повышенные требования по обеспечению высокого профессионализма и надлежащей кадровой подготовки.

На этом фоне Я. Роскин получил новое служебное удостоверение от (?).03.1922 г. № 1186/с за более высокой подписью начальника Областного Управления милиции (УМ) КТК Терукова, а затем от 17.06.1922 г. – за подписью нового начальника Управления УР КТК Орлова.

29 декабря 1922 г. на конференции делегаций от съездов Советов РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР был подписан Договор об образовании СССР,¹⁹ утвержденный 30 декабря 1922 г. на I-м Всесоюзном съезде Советов за подписями глав этих делегаций. Далее в стране начались территориальные изменения, где Политбюро ЦК РКП(б) ратифицировало решение об образовании в составе РСФСР Автономной Карельской ССР, а ВЦИК РСФСР своим решением от 27 июня 1923 г. утвердил это решение, назначив комиссию для обсуждения линии границ и конституции образуемой автономии. В итоге, постановлением ВЦИК и Совета народных комиссаров РСФСР № 51 от 25 июля 1923 г. Карельская Трудовая Коммуна была преобразована в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику (АКССР).

На этом фоне 10.08.1923 г. Я. Роскину вручается новое удостоверение № 613 за подписью начальника Областного управления УР КТК Лимова, а уже через два дня 12.08.1923 г. он пишет на его имя уже как начальнику УУР АКССР рапорт для убытия в служебную командировку в Петроград.

Однако уже совсем скоро 5 сентября 1923 г. в республике был образован свой Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) АКССР под руководством первого наркома Н. В. Архипова. В состав НКВД вошли Управление РКМ и Управление УР,²⁰ а также Общий отдел под руководством сотрудника Ефремова.

Все это происходило на фоне приказа по НКВД РСФСР от 13.08.1923 г. № 107, которым произошло объединение структур центрального наркомата – Главного управления РКМ и Главного управления УР в единое Центральное Административное Управление (ЦАУ) НКВД РСФСР. Следующим приказом от 31.08.1923 г. № 118 «Об утверждении Положения о Центральном Административном Управлении НКВД РСФСР» далее была определена специфика работы этого главка.

С учетом этого на местах, в т. ч. в составе НКВД АКССР, также было образовано свое ЦАУ, а переданные туда Управление РКМ и Управление УР были, в свою очередь, также реформированы с образованием в них новых специальных подразделений для совершенствования милицейской службы и оперативной работы. Так в составе Управления УР НКВД АКССР был образовано Регистрационное бюро Главрозыска, где по штату и числился фотограф Я. Роскин. Судя по документам, выписанным Я. Роскину в Областном управлении УР, с октября 1923 г. начальником

¹⁹ http://ru.wikipedia.org/wiki/Союз_Советских_Социалистических_Республик.

²⁰ http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%E2%F2%EE%ED%EE%EC%ED%E0%FF_%CA%E0%F0%E5%EB%FC%F1%EA%E0%FF_%D1%D1%D0 (Автономная Карельская ССР).

Угрозыска Карреспублики стал Орлов, а удостоверением № 1394 в очередной раз были подтверждены его полномочия как сотрудника «в должности фотографа Управления УР для предъявления в Наркомфин Карреспублики, согласно распоряжения в газете «Красная Карелия» за № 018 от 17.10.1923 г.» (этот документ пока не найден).

Рассматривая дошедшие до нас фотографии карельской милиции надо отметить достаточную вероятность того, что их мог сделать только Яков Роскин ввиду отсутствия каких либо других фотографов на то время в карельской милиции. Однако с момента поступления на службу в УР в рамках штатного расписания Яков так и оставался простым фотографом, что не могло дать перспектив для служебного роста и повышения денежного довольствия. С учетом того, что параллельно службе в УР Яков занимался и общественной работой, являясь членом Союза работников искусств или коротко – Рабис, откуда в конце 1923 г. на имя начальника УР председателем Правления Рабис было направлено письмо с уведомлением, что Я. Роскин «старифицируется по II разряду, как фотограф по степени его квалификации на основании Тарифа ЦК Рабиса». Эта информация была рассмотрена 24.11.1923 г. при подготовке соответствующего приказа, вероятно предусматривающего повышение зарплаты сотрудника.

1.11.1923 г. на имя начальника УУР АКССР через начальника Регистрационного бюро Главрозыска Я. Роскин пишет рапорт об увольнении его в отпуск с 1 по 15 ноября, который и был удовлетворен. Однако после прибытия из него Яков 19.01.1924 г. пишет на имя начальника Каррозыска новый рапорт «об отпуске меня в Петроград для поступления в фотографический техникум», где до 1.02.1924 г., предлагает оставить за себя заместителем сотрудника Пикалева.²¹ Для этого он также получил соответствующее разрешение и удостоверение от (?).01.1924 г. № 237 «на предмет поступления в Фототехнический институт».

Вероятно, уже после поступления туда, Я. Роскин пишет другой рапорт «Ввиду того, что я, желая совершенствоваться в области фотографии должен ехать в Ленинград для поступления в фото-студию, настоятельно прошу уволить меня от занимаемой мной должности фотографа».²² На нем сохранилась резолюция начальства, где регистратору-исполнителю было определено: «1). Договоритесь с отцом Роскина и о результатах доложить 5.02.1924 г. 2). Рапорт об исключении со списков и отдаче в приказ ЦАУ». Далее рапортом начальника отдела УР Ильина на имя начальника ЦАУ от 5.02.1924 г. было доложено об увольнении Я. Роскина по его личной просьбе для дальнейшего исключения его из списков в вышестоящем приказе по ЦАУ. В результате, согласно записи, внесенной в служебной список личного дела от 5.02.1924 г. Я. Роскин был уволен «по личному желанию».

²¹ Пикалев Александр Алексеевич, 1896 г.р., поступил на службу в Управление РКМ ЦАУ АКССР 6.08.1923, регистратором – дактилоскопом, уволен в отставку 18.08.1947 с должности старшего эксперта группы научно-технической работы Оперативного отдела Управления милиции МВД КФССР, лейтенант милиции с 14.12.1939.

²² Петроград переименован в Ленинград после смерти В. И. Ленина 24.01.1924 г. на Втором съезде Советов от 26.01.1924 г.

Еще одним подтверждением того, что Мендель Роскин, отец Якова, был назначен на место фотографа УР на время его учебы является резолюция на личном заявлении Я. Роскина от 20.05.1924 г.: «Ввиду моего возвращения с практических занятий по фотографии в г. Ленинграде настоящим прошу возобновить мою должность в качестве фотографа при Каругрозыске». Резолюцией руководства на этом заявлении от 31.05.1924 г. стала запись: «Необходимо заявление Роскина (отца) об увольнении, после чего назначить получившего практическую подготовку Роскина Я. с 1.06.1924 г.». Далее с 11.06.1924 г. приказом № 19, параграф 8, Я. Роскин был вновь зачислен фотографом в Отдел Угрозыска Центрального Административного Управления (ЦАУ) НКВД АКССР.

Последующие документы личного дела мало что говорят о дальнейшей службе Я. Роскина, кроме того, что ему предоставлено право ношения оружия (первое документальное разрешение), как сотруднику Отдела Угрозыска ЦАУ НКВД АКССР (удостоверение № 10368 от 07.1926 г.), а также об убытии в отпуска и прибытии из них (1–15.08.1926 г. и 26.07.–8.08.1927 г.).

В этот же период помимо основной работы начинается активное сотрудничество Я. Роскина на общественных началах с журналом «Советское фото» в 1926 г. (цена 35 коп.), где в № 5 была опубликована, возможно, первая его фотография «Утро», присланная на конкурс «За работой», а следом в № 8 – другая фотография под аналогичным названием «Утро».

Сохранившаяся фотография участников велопробега «Петрозаводск – Ленинград», сделанная 6.08.1926 г., где в числе трех его участников отмечен и Я. Роскин, показывает нам еще одну сторону общественной деятельности нашего героя в составе уже известного Союза работников искусств (Рабис).

Может быть, это чрезмерное увлечение фотографией во внеслужебное время и активная общественная работа в Рабисе могли стать поводом для увольнения Я. Роскина со службы из карельской милиции, тем более, что требования к правоохранительным органам получили еще более жесткие требования, особенно после прихода к власти И. В. Сталина в конце 1927 г. Тем не менее 16.08.1928 г., т. е. ровно через 9 лет после начала службы в Уголовном розыске, Я. Роскин был «сокращен по рационализации аппарата НКВД» и уволен приказом № 99, часть 1 с должности фотографа.

В октябре 1928 г. в СССР началось осуществление первого пятилетнего плана развития народного хозяйства с курсом на форсированную индустриализацию и коллективизацию. Хотя официально НЭП никто не отменял, к тому времени указанная политика была уже фактически свернута. В этих условиях дальнейшая работа Я. Роскина, имеющая отношение к любимой фотографии, могла быть связана только с фотофиксацией всего происходящего вокруг него, что и подтверждают многочисленные снимки, дошедшие до нас в период его работы в газете «Красная Карелия» и фотохронике ТАСС.

Как уже отмечалось, что «подробности его биографии неизвестны, поскольку личные документы и архивы редакций, где он работал, погибли в годы войны». Тем не менее, отмечено, что в этот период «он запечатлел важнейшие события Карелии в годы первых пятилеток в общественной жизни и политике, в экономике и культуре, образовании и спорте. Яков стремился и сам был участником многих событий».²³ Далее отмечалось, что «он автор многих фото открыток с видами Карелии, которые были изданы по заказу республиканского краеведческого музея».²⁴ Думается, что именно здесь полностью раскрылся истинный его талант, как фотографа, начинавшего свою профессиональную трудовую деятельность в Уголовном розыске Карелии. При этом он стал свидетелем многих эпохальных событий, происходивших в Карелии, и ее фотолетописцем, в полной мере испытав радости и горе того стихийного, жестокого и неоднозначного времени. Благодаря этому для нас навсегда сохранились виды Петрозаводска, образы руководителей и простых тружеников, запечатленных в труде и на отдыхе, в праздники и будни. Сегодня эти фотографии бережно хранятся в Национальном архиве и Национальном музее, а также в семье потомков Роскиных и жителей республики, по праву являясь нашим общим национальным историческим достоянием.

Затем, уже в первые дни Великой Отечественной войны Яков Роскин вступил в истребительный батальон, сформированный по вышестоящему указанию ЦК ВКП(б), в составе которого и пропал без вести в боях 16.07.1941 г. в первый же ее месяц. Следом отдали жизнь и его младшие братья – Михаил Роскин (5.12.1941 г.)²⁵ и Иосиф Роскин (лето 1941 г.). Но это уже другая тема для исследований.

Таким образом, семья Роскиных в полной мере исполнила свой гражданский и патриотический долг перед страной. Остается только представить себе состояние оставшихся родителей Менделея Яковлевича (умер в 1956 г. в Пензе) и Софии Анисимовны Роскиных (умерла в 1946 г.), в один год потерявшим всех своих сыновей. Тем не менее, жизнь их не прошла даром для всех нас.

В заключении, с учетом обобщения отмеченных в докладе материалов и документов, хотелось бы отметить, что именно благодаря Якову Роскину и его отцу Менделю криминалистическая фотография получила свою «путевку в жизнь» в работе карельской милиции на ее начальном этапе. Вместе с другими видами экспертно-криминалистической деятельности, направленными на раскрытие совершенных уголовных преступлений, она в дальнейшем заняла свое особое и почетное место, став на долгие годы важным фактором научно-технического обеспечения милиционской правоохранительной деятельности в Карелии.

²³ Карелия глазами фотографов Роскиных. 1904–1941. Издательство музея-заповедника «Кижи», Петрозаводск, 2010, с. 5.

²⁴ Там же. С. 6.

²⁵ Книга памяти Республики Карелия, т. 7.

Письмо от 16.12.1919 г. за № 979

«Состоящий на должности фотографа при Отделении Уголовного розыска гр. гор. Петрозаводска Яков Менделев Роскин, прибыв сего числа в Отделение Розыска, где предъявив ордер Жилищного отдела от 18 декабря за № 184, о вмещении в его квартиру семьи (из) 5 человек граждан ФАЛИНЫХ в одну из комнат, которая приурочена им, РОСКИНИМ, для служебных надобностей при исполнении фотографических работ Отделения Угрозыска, помимо того Роскин добавил, что при наличии своей семьи, состоящей из 11 человек, последние лишь только могут разместиться в 2-х комнатах. При влиянии же еще 5 посторонних лиц, которым отведена квартирной комиссией одна комната специально приуроченная для служебных его функций, как могущая быть ныне занятой, в силу таких обстоятельств он, РОСКИН, лишен всякой возможности выполнять служебные фотографические работы Отделения Уголовного Розыска.

Принимая во внимание вышеизложенное, Отделение Уголовного Розыска считаясь с важностью дела фотографии преступного элемента и неимения при помещении Отделения особой комнаты, которая бы могла обслуживать нужды фотографа, просит Жилищный Отдел ввиду важности дела и дабы дело Уголовного Розыска не страдало от того об отмене своего постановления по назначению ФАЛИНЫХ квартиру Роскина и тем самым дать возможность вести планомерную работу по фотографии для Отдела Уголовного Розыска. О последующем не отказать уведомлением».

Начальник Олонецкого Губотдела УР В. Колчинский

Зарисовки к портретам политических деятелей 1-й половины XX века

История родного края неразрывно связана с именами тех, кто её создавал. Среди таких имён – народные умельцы и сказители, учёные и писатели, талантливые педагоги и врачи. При этом также необходимо упомянуть целый ряд политических деятелей, которые всячески способствовали развитию карельского края. Такие имена найдутся в каждом районе нашей республики. Многие имена, увы, со временем забываются, и для того чтобы освежить их в народной памяти, стало необходимым создать небольшие портретные зарисовки, которые были опубликованы в районной газете Олония в 2011 году.

Основой для написания данных зарисовок стали материалы местных газетных публикаций как довоенные, так и послевоенные,¹ а также использовались документы из фондов Олонецкого муниципального архива и Олонецкого национального музея карелов-ливвиков им. Н. Г. Прилукина.

С историей Олонецкого района начала прошлого века связаны многие имена, но начнём с имени местного крестьянина, ставшего первым председателем Райсовета и пострадавшего за свои убеждения – Михаила Чубриева. В г. Олонце живёт внучка Михаила Фёдоровича – Г. А. Епова, которая смогла предоставить некоторую информацию и документы о своём деде.

Михаил Фёдорович Чубриев²

Михаил Фёдорович родился в 1893 году в д. Иммалице Олонецкого уезда. Родители его были крестьяне.

В детстве Михаил помогал родителям в домашнем хозяйстве и в поле. В 12 лет родители принимают решение о том, чтобы отпустить сына на заработки в большой город. Так Михаил оказался в Петербурге, жил он у родственников и работал истопником у одного купца. Повзрослев, он начинает посещать собрания рабочих Путиловского завода. Через некоторое время он и сам становится рабочим завода. В столице Михаил увлёкся политикой и в 1907 году вступил в партию социал-революционеров (эсеров).

В 1914 году началась 1-я Мировая война и Михаила призывают в армию. Он принимает участие в боевых действиях.

¹ Колхозник: орган Олонецкого РК ВКП(б) и райсовета. – Олонец, 1931. – 7 (6 февр.). – 1935. – На рус. и фин. яз. См.: Олония. – 1930. Авг. – . – Олонец, 1930. – . – Еженед. – Продолж.

² Понуровский А. В. Первый председатель Райсовета // Олония. – № 6–7. – 17 июля 2011.

После февральской революции Михаил возвращается на родину, в родную деревню. А в январе 1918 года его избирают в числе 15 человек в Олонецкий уездный исполнительный комитет (УИК). Теперь его стали величать Михаилом Фёдоровичем. На первом заседании Олонецкого УИК Михаил Чубриев был избран его председателем.

Через несколько недель в уезде вспыхивает крестьянское восстание. Недовольные политикой новой власти крестьяне подняли бунт. Руководству уездом приходится противостоять тем, чьи интересы они должны были защищать. Восстанием руководили братья Сечкины, которые позже сбегут на финскую территорию. Крестьяне захватили членов УИК вместе с председателем М. Чубриевым. Раздались призывы к расстрелу.... Но в это время в город со стороны г. Петрозаводска вошёл воинский отряд под командованием Ивана Васильевича Матвеева. Восстание было подавлено.

В 1919 году на территорию уезда вступили солдаты Маннергейма. В г. Олонце создаётся новое правительство «Олонецкая дирекция» во главе с представителем знатного купеческого рода Георгием Куттуевым. Михаил Фёдорович принимал участие в боевых действиях и был ранен. Финны оставили город и уезд.

В 1920 году Михаил Федорович становится заместителем председателя УИК. А 6 июня того же года его избирают делегатом на Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Съезд открылся в июле. М. Чубриев представлял интересы жителей Рыпушкинского общества. Он принял активное участие в обсуждении вопроса о притязаниях финнов на карельские земли и как остальные делегаты поддержал присоединение Карелии к России.

В 1920–1930-е годы Михаил Фёдорович оставляет политическую деятельность. Он работает в тресте Карлес.

А в марте 1938 года за ним пришли. В тот же год он был расстрелян. Родным ничего не сообщили о судьбе Михаила Фёдоровича. Затем начинается Советско-финская война, за ней – Великая Отечественная. На первой войне погибает сын Борис, на второй – Виктор.

А после войны пришло уведомление о гибели Михаила Фёдоровича от тяжёлой болезни. Правду о судьбе отца узнал сын Анатолий только в 1980-е годы. Тогда стало известно, что Михаил Фёдорович был расстрелян в довоенном ещё 1938 году.

Интересна также судьба олонецкого военного комиссара Оскари Кумпи. Участник олимпийских игр и разведчик Оскари был направлен в Олонецкий район в начале 1930-х годов.

Оскари Иванович Кумпи (Кумпу)³

Родился Оскари Иванович Кумпи в 1895 году в княжестве Финляндском, тогда ещё на территории Российской империи. С ранних лет ему приходилось работать на земле, заниматься физическим трудом. Возможно, это и побудило его в дальнейшем заняться спортом. В это время в России были очень популярны борцовские виды спорта. Так Оскари начинает по-настоящему заниматься греко-римской борьбой. Он участвует в соревнованиях различного уровня. В 1912 году Кумпи становится участником олимпийских игр, которые проходили в столице Швеции – г. Стокгольме. Но призовых мест на олимпиаде ему завоевать не удалось. А через два года начинается Первая мировая война и со спортом приходится повременить.

Россия вступает в еще одну войну – Гражданскую. Кумпи отправляется на фронт и попадает в отряд, который подготавливается для проведения важных спецопераций. В 1919 году Оскари оканчивает специальные курсы при разведшколе и участвует в ряде операций на российско-финской границе. В разведшколе Оскари отличался заядлой силой и огромными размерами.

В воспоминаниях современников Оскари остается очень добрым и справедливым человеком. Вот, что о нем вспоминает его бывший однокурсник легендарный карельский разведчик Тойво Вяхя: «В Хельсинки я видел ещё, правда, издали, Оскари Кумпу. Но больше тогда слышал о нем. Борец тяжёлого веса, участник олимпийских игр 1912 года. И вот он – краса и гордость школы (разведшколы), в моем отделении! Много встречал я людей, все больше хороших. Добре Кумпу – никого. Лет 30, наверно, ему тогда было, и вес для курсанта двадцатых годов чудовищный – под 90 кг!

Зная его доброту и силу, мы нещадно эксплуатировали его на тяжелых работах. А в зимнее время, когда уж очень холодно бывало, использовали Кумпу в роли генератора тепла. Заманим его в угол и кидаемся на него всем взводом: "Братцы, не выпускать слона из угла!" Повозится он с нами, сам согреется, и глядишь, легко раскидав нас, вырвется. Ничего мы с ним поделать не могли. Сила!» (И. М. Петров (Т. Вяхя) *Мои границы – Петрозаводск, 1981*).⁴

В 1920-е годы Оскари Кумпи снова пробует свои силы в спорте. На спортивную арену тогда возвращались профессионалы – ученики легендарного борца Ивана Поддубного, и где же любителю справиться с ними? На соревнованиях выше второго – третьего мест он не поднимался. Кумпи терпел одно поражение за другим, но никогда не отчаялся. Вот, что по этому поводу пишет Т. Вяхя: «Может и горевал (Кумпи), но виду не показывал. Бывало, скажет: "Прошло мое время", – и все».

После неудач в спортивной карьере Оскари Иванович возвращается на армейскую службу. Так в 1933 году старшего лейтенанта Кумпи направляют в качестве военного комиссара в Оло-

³ Понуровский А. В. Спортсмен и разведчик // Олония. № 36. – 8 сентября 2011.

⁴ Петров И. М. Мои границы. Петрозаводск, 1981.

нецкий район.... Работать приходилось много. Например, в 1933 году был организован выезд участников колхозного слета в егерский батальон. Организацией занимался, в том числе и Оскари Иванович. Проводились военные учения и среди школьников. И так без отдыха прошли два года...

Лето, жара. На городских речках много народа. Оскари Иванович видный в городе человек отправился на реку, день выдался хороший теплый. Да ещё и воскресение, можно наконец-то отдохнуть от работы и суеты. Через два дня во вторник 25 июня 1935 года в районной газете «Колхозник» появился некролог, в котором сообщалось о нелепой смерти местного военкома. Хороший пловец утонул в р. Олонке. Так не стало спортсмена и разведчика Оскари Ивановича Кумпи.

Большой вклад в развитие Олонецкого района внёс Николай Фёдорович Карабаев, назначенный в 1944 году 1-м секретарём райкома партии.

Николай Фёдорович Карабаев⁵

Первые послевоенные годы... Долгожданное возвращение домой... Восстановление хозяйства. Много трудностей стояло перед олончанами и всё же с ними как-то справлялись.

В июне 1944 года Олонецкий район был полностью освобождён. Руководству республики оставалось теперь только найти хорошего руководителя, который смог бы справиться со всеми трудностями. Выбор пал на заведующего военным отделом ЦК партии КФССР. Звали его Николай Фёдорович Карабаев.

Родился Николай Карабаев в 1906 году в губернском городе Пудож. Там прошли его детство и отрочество. В 1920-е годы Николай вступил в комсомол, а в 1927 году возглавил Пудожскую районную комсомольскую организацию. Вскоре его перевели в г. Петрозаводск. В 1928 году Николай вступил в партию и стал продвигаться по партийной лестнице.

В 1938 году Николай Фёдорович становится председателем республиканского отделения Освиахима. Его избирают депутатом Верховного Совета КАССР. А вскоре после Советско-финской (Зимней) войны он возглавил военный отдел.

В июне 1941 года началась новая война – Великая Отечественная. Карабаев стал одним из кураторов партизанского движения на территории республики. Он тщательно занимался подбором кандидатов на командные посты в партизанские отряды.

В 1941 году Николай Фёдорович вошёл в состав комиссии по формированию частей ополчения. В июле вместе с зампредом карельского НКВД В. И. Дёминым он участвует в формировании усиленного батальона на станции Надвоицы Медвежьегорского района.

⁵ Понуровский А. В. Первый секретарь райкома // Олония. – № 19. – 12 мая 2011.

Николай Фёдорович выезжал в отряды с политинформацией. Так он пытался поднять солдатский дух, несмотря на неудачи первого военного года. В декабре он выехал в родной Пудожский район, где предстояло организовать партизанский отряд. Вскоре выяснилось, что снабжение отряда оставляло желать лучшего. Не хватало даже масхалатов для лыжников. Тогда Н. Карабаев принимает решение о сборе белой материи по местным жителям и пошире своими усилиями масхалатов. Вскоре Николая Фёдоровича назначают комиссаром полка особого назначения, которым командовал В. И. Дёмин.

В июне 1944 года Карельская земля была полностью освобождена. Первый секретарь КФССР Геннадий Николаевич Куприянов вызвал к себе заведующего военным отделом Николая Карабаева и поручил ему руководство восстановлением самого крупного сельскохозяйственного района – Олонецкого. Сам Куприянов уважал и ценил деятельного Карабаева и даже оставил несколько строк о нём в своих воспоминаниях.

И вот летом 1944 года Николай Карабаев прибыл в г. Олонец. В это время в район возвращаются, покинувшие в 1941-м году родные земли, олончане, которые оказали поддержку первому секретарю райкома. Вскоре в г. Олонец из эвакуации возвращается сестра Клавдия, которая до войны работала в Пудожской типографии. В 1947–1958 годы Клавдия Федоровна (1912–1958) работала директором Олонецкой типографии и в райкоме партии.

Николай Фёдорович постоянно держал на контроле деятельность районных предприятий. Он часто критиковал не справляющихся со своим делом руководителей (РайЗО, райплана, леспромхоза, лесокомбината),⁶ но при этом оказывал им свою помощь.

Среди рассматриваемых в 1945 году вопросов были: восстановление сельского хозяйства, лесозаготовки, улучшение работы школ и просветительских учреждений.⁷ Так, например, в 1945 году из 99 довоенных колхозов уже работали 93.

В начале 1945 года «делом чести» для района стала заготовка 60 м³ дров для жителей г. Ленинграда. На расширенное заседание райкома по данной проблеме прибыл председатель карельского правительства Павел Прокконен. Поставленная цель вскоре была достигнута силами жителей района. Так Олонец в последнюю военную зиму оказал помочь замерзающим ленинградцам.

После войны в 1946 году Николай Карабаев активно взялся за развитие просветительской работы на селе. Так, например, он выступал за создание разветвленной сети сельских библиотек. Он посещал колхозы и оказывал поддержку местной молодёжи. Как раз в это время в районе начинают действовать летние пионерские лагеря.

⁶ Колхозник. 1945. 14 янв. Л. 2.

⁷ Колхозник. 1945. 23 авг. Л. 2.

Впервые послевоенные годы на территории района создаются: Олонецкий лесхоз, Видлицкий промкомбинат, Куйтежская и Коткозерская ГЭС, заготконтора РайПО. В это время в городе стал работать кинотеатр «Правда». Хорошую память о себе оставил Николай Фёдорович.

В 1948 году его возвращают обратно в г. Петрозаводск, где он продолжает трудиться в отраслях лесной и местной промышленности. Николай Карабаев был награждён орденами Отечественной войны 1-й степени и Знак почёта.

2 августа 1965 года Николая Фёдоровича Карабаева не стало....

С историей Олонецкого района и Карелии связаны судьбы многих интереснейших людей, которые на протяжении всей своей жизни делали всё возможное для развития и процветания родного края. Нам и последующим поколениям необходимо помнить их имена. Сейчас ещё остаётся много неизученных источников, которые смогут нам рассказать о неоправданно забытых героях карельской земли.

Организация и условия проведения эвакуации жителей Карелии в начальный период Великой Отечественной войны

Начальный период Великой Отечественной войны характеризовался небывалым миграционным потоком населения из западных районов страны в восточные. Связан он был с необходимостью проведения эвакуации населения из прифронтовой полосы. Эвакуация проходила в сжатые сроки в связи с быстрым продвижением немецких войск и отступлением Красной Армии в первые дни войны. Столь тяжелые условия требовали от руководства страны четких продуманных действий по организации эвакуации населения и материальных ценностей, неукоснительное исполнение приказов со стороны местных властей, координирование действия военного руководства, республиканских и областных руководителей, наркомата путей сообщения и т. д.

Эвакуация проводилась и на территории нашей республики. Вступление в войну 26 июня 1941 г. Финляндии создавали непосредственную угрозу населению и экономическому потенциалу Карелии. В рамках данного доклада рассматривается организация процесса эвакуации населения Карело-Финской ССР, уделено внимание условиям проведения эвакуационных перевозок.

В первые дни войны были созданы государственные органы для руководства и организации эвакуации, изданы нормативные документы, регулирующие данный процесс. 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР при Совнаркоме СССР был создан Совет по эвакуации во главе с наркомом путей сообщения Л. М. Кагановичем. 3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК Н. М. Шверник. 26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения. На управление возлагались – организации вывоза населения из прифронтовой полосы, обслуживание в пути следования, организация эвакопунктов, размещение и устройства эвакуированных в тыловых областях. Конкретные задачи по проведению в стране эвакуации определялись постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» и в директиве ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей».¹ 5 июля 1941 г. Совнарком СССР принял постановление «О порядке эвакуации населения в военное время».² Из зоны военных действий население эвакуировалось по указанию военного командования, а из прифронтовых и угрожаемых районов – с разрешения Совета по эвакуации. Для

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. М., 1961. С. 143.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза. С. 547.

руководства всей работой эвакуации населения при Совнаркомах республик, краевых и областных исполкомах были образованы отделы по эвакуации.

В Карелии непосредственное руководство процессом эвакуации осуществляла Республикаанская комиссия по эвакуации, которая приступила к работе в начале июля 1941 г. В состав комиссии входили секретарь ЦК Компартии республики П. В. Соляков, заместитель председателя СНК М. Ф. Иванов, секретарь Президиума Верховного Совета КФССР Т. Ф. Вакулькин. Комиссия определяла сроки проведения эвакуации населения и промышленных предприятий, утверждала планы и графики эвакуации, распределяла транспорт и т. д. На местах эвакуацией занимались районные и городские комитеты партии и исполкомы местных Советов (эвакуационные тройки).

Эвакуация населения Карелии из пограничных районов началась с первых дней войны. Согласно постановлению СНК и ЦК КП (б) КФССР от 29 июня 1941 г. эвакуация населения и ценного имущества должна была проводиться из Виипурского, Яскинского, Кякисалмского, Куркиёкского, Сортавальского, Питкярантского и Суоярвского районов.³ Проведение эвакуации возлагалось на председателей исполкомов и секретарей РК КП (б) по получению указаний Военного Совета фронта. По мере продвижения финских войск вглубь территории Карелии возникла необходимость эвакуировать население других районов республики.

Прежде всего, эвакуировались детские учреждения и дети до 16 лет вместе с родителями. Трудоспособное население оставалось на уборке урожая и оборонных работах. Но в связи с приближением линии фронта началась эвакуация взрослого населения.

При проведении эвакуации часть населения: рабочие, служащие, колхозники, учащиеся вузов и техникумов эвакуировались вместе с предприятиями, учреждениями, учебными заведениями, часть населения эвакуировалось в индивидуальном порядке. Рабочие, служащие предприятий эвакуировались вместе со своими семьями, при переезде каждый работник мог взять 160 кг груза на себя и по 40 кг на каждого члена семьи.⁴ На время эвакуации за рабочими предприятий сохранилась средняя заработка за три месяца, выплачивались подъемные из расчета: месячный оклад работнику предприятия, четверть оклада на жену и одна восьмая на каждого из остальных неработающих членов семьи.⁵ Население, отправляющееся в индивидуальном порядке в эвакуацию, сталкивалась с большими трудностями в пути: нехватка транспорта, недостаток продовольствия, денег. Большая часть жителей стремилась переехать в районы, где проживали их родственники. При отправке разрешалось брать с собой носильный багаж весом не более 40 кг на одного человека, необходимо было получить эвакуационное удостоверение, посадочный талон². С собой старались взять запасы продовольствия, одежду, но очень часто, судя по различным воспоминаниям, брали вещи которые были дороги (например, патефон с любимыми пластинками³),

³ Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 210.

⁴ История экономики Карелии. Петрозаводск, 2005. С. 101.

⁵ Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2001. С. 67.

дети с трудом расставались с домашними животными.⁴ Некоторые уезжали налегке, считая, что эвакуация продлится недолго, всего лишь несколько месяцев.

В первые дни войны население, проживающее в непосредственной близости от боевых действий, по решению военных эвакуировалось на небольшие расстояния (25–30 км). Затем жители перевозились в отдаленные районы Карелии, так, например население Ухтинского района было отправлено в Кемь, Ребольского района в Беломорск, Петровского района в Медвежьегорск и т. д. Население пограничных районов Карелии эвакуировалось в Ленинград и Ленинградскую область. В связи с ухудшением обстановки на фронте потребовалась дальнейшая эвакуация за пределы республики.

В основном жители Карелии эвакуировались по железной дороге, на баржах и пароходах по Онежскому и Ладожскому озеру, на автомашинах и подводах по шоссейным дорогам. Большая нагрузка по перевозке населения и ценных грузов легла на Кировскую железнодорожную дорогу. Наиболее крупными железнодорожными узлами и станциями, через которые проходил основной поток пассажирских эвакуационных перевозок, являлись Петрозаводск, Беломорск, Кемь, Сортавала. Осенью 1941 г., после оккупации противником участков дороги Сортавала-Петрозаводск, Свирь-Масельгская, эвакуация проходила по северному участку железной дороги. Здесь значительную роль сыграла железнодорожная линия Сорокская-Обозерская, позволяющая перевозить людей в Архангельскую область.

Также перемещение жителей Карелии происходило водным путем. С побережья Ладожского озера эвакуацию осуществляло Северо-Западное пароходство, с пристаней Онежского озера – Беломорско-Онежское пароходство. Эвакуация с берега Ладожского озера проходила с июля до середины августа 1941 г.⁶ На пароходах и баржах были перевезены жители южных районов республики и часть населения Карелии, которое оказалось в Ленинградской области. Основной маршрут пролегал по Ладоге до р. Свирь и затем в Вознесенье Вологодской области.

Эвакуация населения по Онежскому озеру продолжалась на протяжении всего периода навигации. Главным пунктом отправления являлась пристань в Петрозаводске. При организации эвакоперевозок было сформированы основные эвакуационные маршруты. Один из них начинался с пристани Петрозаводск до Вытегры, затем по Мариинскому каналу в тыловые области страны, второй из Петрозаводска до Шалы Пудожского района, затем из Пудожа население на машинах или подводах отправляли в Архангельскую и Вологодскую области. С конца августа 1941 г. проходила эвакуация населения на север через Беломорско-Балтийский канал. После оккупации Петрозаводска эвакуация речным транспортом продолжалась из района Медвежьегорска и Повенца до Шалы вплоть до окончания навигации.

⁶ Эшелоны идут на Восток. М., 1966. С. 174.

Сельское население Карелии, проживающие в районах, где отсутствовали железные дороги и водный транспорт, эвакуировалось автотранспортом, на подводах или пешком, очень часто, попадая под обстрел.

Под особым контролем органов НКВД проходила эвакуация заключенных, работавших в системе ББК. Эвакуация данной категории населения началась с 1 июля 1941 г., в первую очередь эвакуировались осужденные за контрреволюционную деятельность. Всего было эвакуировано 24880 заключенных с территории Карелии.⁷

Условия проведения эвакуации населения были очень тяжелые. Поезда и речной транспорт постоянно обстреливались, в результате вражеских бомбардировок погибло много жителей Карелии. Так, например, 27 сентября 1941 г. был обстрелян противником пароход «Кингисеп», буксирующий баржу с эвакуированным населением. На барже находилось около 170 человек, в результате обстрела на барже начался пожар, спасти удалось лишь 58 человек. Подвергся нападению двух финских самолетов пароход «Яков Воробьев», буксирующий две баржи с 2 тысячами человек из Заонежья в Шалу, но благодаря мастерству и мужеству капитана судна И. Г. Борисова и команде удалось благополучно достичь пункта назначения.⁸

В связи с увеличением пассажирских перевозок ощущалась нехватка пассажирских вагонов, часто население перевозили в товарных вагонах, где для пассажиров были сколочены деревянные полки, и даже на платформах. В формирующиеся эшелоны старались посадить как можно больше людей, что приводило к тесноте и духоте в вагонах, отсутствие нормальных санитарных условий способствовало возникновению различных заболеваний и высокой смертности, особенно среди детского населения. Не менее тяжелые условия были на речном транспорте. Так, согласно медико-санитарного обследования барж с эвакуированным населением на ст. Сорокская в октябре 1941 г. было обнаружено, что многие баржи не оборудованы нарами, в них отсутствуют печи и необходимое освещение, на них не было медицинских работников, в результате у пассажиров наблюдались простудные заболевания, вшивость, было зафиксировано несколько смертных случаев среди детей.⁹

Для обслуживания в пути эвакуированного населения на крупных железнодорожных станциях, пристанях были организованы эвакопункты. Эвакуационные пункты обеспечивали продуктами и горячей пищей пассажиров, организовывали снабжения кипяченой водой, при них были созданы пункты санобработки, что было необходимо, так как нахождение эвакуированного населения в пути составляло от нескольких недель до нескольких месяцев. Но часто эвакопункты не справлялись с большим наплывом прибывающего населения, на станциях скапливалось большое количество эшелонов, продовольствия на всех не хватало.

⁷ Веригин С.Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009. С. 221.

⁸ Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. 8, оп. 1., д. 711, л. 46.

⁹ НА РК. Ф. 1394, оп. 3, д. 40/297, л. 191.

Сам процесс эвакуации был для населения тяжелым испытанием. Люди вынуждены были проститься со своими родными местами, привычной для них средой обитания и привыкать к новым условиям жизни. Дорога в тыловые районы страны также была очень напряженной. Во многих воспоминаниях эвакуированных описание пути присутствует достаточно подробно. Например, в воспоминаниях О. С. Иванниковой об эвакуации в Архангельскую область говорится следующее: «Ехали мы по Обозерской дороге, … 18–20 суток, до Котласа. Было холодно, голодно. Умирали старики, малыши… Мертвых забирали на больших станциях – приезжали подводы, мы их заворачивали, кого во что было и грузили на подводы. Горячую пищу нам давали всего два раза на всем пути. А так воду добывали из снега, кипятили кипяток и черный хлеб…»¹⁰

Всего в ходе проведения эвакуации из республики были эвакуированы свыше 500 тыс. человек.¹¹ Население Карелии нашло приют на территории Архангельской, Вологодской, Свердловской, Горьковской, Челябинской и других областей, Коми, Башкирской, Чувашской, Татарской республик. Но, не смотря на видимый успех проведения в достаточно сжатые сроки перемещения населения в безопасные районы страны, на территории Карелии осталось население, оказавшиеся в оккупации. Так, на территории Заонежского полуострова остались тысячи людей, не успевшие вовремя эвакуироваться во многом из-за проявленной халатности со стороны республиканских и местных органов власти, которые не эвакуировали жителей Заонежья на восточный берег Онежского озера. По данным переписи населения Карелии, проведенной финскими оккупационными войсками, в марте 1942 г. в Заонежье проживало 18295 человек.¹² В некоторых других районах Карелии эвакуация также прошла недостаточно организованно, в связи с паникой, растерянностью руководителей на местах, несвоевременным началом эвакуации. Вследствие чего, не все население успело организованно эвакуироваться, вынуждено было самостоятельно выбираться в тыловые районы или оказалось в оккупации. Такие случаи имели место при проведении эвакуации г. Сортавала, Калевальского, Сегозерского, Ведлозерского, Прионежского районов. В частности, против секретаря Сегозерского райкома партии М. А. Ершова, выдвигались обвинения в том, что он не принял должных мер к эвакуации населения, сам выехал раньше времени, в результате большая часть жителей д. Паданы осталась на занятой финнами территории.¹³

Таким образом, эвакуация населения, начавшаяся после вступления в войну Финляндии, была проведена достаточно организованно. Республикаанская комиссия по эвакуации и эвакотройки на местах испытывали немало трудностей, связанных с непосредственной близостью военных действий, частых бомбардировок, нехваткой транспорта, отсутствие в некоторых районах железных дорог. Несмотря на это, большая часть жителей Карелии была вывезена в безопасные районы страны.

¹⁰ По обе стороны карельского фронта. 1941–1945 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 332.

¹¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 603.

¹² Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009. С. 221.

¹³ НА РК. Ф.8, оп.1, д. 282, л. 132.

Эвакуация органов власти Карелии. 1941 г.

В своей книге «Россия в войне. 1941–1945», находившийся во время войны в Советском Союзе в качестве корреспондента Би-би-си и газеты «Санди таймс» Александр Верт, писал о том, что целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, что эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены, и что им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 года – «это прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости» [1].

Однако тема эвакуации населения, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, скота и пр. в годы Великой Отечественной войны в современной исторической литературе раскрыта все-таки недостаточно полно. В огромной массе исследований проблема эвакуации чаще всего рассматривается в общем плане, в рамках исследований проблем экономики, связанных с проведением военных действий на значительной территории европейской части страны. Именно здесь был сосредоточен основной промышленный потенциал Советского Союза.

Поэтому работа по перемещению на восток огромного количества населения, промышленных и пр. предприятий, работа транспорта по эвакуации, восстановление эвакуированных предприятий на новых местах и введение их в эксплуатацию занимает основное место в исследовательской литературе. Такой подход вполне объясним, учитывая, что на территории европейской части СССР были поставлены под угрозу районы, где проживало 40 % всего населения страны, было расположено 31850 промышленных предприятий, из них 37 заводов черной металлургии, 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения, 169 заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения, 1135 шахт, свыше 3 тыс. нефтяных скважин, 61 крупная электростанция, сотни текстильных, пищевых и других предприятий [2].

Вместе с тем, такие проблемы как, эвакуация гражданского населения, которое эвакуировалось не с промышленными предприятиями, а самостоятельно, условия их перевозки, проблемы размещения, трудоустройства, обеспечения их продовольствием, предметами первой необходимости, проблемы устройства детского населения эвакуированных в школах и детских садах и пр., еще далеко не нашли своего отражения в исторической литературе. К вопросам такого же типа можно отнести и проблемы эвакуации органов власти: государственных, хозяйственных, партийных. Как происходила их эвакуация? Куда попадал управленческий аппарат после эвакуации? Как он трудоустраивался? Имелись ли какие-либо льготы при эвакуации этого аппарата и пр.?

Подобного рода вопросы, связанные с эвакуационными процессами, еще ждут своего подробного исследования.

В общесоюзном масштабе решением Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) Совет по эвакуации был создан уже 24 июня 1941 г. Главной задачей Совета было обеспечение эвакуации населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей. Первоначально возглавил Совет нарком путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович, но уже 3 июля во главе Совета был поставлен председатель ВЦСПС Николай Михайлович Шверник. Что касается проблем эвакуации непосредственно на местах, то за это должны были отвечать партийные органы и правительства республик, областные, районные и городские комитеты партии и исполкомы местных советов. Там создавались специальные комиссии по эвакуации, комитеты, бюро или советы по эвакуации.

Что касается Карелии, то почти сразу же после вступления в войну Финляндии на стороне фашистской Германии, в приграничные районы республики, такие как Яскинский, Куркиекский, Сортавальский, Виипурский (Выборгский), от имени правительства и партийных органов уже 28 июня 1941 г. пришли телеграммы о немедленной эвакуации колхозов и населения 20-км полосы в глубь районов [3].

Решения об эвакуации сразу же вызвали нервозные настроения людей, в первую очередь женщин. Так, по сообщению секретаря Виипурского РК Рибковского недовольство вызывало то, что семьи военнослужащих, советских, партийных работников вывозились и из той зоны, куда эвакуировали основную часть населения [4].

Еще большее раздражение и даже панические настроения вызывали у людей действия представителей государственной и партийной власти. По сообщению завотделом пропаганды и агитации Куркиекского РК партии Данилова 28 июня секретарю ЦК партии республики Сюккийнену Иосифу Ивановичу, дело доходило даже до проявления открытого недовольства: «Что вы нас уговариваете спокойно работать, когда сами руководители района свои семьи уже отправили на машинах». Оказывается председатель райсовета Горбачев должен был перебросить из Куркиеки в Петрозаводск жен и детей призванных в Красную Армию работников райкома и редакции: 2 секретаря РК т. Вавилина, мобилизованных работников райкома Можжелина, Лесонен, Меньшикова, работника редакции Буйнова. Однако Горбачев и его заместитель Бедонин вместо этого в ночь на 28 июня отправили на автомашинах в Петрозаводск свои семьи. Этим и была вызвана паника среди населения. Однако, вопрос о поведении этих товарищ на бюро райкома не ставился и осуждения, как провоцирующий панику в военных условиях не ставился. В связи с этим в докладной записке, направленной в ЦК, высказывается просьба о принятии мер по линии ЦК партии [5].

В специальном постановлении СНК и ЦК ВКП (б) СССР об эвакуации имущества, оборудования и населения из прифронтовой полосы от 29 июня 1941 г. специально оговаривалось, что «...п. 4 Все инженерно-технические работники, служащие и квалифицированные рабочие эвакуируемых предприятий, также другое население (снабженческие организации, связь, коммуналь-

ные органы) и *советско-партийные органы* (здесь и далее курсив мой) эвакуируются *по мере надобности в зависимости от обстановки* [6].

Официальным органом по эвакуации из тех районов Карелии, которым угрожали военные действия, стала Республиканская комиссия, организованная 3 июля в составе секретаря ЦК КП(б) КФССР Солякова Петра Васильевича, заместителя председателя Совнаркома республики Иванова Моисея Фроловича и секретаря Президиума Верховного Совета КФССР Вакулькина Тимофея Федоровича. Работая в тесном контакте с Военным Советом сначала Северного, а затем Карельского фронта, комиссия занималась установлением сроков и очередности эвакуации гражданского населения, предприятий и учреждений, распределением транспорта, определением мест для эвакуации в тыловых районах страны. Среди первоочередных решений были задачи по эвакуации детей и детских учреждений. Трудоспособное население до последнего оставалось на оборонных работах, уборке урожая и т. п. [7]. В районах республики, которым угрожала оккупация, соответствующую работу по эвакуации проводили районные партийные и советские органы. И, как правило, во главе районных комиссий стояли секретари районных комитетов партии. В первую очередь принимались решения об эвакуации детских учреждений. Трудоспособное население оставалось на оборонных работах, уборке урожая и т. д. [8]. В первые дни никто, естественно, предположить, как долго продлятся военные действия. Считая, что Красная Армия вскоре остановит и разобьет наступающего противника плановые органы намечали переместить основную массу людей из угрожаемых районов только в районы ближайшего тыла внутри самой республики или, в крайнем случае, близлежащих районов – Вологодской или Архангельской областей.

На первом же заседании республиканской комиссии по эвакуации 3 июля 1941 г. принимается решение о вывозе из Петрозаводска детей вместе с детскими яслями, детскими садиками и детдомами. Эвакуации в Вытегорский и Андомский районы Вологодской области подлежали также женщины с детьми до 3-х лет и все остальные дети до 14-летнего возраста. Всю детскую эвакуацию предполагалось завершить в течение недели, до 10 июля.

На этом же заседании комиссии вместе с решением об эвакуации детского населения принимается решение и об эвакуации 150 семей руководящих работников советских и партийных органов в Пудожский район Карелии. Для практического решения этого вопроса было решено направить в с. Пудож т. Крючкова. Секретарю комиссии по эвакуации т. Вакулькину, который одновременно был секретарем Президиума Верховного Совета КФССР, было поручено приступить к организации этого мероприятия [9].

Рассматривая вопросы эвакуации из Петрозаводска следует иметь ввиду, что в Южной Карелии переход финских войск в наступление и, следовательно, начало боевых действий, приходится на 10 июля. До этого времени происходили только приграничные вооруженные стычки. Таким образом, вопрос об эвакуации семей советско-партийных работников стал решаться задолго до

начала боев на этой части территории республики. Вряд ли кто мог тогда предположить, что Петрозаводск через 2,5 месяца будет оставлен врагу.

Уже через 4 дня после принятия решения об эвакуации детей и женщин из Петрозаводска, по справке секретаря комиссии Вакулькина, было эвакуировано в Вытегорский, Андомский, Пудожский и Шелтозерский р-ны 4 582 человека [10].

Что касается ситуации на местах, то далеко не всегда эвакуация под руководством советских и партийных органов происходила организованно. Так, при эвакуации г. Сортавала, обстановку паники создали именно партийные секретари (тт. Богданов, Каджев) и председатель горсовета (т. Лезин). В результате руководящие работники оставили в столах служебные документы, пишущие машинки, штампы и печати горсовета. Панически бежали из города руководители и аппарат хозяйственных организаций, не обеспечив вывоз сотен тонн муки, крупы, кондитерских изделий, сахара, консервов, промтоваров [11].

Были известны случаи, когда председатель горисполкома г. Энсо (современный г. Светогорск в Ленинградской области) вместо того, чтобы организовать вывоз населения и оборудования, бежал из города в числе первых. А в Калевальском районе секретарь райкома партии и председатель РИКа начали паническую эвакуацию, когда финские войска находились в 120 км от районного центра и сами собирались сбежать, бросив район на произвол судьбы [12].

Похожая ситуация сложилась и в Кестеньгском районе республики. Так, 5 августа 1941 г. специальной телеграммой ЦК КП(б) КФССР возложил ответственность за эвакуацию населения, всех ценностей, продовольствия и районных учреждений в Беломорск на Кестеньгского РК партии [13]. Однако секретари райкома Рютиков и Кашинцев бросив проблемы эвакуации на произвол судьбы сбежали сначала в Лоухи, а затем в Беломорск. Причем Рютиков дал телеграмму жене в Беломорск о ее немедленной вместе с вещами эвакуации. Узнав о телеграмме Рютикова, женщины подняли панику: «Нас эвакуируют в Беломорск, а свои семьи оттуда вывозят. Нас везут на погибель». Т.о., организацией партизанского отряда и истребительного батальона в районе на никого не занимался. В Кестеньге часть продуктов и скота пришлось уничтожить, поскольку его не успели вывезти [14].

Однако в целом по республике эвакуация из захваченных противником районов была проведена достаточно организованно. Всего за шесть месяцев 1941 г. из республики были эвакуированы 293 промышленных предприятия, большинство из которых приступили к работе в тыловых районах СССР и 536 тысяч человек населения или 75 % (из 718 тыс.) [15].

Что касается семей руководящих работников, то она также проходила по-разному. Одни семьи эвакуировались самостоятельно, преимущественно к своим родственникам, проживавшим в отдаленных районах Карелии или в тыловых районах Союза. Например, семья 1 секретаря Ведлозерского райкома партии Фомина, уехавшая Шелтозерский район Карелии. Или семья зав. сектором сельскохозяйственных кадров ЦК КП (б) КФССР Серышева Г. И., эвакуированная в

г. Вытегру Вологодской области. Семья инструктора военотдела ЦК КФ Криулина П. А. – жена Криулина Мария Владимировна и дочь в возрасте 11 лет Криулина А. П. эвакуировались из Петрозаводска в г. Кириллов Вологодской области. Но в любом случае эвакуация таких семей происходила только с разрешения ЦК компартии республики и выдачей соответствующего удостоверения, выдаваемого секретарем ЦК КП (б) А. С. Варламова [16].

В других случаях семьи партийных и советских работников вывозились организованным порядком. Так, например, был сформирован специальный эшелон по эвакуации семей из пограничной полосы и Петрозаводска в Пудожский район. Начальником эшелона был назначен Серышев Г. И., зав. сектором сельскохозяйственных кадров ЦК КП (б) КФССР [17].

Несмотря на начавшуюся эвакуацию населения Петрозаводска, в том числе семей руководящих работников, ничего не свидетельствовало о том, что столицу республики собираются отдавать врагу. По крайней мере, об этом свидетельствуют решения исполкома Петрозаводского городского совета депутатов трудящихся от 11 августа о подготовке школ города к новому учебному году. Этими решениями утверждался контингент учащихся в количестве 6600 человек и количество учебных классов – 180. Для организации учебы из бюджета выделялись средства в размере 945, 2 тысячи рублей [18]. Тем не менее, уже в конце августа Петрозаводский государственный университет вместе со студентами, профессорско-преподавательским составом эвакуируется сначала в Вологду, а затем и еще дальше – в Сыктывкар.

Тогда же, 29 августа, практически за месяц до оставления Петрозаводска, совместным постановлением СНК и ЦК партии республики создается оперативная группа, которая должна была провести подготовительную работу по размещению эвакуируемого населения, размещения имущества, обеспечению продовольствием и организации работы эвакуированных центральных учреждений в с. Пудож. В состав этой оперативной группы вошли секретарь ЦК Богданов Андрей Дементьевич, заместитель председателя СНК Стефанихин Владимир Васильевич, заместитель наркома внутренних дел Арапов, замнаркома торговли Спицын и зам. зав. сельхозотделом Лукашев [19].

Нахождение семей руководящих работников в Пудожском районе еще в августе вызывало настоящую головную боль у местных властей. В докладной записке на имя секретаря ЦК КП (б) КФССР Сорокина пудожские власти в лице секретаря райкома партии Алешина сообщали о постоянных претензиях эвакуированных семей работников ЦК и СНК. Абсолютное большинство их ежедневно требовало выдачи пропусков в Петрозаводск по разным причинам: за теплой одеждой и обувью, на прием к врачам-специалистам, по присмотру за своими квартирами и т. п. причинам. Кроме этого, они отказывались оплачивать предоставленные им для проживания жилые помещения, мотивируя это тем, что оплачивают свои квартиры в Петрозаводске. Пудожские власти просили разъяснения по поводу пропусков и оплаты жилья, предлагая из каждого населенного пункта, где размещались эвакуированные, направить в город по нескольку человек для пере-

возки необходимых вещей. Была и просьба к Наркомторгу для открытия в Пудожском районе специальных магазинов для эвакуированных, в том числе обуви – женской, детской и, особенно, зимней [20]. На докладной записке имеется пометка: «Квартиры оплачивать, отпускать в Петрозаводск не следует». (*Подпись на пометках неразборчива – Вакулькин?, Иванов?*).

По решению Республиканской комиссии по эвакуации 4–5 сентября принимается решение о дополнительной эвакуации организаций и учреждений со всеми ценными документами, материальными ценностями, штатами и пр. из Петрозаводска. Туда были эвакуированы Народные комиссариаты пищевой промышленности, здравоохранения, Госплан, технический аппарат Президиума Верховного Совета КФССР, Совнаркома, Центральный Совет Осоавиахима, комитет по физкультуре и спорту и ряд других. Туда же, в Пудож, переводилась и Карельская контора Сбербанка со всеми своими сотрудниками: женщинами с детьми и мужчинами, не ушедшими в армию. Списки эвакуируемых должны были согласовываться в Петрозаводском ГК партии. Вместе с наркоматами и Управлениями было признано целесообразным эвакуировать в Пудож и республиканские комитеты профсоюзов [21].

Еще в августе по распоряжению ЦК компартии республики за подписью Солякова, для размещения сотрудников учреждений, наркоматов и организаций начинается эвакуация местного населения. Начальник Беломорско-Балтийского комбината Сергеев и начальник 14 отделения ББК Гуревич были обязаны в 3-дневный срок освободить помещение 14-го отделения в селе Пудож для размещения государственных и партийных органов. А само управление 14-го отделения было необходимо перевести в один из лесопунктов. [22].

Решением Республиканской комиссии по эвакуации 15 сентября принимается решение о переводе аппаратов наркоматов и управлений в Пудож, где они должны были продолжить работу [23]. Для того чтобы разгрузить Пудож для размещения там соответствующих властных структур, Республиканская комиссия одновременно принимает решение об эвакуации до 19 сентября семей советско-партийных работников из Пудожа вглубь страны. В связи с тем, что эвакуация через Онежское озеро на Вытегру была уже невозможна, вывоз населения проводился через Медвежьегорск. Начальник Беломорско-Онежского пароходства Тимофеев обязан был подать на пристань в Подпорожье два лихтера. Одновременно начальник Кировской железной дороги Гарцуев должен был подать для их дальнейшей эвакуации из Медвежьегорска 40 крытых вагонов. Причем в решении комиссии указывалось, что эвакуация семей руководящих работников должна проводиться во 2-ю очередь [24].

Однако уже через два дня, т. е. 17 сентября, совместным решением СНК и ЦК компартии республики принимается решение об эвакуации центральных учреждений республики уже не в Пудож, а в г. Медвежьегорск [25]. Принятие этого решения продиктовано тем, что финские войска 17 сентября достигли западного берега Онежского озера в районе Шелтозера. Пудожский район фактически превратился в прифронтовой. Таким образом, нахождение в Пудоже центральных

органов власти и управления республики становилось проблематичным. Они, прежде всего, потеряли бы связь не только с не оккупированными районами Карелии, но с тыловыми районами страны. Кировская железная дорога была перерезана противником. Река Свирь превратилась в линию фронта. Единственное средство сообщения по Онежскому озеру через Вытегру могло действовать только в летний период. Следовательно, руководство республики оказывалось практически в полной изоляции.

Для эвакуации учреждений из Петрозаводска Республиканской комиссией предлагается Петрозаводскому городскому комитету партии и горисполкуму в течение ночи 23 сентября эвакуировать *все* организации, учреждения и население, но уже не в Пудож, а направлением на Медвежьегорск.

Республиканской комиссией по эвакуации предлагается Петрозаводскому городскому комитету партии и горисполкуму в течение ночи 23 сентября эвакуировать *все* организации, учреждения и население, но уже не в Пудож, а направлением на Медвежьегорск [26]. Изменение места дислокации органов власти представляется вполне обоснованным еще и потому, что эвакуация из Петрозаводска в Пудож могла теперь осуществляться только водным путем через Онежское озеро. С выходом финских войск на берег озера резко возрастила опасность уничтожения плавсредств эвакуации артиллерийским огнем противника или его авиацией.

Фактически эвакуация из Петрозаводска началась 21 сентября. Решение Республиканской комиссии предусматривало эвакуацию в Медвежьегорск вместе со штатами, ценными документами и оборудованием **Большую** часть республиканских наркоматов, редакции газет «Тотуус» и «Ленинское знамя», типографии им. Анохина, Онегзавода, Ошосдора, Дорожного управления, Карелфинпотребсоюза, сортировки почты и цензуры, Центральных ремонтных мастерских, Главтабак, Заготкож, КОГИЗ, Госиздат, Аптечное управление, медучреждения (за исключением одной поликлиники), Союзпечать и пр. Для эвакуации учреждений и организаций из Петрозаводска начальник Петрозаводского управления Кировской железной дороги т. Михайлов должен был подать 21.09 в 18 часов 20 крытых вагонов и 8 платформ, а для аппарата учреждений из Петрозаводска в Медвежьегорск 21.09 предоставить пассажирский поезд, а 22.09 в 8.30 утра трудовой поезд (*так в тексте*) [27].

Часть учреждений, успевших эвакуироваться в Пудож, также перемещались в Медвежьегорск. Так, например, Карельская контора Госбанка была переведена в Медвежьегорск, где была сформирована группа работников для работы в Конторе и городском управлении банка. Остальные сотрудники были направлены в эвакуацию в город Ирбит Свердловской области.

Для размещения в Медвежьегорске органов власти, начальнику ББК Сергееву предписывалось передать один 3-этажный дом под служебные помещения. Для проживания сотрудников передавалась и гостиница Оборонстроя. В ней должны были проживать руководящие работники республиканских наркоматов и ЦК КП (б) КФССР в количестве 34 человек. Среди них были ра-

ботники ЦК Жуков, Власов, Басаева, Афанасьева, Иванова, Яковлев, Морозов, Карабаев. А также секретарь Президиума Верховного Совета Вакулькин, из правительства республики Филимонов, НКВД – Попов, ЦК ЛКСМ – Петров, а также председатель эвакуированного из Петрозаводска городского Совета Балагуров и первый секретарь Петрозаводского горкома партии Дильденкин [28].

Для обеспечения жильем прибывающего из Петрозаводска управленческого аппарата, по распоряжению Медвежьегорского райисполкома начальник районного отделения милиции т. Маракуев, был обязан в течение суток проживающих в городе трудпоселенцев переселить в п. Пиндуши. Освободившуюся в результате этого переселения жилплощадь, предполагалось использовать для обеспечения квартирами эвакуированных из Петрозаводска сотрудников СНК и ЦК КП (б) КФССР [29]. Одновременно с этим постановлением Совнаркома было произведено сокращение штатов центральных аппаратов наркоматов и управлений. На 1 октября 1941 г. для 23 наркоматов и управлений он был определен численностью в 168 человек. Т. е., грубо говоря, средняя численность аппарата каждого учреждения составляла 7–8 человек [30].

В суточный срок необходимо было разместить управленческий аппарат. Центральные органы власти: Президиума Верховного Совета, Совета народных комиссаров и Центрального комитета партии. Они размещались в бывшем здании Управления Беломорско-Балтийского канала. Кроме этого, выделялся один 3-этажный дом, в котором полтора этажа со всей мебелью и оборудованием также предназначались для служебной деятельности. Непосредственно руководители республики размещались в 16 номерах, переданной для этих целей, гостиницы Оборонстроя [31]. Для обеспечения питанием руководящих работников ЦК, СНК и наркоматов в кв. № 1 и 3 в доме по ул. Салунина д.1/11 Медвежьегорскому торгу предложено в 3-дневный срок организовать столовую [32].

Однако в самом Медвежьегорске центральные органы власти пробыли недолго. После взятия Петрозаводска ожесточенные бои между советскими и финскими войсками развернулись в направлении Медвежьегорска. Он превратился в прифронтовой город. Финны всеми силами старались овладеть городом и захватить Беломорско-Балтийский канал. О накале боев говорят бои под станцией Масельгская, в непосредственной близости от Медвежьегорска.

Во время боев на Медвежьегорском направлении снова не с лучшей стороны показали себя во время эвакуации некоторые представители властных структур. Так, по заявлению на имя Куприянова Г. Н. военком войск НКВД Кемской армейской группы батальонный комиссар Черната сообщал о том, что во время занятия противником села Паданы секретарь Райкома партии Ершов не принял мер к эвакуации продовольствия, ценностей и населения, Бежавшего из с. Паданы в деревню Сандалы. Там же он бросил на произвол судьбы и детей, бежавших от противника без родителей. Вместо детей он 18 октября захватил катер, предназначенный для их эвакуации, и с бывшими руководящими работниками бежал в Великую Губу. «Для остановки отходящего от пристани

катера были сделаны предупредительные выстрелы дежурным по гарнизону, однако, т. Ершов катер не остановил. Считаю поступок т. Ершова как бегство с поля боя» [33].

Заявление т. Чернаты было направлено в ЦК КП (б) КФССР секретарю ЦК Башурову с резолюцией члена Военного Совета фронта бригадного комиссара Куприянова. Однако текста самой резолюции обнаружить пока не удалось.

Перед центральными органами власти снова всталася проблема эвакуации. Менее чем через месяц после прибытия в город, принимается решение о переезде правительства в относительно не- сколько глубокий тыл – г. Беломорск. Это решение обосновывается тем, что, во-первых, там с августа 1941 г. находился штаб Карельского фронта. Во-вторых, именно из Беломорска начиналась Обозерская железнодорожная ветка, что позволяло руководству республики поддерживать непосредственную связь с тыловыми районами Советского Союза. А также из Беломорска было удобнее осуществлять непосредственное управление не оккупированными районами республики.

В связи с этим на заседании бюро ЦК КП (б) КФССР 20 октября 1941 г., на котором присутствовали секретари ЦК Куприянов Г. Н., Сорокин, Исаков, председатель Совета народных комиссаров республики Прокконен П. С., заместитель председателя СНК Варламов, нарком внутренних дел Баскаков признано необходимым перевести правительство и Центральный комитет партии республики в г. Беломорск. Разместиться они должны были в здании управления Кировской железной дороги. Само же управление дороги переводилось в г. Кемь [34].

О самом переезде органов власти в Беломорск в настоящее время найти документов пока не удалось. Естественно, в военное время перемещение центральных органов власти в прифронтовой полосе было тщательно засекречено. Однако, для обеспечения размещения сотрудников органов власти, обеспечения их площадью для проживания на заседании бюро ЦК партии 4 ноября рассматривался вопрос «О разгрузке г. Беломорска». В соответствии с ним Республиканской комиссии по эвакуации предлагалось вывезти из Беломорска все детское население вместе с матерями за пределы республики. К примеру, учителя беломорской железнодорожной школы № 17 (?) современная школа № 3 вместе с семьями были эвакуированы в Узбекистан, до которого добирались 38 суток. В 1941 г. в здании школы располагался штаб Карельского фронта. Одновременно с этим Совнарком обязан был перевести в г. Кемь все организации «пребывание которых в Беломорске не вызывается необходимостью» [35].

Надо отметить, что фактическое освобождение Беломорска от излишнего населения началось еще во второй половине сентября. Видимо, это было вызвано необходимостью размещения там штаба Карельского фронта. Так, по докладной секретаря Беломорского райкома партии Логинова, заместителя наркома внутренних дел старшего лейтенанта госбезопасности Новожилова и начальника районного отдела НКВД лейтенанта госбезопасности Шулева во исполнение решений Республиканской комиссии с 15 по 21 сентября была проведена операция по эвакуации населения из города. «За эти несколько дней было эвакуировано 4713 человек, в том числе в Вологод-

скую область 4 618 человек, а в тыловые сельсоветы Беломорского района – 95 человек. В том числе было эвакуировано подучетного населения 324 семьи в количестве 792 человека. Из них – подучетного антисоветского населения – 201 семья, уголовного и кулацкого элемента – 103 семьи. Для уточнения количества оставшегося населения и выявления лиц, проживающих без прописки в период с 24 по 3 октября будет произведена перепрописка населения г. Беломорска» [36].

Несмотря на уплотнение, служебных и жилых помещений для размещения центральных органов и структур, а также войсковых частей, в Беломорске не хватало. В связи с этим 15 декабря городские органы власти вынуждены были просить ЦК партии и СНК санкционировать перевод из Беломорска ряда организаций в другие населенные пункты. Предлагалось перевести в Кемь Карпотребсоюз, контору Заготживсырье, Управление гострудсберкасс, Спецбанков, Управление по делам искусств и кинофикации, Леспродторг, Карелфинторг, Наркомпрос, Уполнаркомзага, Наркомлес, Наркомхоз, Наркомата мясомолочной промышленности, республиканский военкомат. Органы районного управления, в частности, Беломорский райисполком, районный комитет партии, районную прокуратуру, редакции газет предлагалось перевести в Нюхчу или Сумпосад [37].

В связи с переездом в Беломорск и недостатком жилых помещений, часть семей руководящих работников также вывозятся в тыловые районы страны. Эвакуация семей производилась организованным порядком. По крайней мере об этом свидетельствует Удостоверение, выданное т. Мезевецкому Н. И. в том, «что он является сопровождающим семей сотрудников ЦК, следующих в северо-восточные районы СССР. Просьба ко всем организациям оказывать т. Мезевецкому необходимое содействие. Секр. ЦК – Варламов» [38].

В связи с переездом для снабжения руководящих партийных и советских работников продуктами питания, наркому торговли предписывалось открыть в Беломорске один магазин закрытого типа. Список сотрудников, который обеспечивался им, должен был согласовываться с Ивановым – заместителем председателя Совнаркома республики [39].

В самом конце 1941 г. во властных структурах в Беломорске, который можно считать военной столицей Карело-Финской республики, произошел конфликт, вышедший на уровень ЦК партии и Совета народных комиссаров. Дело в том, что после эвакуации в Беломорск постановлением Совнаркома республики, бывший председатель Петрозаводского горисполкома Балагуров был назначен председателем Беломорского горисполкома. После чего в Беломорске произошла перестановка кадров: местные руководящие работники были переведены на нижестоящие должности, а их места заняли работники, прибывшие из Петрозаводска. Недовольство местных кадров привело к их жалобе в Президиум Верховного Совета КФССР. Секретарь Президиума Вакулькин фактически поддержал местные власти, считая, что местных жителей и петрозаводчан примерно в городе поровну, и работники Петрозаводского горисполкома являются временными лицами. Поэтому в обращении к секретарю ЦК КП (б) КФССР Варламову, он высказывает мнение, что

подобного смещения руководящих работников в Беломорском горсовете проводить не следовало бы.

В своем объяснении в адрес Верховного Совета республики Балагуров объясняет, что при назначении его и.о. председателя Беломорского горисполкома им получено задание лично от Куприянова Г. Н. о сохранении кадров Петрозаводского горисполкома. Что касается населения, то в настоящий момент 60 % населения Беломорска – это эвакуированные жители Петрозаводска. Кроме этого, в новых условиях военного времени часть работников Беломорского исполкома не справляются со своими обязанностями.

Так, по словам Балагурова горисполком допустил крайнюю санитарную запущенность города, город утопает в нечистотах. На зиму город не обеспечен топливом, в том числе баня, обслуживающая пропуск воинов Красной Армии, доведены до полного развала городская больница, торговля, общественное питание. Перестановка руководящих работников была произведена с санкции бюро горкома партии. Все новые назначения были проведены решениями Беломорского городского исполнительного комитета. Балагуров отмечает, что замену работников исполкома необходимо было утвердить на сессии горсовета, но так как в связи с военными действиями кворума для принятия решений нет, то этот вопрос на сессии поставлен не был.

В то же время, в период действия новых лиц в качестве городских властей, уже до января 1942 г. заново создано коммунальное хозяйство города, располагающее для очистки города транспортом в количестве 45 лошадей. Создана ремонтная контора численностью 200 рабочих, оборудовано 4 столовые, организована гостиница. Город обеспечен топливом, восстановлена городская больница, оборудуется новая прачечная и реконструируется баня Сороклага. Заново организовано Горжилуправление и наведен порядок с эксплуатацией жилищного фонда.

В своей объяснительной записке Балагуров отмечает: «Полагаю, что в условиях войны оценка действий производится не по званиям, а по действиям. Произведенная замена работников городского исполнительного комитета и целесообразна и подчинена задачам Отечественной войны.

Однако я имею факты некоторого недовольства нашими действиями со стороны местных работников (хотя они должны быть довольны, что мы расчистили их авгиевы конюшни). Я от лица всех работников Петрозаводского горисполкома заявляю, что мы все немедленно готовы «добровольно» оставить якобы занятые нами посты и сумеем с честью выполнить любую работу, на которую нас пошлет партия. И.о. председателя Беломорского горсовета Балагуров» [40].

Официально в состав исполнительного комитета Беломорского городского совета тт. Балагуров Ф. Д., Дильденкин Н. А и Кудрявцев Д. С. были введены решением Президиума Верховного Совета КФССР только 18 августа 1942 г. [41].

Несмотря на колоссальные трудности, связанные с эвакуацией населения, промышленных предприятий и оборудования с начала военных действий органами власти Карело-Финской ССР было эвакуировано в тыловые районы СССР 293 предприятия, из них на конец 1941 г. уже рабо-

тали 124 и о работе 87 предприятий сведений еще не было. Оборудование 36 предприятий было уничтожено, чтобы не было захвачено противником. Только на вывоз оборудования потребовалось 6553 вагона. За пределы республики удалось эвакуировать 536 тысяч человек населения из 718 тысяч, проживавших в республике до войны [42]. А по словам начальника Беломоро-Балтийского пароходства т. Тимофеева А. В. на заседании Президиума Верховного Совета КФССР 9 декабря 1941 г. через Петрозаводск вывезено 180 тыс. человек и 150 тыс. тонн грузов. Всего перевезено 321 тыс. чел. и 210 тыс. тонн грузов [43].

Главная заслуга в этом государственных, партийных и хозяйственных органов Карелии, несмотря на то, что им самим в первые военные полгода приходилось постоянно менять свои места пребывания, что нарушало связь, контакты с местными органами власти, затрудняло управление республикой. Тем не менее, властные структуры Карело-Финской ССР вполне достойно справились с труднейшими задачами военного времени.

Литература и источники

1. **Верт А.** Россия в войне. 1941–1945. Перев. с англ. М., 1967, с. 148М., 1967, с. 148.
2. **Вознесенский Н. А.** Избранные произведения. 1917–1947. М., 1979, с. 504, 582; Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М., 1966, с. 6).
3. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 276, л. 3.
4. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 277, л. 10.
5. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 277, л. 11.
6. **Советы Карелии.** 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, «Карелия», 1993. с. 211.
7. **Морозов К. А.** Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, «Карелия». 1983. с. 49–50.
8. **Морозов К. А.** Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск «Карелия». 1983. с. 49–50.
9. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 282, л. 1–2.
10. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 282, л. 38.
11. **По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы.** Петрозаводск, «Карелия», 1995. с. 85.
12. **По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы.** Петрозаводск, «Карелия», 1995. с. 181.
13. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 276, л. 40.
14. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 289, лл. 19–22.

15. **По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы.** Петрозаводск, «Карелия», 1995. с. 181.
16. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 276, л. 54; **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 276, л. 57.
17. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 276, л. 56.
18. **НА РК**, ф. 460, оп. 1, д. 447, л. 23.
19. **НА РК**, ф. 1394, оп. 7, д. 51, л. 1.
20. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 282, л. 110.
21. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 282, л. 65.
22. **НА РК**, ф. 1394, оп. 7, д. 53, л. 1.
23. **Петрозаводск, 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 3.** Петрозаводск, Карелия, 2003, док-т № 311 с. 270, 271.
24. **НА РК**, ф. 1394, оп. 7, д. 68, л. 81.
25. **НА РК**, ф. 1394, оп. 7, д. 47, л. 33.
26. **Петрозаводск, 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 3.** Петрозаводск, Карелия, 2003, док-т № 313, с. 272.
27. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 282, л. 87.
28. **НА РК**, ф. 1394, оп. 7, д. 53, л. 17.
29. **Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы.** Петрозаводск, Карелия, 1993, док № 164, с. 215.
30. **НА РК**, ф. 1394, оп. 7, д. 47, л. 40.
31. **НА РК**, ф. 1394, оп. 7, д. 47, л. 44.
32. **НА РК**, ф. 1394, оп. 7, д. 53, л. 240.
33. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 282, л. 132.
34. **По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы.** Петрозаводск, «Карелия», 1995. с. 122.
35. **НА РК**, ф. 1394, оп. 7, д. 51, л. 2.
36. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 282, л. 99.
37. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 282, л. 130.
38. **НА РК**, ф. П-8, оп. 1, д. 276, л. 58.
39. **НА РК**, ф. 1394, оп. 7, д. 90, л. 17.
40. **НА РК**, ф. 1215, оп. 1, д. 97, л. 6, 6 об.
41. **НА РК**, ф. 1215, оп. 1, д. 98, л. 94.
42. **По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы.** Петрозаводск, «Карелия», 1995. с. 180–181.
43. **НА РК. Ф. 1394, оп. 7, д. 61, л. 49.**

Карпеченко С. В.,

Культурный центр МВД по Республике Карелия,

соискатель кафедры Отечественной истории

ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный

университет»

Переход органов правопорядка к работе в военных условиях:

Петрозаводск, 1941

Теме Великой Отечественной войны посвящено большое количество разноплановой литературы. Вместе с тем, как отмечают исследователи, данная проблематика «далеко не исчерпана и требует дальнейшего изучения и, прежде всего, открытия и публикации новых источников». ¹ В основу статьи положены документы Архива Информационного центра МВД по Республике Карелия, часть которых впервые вводится в научный оборот.

Нападение Германии на СССР в 1941 г. поставило перед Наркоматами внутренних дел и государственной безопасности ряд совершенно новых задач, для решения которых были необходимы изменения в структуре и деятельности. Основными нормативными документами, определившими их функции на военный период, стали Указы Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», и директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей». ^{2, 3}

Для органов правопорядка были определены два основных направления деятельности: во-первых, борьба с внешним врагом – участие в боевых операциях, и, во-вторых, противодействие внутреннему врагу – уголовно-преступным элементам. Однако специального законодательного акта, который регламентировал бы участие сотрудников органов внутренних дел в боевых действиях, не было. Проблема решалась изданием ведомственных документов.

Важнейшей задачей, возложенной на органы внутренних дел, являлось создание организованного тыла, поэтому к основным функциям ведомства по поддержанию общественного порядка добавилась борьба с вражескими диверсантами и теми, кто каким-либо образом помогал врагу. В соответствии с этим, НКВД СССР был издан приказ «О мероприятиях по борьбе с парашют-

¹ Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1944–1945: Сборник документов и материалов / Национальный архив РК и др. – Петрозаводск: Фонд творческой инициативы, 2010. – С. 5.

² Министерство внутренних дел России: 1802–2002. Исторический очерк в 2-х томах. Т. II – Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общей редакцией В. П. Сальникова. – СПб: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. – С. 280–381.

³ Рыбников В. История правоохранительных органов Отечества: Учебное пособие / В. Рыбников. – М.: Издательство Щит-М, 2008. – С. 199–223.

ными десантами противника в прифронтовой полосе во исполнение Постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 24 июня 1941 г.».⁴

Значительная роль в обеспечении стабильности отводилась истребительным батальонам и группам содействия, которые создавались и действовали под руководством НКВД⁵. Для организации работы в КФССР сформировали оперативную группу (ОГ): начальник штаба пограничных войск Карело-Финского округа (КФО) полковник Киселев был назначен начальником ОГ, а его заместителями стали – заместитель наркома государственной безопасности КФССР капитан ГБ Демин и заместитель начальника ГУЛАГ НКВД СССР капитан ГБ Завгороднев. Согласно приказу, наркому внутренних дел КФССР ст. майору ГБ Андрееву, совместно с начальником оперативной группы и органов НКГБ, надлежало в 24 часа организовать при городских, районных и уездных отделах/отделениях НКВД истребительные батальоны численностью в 100–200 человек каждый. Приказом наркома от 26.06.1941 г. были назначены командиры 33 отрядов. Требовалось сразу по окончании формирования подразделений во внебоевые времена начать военное обучение бойцов. Начальник Отдела учетно-военного стола НКВД КФО должен был обеспечить истребительные батальоны вооружением: винтовками, ручными пулеметами и боеприпасами.

В приказании начальника Оперативного штаба полковника Киселева от 04.07.1941 г. «О порядке подчинения истребительных батальонов в КФССР» разъяснялось, что отряды г. Петрозаводска в оперативном отношении подчиняются непосредственно наркому НКВД Андрееву и самому Киселеву, а периферийные – только начальникам РО НКВД и их заместителям.⁶ 12.07.1941 г. секретарем ЦК КП/б республики и наркому Андреевым была подписана Директива «О создании групп содействия во всех населенных пунктах КФССР», перед которыми ставилась задача сбора информации для истребительных батальонов.⁷

После объединения Наркоматов внутренних дел и государственной безопасности, Оперативный штаб возглавил комбриг Вершинин, а в августе 1941 г. это подразделение было реорганизовано в 4-й отдел НКВД КФССР.^{8, 9} Истребительные батальоны и отряды сотрудников НКВД КФССР направлялись на наиболее сложные участки фронта и принимали участие в боях. Особое внимание уделялось охране коммуникаций, и в первых числах сентября 1941 г. из отдельных ис-

⁴ Министерство внутренних дел России: 1802–2002. Исторический очерк в 2-х томах. Т. II – Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общей редакцией В. П. Сальникова. – СПб: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. – С. 340–341.

⁵ Сальников В.П. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны / СПб: Издательство Лань, СПб Университет МВД России, 1999. – С. 122–144.

⁶ Архив ИЦ МВД по Республике Карелия / ф. 68 оп. 02 д. 088 л. 45.

⁷ Сальников В. П. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны / В. П. Сальников, С. В. Степашин, Н. Г. Янгол. – СПб: Издательство Лань, СПб Университет МВД России, 1999. – с. 134–136.

⁸ Ведомости Верховного Совета СССР // М.: 1941. – № 33.

⁹ Сальников В. П. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны / В. П. Сальников, С. В. Степашин, Н. Г. Янгол. – СПб: Издательство Лань, СПб Университет МВД России, 1999. – С. 125–127.

требительных групп были созданы два батальона – Северный и Южный – для действий в районе Кировской железной дороги с зонами ответственности ст. Лоухи – ст. Лижма и ст. Лижма – ст. Токари соответственно.

Необходимым шагом в военной обстановке стала подготовка и проведение эвакуации. Сотрудники органов внутренних дел принимали активное участие в обеспечении эвакуации имущества учреждений, предприятий и гражданского населения.¹⁰ Уже в конце июня месяца 1941 г. в Наркомате утвердили перечень документов и материалов НКВД КФССР, подлежащих эвакуации, порядок их группирования, доставки к месту погрузки, охраны в пути, а также – перечень документов, подлежащих сожжению. Для охраны эвакуируемого имущества приказывалось создать боевую группу из 15 человек, вооружив их винтовками и пулеметами.¹¹ Кроме того, 15.07.1941 г. все начальники отделов и самостоятельных отделений НКВД КФССР получили Приказание за подписью заместителя наркома внутренних дел капитана ГБ Трофимова, извещающее, что, в связи с переводом личного состава на казарменное положение, к эвакуации в тыловые районы СССР должны быть готовы и члены семей сотрудников, с собой разрешалось брать личное имущество, за исключением мебели.¹²

Директива НКВД СССР от 07 июля 1941 г. требовала полной боевой готовности: личный состав ОВД в любое время должен быть готов на местах своей дислокации к выполнению задач по ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника – самостоятельно или во взаимодействии с подразделениями Красной Армии.¹³ В соответствии с данной директивой личный состав НКВД КФССР с 22.07.1941 г. был переведен на казарменное положение и организован в строевые единицы: отделения, взводы, отряды и т. д. Согласно приказу наркома Андреева, для расположения работников Наркомата выделили помещение б/школы ЦК ВКП/б на ул. Пушкинской, 4; для работников Милиции местом дислокации определили общежитие на ул. Урицкого, 22; личный состав Отдела пожарной охраны разместили в помещении Водного вокзала; а женское общежитие организовали в жилом доме Наркомата на ул. Комсомольцев, 3. Начальник Административно-хозяйственного отдела НКВД получил указание оборудовать данные помещения. Тем же приказом предписывалось из всех переведенных на казарменное положение работников НВКД КФССР сформировать сводный батальон и к 23.07.41 г. представить на утверждение наркому списочный состав с разбивкой на подразделения. Милиционерам, командирам отделений и взводов было определено суточное довольствие в размере 8 рублей. Командиром формировавшегося батальона назначили сотрудника Местной противовоздушной обороны капитана Горькова. Проведенная через 2 недели проверка показала, что пе-

¹⁰ Там же, с. 147–148.

¹¹ Архив ИЦ МВД по Республике Карелия / ф. 68 оп. 02 д. 086 л. 51–52.

¹² Архив ИЦ МВД по Республике Карелия / ф. 68 оп. 02 д. 078 л. 32.

¹³ Рыбников В. История правоохранительных органов Отечества: Учебное пособие / В. Рыбников. – М.: Издательство Щит-М, 2008. – с. 199–223.

ревод людей на казарменное положение, «при наличии достаточных к тому возможностей, все же организован плохо». Многие сотрудники самостийно превратили в жилье свои служебные кабинеты, где в полном беспорядке перемешалось оружие, постельные принадлежности, предметы личного обихода, и тем самым не имелось возможности для проведения уборки помещений. Приказ наркома был однозначен: «Дальнейшее использование служебных кабинетов в качестве жилых комнат с сего числа категорически запретить всем сотрудникам, в том числе начальникам отделов и их заместителям». Ответственным лицам вменялось в сугубый срок «дополнительно оборудовать общежития достаточным количеством коек, матрацев и тумбочек для всего личного состава Наркомата» и ужесточить контроль за хранением боевого оружия.

Предписывалось проведение полной инвентаризации, упорядочение учета и хранения оружия. Специально созданная комиссия должна была произвести инвентаризацию винтовок и пистолетов, сверив их с записями в карточках, и составить списки сотрудников с закрепленным за ними единицами оружия. Все винтовки полагалось сосредоточить в одном месте в пирамидах, придать им постоянные номера мест с надписью фамилий и проводить ежедневно тщательную проверку. Все оружие и патроны иностранных образцов, имеющиеся у сотрудников, надлежало заменить на отечественное, а изъятые единицы передать для вооружения истребительных батальонов. Все излишнее отечественное оружие предписывалось сдать Военному Ведомству.^{14, 15}

С началом военных действий в административном здании Наркомата внутренних дел были определены огневые точки – убежища, которые служили сборными пунктами при поступлении сигнала «Боевая тревога». Само здание было построено перед войной, в 1939 году, и располагалось на ул. Комсомольской (ныне – здание УФСБ по Республике Карелия на ул. Андропова)¹⁶. Огневая точка № 1 (командный пункт) находилась при входе в здание Наркомата, к ней был прикреплен состав численностью 16 человек под командованием капитана Горькова, в список входил нарком Андреев и его заместитель Трофимов. Огневая точка № 2 была расположена в правом углу двора здания, командир – капитан Алексеев, в списке значились 16 человек, в том числе – заместители наркома Новожилов и Попов. Огневая точка № 3 находилась в левом углу двора здания и была предназначена для сбора всех остальных работников Наркомата и санитарной части. Подвальное помещение здания занимал ударный взвод численностью 31 человек, командир – Орлов.

Был установлен следующий порядок действий по сигналу «Боевая тревога». Распоряжение о подаче сигнала давалось наркомом или его заместителем дежурному коменданту, который включал сирену. Весь личный состав Наркомата, находящийся в этот момент в здании, немедленно выстраивался во дворе по взводам. При себе каждый обязан был иметь винтовку с положенным

¹⁴ Архив ИЦ МВД по Республике Карелия / ф. 68 оп. 02 д. 086 л. 58.

¹⁵ Архив ИЦ МВД по Республике Карелия / ф. 68 оп. 02 д. 086 л. 60.

¹⁶ Ициксон Е. Несостоявшийся ансамбль / Е. Ициксон. – Интернет-журнал «Лицей», 2009. – № 10. – <http://www.gazeta-licey.ru/architecturepetrozavodsk/item/1186-nesostoyavshisyansambl>.

количеством патрон, гранаты с запалами в гранатных сумках, противогаз и вещевой мешок с запасом продуктов на 5 дней.

Оперативный дежурный НКВД по телефону сообщал о сигнале «Боевая тревога» дежурным по Управлению Милиции, Отделу пожарной охраны, Тюремному отделу и Отделу исправительно-трудовых колоний, которые немедленно докладывали начальникам своих отделов. Дежурный по Управлению Милиции передавал команду трем городским и водному отделению милиции. Весь личный состав указанных подразделений, свободный от нарядов и дежурств, выстраивался во дворах своих служебных помещений и ожидал дальнейших указаний. Дежурные по телефону шифрованным устным рапортом докладывали о готовности, например: «Докладывает дежурный по 2-му ГОМ Иванов: 9.52/7/сержант милиции Лукин, начальник 2-го ГОМ», где первая цифра – время (часы и минуты), когда построено подразделение; вторая – общая цифра находящихся в строю людей; третье – фамилия и должность командира подразделения. Получив сведения, оперативный дежурный по НКВД немедленно докладывал наркому или его заместителю письменной справкой.

Начальник Административно-хозяйственного отдела давал распоряжение в гараж немедленно направить к зданию НКВД все имеющиеся в наличии грузовые и легковые автомашины, грузовые автомобили должны быть оборудованы сиденьями.

Комендант НКВД обеспечивал немедленную выдачу гранат с запалами, уложенными в гранатные сумки, выдача пулеметов производилась по специальному распоряжению наркома или его заместителя.

Первая пробная боевая тревога, проведенная в конце июля месяца, показала, что приказ «усвоен плохо и каждый работник не понял, видимо, еще персональной ответственности за свою готовность в любую минуту встать в строй и быть готовым встретиться с врагом». При сборе была проявлена медлительность, часть состава оказалась без гранат, часть – без запаса продовольствия, 2 человека не явились вообще, автотранспорт был подан с задержкой, горючим заправлен не полностью и не укомплектован инструментом. Нарком предписывал всем начальникам отделов и управлений проработать приказ с работниками подразделений и разъяснить недопустимость подобного поведения. Однако, судя по документам, результаты боевой тревоги оставляли желать лучшего и полтора месяца спустя: отмечались нарушение приказа и самовольный уход с места казарменного расположения, пьянство, недисциплинированность.¹⁷

Распоряжения Политотделов предписывали усилить борьбу с проявлениями подобной беспечности и недооценки опасности, шире развернуть оборонную работу и военное обучение среди личного состава и членов их семей, принять меры к улучшению материально-бытовых условий работников, переведенных на казарменное положение и ненормированный рабочий день. В документе от 25.08.1941 г. за подписью начальника Политотдела Управления Милиции НКВД

¹⁷ Архив ИЦ МВД по Республике Карелия / ф. 68 оп. 02 д. 086 л. 77–78.

КФССР Паташева говорится, что «необходимо и впредь обеспечить, чтобы работники милиции были способны в любой момент самоотверженно, с оружием в руках участвовать в Военном разгроме врага».¹⁸

Необходимость проведения военного обучения была несомненна, и документы на эту тему издавались часто. Нарком Андреев в Приказе от 05.07.1941 г. отмечал слабую военную и стрелковую подготовку личного состава Наркомата и Управления Милиции: «Положенным оружием владеют плохо, проведенная контрольно-проверочная стрельба 3.7.41 г. показала крайне неудовлетворительную оценку. Выполнено: из пистолета 24 %, из винтовки 36 %, что свидетельствует о неподготовленности сотрудников НКВД к боевым действиям». Для исправления положения было принято решение сформировать при аппарате НКВД сводный отряд из трех групп, по 40 человек каждая. Командиром был назначен капитан Горьков, его заместителем – капитан Алексеев. Курс военной подготовки отряда предписывалось провести с 6 по 20 июля 1941 г., он включал в себя занятия по ознакомлению с техническими свойствами оружия, практические стрельбы и решение тактических задач с выходом в поле.¹⁹

21.07.1941 г. наркомом Андреевым был издан приказ «Об организации строевых соединений органов НКВД», где говорилось о переводе на казарменное положение и сведении личного состава в строевые единицы, в связи с чем в трехдневный срок полагалось провести двадцатичасовое обучение для вновь образованных подразделений. Курс включал в себя тактику с выходом в поле, практические стрельбы, строевую подготовку, изучение обязанностей командиров отделений.

Параграф 3 в приказе от 22.07.1941 г. «О переводе на казарменное положение работников НКВД КФССР» вновь предписывал формирование сводного батальона из работников под руководством капитана Горькова и определял его командующий состав.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. с целью более результативной деятельности системы правоохранительных органов в военное время были объединены структуры Народных комиссариатов государственной безопасности и внутренних дел СССР²⁰. По Приказу нового наркома внутренних дел КФССР майора ГБ Баскакова от 21.08.1941 г. был создан отдельный батальон «...для прохождения военной подготовки всего начальствующего состава и сотрудников УГБ, Милиции, Тюремного Отдела, ОИТК, Пожарной Охраны, Ушосдора и адмхоз. НКВД КФССР». Организацию батальона и руководство им поручили начальнику Оперативного Штаба НКВД КФССР комбригу Вершинину. Также, в приказе Наркома определялся командный состав батальона: командир – капитан Горьков, комиссар – ст. лейтенант ГБ Кузнецов, начальник штаба – мл. лейтенант Милиции Дроздов. Отдельным приложением объявлялся список командиров и политруков рот, помощников командиров рот и командиров взводов. Помимо

¹⁸ Архив ИЦ МВД по Республике Карелия / ф. 68 оп. 02 д. 037 л. 1.

¹⁹ Архив ИЦ МВД по Республике Карелия / ф. 68 оп. 02 д. 078 л. 29–30.

²⁰ Ведомости Верховного Совета СССР // М.: 1941. – № 33.

четырех рот, в батальон вошли несколько взводов: автомобильный, саперный, связи, хозяйственный и санитарная часть. По организационному расчету личный состав батальона имел 856 человек. Ежедневные занятия по военной подготовке должны были начаться с 24 августа 1941 г. Понедельный план программы на август–сентябрь месяцы был составлен капитаном Горьковым и утвержден комбригом Вершининым. Начальники всех отделов и отделений обязывались не допускать срыва занятий и строго контролировать их посещение.

Представленные материалы показывают, что при переходе к работе в военных условиях НКВД КФССР имел свои проблемы, но при этом мероприятия проводились целенаправленно и системно, постоянно находились под контролем руководства. Таким образом, перестроив свою деятельность, органы внутренних дел республики успешно выполнили возложенные на них оперативные задачи охраны общественного порядка, укрепления тыла и боевой помощи фронту.

Решение кадровой проблемы на Кировской железной дороге в годы Великой Отечественной войны

Кадровый вопрос в годы Великой Отечественной войны приобрел особые очертания. С первых дней войны численность рабочих кадров Кировской железной дороги начинает сокращаться, главным образом, по причине мобилизации в Красную Армию рабочих массовых профессий призывающего возраста, а также добровольного ухода значительного числа рабочих на фронт, эвакуации. Большие потери дорога понесла в результате массированных налетов авиации противника. Если в 1940 г. общий контингент работников составлял 40415 человек, то в 1941 г. он составил уже 28626 человек. В 1942 г. число железнодорожников сократилось до 17210 чел.¹

Таким образом, перед руководством дороги стояла задача укомплектования штатов. Более того, специфика работы на железной дороге требовала наличия специальных знаний и умений. Поэтому необходимо было решить вопрос с обучением и организацией повышения квалификации.

До начала Великой Отечественной войны Кировская железная дорога имела стационарно-учебную базу, состоящую из Волхвстроевского и Лодейнопольского техникумов и технической школы, выпускающих паровозных машинистов и дежурных по станции. На их основе была развернута сеть по подготовке кадров работников массовых профессий. Кроме того, дорога готовила для себя не только рабочие, но и управленческие кадры.

В первые недели войны возникла необходимость перебазирования училищ в тыл, подальше от линии фронта. Учебные заведения дороги вместе с преподавательским составом были эвакуированы на Пермскую железную дорогу.

Во второй половине 1941 г., когда главная железнодорожная линия оказалась прерванной и часть ее была оккупирована, руководство дороги сконцентрировало внимание на сохранение и распределение старых рабочих кадров по ветке Сорокская-Обозерская, которая приобрела стратегическое общегосударственное значение. Вопросы о подготовке новых специалистов практически не рассматривались. Всего за 1941 г. было обучено 600 чел. По мере стабилизации положения на дороге вопрос о подготовке кадров возник с новой силой. Необходимо было не только произвести замену работников, ушедших на фронт и эвакуированных в тыл, но и создать резерв квалифицированной рабочей силы. При решении этой задачи сразу же возникли большие трудности. Прежде всего, не хватало людей для обучения таким профессиям, как стрелочники, кочегары, путевые обходчики, слесари, т. к. население, в т. ч. семьи железнодорожников, с территории, по ко-

¹ НАРК. Ф.Р-528. Оп.13. Д. 4/29. Л. 171.

торой проходила дорога, в основном было эвакуировано. Во-вторых, не было квалифицированного преподавательского состава. В-третьих, отсутствовала учебная база.

В сложившейся ситуации дорожное управление было вынуждено обратиться через правительство КФ ССР с ходатайством в организации Архангельской, Вологодской и Кировской областей о разрешении вербовки и вывоза рабочей силы. Но это не решило проблему в полной мере, поскольку в других регионах разрешалась вербовка рабочей силы только в ограниченном количестве. Поэтому руководство Кировской железной дороги обратилось за помощью в НКПС для разрешения организованного набора работников путем прикомандирования с других дорог или же отведения районов для планомерного производства вербовки и обучения завербованного контингента через курсовую сеть. В результате в порядке организованного набора по вербовке на дорогу прибыло 2326 чел., из школ ФЗО – 524 чел., по мобилизации ВЛКСМ – 203 чел. Все прибывшие получили «железнодорожные» профессии.

16 мая 1942 г. ГКО принял постановление о возвращении с фронта представителей ведущих железнодорожных профессий. На основании этого постановления на Кировскую магистраль вернулось 426 демобилизованных железнодорожников.

Другой попыткой выхода из сложившейся критической ситуации стало создание в заброшенном помещении Кемской школы Курсовой школы, которая впоследствии переросла в Дорожную техническую школу с пропускной способностью 270 чел. Постепенно учебное помещение и общежитие, поврежденные бомбардировками, силами курсантов были восстановлены и приведены в порядок. Отсутствие квалифицированных преподавателей вынудило сократить аппарат Отдела подготовки кадров Управления дороги, переведя на преподавательскую работу его инспекторский состав.

Было очевидно, что в условиях военного времени подготовка кадров не может осуществляться только путем обучения в учебном заведении. В соответствии с этим больший упор был сделан на подготовку без отрыва от производства. При хозяйственных единицах дороги была организована курсовая учебная сеть. Ядро преподавательского корпуса составили опытные производственники, инженерно-технические работники дороги. К обучению привлекалась молодежь с 14 лет.

При плане подлежащих обучению в 1942 г. по основным профессиям – 2865 чел., фактически было подготовлено – 3587 чел., т. е. план был выполнен по выпуску на 125,3 %. По стахановским школам и курсам повышения квалификации план по выпуску превышен на 299,8 %.

В 1942 г. началась активная подготовка женщин на должности, не требующие стажа работы на транспорте, а также через курсы и в индивидуальном порядке без отрыва от производства для освоения профессий машинистов, помощников машинистов, диспетчеров, дежурных по станциям, бригадиров пути, дорожных мастеров, электромехаников.

В 1943 г. положение с привлечением рабочей силы еще больше обострилось. Резервы из местного населения и семей железнодорожников были исчерпаны, реэвакуация проходила медленно. Было принято решение организовать обучение работников дороги, не имеющих образования, связанного с работой на транспорте. В данную категорию обучаемых вошли уборщицы, обслуживающий персонал столовых, рабочие склада топлива, конторский персонал и другие. Всего было подготовлено 1486 чел.²

Также в 1943 г. на станциях Кемь и Кандалакша были созданы молодежные образцовые общежития. В этих общежитиях была сосредоточена молодежь хозяйственных единиц, пришедших на дорогу из школ фабрично-заводского ученичества (ФЗО) и обучающаяся в порядке бригадной и индивидуальной подготовки. В этих школах-общежитиях были организованы ежедневные теоретические занятия. Проводилась культурно-политическая работа. На базе этих учебных заведений слесари паровозники получали профессию помощника машиниста, слесари вагонники – осмотрщиков вагонов, кондукторы – диспетчеров. Многие обучающиеся вошли в ряд стахановцев. Например, 16-летний токарь Вадим Деркач выполнял норму выработки на 300 %. Молодой слесарь депо Кандалакша Константин Казенний – на 284 %.³

В 1944 г. были реэвакуированы Волховстроевский и Ладейнопольский техникумы.

Волховстроевский техникум прибыл в Волховстрой из Молотова (г. Пермь) 5 октября 1944 г. Но начать ученый процесс сразу не представлялось возможным. Находясь в зоне военных действий и воздушных бомбардировок, оба здания техникума были серьезно повреждены: крыши пробиты осколками зенитных снарядов, окна выбиты, двери разрушены. Не эвакуированный учебный и хозяйственный инвентарь был полностью уничтожен. Здание общежития техникума было занято под конторы хозяйственных единиц дороги, отделения НКГБ и железнодорожной милиции. Из общежития оказалось возможным выселить только контору Начальника депо и освободить комнаты отдыха паровозных бригад. Таким образом, вместо 2 корпусов техникум получил в свое распоряжение только 2 этажа общежития, не отремонтированных и не обеспеченных инвентарем. Собственными силами была проведена работа по приспособлению 2-х этажей к зиме. Были утеплены фанерой и опилками окна, утеплены двери, приведена в порядок система центрального отопления, изготовлены парты, табуретки, классные доски. Кировская дорога предоставила железные кровати. Удалось создать столярную и слесарную учебные мастерские. В результате, для учебных занятий было выделено 5 комнат по 30 кв.м. каждая. От оборудования кабинетов пришлось отказаться. В остальных комнатах были расположены комнаты для учащихся, служебные помещения техникума и комнаты преподавателей.⁴ В таких условиях в 1944–45 учебном году было проведено 96 % теоретических занятий. В связи с отсутствием базы для практических занятий учебный план выполнен не был.

² НАРК. Ф.Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 168.

³ НАРК. Ф.Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 169.

⁴ НАРК. Ф.Р-528. Оп. 12. Д. 162/1446. Л. 66.

Также техникум осуществлял политико-воспитательную работу. Были организованы подготовка настенных газет, организован агитколлектив, проводилась ежедневная читка газет в учебных группах, приобретены музыкальные инструменты и осуществлена запись в кружок Струнного Великорусского Оркестра. Основными формами методической работы было обсуждение вопросов учебной и воспитательной работы на педагогическом совете или в предметно-методической комиссии. Так же преподаватели техникума прослушали лекцию профессора Ленинградского Института усовершенствования учителей о педагогической системе А. С. Макаренко. В рассматриваемый период техникум не получал ни одного педагогического журнала, «Учительской газеты».

Питание студентов и преподавателей осуществлялось по карточкам. Своей столовой у техникума не было. За время эвакуации и совместной работы с Молотовским техникумом Волховстроевский техникум своего подсобного хозяйства не имел. После возвращения на Кировскую дорогу была осуществлена подготовка к посевной 1945 г. За техникумом был закреплен участок площадью 10 Га из колхозных земель. Были заготовлены лопаты, грабли и приобретены 2 плуга и 1 борона. Была сделана заявка на получение семенного материала. К работам в подсобном хозяйстве техникума планировалось привлечь студентов и преподавателей.

В таких же условиях оказался после реэвакуации Лодейнопольский техникум. Учебное здание, в значительной степени разрушенное, восстанавливалось силами педагогического коллектива и обучающихся техникума. Были настланы новые полы, остеклены оконные рамы, повешены двери, отремонтировано центральное водяное отопление. В результате, в учебном здании удалось разместить 7 кабинетов и частично оборудовать их. Также были организованы учебные мастерские.

В 1944–45 учебном году техникумом было принято для обучения 62 человека.⁵ В рамках воспитательной работы были организованы коллективная читка газет, выпуск стенгазет, группы по изучению докладов И. В. Сталина. Среди преподавателей был организован кружок по изучению истории партии. К началу учебного года в штате техникума числилось 13 преподавателей. У 6 преподавателей было высшее образование, у 7 – среднее. Педагогический стаж свыше 10 лет был только у 4 преподавателей, от 5 до 10 лет – у 1 и до 5 лет – у 8. В эти условиях техникум осуществлял повышение квалификации преподавательского состава через изучение истории ВКП(б) и научных трудов классиков марксизма и ленинизма, а также изучение и разработку тем каждым преподавателем по своей специальности.

Своей столовой у техникума не было, как и подсобного хозяйства. В 1944 г. были предприняты первые шаги для его организации. Техникумом был получен земельный участок, изготовлен и приобретен ручной инвентарь, началось изготовление парниковых рам, сделана заявка на семена.

⁵ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д.162/1446. Л. 3, 25.

Дорожная техническая школа станции Кемь в 1944–45 учебном году располагала 9 учебными кабинетами, оснащенными наглядными пособиями, а также мастерскими для подготовки паровозников и вагонников, помощников машинистов кранов. Здание, в котором располагалась школа, требовало капитального ремонта, система водопровода и канализации не работала. Не смотря на это в 1944 г. был проведен косметический ремонт силами курсантов. Обучающиеся размещались в общежитии по 12–15 человек в комнате. У школы была своя баня и столовая. Снабжение осуществлялось по карточкам. В отличие от реэвакуированных техникумов у Дорожной технической школы было свое приусадебное хозяйство. В 1944 г. было обработано 1,5 Га земли и снят урожай картофеля, из которого 750 кг школа сдала, а оставшуюся часть использовала для дополнительного питания курсантов и работников школы. Обучающиеся занимались такими хозяйственными работами как заготовка дров, снабжение столовой водой. Всего в Дорожной технической школе за 1944 г. было обучено 774 человека.⁶

Не смотря на возобновление работы специальных учебных заведений особое внимание в условиях военного времени уделялось индивидуальному ученичеству. В 1944 г. в индивидуальном порядке было обучено 4476 человек.

Таким образом, проблема нехватки квалифицированной рабочей силы на Кировской железной дороге приобрела первостепенное значение в годы Великой Отечественной войны. Ощущалась нехватка не только представителей массовых «железнодорожных» профессий, но и управленческого персонала. На всем протяжении Великой Отечественной войны руководство дороги проводило различные мероприятия по подготовке, переподготовке и привлечению кадров. Внедрялось производственное обучение, индивидуальное ученичество как новая форма подготовки специалистов. В годы войны на дороге возникли новые учебные центры. В 1944 г. были возвращены на дорогу техникумы. Однако эти учебные заведения не могли выполнять подготовку кадров в полном объеме в связи с утратой учебной базы, мастерских, нехваткой преподавательских кадров. За годы Великой Отечественной войны полностью решить кадровую проблему Кировской дороге так и не удавалось. Успехи в восстановительных, ремонтных работах достигались путем сверхурочного труда железнодорожников, вклад которых в Победу в Великой Отечественной войне неоспорим.

⁶ НАРК. Ф.Р-528. Оп. 12. Д. 162/1445. Л. 71–80.

Становление рыночной экономики в Карелии и её влияние на развитие сферы торговли и общественного питания: ретроспективный обзор

Введение рыночных отношений в Карелии в начале 90-х гг. поставило немало вопросов, которые приходилось решать в сложных и быстро меняющихся условиях. В обществе создалась ситуация, когда старая система себя полностью исчерпала, а новая ещё только начала формироваться. Переход от социализма к капитализму происходил болезненно, путем метода проб и ошибок, которых невозможно было избежать ввиду нехватки практического опыта на всех уровнях управления. Общими характерными чертами переходного периода для Карелии являлись: спад производства, обострение социальных проблем, кризис на потребительском рынке, падение уровня жизни. Неблагоприятные географические условия для развития сельского хозяйства, поставили республику в продовольственную зависимость от других регионов страны, по этой причине продовольственный кризис в Карелии проявил себя с удвоенной силой. Как известно, предприятия торговли и общественного питания являются главным источником товаров народного потребления. Рассмотрение трансформационных процессов в торговле, в масштабах Республики Карелия, может показать применяемые в начале 90-х гг. способы решения продовольственного кризиса в регионе Крайнего Севера, обрисовать картину настроений и быта людей. Кроме того, торговля и связанная с ней сфера общественного питания являются сегодня одной из быстро развивающихся отраслей карельской экономики, поэтому немало важно проследить старт эволюции этой отрасли.

Продовольственный кризис, в сочетании с постепенной либерализацией экономических процессов, привел к росту цен и без того дефицитных товаров. Наряду с проблемой формирования инфраструктуры будущего рынка, встали острые вопросы по преодолению кризисных явлений и дальнейшей стабилизации экономического положения республики. 6 августа 1990 года в Совете Министров Карельской АССР было подписано постановление № 205 об образовании Чрезвычайной экономической комиссии по стабилизации потребительского и товарного рынка.¹ Главная задача нового управленческого института состояла в разработке и осуществлении необходимых мер, обеспечивающих устойчивую работу народнохозяйственного комплекса республики, и улучшения положения на потребительском рынке. Основной результат комиссии – создание республиканского обменного фонда. Крупные промышленные предприятия заключали договора поставок продукции с региональным правительством, после чего продукция реализовывалась как на

¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5279, с. 1–2.

внутреннем, так и на внешнем рынке путем бартерного обмена. Основной экспорт республики – это продукция лесной и деревообрабатывающей промышленности. Внутренним и внешним импортом являлись продовольственные и остродефицитные непродовольственные товары. По результатам товарообменных операций за счёт ресурсов республиканского обменного фонда за первое полугодие 1991 года было заключено договоров по поставкам в республику продовольствия на 26 млн рублей, непродовольственных товаров более чем на 31 млн рублей.² Однако деятельность республиканского обменного фонда нельзя было назвать по-настоящему эффективной. Об этом красноречиво свидетельствует письмо Председателя Совета Министров РК С. П. Блинникова, Министру торговли и материальных ресурсов РСФСР С. В. Анисимову: «За 11 месяцев т. г. областями России и импортной конторой недопоставлено более 7 тыс. тонн мяса, 1000 тонн масла животного, 800 тонн маргариновой продукции. Обстановка продолжает ухудшаться. На декабрь месяц нет никакой ясности с завозом в республику продуктов животноводства. Тверская область и Краснодарский край отказали в поставке мяса, Смоленская, Тверская области категорически отказались поставлять масло животное. Ленмасложиркомбинат в течение длительного времени не поставляет маргарин. Все указанные области ссылаются на отсутствие ресурсов».³ Отсутствие необходимых ресурсов у участников бартерной сделки связанная с нарушением внутренних хозяйственных связей, неразбериха в местном и федеральном законодательстве, противоречивое сочетание административно-командной и рыночной системы экономики – данные обстоятельства часто являлись причиной срыва поставок продовольствия в Карелию. Дело дошло до того, что правительство Карелии вынуждено было обращаться за гуманитарной помощью в другие страны. Автоколонны с продовольствием шли в основном из Германии. Помощь оказывали Дуйсбург,⁴ Тюбинген,⁵ Нойбрандербург. Также гуманитарную помощь просили за океаном. 29 декабря 1991 года С. П. Блинников послал ноту о помощи в Посольство США советнику по сельскому хозяйству г. Д. М. Скуноверу.⁶ Ответа не последовало.

Продовольственный кризис в стране вынудил правительство ввести талонно – карточную систему. Темпы роста денежных доходов населения опережали темпы роста объемов производства. Острый товарный дефицит стал едва ли не основной темой для разговоров у граждан. Нормированная потребительская корзина в январе 1991 г. в Карелии выглядела следующим образом: «Сахар – полтора килограмма, чай импортный 250 граммов, масло животное и макаронные изделия – по 300, крупа – 400, масло растительное 150 граммов, табачные изделия – 3 пачки. Среди новичков в талонной системе – яйца (по 10 штук), рыбные консервы – 2 банки. Мясопродукты будут продаваться теперь по двум номерным талонам. На первый – полкило мяса (говядина, баранина,

² Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5279, с. 36.

³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5218, с. 140.

⁴ Помощь шлет Дуйсбург // Ленинская правда – 1991. № 3. – С. 1.

⁵ Автоколонна из Тюбингена // Лениниская правда – 1991. № 14. – С. 3.

⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5218, с. 145.

свинина, фарш, консервы), на второй – килограмм птицы, или 1,6 килограмма пельменей, 12 стограммовых котлет, или 0,8 килограмма вареной колбасы, или полкило полукопченой».⁷ Документы Управления делами Совета Министров Карельской АССР, в частности переписка по вопросам торговли продовольственными товарами,⁸ показала что, талонно – карточная система создавала ряд неудобств, которые влияли на общественное настроение Карелии. Выделение строго регламентированного количества фондов на продукты питания из расчёта числа жителей определенного района, согласно последним переписям, вызывало проблемы с закупкой товаров у людей, временно работающих или отдыхающих в данном районе. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы от различных организаций и граждан в Совет Министров Карельской АССР и в Президиум Верховного Совета Карельской АССР. К числу таких жалоб можно отнести обращения как простых дачников и садоводов,⁹ выезжающих на летний отдых загород, так и железнодорожников,¹⁰ которые не могли приобрести на обратный путь даже минимальное количество продуктов питания. Данное неудобство влияло на производительность труда, т.к. недовольство часто перерастало в ультимативные требования рабочих и последующий отказ от работы. Ещё одно следствие карточной системы – многочисленные очереди. Этот феномен в 1991 году стал обыденностью и само собой разумеющимся явлением. Розничная торговля обычно происходила лишь в определенных торговых предприятиях с ограниченным количеством товара, что создавало очереди и давку. Более того, простояв несколько часов в очереди, у покупателя никогда не было уверенности в том, что он успеет отоварить талон. «Моя знакомая пришла в магазин объединения «Продтовары», что по проспекту Ленина, напротив «Северянки», за сливочным маслом. Большие залы его были заполнены покупателями. Очередь протянулась по улице на многие десятки метров»,¹¹ – сообщает газета «Ленинская правда», отражая бытовую ситуацию того времени. Средства массовой информации (газеты в частности) в силу своей специфики работы, публиковали наиболее важные и острые темы интересующие население. Именно острый дефицит стал основным предметом для статей и заметок в 1991 году.

Половинчатость и незавершенность реформ перестройки необходимо было ликвидировать, учитывая сами особенности перестроичного периода. Экономические преобразования сопровождались социально-политическим кризисом и неготовностью значительной части населения к жизни в условиях рыночной экономики. Но, как показала практика, предприятия торговли и общественного питания быстрее всего адаптировались к постоянным изменениям рынка, т. к. требовали меньше средств для создания и развития. При этом они гибко реагировали на политику

⁷ Талоны в январе // Ленинская правда – 1991. № 3. – С. 1.

⁸ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5218, л. 145.

⁹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5218, с. 81.

¹⁰ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5218, с. 9.

¹¹ Очереди, очереди...// Ленинская правда. – 1991. № 8. – С. 1.

спроса-предложения. На наш взгляд, определяющее воздействие на дальнейшее развитие торговли оказала следующая нормативно-правовая база:

- 1) Указ №232 «О коммерциализации деятельности предприятий торговли в РСФСР» от 25 ноября 1991 года.¹² Согласно данному указу, государственные (муниципальные) предприятия торговли и общественного питания реорганизовывались в структурные единицы (магазины, мелкорозничные сети, общедоступные столовые, кафе, рестораны). Новым структурным единицам предоставлялись права юридического лица. Указ не предусматривал изменения права собственности, но теперь предприятия после реорганизации становились экономически самостоятельными.
- 2) Указ №297 «О мерах по либерализации цен» от 3 декабря 1991 г.¹³ Указ устанавливал свободные (рыночные) цены и тарифы, складывающиеся под влиянием спроса и предложения. Государственные регулируемые цены применялись только на ограниченный круг продукции (производственно-технического назначения, основных потребительских товаров и услуг).
- 3) Указ № 65 «О свободе торговли» от 29 января 1992 г.¹⁴ и последующее постановление № 649 «О дополнительных мерах по устранению недостатков в организации свободной торговли» от 31 августа 1992 г.¹⁵ Указом предоставлялось предприятиям независимо от форм собственности, а также гражданам осуществлять торговую, посредническую и закупочную деятельность без специальных разрешений, с уплатой установленных платежей и сборов, за исключением торговли оружием, боеприпасами, взрывчатыми, ядовитыми и радиоактивными веществами, наркотиками и другими товарами, реализация которых запрещена или ограничена действующим законодательством. Гражданам и предприятиям разрешалось проводить торговлю в любых местах, отведенных органами исполнительной власти, за исключением проезжих частей улиц, вокзалов, пассажирских судов и поездов, территорий, прилегающих к зданиям государственных органов власти и управления. Позже Указ дополнился постановлением Председателя Правительства РФ Е. Гайдаром, предусматривающим порядок реализации скоропортящихся продуктов, организацию по сбору налогов с доходов, координацию государственных органов ответственных за сферу торговли и общественного питания, принятие дополнительных мер по обеспечению охраны общественного порядка в местах осуществления свободной торговли.
- 4) Указ № 1114 «Об образовании Комитета Российской Федерации по торговле» от 22 сентября 1992 г.¹⁶ и последующее постановление № 739 «Вопросы Комитета Российской Фе-

¹² Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5219, с. 106.

¹³ Бухгалтерский учет и налоги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.businessuchet.ru/pravo/DocumShow_DocumID_39482.html.

¹⁴ Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: base.garant.ru/10104219/

¹⁵ Сайт КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home.

¹⁶ Сайт КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home.

дерации по торговле» от 22 сентября 1992 г.¹⁷ По сути, этот Указ и Постановление, аннулировали Постановление Совета Министров РСФСР от 23 апреля 1969 г. № 248 «Об утверждении Положения о Министерстве торговли РСФСР». В отличие от Министерства торговли РСФСР, где главной задачей ставилось выполнение государственного плана розничного товарообмена, цель Комитета по торговли – всяческое содействие в развитие рыночной инфраструктуры. Аналогично был создан Комитет по торговле в Карелии.

5) Указ № 213 «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» от 15 ноября 1991 года.¹⁸ Этим Указом разрешалось всем зарегистрированным на территории РСФСР предприятиям и их объединениям независимо от форм собственности осуществлять внешнеэкономическую, в том числе и посредническую, деятельность без специальной регистрации. Этот Указ отменял государственную монополию на внешнеэкономическую деятельность и открывал границы для простых граждан.

6) Законы о приватизации: «Закон РСФСР от 3 июля 1991 года «О приватизации государственных и муниципальных предприятиях в Российской Федерации», Закон РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР» от 5 июня 1992 года и Законы РСФСР «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР» от 3 июля 1991 года, «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 с изменениями и дополнениями от 24 июня 1992 года. Законодательство республики Карелия о приватизации состояло из Закона «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Республике Карелия», Закона «О собственности в Карельской АССР» и других регулирующих приватизацию законодательных актов Республики Карелия.

Такой внушительный пакет законодательных и других нормативно-правовых актов развернул вектор развития торговли и общественного питания. Этот пакет являлся актом экспериментального законотворчества, т.к. никто и нигде, не переставлял огромную страну с социалистической системы на рельсы капитализма. Результаты реформ достаточно противоречивы, однако облик розничной и оптовой торговли в Карелии они изменили кардинально.

Отметим положительные и отрицательные стороны проведенных реформ.

С одной стороны, новое законодательство вкупе со сложной продовольственной ситуацией стало выгодным как для предприятий торговли и общественного питания, так и для простых граждан. Наконец, население смогло утолить товарный голод, мучивший людей в условиях острого дефицита 1980-х годов. Появились оптовые, вещевые и продовольственные рынки, активное развитие получили мелкие коммерческие палатки (ларьки), началось зарождение нового предпринимательского класса. «Раньше Наташа работала хореографом, а её муж тренером по плаванию. Но в Сортавале их знания никому пока не потребовались, вот и занимаются бакинцы

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

цветочным «бизнесом»,¹⁹ – приводит один из многочисленных примеров «Ленинская правда». Процесс смены собственника в предприятиях торговли и общественного питания шёл быстрее относительно других отраслей. Покупатели связывали большие надежды с предпринимателями: «Приватизация торговли нашла благожелательный отклик в душах покупателей. С частником они связывают надежды на богатый ассортимент прилавка, быстрое и вежливое обслуживание, пресечение воровства и блаты и самое животрепещущее – ожидаемое снижение цен».²⁰ Согласно проанализированным данным, количества приватизированных предприятий и объектов по отраслям экономики за 1992 год,²¹ торговля и общественное питание с 61 объектом занимают первую строчку, опережая промышленность (42 объекта) и бытовое обслуживание (36 объектов), что ещё раз говорит о хорошей приспособленности торговли к новым веяниям капитализма. Возможность простых граждан активно заниматься внешнеэкономической деятельности привело к развитию «челночной» торговли. Возили товары из Финляндии, Турции, Польши, Китая. Таким образом, проблема товарного дефицита в Карелии медленными, но стабильными темпами уходила в сторону.

Теперь рассмотрим отрицательные последствия реформ. Согласно п. 1 Указа «О мерах по либерализации цен» со 2 января 1992 года, должен осуществиться переход в основном на рыночные цены. Результатом реформы стал не контролируемый рост цен, что привело в буквальном смысле слова к катастрофе. «За 1992 год в республике цены выросли в 33 раза, а денежные доходы населения только в 8,4 раза. Это в свою очередь привело к снижению реальных доходов населения более чем в 2 раза, реальной заработной платы – в 2,5, реальной пенсии в 4 раза»²². Дефицит товаров сменился дефицитом денег. Нельзя сказать, что правительство Республики Карелия ничего не предпринимало, напротив, оно пыталось ограничить рост цен даже путем нарушения закона. Иначе как, объяснить Постановление Совета Министров Республики Карелия от 10 июля 1992 года № 280 «О размере торговой надбавки на молоко, кефир, хлеб и хлебобулочные изделия, мясо и продукты». Согласно ему правительство установило торговые надбавки на некоторые продовольственные товары в размере 15 % для предприятий торговли и общественного питания независимо от форм собственности. После чего в Совет Министров РК и Верховный Совет РК стали поступать жалобы^{23,24,25} от районных и городских администраций республики. Поводом для возмущения стала низкая процентная ставка торговой наценки. Исходя из расчётов рентабельности различных торговых предприятий, её необходимо было повысить. 4 августа 1992 года Петрозаводское потребительское городское общество подало исковое

¹⁹ Гвоздики для сортовальцев // Ленинская правда. – 1991. №3. – С. 2.

²⁰ Колосов А. Грустный взгляд на овощной прилавок// Северный курьер. – 18 февраля 1992 г. – С. 2.

²¹ Кица Л. П., Ревайкин А. С. Экономические реформы в Республике Карелия. Состояние. Последствия. Пerspektivi. – Петрозаводск.: 1997. – С. 68–69.

²² Курило А. Е., Немкович Е. Г., Сенюшкин Е. Н. Социально-экономические преобразования в Республике Карелия (1990–2005). – Петрозаводск: 2007. – С. 56.

²³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5381, с. 145.

²⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5381, с. 151.

²⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5381, с. 155.

заявление в Арбитражный суд Республики Карелия на Совет Министров.²⁶ Причина – нарушение законодательства, в частности Указа № 232 «О коммерциализации деятельности предприятий торговли в РСФСР» от 25 ноября 1991 года. Совет Министров вынужден был пойти на уступки, постановив 10 сентября 1992 года дифференцированные размеры торговых надбавок с учётом реальных затрат по доставке и реализации этих товаров при предельном уровне рентабельности до 5 процентов к товарообороту данной продукции.²⁷ Сокращение расходов в бюджете, введение дополнительных налогов (налог на фонд заработной платы, налог на добавленную стоимость), ужесточение финансовой политики не помогли остановить рост цен. «Сопротивляясь бедственному существованию, некоторые из нас пытаются понять: куда всё подевалось? А надо задать другой вопрос: откуда что возьмётся, если всё производство идёт с «минусом». Чего же у нас стало больше? Оказывается, только с плюсом продолжается рост цен»,²⁸ – с грустной иронией заметил начальник отдела торговли Госкомстата Л. Тутилайнен.

Данный ретроспективный обзор не претендует на глубокий анализ всех процессов, происходивших в отрасли торговли и общественного питания, на переходном этапе от командно-административной системы к рынку. Это своего рода базис, почва, наставление для дальнейших наших исследований. Взяв за основу обзора наиболее контрастирующие по своему содержанию года – 1991 и 1992, мы показали лишь основные тенденции развития тех непростых времен. Условно обобщив происходящие процессы, вырисовывается следующая логическая цепочка: острый дефицит товаров – пакет реформ – острый дефицит денег. Как говорят в простонародье: шило на мыло. Однако произошли и существенные изменения. Проникновение рыночных отношений в сферу торговли и общественного питания кардинально поменяли их облик. Демонополизированный, неокрепший, необузданый, но активно развивающийся – вот он, образ отрасли торговли и общественного питания начала 90-х. Вскоре представленный образ трансформируется в мощный корпоративный ритейл механизм, способный впитывать все новаторства в области торговли, конкурируя с ведущими мировыми ритейл системами.

²⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5381, с. 164.

²⁷ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5381, с. 177.

²⁸ Тутилайнен Л. Только минусы // Северный курьер. – 1992. № 27, с. 1.

Список литературы

Архивные материалы:

- 1) Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5218, л. 145.
- 2) Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5219, л. 121.
- 3) Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5279, л. 60.
- 4) Национальный архив Республики Карелия. Ф. 690. Оп. 11, д. 5381, л. 282.

Научная литература:

- 1) История новой России. Очерки, интервью: в 3 т. / под общ. ред. П. С. Филиппова. Т. 3. – СПб.: 2011. – 600 с.
- 2) Курило А. Е., Немкович Е. Г., Сенюшкин Е. Н. Социально-экономические преобразования в Республике Карелия (1990–2005). – Петрозаводск : 2007. – 320 с.
- 3) Кица Л. П., Ревайкин А. С. Экономические реформы в Республике Карелия. Состояние. Последствия. Перспективы. – Петрозаводск : 1997. – 203 с.

Публицистика:

- 1) Автоколонна из Тюбингена // Ленинская правда – 1991. № 14.
- 2) Гвоздики для сортовальцев // Ленинская правда. – 1991. № 3.
- 3) Очереди, очереди... // Ленинская правда. – 1991. № 8.
- 4) Помощь шлет Дуйсбург // Ленинская правда – 1991. № 3.
- 5) Талоны в январе // Ленинская правда – 1991. № 3.
- 6) Туртилайнен Л. Только минусы // Северный курьер. – 1992. № 27.

Электронные ресурсы:

- 1) Бухгалтерский учет и налоги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.businessuchet.ru/pravo/DocumShow_DocumID_39482.html.
- 2) Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: base.garant.ru/10104219.
- 3) КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home.

Тишкив С. В.,
Институт экономики
Карельского Научного Центра РАН

Совершенствование региональной политики в сфере развития инновационных процессов северного приграничного региона (на примере Республики Карелия)

В статье дана характеристика элементов региональной инновационной системы – науки, промышленности, высшего образования и инновационной инфраструктуры. Проанализирована современная ситуация в этой сфере, описаны процессы, происходящие в настоящее время. Намечены возможности дальнейшего развития региональной инновационной системы через совершенствование организации и управление процессом коммерциализации научных разработок.

Ключевые слова: инновации, инновационная инфраструктура, региональная инновационная система, региональная инновационная политика.

Components of the regional innovative system – science, industry, higher education, and innovative infrastructure are characterised. Current situation in this sphere is analyzed, ongoing processes are described. The potential for further development of the regional innovative system through organizational improvement and management of the process of commercialization of scientific developments is outlined.

Key words: innovations, innovative infrastructure, regional innovative system, regional innovation policy.

Инновационное развитие связано с изменением структуры промышленности – ростом высокотехнологичного сектора и в меньшей степени высокосреднетехнологичного сектора, а также сокращением удельного веса низкотехнологичного сектора и, возможно, низкосреднетехнологичного сектора. Причем в трех последних секторах должны происходить внутренние изменения, связанные с воздействием высокотехнологичного сектора и ростом инновационной активности и расходов на НИОКР.

Анализ промышленности Карелии в соответствии с рассмотренным подходом показывает, что сложно выделить предприятия, которые относились бы к высокотехнологичному сектору. Можно отметить отдельные фирмы (ЭФЭР, «Прорыв») и возможно создающиеся фирмы в сфере производства медицинского оборудования. Удельный вес данного сектора за 2010 год в объеме отгруженной продукции не превышал 0,2 %.

К высокосреднетехнологичному сектору относится часть машиностроения (производство химического, бумагоделательного, энергетического и транспортного оборудования) и часть хими-

ческого производства. Удельный вес данного сектора за 2010 год в объеме отгруженной продукции составлял примерно 5,2 %.

К низкосреднетехнологичному сектору относятся металлургия и металлообработка, судостроение, производство резиновых и пластмассовых изделий, производство неметаллических минеральных продуктов. Удельный вес данного сектора за 2010 год в объеме отгруженной продукции составлял примерно 9,7 %. Значительную часть карельской промышленности составляет низкотехнологичный сектор, в который входят целлюлозно-бумажное, деревообрабатывающее, мебельное, пищевое, текстильное, швейное, обувное производства. Доля сектора достигает 37 %.

Четвертый сектор, в который входят добывающие производства промышленности (33 %) и производство и распределение газа, воды и электроэнергии (15 %), является самым большим и его доля составляет 48 %. В целом доля низкотехнологичных и добывающих производств в объеме отгруженной продукции карельской промышленности достигает 85 %, или почти в два раза больше, чем в РФ.

Быстрый рост отдельных секторов возможен, в том числе и высокотехнологичного. Фирмы в традиционных секторах развиваются, как правило, медленно. Но существуют фирмы с экспоненциальным ростом («газели»), объемы производства которых увеличиваются в несколько раз за непродолжительное время [1]. Небольшая или средняя фирма превращается в крупную, занимая значительную часть рынка страны или мира. Чаще подобный рост возможен в определенные периоды развития, как у фирм «Нокиа» и «Майкрософт». В РФ есть подобные примеры – быстрое развитие фирм сотовой связи (МТС, МегаФон и Билайн), банка «Российский стандарт» и других фирм [2]. Развитие нескольких подобных фирм может заметно повлиять на структуру отрасли, и даже экономики в целом.

Быстро развивающиеся фирмы («газели») могут быть связаны с технологическими инновациями, иногда даже радикальными, но обязательно с организационными. В случае радикальной инновации обычно проходило некоторое время, пока создавались условия для быстрого развития, прежде всего, появлялась команда высокопрофессиональных менеджеров. Анализ российского опыта показал, что «газели» были ориентированы на большие сегменты рынка – удовлетворение потребностей субсреднего класса (вторые 20 % населения по уровню доходов) и развитие инфраструктуры бизнеса. Они использовали технологии, опыт и методы, появившиеся в других странах сравнительно недавно [2].

В результате развития подобных фирм структура экономики региона может измениться, но только при ориентации их на российский, а не региональный рынок. В Карелии подобных примеров пока нет, хотя есть достаточно близкие. Фирмы, создающие условия для развития бизнеса и помогающие решать его проблемы, в Карелии есть, но даже на карельском рынке они чувствуют себя неуютно. На удовлетворение потребностей российского субсреднего класса ориентирована одна из подотраслей карельской экономики – форелеводство. Она успешно развивается, но не в

рамках одной фирмы, а двух десятков, каждая из которых имеет финансовые и природные ограничения.

Инновационное развитие зависит от состояния науки и инновационной инфраструктуры в регионе. В Карелии наука переживает не лучшие времена, непродолжительный количественный и качественный рост после девальвации к 2002 году закончился, в последние годы сокращается численность занятых, резко замедлился рост финансирования, слаба связь с крупным бизнесом, снова уменьшились и так небольшие доли финансирования прикладных исследований и разработок. Тематика карельских исследований далека от технологий шестого технологического уклада, наиболее сильно развиты биологические науки, но исследованиями в области биотехнологии в РК не занимаются. В Карелии создаются отдельные элементы инновационной инфраструктуры, но, не имея устойчивого финансирования и связей с крупными фирмами, они обычно функционируют непродолжительное время и не решают главной задачи – содействия образованию малых инновационных предприятий и созданию комфортных условий для их развития. Устойчиво работает не более пяти малых инновационных фирм.

В условиях имеющейся структуры карельской экономики и науки нужно выделить четыре основных направления деятельности для перехода к инновационному пути развития и обеспечения существенного влияния инновационной деятельности на темпы роста карельской экономики.

1. Ориентация науки и образования на перспективные сектора, на тематику, связанную с пятым и шестым технологическими укладами, участие инновационных менеджеров в формировании планов исследований. В двух лабораториях начинаются исследования в области нанотехнологий, перспективны проекты в области медицинского приборостроения и методик лечения, есть база для прикладных исследований в области экологии и энергосбережения, возможны исследования в области биотехнологий. Новых идей и проектов в Карелии возникает немного, поэтому необходимо ориентировать их в направлениях, которые могут с наибольшей вероятностью принести максимальный эффект.

2. Поддержка коммерциализации результатов научной деятельности. Уменьшение барьеров для создания малых инновационных предприятий будет вести росту их количества, создание действенной и недорогой инновационной инфраструктуры. Инновационный малый бизнес слабо влияет на темпы экономического роста региона, но, развиваясь, меняет инновационную среду в регионе, дает толчок развитию крупных и средних предприятий и при наличии специальных условий (значительный неудовлетворенный спрос, квалифицированное и амбициозные менеджеры, наличие специфических преимуществ) некоторые из предприятий становятся «газелями». Авторские фирмы имеют главный недостаток – их возглавляет не менеджер, а ученый, не имеющий необходимого образования и опыта, что обычно ведет к принятию неправильных решений. Важно укрепление сотрудничества с крупными предприятиями республики и соседних регионов РФ и Финляндии, надо понять, в каких результатах они заинтересованы, какие проекты они могли бы частично финансировать. Отдельные направления (информационные технологии, прибо-

строительство и другие) могут получить финансовую поддержку, важно понять, кто заинтересован в проекте, какая фирма может стать стратегическим партнером.

3. Сотрудничество с бизнесом для поиска перспективных быстрорастущих рынков и создание необходимых условий для выращивания «газелей». Проблема состоит в том, что научная основа фирмы должна быть привязана к региону, иначе фирма легко может переместиться в другой регион или другую страну. Для успешного развития фирмы необходима ориентация бюджетных средств (научных и инвестиционных), максимальное уменьшение барьеров, помочь в продвижении продукции на рынок России (или Финляндии).

4. Содействие развитию средних технологий, модернизации предприятий всех секторов карельской экономики. Необходимо подтягивать фирмы средне- и низкотехнологичного секторов до современного уровня, до тех технологий, которые уже существуют, но пока недоступны в силу разных причин, прежде всего финансовых. Модернизацией занимаются практически все предприятия, но большинство переходят не на самые современные для них технологии, а на финансово доступные, поскольку слишком велик был разрыв советских гражданских и западных технологий. Быстрый переход возможен, если есть крупные фирмы и организации, заинтересованные в этом, как, например, в лесозаготовительной промышленности и лесном хозяйстве, где финские и российские потребители карельского леса частично профинансировали переход к новым технологиям. Но модернизация предприятий не изменит сильно структуры экономики и не даст ускорения экономического роста, предприятия останутся в своем секторе с потенциально низкими темпами роста. Региональные власти не могут финансово помочь крупному бизнесу, но они могут способствовать более активным их контактам с университетами и самостоятельными научными организациями и установлению необходимых контактов с федеральными и инорегиональными структурами.

Максимальный эффект на экономический рост оказывает модернизация крупных и средних предприятий, но с точки зрения улучшения структуры экономики важно развитие «газелей». Значит, именно эти направления важнейшие.

В республике не развита инновационная инфраструктура, а имеющиеся ее элементы разрознены и никем не координируются. И сегодня самая важная задача органов государственной власти – объединение их в единую инновационную систему. Создание системы – это забота государства.

Решению этой задачи препятствует ряд факторов:

- отсутствие в республике четкой государственной стратегии построения инновационной экономики с определением ее прорывных составляющих;
- несформированность современной законодательной и нормативной базы инновационной деятельности;
- неразвитость рынка научных разработок, а также инновационной инфраструктуры и системы ресурсного обеспечения;

- слабая инновационная активность предпринимательских структур;
- отсутствие целостной системы подготовки кадров для всех секторов и уровней инновационной экономики;
- недостаточный уровень образования предпринимателей и управленцев в области организации инновационных процессов;
- отсутствие в республике единой республиканской инновационной инфраструктуры.

Чтобы снять все преграды на пути создания инновационной системы в республике необходимо создание благоприятного инновационного климата. Для этого требуется:

- принять региональные законодательные акты, стимулирующие развитие инновационного предпринимательства в республике;
- разработать перечень приоритетных инновационных направлений и программы инновационного развития республики;
- организовать подготовку кадров для инновационной экономики;
- организовать системную работу институтов инновационной инфраструктуры;
- обеспечить государственными заказами субъекты инновационной деятельности на разработку научно-технической продукции на конкурсной основе;
- способствование созданию бизнес-инкубаторов, техноцентров, центров трансферта технологий;
- организовать проведение выставочных инновационных мероприятий и конференций;
- оказывать консультативную и кредитную помощь субъектам инновационного процесса;
- разработать не менее четырех инновационных мегапроектов в областях высоких технологий (шунгиты, пожарные роботы, переработка лиственной древесины, лесовосстановление по типу «идеальный модельный лес», нанотехнологии);
- разработать и представить на российский конкурс проекты особых экономических зон (технико-внедренческих и промышленно-производственных), а также на другие конкурсы, включая и международные;
- поддержать инициативу КарНЦ РАН по созданию государственного республиканского инновационно-технологического центра и центра трансферта технологий;
- разработать меры по активизации участия малых инновационных фирм в российских и международных инновационных программах в научно-технической сфере.

Для обеспечения объективности оценки научно-технического потенциала республики и дальнейшего его эффективного использования должна быть создана постоянно действующая республиканская система независимого мониторинга.

Одна из важнейших проблем сегодняшнего дня состоит в том, что Карелии нужен не только количественный, но и качественный рост, означающий переход к новой структуре экономики.

Роль пионерных, лидирующих отраслей должны играть не заготовка леса и добыча камня, не первичная обработка сырья, а высокотехнологичные конкурентоспособные на российском и зарубежном рынках производства, научные исследования и разработки.

Предварительная экспертная оценка потребности основных отраслей экономики в инновациях позволяет, исходя из стратегического курса на научно-технологический прорыв, определить следующий примерный перечень приоритетных направлений и базовых технологий для республики:

- Развитие биотехнологий на основе генной инженерии, селекции, генетики и сверхкритических технологий (ИБ КарНЦ РАН).
- Новейшие информационные технологии и системы управления производством (Центр «ПетрГУ-Метко Систем Автоматизация»).
- Перспективные направления развития микроэлектроники на основе нанотехнологий (КГПУ).
- Принципиально новые материалы с заранее заданными свойствами на основе шунгитов (ООО НАК «Карбон-шунгит»).
- Технологии глубокой переработки древесины лиственных пород.
- Принципиально новые энергосберегающие технологии и нетрадиционные энергоресурсы (000 «Энергоресурс экономика»).
- Системы новых машин и производственных технологий пожаротушения (ЗАО «ЭФЭР»).

При соответствующей организационной и финансовой поддержке реализация этих направлений может позволить развить целый спектр высокотехнологичных секторов экономики, закрепив тем самым приоритет и лидерство республики в этих технологических направлениях. Кроме этих прорывных направлений все отрасли экономики должны осуществлять техническое перевооружение и модернизацию, ориентируясь на перспективные технологии. В республике должна быть разработана комплексная программа действий по переходу на инновационный путь развития. Она должна объединить все хозяйствующие субъекты и побудить к активному взаимодействию всех участников созидательного процесса: бизнес, власть и гражданское общество на основе научных знаний.

Учитывая, что инновационная деятельность традиционно связана с высоким уровнем риска (по статистике только 10 % всех внедряемых разработок имеет коммерческий успех), необходимо в первую очередь на уровне республиканских и муниципальных властей создать и поддерживать систему управления коммерциализацией продуктов НИОКР, ориентированную на работу в реальных рыночных условиях. Это позволит раскрыть и стимулировать развитие потенциала карельских научных организаций и одновременно будет способствовать выведению экономики на качественно новый уровень.

Главной целью этой программы должно стать создание организационных, законодательных, экономических и иных необходимых условий перевода экономики Республики Карелия на инновационный путь развития в интересах устойчивого социально-экономического прогресса на основе повышения эффективности использования имеющихся ресурсов.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих основных задач:

- создание региональной инновационной системы, обеспечивающей эффективное взаимодействие государственных органов управления с предприятиями и организациями инновационной сферы для использования достижений науки и техники в интересах социально-экономического развития Республики Карелия;
- совершенствование законодательной и нормативной базы, благоприятной для развития инновационной деятельности;
- выбор рациональных стратегий и приоритетных направлений науки и техники в Республике Карелия, критических технологий и инновационных проектов, оказывающих решающее влияние на повышение эффективности республиканского производства и конкурентоспособности продукции:
- рациональное размещение, эффективное использование и развитие научно-технического потенциала;
- повышение объемов производства и реализации научно-технической продукции с большой долей добавленной стоимости и высокой степенью переработки;
- создание условий для активного привлечения инвестиционных отечественных и зарубежных ресурсов в инновационную сферу;
- увеличение вклада научно-технического потенциала Республики Карелия в создание новых рабочих мест, улучшение экологической обстановки и здоровья населения;
- защита интеллектуальной собственности и поддержка ведущих ученых, научных коллективов и научно-педагогических школ, способных обеспечить опережающий уровень образования и научных исследований;
- обеспечение взаимосвязи исследований и разработок, инновационных проектов и программ на федеральном, республиканском, муниципальном и отраслевом уровнях;
- развитие малого инновационного предпринимательства в республике;
- повышение технологического уровня, конкурентоспособности деревообрабатывающего производства с использованием инновационных научных разработок и обеспечение на этой основе увеличения производительности труда в лесном секторе республиканской экономики;
- создание условий для подготовки и переподготовки кадров в области инновационного менеджмента;

- содействие проведению мероприятий по предупреждению чрезвычайных ситуаций и оздоровлению экологии на основе уникальных технологий;
- развитие международных и межрегиональных связей в инновационной сфере, интеграция в российскую и мировую экономику и науку;
- развертывание в средствах массовой информации пропаганды значимости и перспективности инновационной деятельности в целях прогресса общества и улучшения качества жизни.

Реализация этих предложений может быть достигнута программно-целевыми и проектными методами. Механизм реализации инновационного пути развития должен быть построен на современной законодательной базе инновационной сферы. Необходимо принятие республиканских законов об инновационной политике, об изобретательстве и рационализаторстве, иных нормативных актов, направленных на внедрение инновационных проектов в производство.

Инновационный путь развития Карелии следует рассматривать как комплекс с политическими, финансовыми, технологическими, социальными и иными объективными действиями инновационного характера, а при их реализации применять системный подход на всех уровнях управления, так как организационно-управленческие инновации приобретают ключевое значение.

Важной составляющей в нормативном обеспечении инновационной сферы является разработка районных программ развития инновационной деятельности. В процессе инновационного развития в республике будут создаваться необходимые условия для перехода к инновационной экономике в республике. Основной инновационный потенциал будет сосредоточен в зонах интенсивного экономического развития, то есть, должны быть созданы «полюса роста».

Важной составляющей в нормативном обеспечении инновационной сферы является разработка районных программ развития инновационной деятельности. В процессе инновационного развития в республике будут создаваться необходимые условия для перехода к инновационной экономике в республике. Основной инновационный потенциал будет сосредоточен в зонах интенсивного экономического развития, то есть, должны быть созданы «полюса роста» [3]. Они будут представлять локальные территориальные образования, сосредотачивающие в себе высший по международным стандартам уровень прикладных научных достижений, информационного обеспечения, сервиса [4].

В качестве таких центров инновационной активности можно рассматривать города Петрозаводск, Сегежу, Костомукшу и Сортавалу.

В них имеется возможность создания инновационных зон содействия научной и инновационной деятельности. Это вызовет развития малого и среднего бизнеса и будет началом создания в перспективе опорной сети республиканской инновационной системы. В Республике Карелии в 2007 г. было завершено формирование основных элементов системы стратегического планирования на среднесрочную и долгосрочную перспективы, включающих:

«Концепцию социально-экономического развития Республики Карелии на период 2002–2006–2012 гг.»;

«Стратегию социально-экономического развития Республики Карелии до 2020 г.»;

«Схему территориального планирования Республики Карелии»;

«Программу экономического и социального развития РК на период до 2010 г.».

Основным выводом для перехода экономики республики на инновационный путь развития может стать наличие ресурсного потенциала и благоприятных внешнеэкономических условий. Необходимо закрепить точки экономического роста, способные дать импульс промышленному и экономическому развитию по инновационному типу, и осуществить стратегический маневр в сторону повышения доли поставок высокотехнологичной продукции, обеспечивая тем самым рост нового качества экономики.

Литература

1. **Дружинин П. В.** Инновационное развитие Карелии: Реальность и возможности. Инновационный путь развития Республики Карелия / Под общей редакцией А. Е. Курило. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. С. 80–89.
2. **Шишкин А. И.** Роль инноваций в развитии Карелии // Инновационный потенциал РК. Петрозаводск, 2006. С. 14–17.
3. **Юданов А.** Гении национального бизнеса // Эксперт. 2007. № 16. С. 32–41.
4. **Юринов М. Н.** Об инновационных подходах к развитию экономических процессов. В сб. Инновационный потенциал РК. Петрозаводск. Из-во «Пакония». 2009. С. 8–13.

Раздел 5. Секция «Этнография. Фольклор.

Историческая география»

Кошкина С. В.,
заведующая информационно-краеведческим отделом
МБУ «Центр поморской культуры» г. Беломорска

Из истории поморского села Сухое

В 18 км от города Беломорска на самом берегу Белого моря расположено старинное поморское село Сухое, многовековая история которого еще не становилась предметом специального изучения. Первые упоминания о селе относятся к XVI веку. Рукопись «Летописец Соловецкий...»¹ сообщает о жаловании царем Иоанном Васильевичем «игумену Алексею з братиею» деревни Шижни и в ней церкви Николая Чудотворца, да деревни Сухой Наволок.

В официальном документе 1539 года – «Жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича Соловецкому монастырю на вотчину в Спасском погосте Выгозерского уезда», сообщается о том, что Соловецкой обители в указанный год было пожаловано «13 луков» по рекам «Шижне и Выг и на Сухом Наволоке с деревнями».²

Сухонаволокская волость упоминается в «Уставной грамоте Соловецкого монастыря...» 1548 года.³ В датированной 30 сентября (по ст. ст.) 1564 годом «Уставной грамоте игумена Соловецкого монастыря Филиппа крестьянам и казакам Сумской волости» также упоминается «Сухой Наволок», а его жители названы сухонаволочанами.

То обстоятельство, что Сухое является одним из древнейших селений Поморья, подтверждает рукопись XVI века, поступившая в начале прошлого века в рукописный отдел Архангельского церковно-археологического комитета. Она состояла из 147 статей, принадлежала деревне Сухонаволокское и хранилась в местной часовне. Название древнейшего сборника «Измарагд» в переводе с греческого σμαραγδοῦ означает «смарагд, драгоценный камень».

«Измарагд» Сухонаволокской церкви заключал в себе нравственно-религиозные поучения и предназначался исключительно для чтения светскими людьми. Большинство поучений и слов «Из-

¹ Летописец Соловецкий, выписан вкратце от жития преподобных отец Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцов, и спостника их аввы Германа, како начаша жити на Соловецком острове, и о преставлении их, и о строении монастырском, и о здании деревянном и каменном, и о прочем, с 1429 г. по 1796 г. : [электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. (73 файла : 25 мбайт). – Петрозаводск : Национальная библиотека Республики Карелия, 2006. – Л. 1, 1. об.

² Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР ; под ред. В. Г. Геймана. – Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1941. – С. 140–141.

³ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Указ. соч. С. 159.

марагда» приписано св. Иоанну Златоусту. Написанная полууставом в два столбца в кожаном переплете на 187 листах рубчатой плотной бумаги с водяным знаком «большая ладонь со звездой вверху пальцев и четырехконечной розеткой внизу кисти», книга эта на обороте переплета имела надписи, сделанные разными почерками скорописью XIX века:

*«...сия книга Сухонаволокской деревни часовни пресвятая владычицы нашея Богородицы одигитрии Смоленская глаголемая Измаагдъ переплетена 1803 года сентября дня, подпись Сухонаволоченинъ Иванъ Тироновъ»; далее другим почерком: «после того времени потонул 1825 года в сентябре месяце подписал племянник его родной Стефанъ Тироновъ іюнь 1827 года», «Сию книгу читаль Сухонаволоцкой деревни Петър Аникиевъ своеручно подпись»; а в конце оглавления, изложенного на четырех листах, бледными чернилами скорописью XVIII века написано: «книга измаагдъ сухонаволоцкой волости Б-ца Удегитре подпись сухонаволоцкой волости причетной дьячок Степанко Матвеевъ».*⁴

Источник 1911 года сообщает, что в библиотеке Соловецкого монастыря имелось три экземпляра «Измаагда» под номерами 359, 360, 361. «Сухонаволокский «Измаагд» подходил по содержанию своему к значащемуся в Соловецкой библиотеке под № 359 конца XV или XVI века...⁵

По данным «Архангельских епархиальных ведомостей» 1907 года, в селе ранее имелась часовня, но затем, в 1899 году, силами местных крестьян она была перестроена в церковь Казанской Божьей Матери.⁶ Побывавшая в 1928 году в селе художница Н. Маковская сделала рисунок храма. На нем отчетливо видно, что он, четырехчастный, разной ширины и высоты, состоял из молитвенного помещения, прямоугольного алтаря, трапезной и сеней, которые в недалеком прошлом венчались шестигранной колокольней. Крыши на главном помещении и трапезной были двускатными, на сенях – трехскатная, на алтаре – односкатная. Молитвенное помещение освещалось на южной стене двумя одинарными окнами на первом ярусе и одним спаренным – на втором ярусе, трапезная же – двумя северными и тремя южными окнами.

26 января 1935 г. в здании храма открылся клуб.⁷ в кинопроекционную был переделан алтарь, северное окно трапезной растесано с устройством дверей. Когда из села начали уезжать, то и клуба, как такового, не стало, здание было практически разрушено. В 2012 году местные жители восстановили храм, и 10 августа в нем состоялась первая праздничная литургия.⁸ Сухое представляет интерес еще в связи с тем, что к западу от села располагаются остатки старого, и новое деревенские кладбища. На старом кладбище еще совсем недавно можно было обнаружить резные намогильные столбики – некропультовые сооружения начала XX века, их украшали глухой резьбой из кружков, желобков и засечек, на некоторых вырезали четырех- и шестиконечные кресты. На столбиках с двускатными

⁴ «Измаагдъ» XVI века Сухонаволоцкой церкви, Кемского уезда // АЕВ. – 1911. – 15 июня (№ 12). – С. 583–584.

⁵ Там же. С. 583–584.

⁶ Из села Сухого Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. – 1907. – 15 фев. (№ 3). – Ч. неоф. – С. 76.

⁷ Лейнов, А. В Сухом открылся новый клуб / А. Лейнов // Беломорская трибуна. – 1935. – 29 янв.

⁸ Кошкина, С. Возрождение храма / Светлана Кошкина // Карелия. – 2012. – 16 авг.

крышами с резьбой в виде треугольных зубьев имелись рамки, имитирующие киот для небольшого размера иконок, на многих они долгое время сохранялись. В годы войны старое кладбище, по рассказам старожилов, нарушили военные, они вырубили в скале на окраине села, в местечке – «за Федосьей» – командный пункт штаба Карельского фронта, многих могил после того, как штаб переехал в Петрозаводск, обнаружить было нельзя, трудно было отыскать и кресты.⁹

Немало сведений о селе Сухое находим в «Архангельских епархиальных ведомостях», по публикациям которых узнаем о старообрядческих толках и согласиях, существовавших в селе. К примеру, источник 1903 года сообщает о том, что здесь некоторое время жил помощник архангельского миссионера Степан Васильевич Чураков, принесший немалую пользу «чрез обращение на путь истины и спасения заблуждающихся в вере именуемых старообрядцев».¹⁰ Родом он был из Шенкурского уезда Архангельской губернии. В 17 лет «сделал обет пред иконой Божьей Матери» и оставил мир, удалившись в пустынью. Странническая жизнь его началась в селе Сухое Кемского уезда, где он жил «под руководством» старца Тарасия, «лучшего наставника в Поморской стране». Но спустя год с Тарасием случилась размолвка, и Степан удалился в Шуерецкую пустынь. Там он служил у отца Сергея Черенцова, в прошлом новгородского купца, оставившего богатый дом ради пустынной жизни. Недолго и здесь прожил С. В. Чураков, так как увлекся «речами некоего отставного солдата Филиппа» и в третий раз принял крещение, но уже «раскольническое». Далее он связал свою жизнь с Ярославской губернией… Своими наблюдениями за раскольниками села Сухое Степан Чураков делился с читателями архангельских губернских газет.¹¹

Газетные сообщения подтверждают старожилы, сообщая о большом количестве келий, долгое время располагавшихся вдоль моря. Кроме того, они рассказывают об отце Василии, жившем со своей матушкой в усадьбе в 30 км выше по течению Кузреки. Он даже «своеобразный тротуар» из расколотых на две части деревьев вдоль берега проложил.¹²

Согласно «Спискам населенных мест Российской империи…», в 1859 г. в селе насчитывалось 39 дворов и проживало 342 жителя,¹³ храм, построенный в конце XIX века, являлся приписным к Сорокскому приходу, поэтому в нем не было своего священника, и богослужения 2–3 раза в год проводил священник из Сороки. В 1898 г. открылось одноклассное общественное училище,¹⁴ в 1904 г. учителем в нем состоял Михаил Григорьевич Луговой.¹⁵

Жители села ловили рыбу, промышляли на Мурмане. Известно, что в 1866 г. сухонский судовладелец Тимофей Ремягин имел два промысловых и два транспортных судна грузоподъемностью 92,5 тонны, в 1899 г. его сын Василий – одно промысловое и три транспортных судна грузоподъем-

⁹ Информант Чуркина Серафима Павловна, г.р. 1928; м. р. с. Сухое; записано в июле 2012 г.

¹⁰ Некролог : [Степан Васильевич Чураков] // АЕВ. – 1903. – № 11–12. – Ч. офиц. – С. 409–420.

¹¹ Чураков, С. Тайные раскольники / Степан Чураков // АЕВ. – 1902. – 15 авг. (№ 15). – Ч. офиц. – С. 485–486.

¹² Информант Чуркина Серафима Павловна, г. р. 1928; м. р. с. Сухое; записано в июле 2012 г.

¹³ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 1. Архангельская губерния. – СПб., 1861. – С. 15.

¹⁴ Архангельская Карелия. – Архангельск : Изд. Арханг. Губерн. Статистич. Комитета, 1908. – С. 88.

¹⁵ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1904 год. – Архангельск : Губернская типография, 1904. – С. 109.

нностью 150 тонн.¹⁶ Старожилы помнят богатого судовладельца Ремягина, сообщая, что в 1930-х годах «он куда-то исчез», а его доме стало располагаться правление колхоза.¹⁷

Каким было село в середине XIX века, сообщается в записках этнографа, писателя Сергея Васильевича Максимова, который отмечал, что «перед этой деревушкой морская губа до того мелка, что весла доставали до дна, и карбас, садясь раз до десяти на мель», едва-едва доходил до селения: «Вот простая, видимая причина, почему селению этому дал народ нехитрое прозвание Сухого. Сухое оказалось маленькой деревушкой в 50 дворов, со ста жителями, которые все почти ушли на то время на Мурманский берег. Лаяли огромные жёлтые собаки, попались таможенные солдаты, их будка и сарай, и – что приятно порадовало… – это огороды с капустой и даже картофелем. Кроме того, здесь можно было достать морошку, уже поспевшую, и молоко, не отдававшее противным сельдяным запахом».¹⁸

В 1891 году в журнале «Вестник Европы» была опубликована статья «На далеком севере: из поездки на Белое море и океан». В ней ученый-зоолог В. А. Фаусек описал «деревеньку Сухонаволоцкое», дома в которой построены непосредственно на болоте: «с горя они не дали даже себе труда выстроиться в улицы, а стоят в совершенном беспорядке, как попало, в узком промежутке между гнилою отмелю моря и стеною леса, стоящего также на болоте».¹⁹

Как пишет В. А. Фаусек, Сухое не принадлежало к числу проезжих поморских деревень, почта зимой здесь ходила по санному пути из Сумского посада на Кемь, летом ее переправляли пароходом и карбасом.²⁰

В «Справочной книжке Архангельской губернии на 1860 год» упоминается Сухонаволокская станция, находящаяся в пустой избушке, куда заезжали для перемены карбаса и гребцов.²¹

В 1906 году в селе Сухое насчитывалось 110 дворов, здесь проживало 378 жителей обоего пола, не считая детей.²² В октябре 1929 года здесь организовали рыболовецкий колхоз «Батрак», который с 1937 года стал именоваться «Океан».²³ Как и колхозники соседних рыболовецких артелей и колхозов, рыбаки села Сухое ловили рыбу на Белом и Баренцевом морях. В 1934 году число дворов в колхозе составляло 89. Трудоспособного населения насчитывалось 153 человека, в отходе находились 33. Всего проживало 369 человек. Индивидуальные посевы имели 89 колхозников.²⁴

¹⁶ Кораблев, Н. А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века / Н. А. Кораблев. – Петрозаводск : Карелия, 1980. – С. 72.

¹⁷ Информант Смагин Виктор Павлович, г.р. 1930, м.р. с. Сухое; записано в 2012 г.

¹⁸ Максимов, С. В. Год на Севере / С. В. Максимов. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. Изд-во, 1984. – С. 50–51.

¹⁹ Фаусек, В. А. На далеком севере : из поездки на Белое море и на океан... / В. А. Фаусек // Вестник Европы. – 1891. – № 8. – С. 665–714.

²⁰ Фаусек, В. А. На далеком севере : из поездки на Белое море и на океан... С. 665–714.

²¹ Справочная книжка Архангельской губернии на 1860 год. – Архангельск : В типографии Губернского Правления, 1859. – С. 81.

²² Из села Сухого Кемского уезда // АЕВ. – 1907. – 15 фев. (№ 3). – Ч. неоф. – С. 76.

²³ НА РК. Ф. 3609. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 1.

²⁴ НА РК. Ф. 3609. О. 1. Д. 1/1. Лл. 1–12.

В архивных источниках сообщается о количестве добытого сухонскими рыбаками сельди, крупного и мелкого частика, лососевых, тресковых, морского зверя;²⁵ убранного колхозниками картофеля, сена и прочих культур.²⁶

На 1 января 1939 года в колхозе насчитывалось 96 дворов, в них проживало 487 человек.²⁷ В это время колхоз «Океан» имел библиотеку, фонд которой насчитывал одну тысячу книг, клуб, избучитальню, ясли-сад, который посещали 25 детей.²⁸

В 1930-е годы наряду с массовой коллективизацией Сухое не обошла и волна репрессий. В «Поминальных списках Карелии» названы уроженцы села: Комаров Константин Дмитриевич, капитан, расстрелян в 1938 г., Кукшиев Михаил Андреевич, рыбак, осужден на 10 лет, направлен в Онеглаг, где умер в 1942 г.; Мунтуев Александр Архипович, рыбак, расстрелян на ст. Медвежья Гора в 1938 г. и др. По воспоминаниям старожилов,²⁹ совсем недалеко от села, не доходя железной дороги, находились два лагеря заключенных – женский и мужской.³⁰

В годы войны в колхозе «Океан» трудились бригады Ф. И. Шаванова, А. А. Кузьмина, В. И. Аникиева, И. К. Васильева, П. М. Комарова, Г. Я. Смагина.³¹ Председателем колхоза в сентябре 1941 г. являлся Петр Иванович Афанасьев, бригадиром – Зоя Николаевна Гужиева.³² Уникален документ 1941 года – «Список рыбаков колхоза «Океан» на IV квартал». В списке 36 человек, те, кто трудился в помощь фронту.³³

Не забыт подвиг тех, кто, находясь в тылу, всем, чем мог, помогал стране, остались в истории и имена сухонцев, что не вернулись с войны. В память о них жители села Сухое установили памятник. Помнят сухонцы и о первом председателе колхоза – Иване Герасимовиче Аникиеве, 1897 г. р., который в 1944 г. погиб во время освобождения города Питкяранты от фашистских захватчиков.³⁴

На 1 января 1956 года в колхозе насчитывалось 46 дворов, в них проживало 108 человек. Три раза в месяц население обслуживала кинодвижка райсовета. В это время колхоз еще не был электрифицирован, но располагал своим радиоузлом с 35 радиоточками.³⁵

В 1960–1990-е годы жители села трудились в зверосовхозе «Выгостровский», после распада которого в 1990-х годах жизнь в селе начала угасать. Прекратили работу школа, детский сад, библиоте-

²⁵ НА РК. Ф. 3609. О. 1. Д. 1/1. Лл. 1–12.

²⁶ НА РК. Ф. 3609. О. 1. Д. 1/1. Л. боб.

²⁷ НА РК. Ф. 3609. О. 1. Д. 1/8. Лл. 2, 12.

²⁸ Архив Беломорского района. Ф. 12. О. 1. Д. 1/1. Л. 22.

²⁹ *Информант Смагин Виктор Павлович, г. р. 1930, м. р. с. Сухое; записано в августе 2012 г.*

³⁰ *Информанты Смагин Виктор Павлович, г. р. 1930, м. р. с. Сухое; записано в августе 2012 г.; Дементьевна Ангелина Васильевна, г.р. 1931, м. р. с. Сухое; записано в 2011 г.*

³¹ Расчетные ведомости на выдачу зарплаты колхозникам. 1941 год. Колхоз «Океан», с. Сухое Беломорского района // Архив Беломорского района. Ф. 42. О. 1. Д. 1/6. Лл. 1–6.

³² Расчетные ведомости на выдачу зарплаты колхозникам. 1941 год. Колхоз «Океан», с. Сухое Беломорского района // Архив Беломорского района. Ф. 42. О. 1. Д. 1/6. Л. 33.

³³ Архив Беломорского района. Ф. 42. О. 1. Д. 1/1. Лл. 26.

³⁴ *Информант Аникиев Леонид Иванович, г. р. 1929, м. р. с. Сухое; записано в 2012 г.*

³⁵ НА РК. Ф. 3609. О. 1. Д. 3/55. Лл. 1–11.

ка, клуб. Сухонцы разъехались, и сегодня в селе проживает всего 11 человек. Это пенсионеры, и те, кто когда-то не уехал из села, а остался в нем жить.

Архивные источники

Национальный архив Республики Карелия (г. Петрозаводск)

1. Ф. 3609. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 1.
2. Ф. 3609. О. 1. Д. 1/1. Лл. 1–12.
3. Ф. 3609. О. 1. Д. 1/1. Л. 6об.
4. Ф. 3609. О. 1. Д. 1/8. Лл. 2, 12.

Архив Беломорского района (г. Беломорск)

5. Ф. 12. О. 1. Д. 1/1. Л. 22.
6. Ф. 42. О. 1. Д. 1/6. Лл. 1–6.
7. Ф. 42. О. 1. Д. 1/6. Л. 33.
8. Ф. 42. О. 1. Д. 1/5. Л. 54.
9. Ф. 42. О. 1. Д. 1/1. Лл. 26.

Список источников и литературы

10. Адрес-календарь Архангельской губернии на 1904 год. – Архангельск : Губернская типография, 1904.
11. Архангельская Карелия. – Архангельск : Изд. Арханг. Губерн. Статистич. Комитета, 1908.
12. Из села Сухого Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. – 1907. – 15 фев. (№ 3). – Ч. неоф. – С. 76.
13. «Измарагдъ» XVI века Сухонаволоцкой церкви, Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. – 1911. – 15 июня (№ 12). – С. 583–584.
14. Кораблев, Н. А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века / Н. А. Кораблев. – Петрозаводск : Карелия, 1980.
15. Кошкина, С. Возрождение храма / Светлана Кошкина // Карелия. – 2012. – 16 авг.
16. Лейнов, А. В Сухом открылся новый клуб / А. Лейнов // Беломорская трибуна. – 1935. – 29 янв.
17. Летописец Соловецкий, выписан вкратце от жития преподобных отец Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцов, и спостника их аввы Германа, како начаша жити на Соловецком острове, и о преставлении их, и о строении монастырском, и о здании деревянном и каменном, и о прочем, с 1429 г. по 1796 г. : [электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. (73 файла : 25 мбайт). – Петрозаводск : Национальная библиотека Республики Карелия, 2006.
18. Максимов, С. В. Год на Севере / С. В. Максимов. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – 605 с.

19. **Материалы** по истории Карелии XII–XVI вв. / Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР ; под ред. В. Г. Геймана. – Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1941.
20. **Некролог** : [Степан Васильевич Чураков] // Архангельские епархиальные ведомости. – 1903. – № 11–12. – Ч. офиц. – С. 409–420.
21. **Пулькин, В.** Подаренье : предания, очерки, повесть / В. Пулькин. – Петрозаводск : Карелия, 1984. – 240 с.
22. **Списки** населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 1. Архангельская губерния. – СПб., 1861.
23. **Справочная** книжка Архангельской губернии на 1860 год. – Архангельск : В типографии Губернского Правления, 1859.
24. **Сухое**, Сорокской волости Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. – 1906. – 30 янв. (№2). – Ч. неоф. – С. 61–62.
25. **Фаусек, В. А.** На далеком севере : из поездки на Белое море и на океан / В. А. Фаусек // Вестник Европы. – 1891. – № 8. – С. 665–714.
26. **Чураков, С.** (помощник миссионера). Тайные раскольники / Степан Чураков // Архангельские епархиальные ведомости. – 1902. – 15 авг. (№ 15). – Ч. офиц. – С. 485–486.

Список информантов

Аникиев Леонид Иванович (м. р. с. Сухое, г. р. 1929; записано в 2012 г.)

Аникиева Наталья Ивановна (м. р. с. Колежма, г. р. 1931; записано в 2012 г.)

Аникиева Алевтина Александровна (м. р. с. Лехта, г. р. 1947; записано в 2012 г.)

Дементьева Ангелина Васильевна (м. р. с. Сухое, г. р. 1931; записано в 2011 г.)

Петрова Любовь Павловна (м. р. с. Сухое, г. р. 1936; записано в 2012 г.)

Смагин Виктор Павлович (м. р. с. Сухое, г. р. 1930; записано в 2012 г.)

Чуркина Серафима Ивановна (м. р. с. Сухое, г. р. 1928; записано в 2012 г.)

Степанова О. А.,
директор муниципального бюджетного учреждения
«Центр поморской культуры» (г. Беломорск)

Листер-бот для жителей Сумского Посада

В октябре 2010 года в Санкт-Петербурге впервые в истории нашей страны состоялась международная научно-практическая конференция «Проблемы изучения и сохранения морского наследия России», основной целью которой стало обозначение основ государственной политики в сфере изучения и сохранения морского наследия и объединение усилий государства и общества в этом направлении.

Конференция обозначила множество проблем. Россия – великая морская держава, имеющая выход к трем океанам, длину морской границы свыше 44300 км и самые протяженные внутренние водные пути в мире. Наша страна имеет богатейший флот, передовые традиции в области кораблестроения и судоходства, она стоит у истоков исторического освоения морских просторов, но, тем не менее, в настоящее время имеет ничтожное, в сравнении с ведущими морскими странами число кораблей-музеев, слабую сеть морских музеев, практически полное отсутствие законодательной базы в сфере охраны и использования подводного морского наследия, брошенные на произвол судьбы прибрежные фортификационные сооружения, маяки и многое другое.

В рамках работы конференции, выступающие неоднократно отмечали, что огромный пласт объектов морского наследия остаётся неизвестен, не выявлен, неосмыслен как историческое наследие, поэтому одним из пунктов резолюции конференции стало предложение об организации планомерной работы по созданию Реестра и Атласа морского наследия России.

В этой связи в марте 2012 года Российской научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева начал работу по первичному сбору информации о морском наследии страны, которая будет использована для формирования Федеральной целевой программы «Мировой океан 2014–2020 гг.», а также составления Атласа морского наследия.

Беломорский район Республики Карелия включился в эту работу. Территория района, действительно, представлена во всем многообразии объектов морского наследия: это гидротехнические и прибрежные сооружения, памятники, достопримечательные места, морские коллекции и традиции, многое другое.

Маяк на острове Жужмуй, село Сумский Посад, мореходная лодка XIX века, волоковой путь «Осударева дорога», шлюзы Беломорско-Балтийского канала (ББК), морской порт, волноломы, кладбища строителей ББК, памятные плиты капитану В. И. Воронину, строителям шлюзов ББК, погибшим морякам земснаряда «Чернышевский», предметы и коллекции, хранящиеся в музеях

района, архивы, мореходные традиции – всё это и многое другое связано с историческим опытом освоения и использования человеком северных водных пространств.

Работа по описанию объектов морского наследия Беломорского района, с одной стороны, позволила увидеть, как, казалось бы, неприметный среди множества муниципальных образований России, конкретный географический пункт обретает зримое воплощение своей истории, насыщенной героическими и трагическими событиями. С другой стороны, выяснилось, что сведения об объектах в различных источниках – разнятся, происходит искажение исторических фактов, требуется более тщательный подход к составлению описательных характеристик объектов. В этой связи необходимым и перспективным представляется проведение исследований документальных материалов архивов. Опыт работы в этом направлении показывает, что зачастую неожиданные и подчас уникальные сведения хранятся в местных архивах.

Так случилось относительно мореходной лодки, что находится на Мельничном пороге реки Сума в центре Сумского Посада. Долгое время историю появления лодки в Сумском Посаде различные источники трактовали по-разному: в одних сообщалось, что лодка подарена сумлянам Великим князем Алексеем Александровичем,¹ в других – Петром I, высоко оценившим вклад сумпосадских поморов в строительство «Осударевой дороги».

Ю. Калмаков (г. Архангельск), корреспондент газеты «Водный транспорт», изучая данный вопрос более подробно, в конце 70-х годов XX века лично побывал в Сумском Посаде и, основываясь на исторические сведения о строительстве Петром I «Осударевой дороги» и на воспоминания старожилов села, также выдвигает две версии появления лодки. По одной из них, она была подарена Петром I, по другой – сумляне получили лодку в дар от князя Алексея Александровича. Об этом находим информацию в его статье «Гордость и боль Сумского Посада».²

В Архиве Республиканского Центра по государственной охране объектов культурного наследия хранится паспорт на памятник, в исторической справке которого указано, что дата установки лодки неизвестна, а также то, что построена она поморскими судостроителями в XVIII веке по типу карбаса – «... *самому распространённому типу лодок для ближних и прибрежных плаваний. Использовалась также для промысла тюленей на льду*».³

Точку в спорах о том, при каких обстоятельствах появилась лодка в Сумском Посаде, ставит В. Р. Чепелев, учитель, историк из Амурской области. Его исследовательская работа «Розовый

¹ *О данном факте сообщается*: Мошина, Т. «Красавица Сума – миллионная улица. Жемчужный ряд» / Татьяна Мошина // Наука и бизнес на Мурмане. – 1998. – № 6. – С. 5–9; Случевский, К. К. По Северо-Западу России. Т. 1. По Северу России : с картою северного края, отпечатанною в 6 красок, и 146 рисунками / К. К. Случевский. – СПб. : Изд. А. Ф. Маркса, 1897; Случевский, К. К. По Северу России : путешествие их Императорских Высочеств Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 годах : в 2 т. Т. 2 / К. К. Случевский. – СПб. : Типография Э. Гоппе, 1886; и др.

² Калмаков, Ю. Гордость и боль Сумского Посада / Ю. Калмаков // Водный транспорт. – 1979. – 6 сент. (№ 107); 9 сент. (№ 108).

³ Архив ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия». Д. 184.

карбас»⁴ основана на краеведческих изысканиях документов Национального Архива Республики Карелия (НА РК).

Действительно, источник – Дело «О доставлении в Сумский Посад, пожалованного Его Императорским Высочеством Великим князем Алексеем Александровичем, ботика»,⁵ хранящееся в НА РК, знакомит с исторически достоверными фактами и новыми подробностями из истории появления лодки в Сумском Посаде.

Дело содержит 42 листа, и первым в его подшивке значится письмо от 25 июля 1872 года за № 3329 начальника по канцелярии Архангельской губернии Министерства внутренних дел, направленное в Сумскую Посадскую Ратушу. В письме сообщается о том, что Его Императорское Величество Великий князь Алексей Александрович, посетив в 1870 году село Сумский Посад «...и сделав несколько переездов на карбасах, принадлежащих посещенным Его Высочеством местам, удивлялся искусной гребле поморок, бывших гребцами за отсутствием поморов на промыслах...» и, возвратившись из путешествия в С-Петербург, «... ходатайствовал к постройке в Морском ведомстве такого судна по чертежу известных своими морскими качествами датских ботиков, вследствие чего в мастерских С.-Петербургского речного Яхт-Клуба и был сооружен норвежский ботик, пожалованный Его Императорским Высочеством для поморов или г. Кеми, или Сумского Посада, или села Сороки, куда по моему усмотрению будет полезнее.

Находя назначение ботика в Сумский Посад наиболее целесообразным, и сделав вместе с сим распоряжением об отправлении ботика на пароходе Товарищества Беломорско-Мурманского срочного пароходства «Качалов» в Сумский Посад, предлагаю ратушу по прибытии этого парохода в Суму, принять упомянутый ботик с распискою, и передать Обществу Сумского Посада от Имени Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича».⁶

Таким образом, документ даёт ответы на основные вопросы: во-первых, лодка была построена в Санкт-Петербурге в период с 1870 г. по 1872 г. (XIX век), во-вторых, лодка относится к типу «Листер-бот» (Lister Boat),⁷ в-третьих, лодка была построена и доставлена в Сумский Посад по распоряжению Великого князя Алексея Александровича.⁸

На вопрос – почему же построенная лодка была отправлена именно в Сумский Посад, а не в Кемь или Сороку, как предполагалось при постройке судна, документы «Дела...» не дают пояснения.

Вероятно, определяющую роль здесь сыграл тот факт, что именно в это время (1869–1870 годы) шла активная подготовка мероприятий по открытию в Сумском Посаде первого на

⁴ Чепелев В. Р. Розовый карбас. Журнал «Катера и яхты». – 2012. – май–июнь 2012. – № 3 (237).

⁵ НА РК.Ф. 585. Оп. 3.Д. 19/195.

⁶ НА РК.Ф. 585. Оп. 3.Д. 19/195. Л. 1,1 об.

⁷ «Листер-бот» – сравнительно небольшое, мореходное парусно-гребное судно лодочного типа с расположением обшивки внахлест, хорошо лавировавшее и выдерживавшее штормовую погоду, впервые появившиеся на юго-западном побережье Норвегии (мыс Листер).

⁸ Великий князь Алексей Александрович (1850–1908), четвертый сын императора Александра II, генерал-адмирал русского флота, с 1882 г. – управляющий морским ведомством (прим. авт.).

Белом море мореходного класса. Решалась задача государственной важности: дать местному населению прибрежной территории Белого моря (поморам), исключительно владеющим морской практикой, морское образование, теоретические знания по мореплаванию, географии, астрономии, судоходству, кораблестроению.

Был разработан проект «Положения о мореходном классе», отремонтирована комната в местном приходском училище для размещения мореходного класса, было приобретено штурманское оборудование и приборы, среди которых, в частности, значились: «... *секстан, «шторм – компас», бинокль, анероид, термометр, готовальни, циркули, транспортиры, параллельные линейки, мореходные таблицы, различные атласы и карты (в том числе, на английском языке), таблицы маяков Российской империи и флагов иностранных держав*»,⁹ а также словари, учебные пособия. Как отмечает источник, «*это был тот редкий случай на Руси, когда ещё до открытия учебного заведения были заранее приобретены, да ещё и самые разнообразные, в том числе и дорогостоящие штурманские приборы – всё это сулило несомненный успех в работе первого мореходного класса на Белом море*». Открытие мореходного класса состоялось 15 октября 1870 года.

Возможно, вышеперечисленные факты в определенной мере повлияли на выбор места – село Сумский Посад, куда была отправлена лодка, сооруженная по указу князя Алексея Александровича.

Изучая другие документы «Дела...» о доставке ботика в Сумский Посад, узнаём, что доставить лодку на пароходе «Качалов», как того требовало предписание Губернатора,казалось невозможнo, ввиду значительной величины судна. Поэтому обязательство доставить ботик в Сумский Посад взял на себя Российский шкипер Павел Степанович Смирнов, о чём 1 августа 1872 года дал Губернатору расписку:

«1. принятый мною по описи норвежский бот я обязан в навигацию сего года доставить в Сумский Посад и сдать оный под расписку Сумской Посадской Ратуши.

2. полученную мной от Сумской Посадской Ратуши расписку представить начальнику губернии.

3. личного вознаграждения за труд, а равно и за потреблённые для сего расходы, я не определяю, но предоставляю таковое назначить по усмотрению самого посадского общества.

4. вместе с сим обязуюсь принять все зависящие меры к благополучной доставке помянутого бота, под опасением за неосмотрительность, во исполнение строгой ответственности ».¹⁰

Важным документом «Дела..» является опись, свидетельствующая о том, что «...*бот дубовый, сосновая палуба с предохранительными ящиками, длиною 32 фута, шириной 11 футов, глубиною 4,5 фута...*»¹¹ был оснащен всем необходимым оборудованием и снаряжением, включая: один якорь, цепь, руль с румпелем, четыре весла, два багра, шесть железных уключин, камин с двумя

⁹ Попов, Г. П. Сумский мореходный класс / Г. П. Попов. – Архангельск : Издательский центр Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2000. – С. 22.

¹⁰ НА РК.Ф. 585. Оп. 3. Д. 19/195. Л. 3.

¹¹ НА РК.Ф. 585. Оп. 3. Д. 19/195. Л.6,6 об.

трубами, помпу с поршнем, парусный чехол для люка, один флюс чугунный, водяную бочку, паруса, мачту со всеми принадлежностями снастей и т. д.

Другие документы «Дела...» – Постановления Сумской Посадской Ратуши – свидетельствуют о том, что судьба ботика некоторое время была под контролем Общественного собрания сумских мещан. Так, в решении Общего собрания от 12 ноября 1873 года жители села отмечают, что норвежский ботик признают «... полезным для себя как в материальном, так и научном отношении...»¹² и ходатайствуют о передаче лодки для хранения, а в случае необходимости её использования – сумскому мещанину Ивану Воронину, «...известному нам своим поведением и достаточными средствами..., который обязывается хранить его в довезенной исправности, и мы ему доверяем...».¹³ В 1875 году, ботик на текущую навигацию был передан Гавриле Афанасьевичу Ерёмину, бывшему кандидату в бургомистры Ратуши. В решении Общего собрания сумлян от 30 мая 1875 г. указано, что если лодка будет использоваться для перевозки богомольцев в Соловецкий монастырь, то вырученные деньги поступают в полное распоряжение Ерёмина, но с условием, что по возвращении мещан Общества с морских промыслов, он будет вынужден дать подробный отчет об их использовании.

Примечательным также является и то, что указанные документы подписаны сумлянами, фамилии которых хорошо известны в Сумском Посаде: Матвей Рюхин, Яков Воронин, Федор Воронин, Александр Демидов, Григорий Ехменин, Иван Наумов, Григорий Лазарев, Степан Корольков, Иван Корольков, Иван Евстюгин, Михаил Понамарев и др. Являясь представителями сумских семейных династий мореплавателей, капитанов, судостроителей, они принимали активное участие в судьбе подаренного ботика.

В Деле о доставлении ботика в Сумский Посад, также содержатся другие материалы, которые требуют расшифровки и более детального изучения. Безусловно одно – архивы содержат ценнейшие источники информации, неизвестные и полузабытые факты, помогающие восстановить «пробелы» в истории.

Благодаря реализации в 2012 году проекта «Балагурские чтения», удалось получить копии некоторых документов «Дела о доставлении ботика в Сумский Посад» НА РК, которые будут храниться наряду с другими историческими документами в электронно-цифровом архиве Центра поморской культуры.

В заключение, нельзя не остановиться на текущей ситуации, касающейся вопроса сохранения памятника-лодки в Сумском Посаде. Проблема стоит очень остро – прошло 140 лет с момента постройки лодки, за это время памятник поддерживался силами местных жителей, общественности, местной администрации. В 1980 году были предприняты первые серьезные попытки по ремонту судна. Так, в сентябре этого года по заданию Министерства культуры КАССР группой ар-

¹² НА РК.Ф. 585. Оп. 3. Д. 19/195. Л. 26,26 об.

¹³ НА РК.Ф. 585. Оп. 3. Д. 19/195. Л. 26,26 об.

хитекторов «Спецпроектреставрация» (г. Москва) были проведены натурные исследования и обмер лодки. Итогом этой работы стал разработанный «Проект реставрации карбаса – мореходной лодки из с. Сумский Посад Беломорского района КАССР»,¹⁴ который был утвержден 30.12.1982 года. Проект содержит комплект документации, куда, в том числе, входит: акт технического состояния, эскизный проект, результаты натурных исследований, и, что очень важно, чертежи подлежащих восстановлению элементов лодки.

Дальнейшие политические и экономические преобразования, происходящие в стране, первоочередность решения более важных насущных, «бытовых» проблем муниципалитета, надолго отложили решение вопроса по ремонту памятника.

В настоящее время лодка-памятник требует незамедлительных мер по реставрации. Администрация Сумпосадского сельского поселения и жители стараются поддерживать памятник в сохранности, так в 2011 году установлен навес над лодкой. Однако, для воплощения более действенных мер по реставрации, либо консервации объекта требуются значительные финансовые вложения, привлечение специалистов-реставраторов, вновь требуется обследование памятника. Ходатайство администрации Беломорского района перед Министерством культуры РК о включении мореходной лодки в государственные программы по реставрации, в августе этого года было отклонено на том основании, что на данный объект культурного наследия не зарегистрированы права собственности. В настоящее время администрация Сумпосадского сельского поселения приступила к процедуре оформления прав собственности на памятник. Их наличие в перспективе позволит муниципальному образованию участвовать в различных программах, получать субсидии, найти партнеров-специалистов, которые помогут в проведении реставрационных работ единственной в Карелии лодки-памятника XIX века.

Список архивных источников

Национальный архив Республики Карелия (НА РК, г. Петрозаводск)

1. Дело «О доставлении в Сумский Посад, пожалованного Его Императорским Высочеством Великим князем Алексеем Александровичем, ботика»; Ф. 585. Оп. 3. Д. 19/195.

Архив Государственного казенного учреждения Республики Карелия «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия» (ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия», г. Петрозаводск)

2. Дело № 184 «Мореходная лодка XVIII века, Беломорский район, с. Сумский Посад».

3. Дело 2-81-А, 2-81-Б, 2-81-В, 2-81-Г.

¹⁴ Архив ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия». Д. 2-81 Г.

Список литературы

3. **Калмаков, Ю.** Гордость и боль Сумского Посада / Ю. Калмаков // Водный транспорт. – 1979. – 6 сент. (№ 107) ; 9 сент. (№ 108).
4. **Министерство культуры РФ, Музей Мирового океана.** Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Материалы первой международной научно-практической конференции. – Калининград : Книжное издательство «Терра Балтика», 2010.
5. **Мошина, Т.** «Красавица Сума – миллионная улица. Жемчужный ряд» / Татьяна Мошина // Наука и бизнес на Мурмане. – 1998. – № 6. – С. 5–9.
6. **Попов, Г. П.** Сумский мореходный класс / Г. П. Попов. – Архангельск : Издательский центр Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2000.
7. **Случевский, К. К.** По Северо-Западу России. Т. 1. По Северу России : с картою северного края, отпечатанною в 6 красок, и 146 рисунками / К. К. Случевский. – СПб. : Изд. А. Ф. Маркса, 1897.
8. **Случевский, К. К.** По Северу России : путешествие их Императорских Высочеств Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 годах : в 2 т. Т. 2 / К. К. Случевский. – СПб. : Типография Э. Гоппе, 1886.
9. **Степанова, О. А.** Листер – бот для жителей Сумского Посада. Балагуровские чтения. Материалы краеведческой конференции / Гос. ком. по вопросам нац. политики и связям с обществ. и религиоз. об-ниями Респ. Карелия ; Карел. регион. обществ. орг-я «Молодеж. информац. – правов. Центр коренных народов «Nevond» ; Администр. муницип. обр-я «Беломор. муницип. р-н» ; Муницип. бюджет. учрежд. «Центр помор. культуры»; Сост. О. А. Степанова, С. В. Кошкина. – Беломорск : Центр поморской культуры, 2012.

Образы лесных духов в карельских быличках

Былички о хозяевах леса являются самыми распространенными в современной карельской мифологической прозе.¹ Перед человеком лесные духи чаще всего предстают в антропоморфном виде, но сохраняют в себе и более архаичные фито-, зоо- и аморфные признаки.

Фитоморфные образы. Говоря о внешности духов – хозяев леса, следует, в первую очередь, обратить внимание на наличие фитоморфных признаков, которые свидетельствуют о наибольшей древности образов. Данные признаки сохранились только во фрагментарном виде.

Некоторые ученые считают, что для растительных реалий характерна более поздняя мифологизация: «В космогонических мифах растения – фактически первые объекты, созданные богами. Однако частью мифологических и ритуальных систем растения становились позже, чем животные, поскольку ядро мифологических представлений о растениях предполагает уже более или менее развитые земледельческие культуры, и, следовательно, само земледелие, появляющееся гораздо позже, чем скотоводство и тем более охотничий и рыболовный промыслы».²

Самым распространенным в карельской мифологической прозе является уподобление роста лесных хозяев высоте растительности, среди которой они проходят. Рассказчики часто подчеркивают, что где деревья высокие, там и духи огромного роста, в кустарнике и они выглядят пониже, а в траве вровень с ней. Знахарка говорит: «Идите в лес. Какие деревья, такие и жители придут к вам». Чаще говорится, что это «мужик, ростом с высокие деревья» или «из лесу идут такие мужчины, которые выше деревьев».

«Стоит он... подле высокой ели, и кажется тебе, что подле ели стоит еще другая ель, а между тем на самом-то деле – это и есть леший. В маленьком леску он сам становится маленьким, а потому его опять и не отличить от деревьев».³

Карелы считали деревья живыми. Об этом свидетельствует замечание информанта о том, что еще бабушка ей говорила: «идти по лесу надо так быстро, чтобы одно дерево тебя видело, другое – нет».

Совершенно необычное по своей красочности описание лесных жителей дается в одной из карельских быличек. «Иду в лес, – рассказывает женщина, – ельник такой, вот такой высоты елочки, маленькие. Но есть и высокие деревья, а те маленькие деревья среди больших. И они

¹ Подробно о духах-хозяевах леса и воды, а так же о Кегри, Сюндю и Крещенской бабе см.: Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. Москва, 2012. 557 с.

² Доброва С. И. Антропоморфизация объектов природы в фольклорно-языковой картине мира // Первый Всероссийский съезд фольклористов. Т. 3. М., 2006. С. 161.

³ Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. СПб., 1893. С. 418.

словно бы в шелка одеты, эти елочки. Шелк есть ведь, ну словно бы шелк, шелковые платья на сосенках одеты или что – так они одеты. Я, говорит, испугалась: “Ой-ой-ой, ну куда я пришла? На чужую землю!”». Это описание абсолютно не характерно для карельской мифологической прозы 20-го века. В ней хозяева леса – чаще всего существа мрачные, темные, внешне непривлекательные, как, собственно, и пространство, которое их окружает: вряд ли в лесу можно найти более глухие и беспространственные места, чем ельники. А здесь – елочки одеты в шелка. Женщина сама находит разгадку этого: она попала «на чужую землю». И, видимо, мало того, что она попала в тот мир, она еще смогла взглянуть на него глазами его жителей, и он предстал перед ней во всех красках. В том мире все наоборот: темный ельник превращается в яркое царство, заячий помет – во вкусные ягоды, а темная ночь становится светлым днем, и жители далеко не всегда одеты в «черные шинели». Все представления перевернуты.

В старинном карельском предании рассказывается, как праородители, приняв образ елей, защищали потомков при наступлении шведов на Олонец. Враги расположились в устье Олонки и вдруг вдали заметили большое войско; исугавшись, они вынуждены были отступить.⁴ На самом деле это была всего лишь ельник у д. Горки.

В одном из сюжетов, распространенных в Приладожской Карелии, лесной дух будит спящего человека: «Вставай, старший будет спать!» Человек еле успевает вскочить, как на то место, где он спал, падает дерево.⁵

Архаичными являются и сюжеты, в которых хозяева леса изображаются спереди похожими на человека, а сзади – на трухлявый пень, еловую кору, на ель, покрытую лишайником, и т. п. Чаще это относится к женским персонажам, которые спереди очень красивы, а сзади – уродливы в человеческом понимании, но тем самым они сохраняют в себе самые древние фитоморфные черты. Иногда в лесу встречают девушку в женской одежде, она доит коров и, пятясь, убегает, не желая показаться человеку со спины. Такие образы остались зафиксированными только в финских архивах, сохранивших наиболее старые записи, сделанные до XX века.⁶ В Южной Карелии встречаются рассказы о том, как в лесу к охотнику, ночующему у костра, приходит лесная дева – спереди красивая, а сзади как чурбан. Под Олонцом и в Беломорской Карелии рассказывали, что в лесу человеку может явиться лесная хозяйка (*metsänemäntä*). Она в женской одежде, но ни в коем случае не хочет показываться сзади. А в южной Карелии подобным образом видели и духа леса (*metsänhaltija*), здесь подразумевается уже мужской персонаж. Пастухи, охотники, сборщики ягод встречали его в облике человека: спереди как мужчина, а сзади волосатый, как еловый пень, покрытый бородатым лишайником. В Приладожской Карелии и сама дева леса сзади могла быть

⁴ Древний Олонец. Петрозаводск, 1994. С. 27.

⁵ Lauhainen M. Suomalaiset uskomustarinat. Helsinki, 1999. S. 240.

⁶ Л. Симонсуури. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991. С. 144–146. Lauhainen M. Suomalaiset uskomustarinat. Helsinki, 1999. S. 239.

похожей на ольховую ветку, и, к примеру, прекрасная коса, подаренная хозяином леса, при пристальном взгляде на лезвие, превращалась в еловую ветвь.⁷

Зооморфные персонажи. Судя по указателю Л. Симонсуури,⁸ в Приладожской Карелии записаны мифологические рассказы, в которых хозяева леса предстают в самых разнообразных зооморфных видах. Это глухарь, тетерев, лось и медведь, самые крупные и почитаемые карелами птицы и животные.

В быличках XX века человек встречает лесных духов в образе своего тотемного предка – медведя. В одном из рассказов женщина, собирая ягоды, вдруг видит, что ей навстречу идет хозяин леса, медведь. Его внешний вид не описывается, отмечается только одна характерная деталь: он прихрамывает. А хромота – это один из признаков существ иного мира. Женщина очень пугается. Вообще состояние испуга – это неотъемлемая характеристика человеческого восприятия в быличках о лесных хозяевах. К примеру, в рассказах о святочных героях позиционируется, что, идя с ними на контакт, бояться ни в коем случае нельзя. В быличках о водяных часто присутствует доля любопытства, а подчас самый обычный человек может даже противостоять им, прогоняя прочь. В рассказах же о леших иного чувства, кроме страха, у людей не возникает. Объясняется это, в первую очередь, тем, что, например, Крещенскую Бабу и Сюндю человек ждет только во время определенного годового цикла (Святок), он готовится к их встрече, а чаще даже провоцирует ее с целью узнать будущее; при этом он окружает себя различными оберегами (магический круг, железные предметы и др.). С хозяевами воды человек часто встречается в ситуациях, когда каждая сторона находится на своей территории: человек – на земле, водяные – на воде или на пограничных территориях (мостки, камень, берег). С лешими же встреча происходит исключительно на их территории, абсолютно чуждой и даже враждебной самому человеку. И если в русской мифологической прозе леший может наведываться на территорию, обжитую человеком, и даже заходить в дом, в карельской традиции это полностью исключено, кроме как в сюжетах о похищении детей: границей для него служат изгородь, начало вспаханной земли. Именно поэтому, человек, попадая в лес, чувствует себя полностью беззащитным, находящимся во власти лесных хозяев, и его всегда преследует чувство страха.

Так происходит и в данной быличке: женщина пугается, но хромающий медведь догоняет ее и просит вытащить из лапы занозу. Женщина вытаскивает ее, пытается снова убежать. Но она полностью во власти хозяина леса: он усаживает ее, положив на колени камень, и она безропотно сидит двое суток, пока медведь ищет, чем отблагодарить свою спасительницу. Возвращается он с коровьей ногой, скидывает камень, кладет взамен «подарок» и отпускает домой. При этом рассказчик называет примечательную деталь, которая указывает на то, что медведь в данном случае

⁷ Л. Симонсуури. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991. С. 145.

⁸ Там же. С. 144.

не просто хозяин леса, но и тотемный первопредок, знакомый с обычаями человеческого рода: он кланяется женщине в ноги и уходит.

Во многих мифологических рассказах медведь совершенно четко называется полноправным хозяином леса, с которым пастух заключает завет.

Иной образ медведя представлен в быличке, рассказывающей о том, как пастух устроил женщине встречу с хозяином леса. В иерархической лестнице карельской деревни пастух занимал совершенно особое, почетное место, наряду с колдуном-знахарем и бабкой-повитухой. На весь пастбищный сезон он заключал особый договор с хозяином леса, при этом сам был вынужден соблюдать множество запретов, но и леший обязывался не трогать коров. При этом часто считалось, что у хорошего пастуха не он сам пасет животных, а именно лесной хозяин, который очень часто ассоциируется и предстает в образе медведя. Стадо остается как бы внутри неприступного магического круга, который пастух обводит во время первого выгона скота. А леший четко соблюдает указанные ему границы: «Ни на вспаханную землю не ходи, ни через забор не поднимайся, вокруг иди!» Ритуальное действие, подкрепленное сакральным словом, имеет несокрушимую силу. Привел пастух женщину в лес, усадил на камень и вдруг... «Вдруг» – это совершенно особая времененная маркировка «иного мира» (точно так же, как «камень» – маркировка локальная). В иное временное и локальное измерение, в котором можно встретиться с жителями этого мира, можно проникнуть именно «вдруг» – идея внезапности, молниеносности говорит, с одной стороны, о призрачности любых границ, а с другой стороны – об их независимости от человеческой воли, человеческого сознания. В данном рассказе неожиданно появляются («подкрались как будто») два медвежонка, начинают обнюхивать дрожащую женщину, и вдруг она видит, что «сидит третья, большая, напротив». А рядом беззаботно гуляют коровы, они словно не замечают медведей, ибо в быличке это не просто лесные звери, а пришельцы из иного мира. И медведи коров не трогают, как позже объяснит пастух: «Сказал ведь: не бойся. Никто тебя не тронет. Колокольчик у коровы лапой тронет, а корову не тронет». В этом рассказе подчеркивается могущество пастуха-знахаря, подчинившего себе лесную силу, заключившего с ней договор «о ненападении». Не случайно и медвежата сначала кажутся женщине похожими на собак, на домашних животных. Но в то же время следует помнить, что в мифологии собака – не столько друг человека, сколько медиатор между мирами, и в этом ее главная роль. В конце концов, медведица, трижды прорычав, уводит медвежат, а женщина сможет подняться с камня, только когда придет пастух: кто открывает «дверцу» в иной мир, тот и должен ее закрыть.

Духи леса могут предстать и в образе волка. В Сямозерье (июль 2008 г., экспедиция РГГУ в д. Трофимнаволок) записана быличка, рассказывающая о том, что при нарушении каких-либо табу (например, если пастух убивает любого лесного зверя) хозяин леса является во сне в виде трех волков. Неслучайно и в карельских сказках волк как тотемный предок (наряду с медведем и щу-

кой) выступает в качестве одного из помощников главного героя. В одном из сказочных сюжетов Иванов сын накрывает волчат кафтаном от посыпавшегося града, а волк в благодарность помогает ему добраться к сундуку, в котором скончаны «печали девушки». В фольклоре многих народов, в том числе и карелов, общеизвестным является сюжет о превращении целых свадеб в волков.

Иногда хозяева леса предстают перед человеком в виде собаки. Такая «лесная собака» (mečän koira) уводит девочку в лес, при этом ласкится к ней и «хвостом зазывает, зазывает, зазывает». В одной из быличек рассказывается о том, как поссорились два охотника, не понаслышке знакомые с охотничьей магией. Один «испортил» ружье товарищу. И когда тот в результате, выстрелив пять-шесть раз, все равно не смог попасть в белку, он решил отомстить: прямо посреди ночи «вызвал» к костру собаку. Незнакомая собака появилась прямо из леса, черная с белой шейкой. Черный цвет, как известно, признак нечистой силы, очень часто именно в таком цвете в фольклоре всех народов видят леших. «Степан говорит: «Не шути, отправь вон эту собачку!» Испугался! «Ну, если еще раз мимо выстрелю, еще не то придет, еще другое придет, подожди!» Оба, значит, они были колдунами, оба знали. «Не трону я больше тебя, стреляй, только отправь это вон!» Вася там снова, не знаю что, сказал, и собачка эта исчезла, ушла вон! А это, говорит, была правда, но-чью, да так поздно, огонь горит посредине, и он позвал собачку! Говорит: «Придет собачка!» И пришла, – говорит, – черная собачка, вокруг огня только ходит вот так, белая шея... Раньше такое вспоминали!»

В Бабгубе дед Емельян по дороге к лесной избушке встретил трех неизвестных собак, «белые, у каждой красные ленты на шее на такой широкий узел завязаны... А моя собака хоть и смелая, в разных переделках бывала, а трется между ног, поскуливает. Тут я понял: неспроста. В эти собаки пробежали мимо, даже не взглянув, как будто нас с собакой и не было».⁹ Последнее замечание очень важно. Хозяева леса, полностью ассилированы с лесом, не хотят, чтобы их видели, да и сами стараются на людей обращать как можно меньше внимания. Карелы говорят, что «лес... полон нечистой силы – «метчяляйжид». Но мы не каждый раз видим ее, а не видим потому, что у лесовика есть особенная способность: принимать рост, равный высоте тех деревьев, подле которых он стоит... Да чтобы и было... если бы у лешего не было такого свойства, тогда и в лес-то не вышел бы никогда, на каждом шагу торчал бы он – «худой» и пугал бы своим видом «крещеных» – «ристиканзуайд»».¹⁰ Эта мимикрия выгодна обеим сторонам, чтобы разные миры оставались параллельными и лишний раз не пересекались, не подвергая опасности жителей обеих пространств: путь в иной мир строго охраняется, и попасть туда можно или обладая тайной силой, или нарушив запреты, или по воле хозяев «иного мира». Друг дает деду Емельяну совет, что «надо было между ног сплюнуть», и тогда собаки бы исчезли. Данное замечание, видимо, можно

⁹ Jyrinaja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku, 1965. S. 79.

¹⁰ Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. Вып. 1–3. С.-П., 1893. С. 418.

трактовать как совершение негативного действия, направленное на сам центр, или дверцу, через которую удалось проникнуть в «иной мир». Дед Емельян, видимо, наступил на «плохие следы» («*rahat jället*»), которые оставили хозяева леса и через эти следы проник в чужое пространство: плевок должен был закрыть «дверцу». Плевок между ног символизирует, видимо, и фаллическую силу мужчины, всегда являющуюся орудием борьбы с нечистыми. Во время лечения некоторых болезней (например, падучей, эпилепсии) следовало положить больного на порог или крашку подпола (сакральные локусы, связанные с культом первопредков, мертвых), накрыть его венчальной скатертью, а знахарка (или знахарь) вставала над ним, расставив ноги, и прознosiла: «Где новых делают, там старых лечат».

Обращает на себя внимание и деталь, которая подчеркивалась во многих сюжетах: то у собачек белая полоса на шее, то красная лента, повязанная узлом. Белый цвет, как известно, – символ существ «иного мира», чаще несущих позитивную оценку, вот и в данном сюжете белые собаки (каковых практически не было у карел, лайки были рыжими или черными) не представляли никакой опасности для человека. Красный цвет ассилирует в себе жизненную силу, могущество. Полосы и ленты на шее, видимо, можно трактовать по-разному. В какой-то мере – это аналог пояса, который, как известно, «представляется замкнутым кругом, символизирующим вечность, поэтому препоясывание персонажа – знак приобщения его к вечности».¹¹ Во-вторых, эта круговая полоса – аналог магических акциональных и вербальных кругов, которые человек для своей защиты использует, например, во время гадания или разговора с лешим; это символ защищенности. В-третьих, существует общеизвестная теория, что лешие произошли от умерших или погребенных в лесу. А так как в лесу, т. е. за церковной или кладбищенской оградой погребали только некрещеных и, чаще, самоубийц, то это, возможно, своеобразная отметина, напоминание об удавке на шее первопредка.

Но «лесные собаки» могут представлять и опасность для человека. Это происходит, когда нарушаются какие-то запреты. «Посмотри-ка, мне в лесу навстречу собака прибежала, и не укусила, только обляяла, да об ногу ткнулась. Я сказала на том месте: “Сволочь! Гад!” А потом: “Карaul!”, домой не попаду, опухло, а как больно! Потом надо было ходить прощения просить три вечера». В лесу вообще запрещено материться и даже громко разговаривать, петь, а здесь матом обругали самого «хозяина леса» или его посланника – и сразу последовало наказание. На юге Карелии (Вешкелица) рассказывали, что у лешего есть собака, которая лает коротким лаем и может указать место клада.¹²

Иногда собаки являются просто спутниками «хозяев леса». Охотник, сидя в лесной избушке, уже поздно вечером слышит собачий лай, а потом раздаются выстрелы. «А раз вечер, так темно, как увидишь в темноте, куда стрелять?» И в конце концов выстрелы приближаются, и в избушку

¹¹ Криничная Н. А. Лесные наваждения. П., 1993. С. 16.

¹² Harva U. Suomalaisten muinasusko. Porvoo-H., 1948. S. 358.

заходит сам хозяин леса уже в мужском обличии. В финских мифологических рассказах у лешего есть коровы, которые поднимаются из земли и уходят в нее.¹³ Возможно, с целью пополнения своего стада хозяин леса уводит коров у людей.

На более позднем этапе в человеческом сознании образы хозяев леса уже полностью ассилируются с нечистой силой. Рассказывая былички, карелы часто так и говорят: «В лесу есть хозяин. Хозяин леса. Бесы. Раньше бабушка, мать отца, видела их своими глазами». Но их продолжают видеть в образе собак, который традиционно совершенно не свойственен такому персонажу как черт, зато присущ лесным хозяевам. «А у отца это было. Арефьев старик в Ковде жил, позвал в баню. Говорит: ... придут к тебе собаки и ты будешь им работу давать, а они будут тебе имущество приносить. А отец сказал: “Я лучше десять раз с коробом пойду попрошайничать, чем мне такой хлеб! Нет!”» Здесь две детали указывают на то, что в данном случае этот персонаж явный черт, хотя в начале автор позиционирует его как хозяина леса: во-первых, он вездесущ в мире человека и приходит в баню, на человеческую территорию, чего традиционно хозяин леса ни в коем случае делать не может – он скован границами своего «иного» мира. А во-вторых, принять его награду – равнозначно продаже души, что также идет вразрез с образом хозяев леса: человек с готовностью принимает их нечестные приношения, которые делаются в обмен на какие-то небольшие услуги, как в сюжете с медведем, занозившим лапу.

Хозяева леса могут представлять в образе еще одного тотемного животного – лося. В одном из сюжетов рассказывается, как лесные духи наказывают за непозволительное поведение и нарушение запретов: «Тут у нас был случай! Поехали, напились сначала, поехали, разухарились, а за Чуйнаволоком горки есть – лось на машину выбежал. И одному угодило сверху, кабина сломалась, раздавилась, раз лось прыгнул через машину. И в дом сумасшедших попал!.. Надо перекреститься, когда куда пойдешь, обязательно! Я всю жизнь в Бога верила, все время с молитвой уходила».

В другой быличке мальчик, спрятанный лесом на три ночи, рассказывал, что спал между двумя лосями.

Могут лесные духи появляться и в образе более редких животных. Один из мифологических рассказов повествует о том, как навстречу охотникам выбежал горностай. Они не стали убивать его. А через некоторое время он отблагодарил охотников: когда мужчины шли по мосту, он вдруг снова выбежал навстречу и убил змею, затем повернулся и убежал в лес.

В мифологических рассказах часто появляется и образ лошади. Иногда хозяин леса едет на ней верхом или в телеге, а порой он сам перевоплощается в это животное. В одном из сюжетов девочку увозят «на белой лошади». И она так же, как в предыдущей быличке, видит людей,

¹³ Там же. С. 359.

ищащих ее, но подать голос не может. Белый цвет снова подчеркивает, что это представители иного мира, мира бесцветного и бестелесного, невидимого, каковыми становятся все, кто попадает в него.

В другой быличке мальчик, пробывший в лесу трое суток, рассказывает, что «дядя посадил на лошадь и катал». Причем леший не смог унести его навсегда, т. к. у него на шее был крестик.

Практически во всех сюжетах, в которых фигурирует лошадь, указывается на способность лешего бесследно и мгновенно исчезать. Однажды мальчик вышел ночью на улицу, чтобы сходить в туалет. Подошла лошадь, запряженная в сани, и раздался голос: «Поехали со мной». Было очень холодно, а на ребенке не было ни шапки, ни куртки. И в ближайшей деревне он зашел в дом погреться. Там взрослые сразу поняли, что это леший в виде коня (*metšine*), раз есть лошадь и телега, а наездника нет. Они перекрестили животное, и все пропало.

Еще одна быличка рассказывает, как мужчина, опять же ночью, шел по лесной дороге. Вдруг подходит к нему лошадь с повозкой, останавливается. Он хотел было сесть на нее, внезапно все пропало, а он оказался сидящим на дороге. «Это был леший», – понял мужчина и в ужасе бросился бежать домой.

Может бесследно исчезать и леший в образе молодого красивого мужчины, едущий верхом на коне. Он просит уступить дорогу и тут же пропадает.

Зооморфная внешность лесных хозяев иногда трактуется и просто как некий «лесной зверек». Однажды лес спрятал двух детей. Позже, когда их нашли, ребята рассказали, что они прекрасно слышали, что родители их ищут, бегут прямо следом. Но откликнуться они не могли: «Какой-то лесной зверек по лесу бежал, нам надо было следом идти!» Между нашим и иным миром лежит плотная завеса, и жители человеческой стороны не могут видеть обитателей другой.

Предстают лешие в быличках и в орнитоморфном виде: «*Harakku se yöl hatšattau. Sanotah: ei se harakku ole. Metsähaltia.*» Сорока ночью стрекочет. Говорят: это не сорока. Хозяин леса». В одном из мифологических рассказов хозяева леса попеременно предстают то в виде высокого мужика Ивана, то странных сорок, то громких голосов. Однажды потерялся в лесу жеребенок, хозяйка пошла со знахарем на перекресток. Знахарь стал звать Ивана. Пришел очень высокий мужик и ответил, что у него жеребца нет, но надо спросить у других. Вдруг один за другим стали приходить мужчины, спорят, кричат, но ничего не понять. Пришла хозяйка домой – до вечера сороки в окно заглядывали. А знахарь сказал, что жеребенок найдется на берегу реки или ручья. Пошли они на стан, и всю ночь в лесу голоса шумели, кричали. Людей от беды только молитвы спасли, а жеребенок утром нашелся там, где и сказал знахарь (SKS. 384). Согласно мифологии

ским представлениям, облик сороки часто принимают ведьмы.¹⁴ В карельских эпических песнях Ильмойллине говорит девушке, отказывающейся выйти за него замуж:

Я бы проклял тебя вороной,
Но ведь будешь плохим человеком;
Проклял бы сорокою, –
Но опять же будешь плохим человеком;
и заклинает ее «чайкой плакать над волнами».¹⁵

В вепсской мифологии сорока – тоже птица «нечистая».¹⁶

Порой хозяин леса перевоплощается в птицу, которую нельзя убить. Однажды мужик пошел в лес охотиться. Вдруг сел рябчик на ель. Охотник стрелял много раз, но птица, не шелохнувшись, продолжала сидеть на дереве. Насилу он смог освободиться от этого наваждения и отыскать дорогу домой.

Иногда на орнитоморфность внешнего облика указывают лишь мелкие детали. В одной из быличек говорится, что заблудившемуся человеку для того, чтобы выбраться из леса, следует выбросить все собранные ягоды: «*siitä hiän sieltä n'okikkah*; пусть потом он там клюет».

Появление лесных птиц и зверей рядом с человеческим жильем однозначно трактовалось как плохой предвестник. Лисы и белки предвещали пожар. «Глухарка села на крышу: кто-то умрет или беда будет».

Есть сведения, что «народ леса... показывается умеющему вызвать его в виде... муравья».¹⁷

Антропоморфные образы. В подавляющем большинстве сюжетов лесные жители предстают перед человеком в антропоморфном виде. При этом возникает интересная закономерность. Когда духи-хозяева фитоморфны, т. е. сливаются с лесом и практические незаметны для человека, и когда они показываются в любом зооморфном виде, лесных ли зверей или домашних животных, чувство страха у человека не так велико, как в сюжетах, где они антропоморфны. При этом в быличках, безусловно, превалирует мужская ипостась «лесных обитателей». Карелы и сами прямо говорят об этом: «В воде – хозяйка, в лесу – хозяин». Мифологическая проза о хозяйке воды сохранила более архаичные черты, в ней четко прослеживается связь с древней Матерью Вод, с первотворением, с той субстанцией, в которой проходило сотворение всей земли.

Карелы чаще всего дают следующее портретное описание хозяина леса: «Там идут мужики, ростом с высокие деревья, только пуговицы блестят. Черные шинели, а пуговицы желтые, как у милиционеров, только блестят».

¹⁴ Разумова И. А. Сказка и быличка. Петрозаводск, 1993. С. 23.

¹⁵ Карельские эпические песни. М.; Л., 1959. С. 337.

¹⁶ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск, 2006. С. 74–75.

¹⁷ Мансикка В. П. Из финской этнографической литературы. Петроград, 1917. С. 204.

В таких ситуациях в первую очередь подчеркивается рост: «идут такие мужчины, выше деревьев»; «мужик большой»; «леший – высокий, большой»; «два метра длиной»; «мужик это, такой здоровый»; «мужик высокий, шириной с дорогу». Иногда это «молодой красивый мужчина».

Во время экспедиции 2011 года в Олонецкий район записана быличка о том, как на встречу со знахаркой приходят мужчины, ростом с деревья «mužikat puuloin piduhut». При этом подчеркивается, что они голые – очень редкая деталь, больше свойственная хозяйке воды.

Одежда хозяев леса чаще всего представляет собой шинель с одним или двумя рядами блестящих желтых пуговиц. Но встречаются и такие ее варианты как: черный костюм; черная длинная одежда; «черное такое надето»; «куртка до сих пор»; «халаты надеты»; «в черном таком, шерстяном, одежда черная»; «мужчина в черных и красивых одеждах»; «на ногах черные сапоги с длинными голенищами». При этом в каждом тексте подчеркивается, что на груди блестят желтые или медные пуговицы – это неотъемлемая черта в антропоморфном изображении хозяев леса. Блеск пуговиц, их желтый цвет – это символы того архаического образа, когда леший воспринимался как божество леса, воплощение всего позитивного, объект поклонения для человека. Неслучайно одним из способов победить черта считается выстрел именно такой желтой пуговицей. Это можно воспринимать и как символ богатства древнего божества (золото лесных кладовых – это звери и птицы), напоминание о золотых монетах, и вообще о золоте. Это и традиционный магический оберег – круг.

Черная одежда и черные сапоги также глубоко информативны. Во-первых, это уже более поздняя во временном плане маркировка, несущая в себе негатив, подчеркивающая как из божества духи леса постепенно приближались к образу черта (именно в таком виде: в шинелях с пуговицами карелы видели чертей). Черным одеждам карельских лесных хозяев можно противопоставить белые хитоны греческих богов, которые тоже были щедро расшиты золотом. Во-вторых, черная одежда и сапоги были совершенно не типичны для карельского крестьянина: он ходил в сапогах с некрашеными белыми голенищами, и в сером, своего приготовления, сукне.¹⁸ Автор указанного очерка делает интересное примечание: «жившие у них [у “karu”, так карел называет не только черта, но часто и хозяев леса] рассказывают, что они ходят постоянно голые и только, надо полагать, являясь в общество людей, они принаряжаются, – и принаряжаются “погосподски”, в черное, чтобы, так сказать, пустить пыль в глаза корелу».

В текстах XX века карелы дают такую характеристику одежде лесных хозяев и им самим: это мужик, но «совсем на человека не похож», «и на человека он похож, но по-своему», «тогда таких костюмов не было», это «очень плохой мужчина», или «молодой парень странного вида». Иногда отмечается, что одежда рваная, нечистая, «своеобразная одежда».

В нескольких текстах подчеркивается наличие шапки. Иногда это обычный головной убор: «смотрит: будто мужчина идет, черный костюм, шапка на голове, пуговицы блестящие». Но по-

¹⁸ Из быта и верований корел Олонецкой губернии // Каргополь. Исторические сведения. С. 38.

рой рассказчик указывает на очень важные детали: «...оттуда из лесу идут такие мужчины, выше деревьев... и шапки отсроверхие». Островерхие шапки, как, к примеру, заостренные уши у скандинавских гномов – это признак жителей «иного мира», часто признак нечистой силы. Согласно карельским верованиям, шапка нужна была знахарю и его ученику и во время передачи сакральных знаний. Сибирские шаманы считали, что их магическая сила сосредоточена в шапке.¹⁹

Н. Лесков в конце XIX века писал, что «лесовик – метчяляйне, по воззрениям карелов, представляется высоким мужчиной, одетым в военное платье: на голове у него красная фуражка и вся одежда в медных блестящих пуговицах, оттого-то он иногда называется “нюбликез” – пуговицник».²⁰

Иногда головные уборы белые, как у представителей иного мира: навстречу выходят трое высоких мужчин в черной одежде и белых шапках. Появление белого цвета может служить маркировкой подземного мира, мира мертвых. В старину именно белый цвет был знаком печали и траура, и это до сих пор сохранилось в карельских верованиях. Карелы считают именно белые одежды своеобразным пропуском в мир мертвых: «В светлой одежде надо хоронить. Если похоронишь в темной, ему придется ходить, пока не побелеет. И в носках обуви надо сделать дырки». Иногда подчеркивается просто несоответствие облачения пришельцев одежде карела: девушку уносит большой черный мужчина в хорошей одежде с белым воротником и «русской шапке».

В одном из сямозерских текстов описан интереснейший образ хозяина леса: «Я видел, что он там ходит с палочкой, далеко ходит. А близко я не видел. Мужик это, такой здоровый, одетый, одежда вся шерстяная... В лицо я не видел. В черном таком, шерстяном, одежда черная, шапка такая мохнатая. С палочкой, палочка в руке, палочка у него такая, поблескивает лишь. Поблескивает, ходит». «Мохнатая шапка», «шерстяная одежда» – это, во-первых, признак жизненной силы, могущества, а во-вторых, богатства (именно будущее здоровье и материальное благополучие обещало рукопожатие волосатой руки во время гадания). А поблескивающая палочка в руке – это с одной стороны эквивалент блестящих желтых пуговиц, а с другой, – это напоминание об одном из библейских чудес Божьих, расцветшем посохе Моисея; это царский посох или палочка святых старцев, т. е. символ и всемогущества, и святости.

Исключительно редко в быличках указывается на то, что одежда хозяина леса подпоясана. В большинстве же рассказов нет никакого упоминания о поясе, отсутствие которого так же является признаком нечистого.²¹ У карелов эта деталь в одежде была необходима и служила одним из постоянных оберегов. На севере Карелии после крещения на ребенка надевали рубашечку, поверх нее пояс и вешали на шею крестик, т.е. сочетали древние языческие и более поздние христианские обереги. Некрещеного ребенка не опоясывали. Взрослому человеку не следовало долгое время оставаться без опояски; пояс оберегал от злых духов, причем, это касалось и живых, и

¹⁹ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 171.

²⁰ Лесков Н. Ф. Представление кореляков о нечистой силе // Живая старина. С.-П., 1893. С. 417.

²¹ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 332.

мертвых.²² Левая пола одежды всегда запахивалась на правую: «по представлениям карел, застежка на правой стороне была только на одежде нечистой силы – лешего».²³

В характеристике внешности хозяев леса карелы отмечают те особенности, которые, с одной стороны, указывают на портретное сходство их с человеком, а с другой – все детали подчеркнуто гипертрофированы. И эта аномальность сразу удаляет лесной народ от крещеного человеческого рода в иной, потусторонний мир. Если это глаза, то они обязательно «большие», «очень большие». А ночью видят деда, у которого длинные волосы и борода, а «глаза с кофейные кружки». Иногда у повстречавшихся в лесу просто один глаз посреди лба. Пальцы на руках всегда длинные, его так и называют иногда – длиннопалый. Иногда это девушки «со страшно длинными ногтями».

Порой обращается внимание на зубы, они железные и особенно заметны, когда леший смеется. Во время экспедиции 2011 года к карелам-людикам записана быличка о встрече с хозяевами леса. Женщина собирала ягоды; вдруг видит: горбатая старуха занимается тем же. А когда та поворачивает голову, женщина замечает огромные зубы, и в ужасе убегает прочь. Как известно, горбатось и хромота – признаки хтонических существ.

В быличках часто подчеркивается, что «вода – это глаз», она все видит, а «лес – это ухо», он все слышит, любое человеческое слово, поэтому карелы запрещали в лесу смеяться, кричать и даже громко разговаривать, чтобы лишний раз не тревожить лесных обитателей, старались быть в чужой среде как можно незаметнее. Отсюда и в портретной характеристике леших указание на наличие ушей, а чаще просто метонимия: «Вот и услышал, тут был с ухом!». «А лес – ухо: не надо много разговаривать, все услышат. Народу в лесу много, разговоры услышат. Хочется поговорить, тихонько говори. Лес – слышащее ухо». Говорится и о том, что у лешего – огромный рот, раскрыв который, он пытается испугать человека.

Иногда внимание акцентируется на повышенной волосатости лесных хозяев, причем на голове волосы чаще всего белые. Этот цвет в данном случае можно характеризовать как стремление к бесцветности, бестелесности, невидимости, хотя чаще он выступает как символ святости и чистоты. «Но будто по два метра, длинные, и будто белые волосы...». «Died'oi oli suuri mužikku, pardu oli tännesäh. I pardu oli hänel valgei. Дедушка был большой мужик, борода была до сих пор. И борода у него была белая». «Mainitah, meččähini on pitkä, šuuri ta karvani ta šuuren partan kera. Говорят, леший – высокий, большой да волосатый, да с большой бородой» (200). «У него волосы до колен, а сам он голый».

Очень редко в карельской мифологической прозе появляются сюжеты, в которых хозяева леса предстают в женской ипостаси. Судя по указателю Л. Симонсуури, в финских архивах есть записи, сделанные в Южной и Приладожской Карелии, где появляется образ лесной девы, лесной де-

²² Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л. 1985. С. 42, 69.

²³ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.-Л., 1965. С. 149.

вушки (metsänneito, metsänpiika). Исследователь указывает два сюжета, распространенных у карелов: «лесная дева, metsänneito, сушит платья – одежда, которой успеет коснуться человек, до-станется ему» и «лесная дева является у костра ночующего в лесу», чтобы согреться – спереди красивая, сзади как чурбан».²⁴ В Южной Карелии встречаются также былички, в которых эротическая лесная дева (lemmenkipeä metsänneito) поднимает подол, просится погреться у костра и заняться любовью; человек стреляет или бросает в нее горящую головню; она убегает, обещая отомстить. В Беломорской Карелии этот же персонаж предлагает свою любовь; мужчина предупреждает ее, что сейчас загорится юбка; она в награду дарит медведя-лесную кошку или лося-лесную свинью.²⁵ В финской мифологической прозе сюжеты, в которых хозяева леса фигурируют в женской ипостаси, широко распространены, и чаще им свойственны две функции: или соблазнительницы охотников или дарительницы. В записях карельских быличек сохранились только отголоски этой традиции, хотя, к примеру, карельские руны богаты женскими образами хозяев леса – в них есть и хозяйка Тапиолы, и дочери Тапио.

В одной из быличек похищенная лесными хозяевами девочка рассказывает, что там «тети и дяди были». «И даже женщину видели», – добавляет другой рассказчик. Редкий образ хозяек леса описан в рассказе заблудившейся женщины. Она стоит на горе и видит: «... идут две женщины высокие. Казачки раньше, если помнишь, казачки носили, здесь были оборки, и здесь были оборки. Высокие штиблеты такие, в старину были штиблеты с длинными голенищами и здесь на шнурках – такие штиблеты на ногах. Одна была очень, вот в мой дом бы не поместилась, такая большая женщина... А другая поменьше, косы такие ниже задницы. Казачки те надеты, длинные подолы, как цыганки раньше ходили, так. Очень быстро идут по болоту, невозможно ведь никак так быстро идти, как они шли. Совсем невозможно идти». И необыкновенно высокий рост, и нарядность одежды, и высокие штиблеты, совершенно незнакомые крестьянкам, и необычайно быстрая ходьба – все свидетельствует, что это существа нездешнего мира. Иногда в лесу видят девушку и парня в синих рубахах, женщину в короткой рубашке. Порой хозяйка леса босая, в красной юбке. Тунгудские карелы рассказывали о пастухе, который пас стадо с помощью лесной женщины (metsänakka): она большая, с подоткнутым спереди подолом, рядом с ней черная корова с блестящей шерстью.

Яркость при изображении хозяев леса не присуща карельской мифологической прозе. Только изредка появляются они, к примеру, в синих одеждах (это цвет характерен для существ иного мира): «Хоть верьте, хоть нет, я видел трех очень высоких мужчин, одетых в синие одежды».²⁶ Богатая цветопись сохранилась только в карельских заговорах и эпических песнях. Она, скорее всего, была свойственна более древним текстам, когда хозяева леса считались богами и не несли

²⁴ Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991. С. 146.

²⁵ Lauhainen M. Suomalaiset uskomustarinat. H., 1999. S. 243.

²⁶ Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku, 1965. S. 80.

на себе того негативного оттенка, который присущ уже мифологической прозе второй половины XX века.

Поражает то разнообразие и портретных характеристик, и одежды, которое присуще финским лесным персонажам. Как пишет П. Виртанен, они могли быть мужчинами и женщинами; очень большими и маленькими, «высотой с пень»; старыми и молодыми; с длинными черными, белыми, седыми, слегка рыжеватыми, золотистыми волосами; длинноносymi; белоногими; длинно- и редкозубыми; с длинными ногтями; уродливыми и красивыми; растрепанными; морщинистыми; с бородой из лишайника; без задней половины (*takapiuolattomaks*). Случалось встретить и лесную деву: спереди красавица с золотистыми выющиеся волосами, а со спины – как куча хвороста или как дно осинового гроба. Часто спину хозяев называли пустой, полой, корытообразной, похожей на выдолбленную старую сосну или доску, или просто плохой. Хозяева леса старались не поворачиваться спиной к человеку, а повернувшись, сразу исчезали. Причудливыми по цветотипу были и одеяния финских мифологических персонажей: их видели в белой одежде, в синих шелках, в красивом зеленоватом, в голубых и красных, в разноцветных платьях, в красных юбке и переднике. Очень редко (так же, как и в рассказах карелов) они представляли перед людьми обнаженными, и это были былички с налетом эротизма, к примеру, о лесных девах, пытающихся соблазнить охотника.²⁷

В финской мифологии встречаются рассказы, как при нарушении человеком временных границ (например, поздно вечером в субботу), может показаться красивая молодая женщина в хорошей одежде, а спина «как заросшая мхом еловая кора». В таких случаях необходимо сразу, благословясь, уходить из леса. Иногда такая дева даже может страшно закричать и поднять юбку. Избавляться от лесной девы (*tečänneičyt*) можно, выстрелив хлебной крошкой через огонь.²⁸ Красивая девушка в яркой или белой шелковой одежде с распущенными волосами может заигрывать с задержавшимися в лесу на ночь мужчинами. Чаще ее можно встретить в березняке, она может подойти прямо к костру – это предвещает удачу в охоте. Только нельзя трогать ее и давать ей руку, надо молчать и не отвечать на ее вопросы.²⁹

В Вокнаволоке бытовал интересный ритуал поиска человека или животного, укрытого лесом. Если в нем главной была лесная хозяйка, то находили пробку-затычку, сучок из березового пня, и говорили? «Если не отпустишь «моих», будешь до конца жизни полный живот носить, а отпустишь – освобожу».³⁰

Аморфность и акустические проявления. Но не всегда хозяева леса явно предстают перед человеком. В некоторых случаях им присуща аморфность, невидимость. Порой встреча с ними

²⁷ Virtanen P. *Metsänhaltija suomalaisessa perinteessä*. 1988. SKS // Joensuun perinnearkisto. S. 90–95.

²⁸ Haavio M. *Suomalaisen muinias runouden maailma*. Helsinki, 1935. S. 339.

²⁹ Harva U. *Suomalaisen muinaisusko*. Porvoo-Helsinki, 1948. S. 360.

³⁰ Harva U. *Suomalaisen muinaisusko*. Porvoo-Helsinki, 1948. S. 359.

преподносится как некое атмосферно-акустическое явление: «крутит, словно туман какой, шумит, шумит...на крыльце склада бочки только гремят...словно бы темный шар такой двигался ночью».

Иногда предвестником их появления является ветер: «Как стал звать этого хозяина леса! Тут подул очень сильный ветер! Даже, говорит, деревья так гнулись! Это так ему показалось! И пришел, говорит, мужик, ростом с высокие деревья...».

В одной из быличек рассказывается, как мужчина находился в лесной избушке, и вдруг услышался ужасный шум. Он не испугался и через отверстие в двери выстрелил на улицу. Тут же поднялся крутящийся смерч, который перенесся через озеро. Во сне охотнику привиделся леший, который объяснил, что он со своей компанией был поражен смелостью человека, и убрался прочь.

Среди населения Вятской губернии бытовало такое поверье: «...леший никогда не ходит просто, а спереди и сзади его всегда сопровождает сильный ветер, и по направлению ветра можно заключить, куда именно держит он путь». При этом он не оставляет следов, потому что заметает их вихрем, укрывает листьями.³¹ Неслучайно лешему приписывают все явления в лесу, вызываемые порывами ветра: свист, вой, он проносится вихрем, расшатывает кровлю и распахивает дверь в лесной избушке. Образ лешего соотносят с ветром многие народы: «германцы признавали ветер лесным духом»; а словаки считали, что в священных рощах обитают боги и девушки ходят «слушать духа, который шелестом колеблемых ветром и опадающих листьев прорицает будущее».³²

Ветер – это не что иное, как движение воздуха. Как пишет М. Б. Мейлах, воздух вместе с огнем, являясь одной из фундаментальных стихий мироздания, «соотносится с мужским, легким, духовным началом в противоположность земле и воде, относящимся чаще всего к началу женскому, тяжелому, материальному».³³ Карельские мифологические рассказы полностью подтверждают эту точку зрения: хозяева водной стихии чаще всего женского пола, а хозяева леса (чье приближение предвещает ветер) – мужского. «Ветер как взвихрение воздуха большой моши, сам по себе ассоциируется в мифологиях с грубыми, хаотическими силами... Однако как дуновение-дыхание ветер связан и с противоположного характера представлениями. Так, сильный ветер (ураган, буря) является вестником божественного откровения, – Бог отвечал Иову из бури, в грозе и буре получает откровение Иоанн Богослов».³⁴ Так же и хозяева леса, являясь ветром (или вместе с ветром), начинают разговор с человеком. В одной из быличек леший просит женщину перевезти его на другой берег, а когда просьба исполнена, он «из лодки только вышел, исчез, словно ветер унес».

³¹ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 329.

³² Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 323, 331.

³³ Мифы народов мира. Т. 1. С. 241.

³⁴ Мифы народов мира. Т. 1. С. 241.

Мотив ветра часто встречается и в Библии: «Всех пастырей твоих унесет ветер» (Иер. 22:22); «ветер унес их» (Дан. 2:35); Господь «прострет руку Свою... в сильном ветер» (Ис. 11:15); «от четырех ветров приди дух» (Иер. 37:95); «понесся на крыльях ветра» (2 Цар. 22:11). В Священном Писании чаще всего ветер сопровождает приход Духа Святого. Например, в день Пятидесятницы перед Его нисхождением «внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом» (Деян. 2:2). Таким образом, и мотив появления хозяев леса вместе с ветром (или в виде ветра) можно считать одним из самых архаичных в мифологической прозе, когда еще лесные духи почитались, как боги, и несли в себе только позитивную окраску, исчезающую на поздних стадиях.

Часто лешие появляются бесшумно и беззвучно, совершенно внезапно, неслучайно, один из информаторов говорит, что разговор лесных жителей можно услышать только в тихую погоду. Но иногда их появление может сопровождаться и громкими звуками. «Мы были за грибами в Паловааре. Грибов набрали, сели кушать, на тропинке сели. Сидим, едим. Вдруг тетка говорит: “Ой-ой-ой! Послушайте только дети!” Грохот такой, ну думаешь: кто-то по дороге едет на чем-то. Как будто на танке. Грохот в лесу! “Собирайте котомки, поднимайтесь на спину! Бегите прочь! Хозяин леса идет! Хозяин леса идет!” Нечистый был! Ой-ой-ой, был огромный! Он был метра три или больше! Нечистый! Нечистый!».

Как видим из данного примера, такие обитатели леса наводили на человека не столько чувство почитания, сколько огромного страха, и это все сближало их с образами черта, нечистого. «И вот она капканы ходила смотреть и слышит: такой шум, а ветра нет. А шум прямо страшный. Она пристально смотрит: там толстая засохшая сосна. Она подбежала к ней. И спряталась за ней. Смотрит: будто мужчина идет, черный костюм, шапка на голове, пуговицы блестящие. Не видела такого, аж страшно».

Есть ряд быличек, в которых хозяева леса уже практически неотличимы от образов бесов. Это сюжеты, в которых их видят двигающимися целыми компаниями, веселой гурьбой с песнями, гармошками и плясками. У карелов такое видение чаще всего называется: «karun svoad’bat» – «чертовы свадьбы», но в данных рассказах главных героев часто называют именно хозяевами леса.

Порой лесные обитатели появляются со смехом и хохотом, явно в хорошем расположении духа, случается это, когда они что-то забрали у человека и тот теперь у них в зависимости. Но чью можно услышать их «дикий хохот, пение и унылое завывание».³⁵

Иногда хозяева леса остаются аморфными, незаметными, а человек слышит только их голос. Это также (как и ветер) одна из характеристик «божественности» образа. Библейский Бог тоже практически всегда невидим, но изредка человек слышит Его голос. В мифологических рассказах это порой является ответом на слова колдуна, разговаривающего с хозяином леса. «Пошли в лес.

³⁵ Лесков Н. Представления кореляков о нечистой силе // Живая старина. 1893. Вып. 3. С. 417.

Он говорит: “Оставайся на маленьком расстоянии, и если услышишь, ничего не говори и не бойся!” Пошли. И говорит: “Только назад не смотри!” “Чего это ты начал у людей коров укрывать?” Он говорит Антипу: “Я свое забираю, что они обещали, я и беру!”». В сюжетах, в которых хозяин леса выступает в качестве прорицателя, невидимый голос может обращаться прямо к обыкновенному человеку. Однажды женщине привиделись в лесу елочки и сосенки, одетые в шелковые платья. Она испугалась, и вдруг раздался голос: «Не бойся, раба, не трону тебя. А я тебе говорю: пойдешь домой, будешь хорошо жить!».

Примечательно, что когда существа из двух параллельных миров вступают в контакт, как в двух выше приведенных случаях, или когда хозяева леса похищают людей в свой «иной мир», их разговор понятен человеку. Но когда люди оказываются сторонними случайными наблюдателями, речь «незнакомцев» оказывается непонятной: «Где лес был повыше, там и эти мужчины были повыше. Где был пониже, там и мужчины пониже. И разговаривали, – говорит, – только я ничего не поняла из этих слов». «Прислушался – ничего понять не могу».³⁶ Непреодолимыми для человека в обычных условиях оказываются не только пространственные и временные границы, но и вербальные, разделяющие два мира. С другой стороны, «границы между человеческим и нечеловеческим зыбки и непрочны»,³⁷ и синкретичность мира с мифологической точки зрения заключается как раз в возможности взаимопроникновения (при соблюдении определенных обстоятельств и условий) двух миров и существ, их населяющих. Человек может трансформироваться в природные объекты, а силам природы присущи те или иные антропоморфные признаки и качества.

Таким образом, при описании внешнего вида духов-хозяев леса в карельских быличках указывается на комплекс параметров. Не смотря на то, что в современной мифологической прозе они чаще похожи на человека, все же в этих образах встречаются и более древние фито-, зоо- и аморфные признаки.

³⁶ Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku, 1965. S. 80.

³⁷ Путилов Б. Н. Миф – обряд – песня Новой Гвинеи. М., 1980. С. 68.

Родильная обрядность в Пудожском уезде Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX вв.

Ситуация родов и рождения ребёнка занимает особое место в народной культуре: это переломный момент в жизни человека – не только самого новорождённого, но и его родителей, приобретающих новый семейный статус. Поэтому весь «родильный цикл» насыщен обрядовыми элементами, магическими процедурами, которые не утрачены и сегодня, хотя выступают в иных формах.

Процесс рождения ребёнка является одним из важнейших переходных обрядов, который связан с хорошо разработанным, сложным ритуалом, включающим в себя ряд обязательных и facultативных обрядовых действий, направленных на обеспечение благополучия ребёнка и всей семьи.

Сам термин «родильный обряд» предполагается понимать достаточно широко, в этот временной период включается беременность, роды и весь период младенчества.

Даже поверхностное знакомство с литературой по родильному обряду показывает отсутствие в историографии обобщающих работ по этой теме, особенно если это касается территориальных характерных черт. Непривлекательность данной темы для исследователя нельзя считать простой случайностью. При сопоставлении с другими переходными ритуалами родильный обряд, а точнее его внешнее выражение, отличаются бедностью, немногословностью, обращённостью внутрь. Весь ореол загадочности свидетельствует, что сами роды, их время, место, отмечены печатью сакральности.

Бездетность в большинстве деревень Пудожья не считалась большим горем, хуже, когда в семье было много детей. Тем не менее, чтобы обеспечить нормальное воспроизведение себе подобных, в народе было принято совершать многие обряды. Всё начиналось со свадьбы. Существовал определённый набор ритуалов, который содействовал, как считали, благополучному зачатию и рождению детей. Например, чтобы первенцем был мальчик, на место невесты во время свадьбы садили на некоторое время мальчика.

Тем не менее, как уверяют информанты, время от времени возникали случаи колдовства, результатом которых было половое бессилие у молодого человека или невозможность дефлорации девушки, распад семьи или бесплодие. По рассказу одного из информантов, в Шале поженились молодые, но на свадьбу порча была спущена: «*Мужа весь год ‘нестоючка’ мучила, пошел он тогда к старику Канавину. Тот и посоветовал развестись супругам и новых взять, чтоб имена не*

совпадали. Так и сделали. Потом и у него, и у неё было по несколько детей. Значит, порча на имена была сделана».¹

Следующим важнейшим этапом родильной обрядности была беременность. Женщинам полагалось воздерживаться от следующих нарушений:

1. Нельзя было отталкивать собак и кошек (считалось, что у ребёнка щетина будет).
2. Нельзя было беременным перешагивать через оглобли саней, а то «мясные спицы» (заусеницы) у дитя будут»).
3. Нельзя смотреть на пожар (иначе у дитя пятна будут на лице и руках).
4. Нельзя смотреть на покойника (а то дитя заикаться будет), а если все же не смотреть нельзя было, например, на отца, то за пазуху клали куриное яйцо.²

Поскольку работали беременные до упора, то рождали и в поле, и в дороге. На этот случай они брали с собой нитку, чтобы перевязать пупок. Если схватки начинались дома, то рожать женщины уходили в хлев (считалось, что это лучшее место для родов) или на чердак. Верили, что роды в этом случае пройдут благополучно и легко. Если кто-то узнавал о родах, то должен набрать воды в рот и прыснуть в лицо роженице.

По мнению пудожанок, ребёнок рождался в три дня. Беременную женщину все берегли, хотя она и продолжала неукоснительно исполнять все свои обязанности. Но населению были известны возможные последствия неосторожности, поэтому о будущей матери прилагалось всевозможное попечение. «Тоже уметь надо, родить-то» – говорили некоторые.³

Муж родительницы играл большую роль при родах. Он должен был напоить жену водой, развязать пояс и прижимать коленом спину жены, всё это якобы ускоряло роды. Сразу же после рождения младенца мать заставляли коснуться рта его своей пятой, при этом говорилось: «Сама носила, сама приносила, починивала». Делалось это для того, чтобы ребёнок не кричал. Если ребёнок был слаб и мог умереть, то его тут же крестила бабка и надевала свой крестик (чтоб душа его чертям не досталась). Воду для такого «крещения» сливали с иконы.⁴

Далее производился обряд введения ребенка в дом. Его могли сразу внести и, положив на лавку, попросить домовых «принять, кормить и холить» нового члена семьи. Иногда свекровь клала дитя к порогу, мать должна была перешагнуть его, трижды плюнуть через левое плечо и трижды обернуться. Затем свекровь клала дитя на стол и говорила: «Как этот стол спокоен, так и ты будь спокоен».

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 10, л. 28.

² АКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 10, л. 24.

³ Харузина Н. Н. Несколько слов о родильных и крестильных обрядах Пудожского уезда Олонецкой губернии // Этнографическое обозрение, 1906. № 1. – С. 88–89.

⁴ Там же. С. 89.

Когда ребенка в первый раз купали и парили в бане, то в первую воду могли положить дары: металлические предметы, три зерна жита и три крупинки соли. Иногда клали только хлеб, приговаривая: «Хлеб – это жизнь, так бы и ты жил». При первом купании иногда требовалось, чтобы лежало осиновое полено, считалось, что оно зло притягивает. Топить же баню нельзя было смолевыми поленьями и теми, что сильно стреляют («чтоб живица не вытопилась»; «чтобы жизнь не выстрелила»).

Новорожденного после первой помывки заворачивали в пеленки, которые назывались «рипаки», крест-накрест для оберега. Клали дитя по диагонали, пеленали крепко и обвязывали лентой – «мотовузником» из холста. Так дитя лежал до следующей бани, что через 3 дня – «чтоб ноги прямыми были».⁵

После трех бань, отдельно для матери и для младенца, они считались очищены от греха. Завершалось очищение чтением молитв священником при крещении. До трех же бань мать должна была находиться за занавеской у печи. Дитя «у печной сажи» держали дольше. Если кто из посторонних входил, то дитя уносили за занавеску.

Дети плохо спали из-за духоты в избе, редкого пеленания, болезней и плохого ухода. Существовало несколько магических способов прекращения плача, практически во всех использовалась вода. Причиной плача виделись так называемые «криксы» – домашние духи, мешающие ребенку спать.

Когда дитя клали в зибку (колыбель), то одного не оставляли, чтоб «подменка» не было, то есть чтобы домашние духи не утащили ребёнка и не подбросили своего детёныша. Для этой цели в пустую зибку клали обрубок от веника, которым дитя парили первый раз в бане. Комель веника клали в зибку, когда ребенка забирали оттуда на время. Под матрацем все время держали острые предметы: для мальчика – ножик, а для девочки – ножницы. Это делалось против крикса или другой вредной силы. Ножницы или ножик могли класть и под подушку вместе с веником, но клали их наискосок, и получался крест.

Имя новорождённому выбирали в присутствии священника, когда он приходил дать молитву и крестить. Он называл имена святых, празднуемых в этот день, а присутствующие решали, какое имя красивее. «Вот это – баско!» (т. е. красиво) – говорили они. После крещения священник освящал воду и ею окроплял избу, присутствующие мыли лицо и руки этой водой. Ею же омывали грудь родительницы, которая после этого кормила ребёнка в первый раз.⁶

Родительница освобождалась от работы всего на 5–7 дней после родов, редко на 3 дня, затем она возвращалась к обычным делам. Уход за ребёнком поручался пестуну или пестунье, которые чаще всего выбирались из членов семьи. Ребёнка с самого рождения прикармливали из рожка,

⁵ АКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 10, л. 31.

⁶ Харузина Н. Н. Несколько слов о родильных и крестильных обрядах Пудожского уезда Олонецкой губернии // Этнографическое обозрение, 1906. № 1. – С. 90.

мать кормила его лишь по возвращении домой. Зато по продолжительности кормление составляло около полутора лет, и в зибке ему разрешалось спать до двух лет и дольше.

«*Не всякая байкать умеет, – говорили пудожанки. – У другой и ребят-то не было в заводе, а лучшие сбайкает, чем иная*».⁷ Мотив колыбельных песен был однообразный, но каждая женщина часто сочиняла слова песни сама, варьировала её, сообразно своему настроению. Занимаясь в то же время другой работой, женщина пела, подставляя слова к усыпляющему мотиву. Из этих простых песен можно узнать положение, которое занимала женщина в семье, достаток семьи, идеал жизни для будущего ребёнка.

Новорождённые не принадлежали особому возрастному классу, они не были окончательно оторваны от природной сферы. На это, в частности, указывает и этимология слова младенец – то есть мягкотелый, слабый. В младенческом периоде особенно многочисленными были поверья и обряды, в которых отразились народные представления о незащищенности новорожденного. Возникновение подобных представлений было связано, прежде всего, с высокой детской смертностью.

В заключение, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день традиционная родильная обрядность в Пудожье представляет собой плохо уцелевшую систему. Среди реально бытующих родильных обычаев следует назвать запреты, регламентирующие поведение беременной, приметы, определяющие пол будущего ребенка, религиозно-магические действия и заговоры при лечении щетинки, грыжи, ночного плача и других детских болезней.

⁷ Там же. С. 92.

Родильная и похоронная обрядность карел в Олонецкой губернии в XIX веке: к вопросу об изученности темы

Согласно народному мировоззрению каждый человек в своей жизни проходит три важных этапа: рождение, вступление в брак, а также смерть – переход в «иной мир». Считалось, что в эти «переходные» моменты жизни человек особо уязвим для «нечистой силы» и поэтому нуждается в особой магической «охране». С этой целью проводились различные обряды. Эти обряды были весьма разнообразны, их содержание строго регламентировано обычаем. От того, насколько полно и правильно совершались обряды или, иначе говоря, насколько полно строго соблюдались регламентированные ритуалами стереотипы поведения участников, зависели, по народным представлениям, будущее счастье и здоровье новорожденного ребёнка, благополучие и чадородие новобрачных, успешность перехода умершего в царство мёртвых и степень его доброжелательности по отношению к живым родичам и односельчанам.

Семейная обрядность карел издавна привлекала к себе повышенное внимание исследователей народной культуры – этнографов, фольклористов, краеведов. Из трёх видов семейной обрядности в Олонецкой губернии в XIX веке – родильной, свадебной и похоронной – наиболее полно изучена свадебная, как явление очень яркое и колоритное в народной культуре. Составлено множество описаний карельской свадьбы, есть ряд статей и исследований на эту тему. Родильная и похоронная обрядность изучены слабее, хотя они имели не меньшее значение в духовной культуре народа.

Что касается погребально-поминальных обрядов, то наиболее раннее их описание оставил Гаврила Романович Державин в «Подённой записке» 1785 г. Примерно полвека спустя заметки о погребальных обычаях карел оставил и Э. Лённрот в своих путевых дневниках, собирая песни-руны для будущей «Калевалы». Но особенно широким становится интерес к культуре и быту карел с середины XIX века, после того как было учреждено Русское географическое общество, организовавшее систематический сбор материалов по этнографии народов России. Появляются статьи о похоронных и поминальных обрядах в местной газете «Олонецкие губернские ведомости», написанные чиновниками губернского аппарата, представителями местной интеллигенции (М. Георгиевский, В. Никольский и др.). Особенное внимание исследователей в похоронном обряде привлекала обрядовая поэзия: плачи, причитания и вопли как замечательный образец устного народного творчества. Впервые обратил на них внимание и опубликовал некоторые из них Василий Андреевич Дашков в своем «Описании Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях» в 1842 году. Затем большое количество разнообразных плачей собрал известный русский филолог и этнограф Елпидифор Васильевич Барсов, он составил книгу «Причтанья Северного края» в двух томах в

1872 году. Благодаря Барсову в науке проснулся интерес к практически неизученной ранее области народного творчества. Далее, уже в начале XX века, собрал и опубликовал причеты, плачи и приплачи Николай Семёнович Шайжин в сборнике «Олонецкий фольклор. Похоронные причитания Олонецкого края». Интерес к плачам и воплям, к биографиям карельских воплениц существовал и в прошлом веке, существует и сейчас, на эту тему издано немало исследований. Однако причитывание, оплакивание – лишь одна из частей сложного похоронного обряда, остальные его составные части и обряд в целом изучены слабо.

Существуют описания похоронной обрядности в её локальных вариациях – например, у южных карел их описал карельский этнограф Николай Феофилактович Лесков в конце XIX века в очерке «Погребальные обычаи кореляков».

Развитие этнографической науки в России способствовало активизации деятельности финляндских исследователей. Изучение карельской культуры для них всегда имело особое значение, поскольку карелы, их язык и культура на протяжении многих веков участвовали в формировании финской нации, а самих карел в Финляндии было принято считать не самостоятельной народностью, а всего лишь частью финского (суоми) народа. В научных и культурных кругах получил широкое распространение так называемый карелианизм, т. е. обострённый, стимулированный потребностями поднимавшегося национального самосознания финляндской буржуазии интерес ко всему карельскому. Фольклористы, языковеды, этнографы, художники и многие другие специалисты совершили за 1870–1910 гг. более или менее основательное обследование по существу всех этнографических и территориальных групп карельского народа. В результате работы многочисленных собирателей был накоплен богатый материал по самым различным сторонам народной жизни – от языка и фольклора до сведений о материальной и духовной культуре, о домашнем и общественном быте. В частности, весьма ценными источниками для нас являются этнографические очерки А. Генетца, А. В. Рахконена, А. О. Гейкеля, И. К. Инхи и др. Интерес финских исследователей к обрядности карел продолжался и в XX веке. Здесь можно отметить ценную монографию «Рождение, детство и смерть» С. Паулахарью, работы У. Харва, И. Кемппинена.

Более планомерное изучение семейной обрядности российскими исследователями в нашем kraю началось в первой половине XX века, когда активно организовывались этнографические экспедиции, собравшие богатейший материал. Такие участники экспедиций, как А. М. Линевский, А. И. Никитина, Р. Ф. Никольская (Тароева), активно собирали полевой материал и составили подробные описания похоронных и родильных обрядов карел. Большой вклад в изучение семейной обрядности внесла исследовательница У. С. Коннка, написавшая ряд очерков о похоронных причитаниях, о культуре сегозерских карел.

Однако если по погребальной обрядности материал собран довольно-таки полный, то родильная же обрядность почти не изучалась, материал по ней очень скучный. Это во многом связано с тем, что уже в 1930-е годы обряды и поверья, связанные с рождением ребёнка, по существу ушли

из быта карельского народа. В этот период повысился культурно-образовательный уровень карел, появилась широкая сеть медицинских учреждений. Большинство карельского населения все негативнее стало относиться к традиционной родильной обрядности с ее суевериями и магическими обрядами. Родильная обрядность, насыщенная религиозно-магическими элементами, сохранилась у карел лишь в виде отрывочных и поверхностных воспоминаний. Элементы похоронной и свадебной обрядности сохранялись дольше.

Что касается описания и исследования погребально-поминальной и родильной обрядности в целом, то таких работ довольно мало.

Особая заслуга в изучении семейных обрядов карел принадлежит известному этнографу Юго Юльевичу Сурхаско. Он написал монографию о карельской свадьбе в XIX – начале XX века, а затем, с 70-х годов XX века, приступил к сбору полевых материалов и изучению литературы по родильным и погребально-поминальным обрядам карел. Результатом этого исследования стала монография «Семейные обряды и верования карел», вышедшая в 1985 году и ряд других работ на эту тематику. До сих пор работы Сурхаско являются основными и самыми полными трудами по семейной обрядности карел.

Что касается более поздних работ, то стоит отметить сборник «Обряды и верования народов Карелии: человек и его жизненный цикл» 1994 года, где представлена статья Мазаловой Н. Е. «Родины на русском Севере». О родильной обрядности карел-ливвиков написано в статье Петровской М. Н. «О некоторых проявлениях духовной культуры карел-ливвиков к. XIX – н. XX вв». (Электронная библиотека музея «Кижи». Код доступа: <http://kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-dopolnitelnyie-materialyi/818.html>).

В целом же стоит отметить, что семейная обрядность карел, в том числе похоронная и родильная, изучены далеко не полностью. Не задействованы многие архивные материалы, очерки и заметки исследователей собственно XIX века, материалы полевых экспедиций XX века. Не хватает обобщающих работ, в которых были бы изучены и сравнены вариации родильных и похоронных обрядов карел различных этнических групп.

Будем надеяться, что эта интереснейшая и благодатная тема – традиционная семейная обрядность карел – не останется в дальнейшем без внимания исследователей и будет активно изучаться и развиваться, ведь эта тема глубоко раскрывает перед нами духовную культуру карельского народа.

Материалы по истории Вепсского национального музея в фондах Национальной библиотеки РК

Целью исследования являлось выявление и изучение материалов по истории Шелтозерского вепсского этнографического музея в фондах национальной библиотеки РК. Задачи исследования ставились следующим образом: выявить количество материалов по теме, изучить тематику и авторство источников, рассмотреть виды источников, в которых публикуется информация о музее.

Шелтозерский вепсский этнографический музей представляет собой уникальный объект сохраниния материальной и духовной культуры одного из коренных малочисленных народов севера России – вепсов. Музей представляет посетителям различные экспозиции и выставки, рассказывающие о быте, культуре и обрядности вепсского народа. Основателем и первым директором музея являлся Рюрик Петрович Лонин, создавший его в 1967 году и возглавлявший, а позже курировавший его вплоть до ухода из жизни в 2009 году.

История создания, становления, современного состояния музея отражается в различных статьях, книгах, сборниках материалов по конференциям. Большую часть информации о Шелтозерском вепсском этнографическом музее можно найти в фондах национальной библиотеки РК.

Все материалы по данной теме делятся на несколько групп: во-первых, это книги воспоминаний, то есть источники личного происхождения. В основном, это книги, написанные самим создателем музея Рюриком Петровичем Лониным. Они являются главным источником по истории музея. Во-вторых, это комплекс научных и любительских статей, изданных в периодической печати.

Главным источником по истории музея являются издания Рюрика Петровича Лонина – основателя музея. В своих работах «Записки краеведа» (Петрозаводск, 2000),¹ «Детство, опаленное войной» (Петрозаводск, 2004),² «Хранитель вепсской культуры: к 40-летию Шелтозерского вепсского этнографического музея» (Петрозаводск, 2007).³ Рюрик Петрович подробно и последовательно описывает свой путь от задумки создания музея до его создания и становления. Книги имеют мемуаристскую основу, автор пересказывает историю своей жизни, неразрывно связанную с музеем.

Это материалы, целиком посвященные истории музея и его создателя. Помимо них, есть еще несколько исследований, в которых публиковались статьи и заметки о Шелтозерском вепсском

¹ Лонин Рюрик. Записки краеведа. Петрозаводск, 2000.

² Лонин Рюрик. Детство, опаленное войной. Петрозаводск, 2004.

³ Лонин Рюрик. Хранитель вепсской культуры: к 40-летию Шелтозерского вепсского этнографического музея. Петрозаводск; Шелтозеро, 2007.

этнографическом музее. Так, путеводитель под названием «Музеи Карелии. Туризм. Интернет» (2002 год, Петрозаводск) приводит информацию об исследуемом объекте как о филиале Карельского государственного краеведческого музея. Однако сведения о музее в книге достаточно скучны – они ограничены несколькими предложениями об истории музея, перечислением экспозиций и некоторых культурных мероприятий, проводящихся сотрудниками.⁴

В последние годы активно публикуются сборники материалов конференций по краеведческим вопросам Карелии, в которых имеются статьи о Шелтозерском музее. В фондах национальной библиотеки РК есть несколько научных сборников, содержащих следующие статьи о музее:

- 1) Лонин Р. П. Край мой древний// Краеведение и музей: к 125-летию Карельского Государственного Краеведческого Музея. – Петрозаводск, 1996. – С. 59–62.
- 2) Анхимова Н. А. Шелтозерский вепсский этнографический музей: связь времен// Вепсы: на рубеже XX–XXI веков: по материалам межрегиональной научно-практической конференции «Вепсы – коренной малочисленный народ РФ: перспективы сохранения и развития». – Петрозаводск, 2009 – С. 204–208.
- 3) Семакова И. Б. Р. Лонин – просветитель и хранитель культуры вепсского народа// Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р. П. Лонина): материалы первой межрегиональной краеведческой конференции «Лонинские чтения». – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 5–15
- 4) Анхимова Н. А. Музей и развитие территории// Там же. – С. 194–198.

Особенность этих статей состоит в том, что они входят в состав более крупного исследования, не делая акцент на конкретном изучении Вепсского музея, а рассматривая его как часть, или структуру более широкой темы, такой как изучение Карельского Государственного краеведческого музея или вепсского народа. Однако эти статьи помогают рассматривать и изучать музей именно в плане его вовлеченности в жизнь общества, в плане его роли в той или иной отрасли жизни человека. Особенно примечателен сборник, включающий материалы конференции «Лонинские чтения», посвященный памяти создателя Вепсского музея.

Наиболее массовым источником информации о музее в фондах Национальной библиотеки являются материалы периодической печати. Газеты и журналы в той или иной мере освещают жизнь и деятельность Рюрика Петровича Лонина, процесс создания и становления музея, его изменение со временем, а также сообщают о проводимых в музее и за его пределами выставках, конференциях, праздниках, проектах.

Авторами статей в периодической печати являются не только краеведы и журналисты газет, но и сами сотрудники музея. Активно печатаются в течение многих лет Анна Анхимова – заведующая информационным отделом Карельского государственного краеведческого музея и Ната-

⁴ Музеи Карелии. Туризм. Интернет: [путеводитель]. – Петрозаводск: Центр культурных инициатив МК РК, 2002. – 96 с., ил.

лья Анхимова – директор Шелтозерского вепсского этнографического музея. В своих статьях они оповещают читателей о тех проектах и событиях, в которых участвует музей, рассказывают непосредственно об истории его создания и об экспозициях – их работа помогает музею прогрессировать, набирать большее количество посетителей и развиваться.

Среди рассмотренных статей можно назвать следующие: заметка Анны Анхимовой «В гости к вепсам» в газете «Kodima» (№ 7, июль 2011)⁵ и статьи Натальи Анхимовой «Музей ищет выход за рубеж» в журнале «Прионежье» (№ 25, 1 апреля 2003 года)⁶ и «Памяти Рюрика Петровича Лонина посвящается» («Kodima», № 9, сентябрь 2010).⁷

Разнообразны материалы периодических изданий, публикующих статьи о музее. Во-первых, это национальные газеты, выходящие на вепсском, карельском и финском языках, а именно: «Kodima», «Oma Mua», «Karjalan Sanomat». Газета Kodima дублируется на русском языке.

Во-вторых, это периодические издания, выпускающиеся только в Прионежском районе и которые лучше освещены об изменениях, происходящих в деятельности музея. К таким газетам относится «Прионежье».

В-третьих, это издания регионального, общекарельского масштаба – «Курьер Карелии», «Карелия», «ТВР-Панорама». И, в-четвертых, это общероссийские газеты, которые также имеют заметки о вепсском музее – к таким относятся «Аргументы и факты», «Северный Курьер», а также газеты советского периода – «Комсомолец», «Комсомольская правда».

Что касается времени выпуска тех или иных материалов, то можно сказать, что самые ранние статьи, имеющиеся в фондах Национального музея РК, датируются 1981 годом (газета «Комсомольская правда», В. Блинков «Дом на улице гористой»;⁸ газета «Комсомолец», В. Агапитов «Дорогие реликвии»).⁹ Другие статьи времен советского периода в фондах отсутствуют. До 2000 года имеется 2 статьи 1992 и 1994 годов, также коротко сообщающие о существовании музея в селе Шелтозеро. Большее число материалов насчитывается за период 2009–2012 годов.

Главной тематикой статей является процесс создания и становления музея, личность Рюрика Петровича Лонина, а также освещение событий, происходящих в музее в настоящем. Для примера приведем некоторые из статей.

Наталья Анхимова в статье «Музей ищет выход за рубеж» (Прионежье, № 25, 1 апреля 2003 года), уведомляет читателя о тех событиях, проектах, выставках и конкурсах, которые проводились Шелтозерским Вепсским этнографическим музеем в течение последнего временного отрезка. Среди них упоминаются провозглашение года вепсской культуры в Финляндии, выставка «Страна вепсов», экспедиции к южным вепсам.¹⁰

⁵ Анхимова А. В гости к вепсам // Kodima, № 7, 2011. С. 3.

⁶ Анхимова Н. Музей ищет выход за рубеж // Прионежье, № 25, 2003. С. 4

⁷ Анхимова Н. Памяти Рюрика Петровича Лонина посвящается // Kodima? № 9, 2010. С. 3.

⁸ Блинков В. Дом на улице гористой// Комсомольская правда, 1981. С. 4.

⁹ Агапитов В. Дорогие реликвии // Комсомолец, 1981. С. 4.

¹⁰ Анхимова Н. Музей ищет выход // Прионежье, № 25, 2003. С. 4.

Владимир Айдынен в статье «Погружение в вепсский мир» (Карелия, № 11, 5 февраля 2009) сообщает о событии, проводившемся в здании музея. Выставка «Мир вепсов» была посвящена одному из коренных малочисленных народов русского севера о быте, традициях и творчестве вепсов. На ней было представлено около 200 подлинных памятников материальной культуры вепсов.¹¹

Дмитрий Наумов в опубликованном материале «Хранитель вепсских традиций» (Карелия, № 108, 30 сентября 2010 года) повествует о проходившей в Шелтозере первой межрегиональной конференции «Лонинские чтения». Она была посвящена 80-летию основателя Шелтозерского музея Рюрика Петровича Лонина. Автор рассматривает, кто и с какой тематикой выступал на конференции, а также рассказывает о специальном госте конференции – жене Рюрика Петровича Марии Павловне Лониной, которая рассказала собравшимся некоторые интересные моменты из ее жизни и жизни собирателя.¹²

Л. Чуркина, научный сотрудник музея, в статье «Признание земли вепсской» (ТВР-Панорама, № 36, 5 сентября 2012) сообщает о торжественном открытии в музее барельефа в честь его основателя – Р. П. Лонина. Она отмечает, что инициатором этого является Марк Ниеминен, руководитель культурного фонда «Юминкеко», с которым вепсский музей сотрудничает уже не первый год.¹³

Всего за время работы с материалами фондов Национальной библиотеки РК было изучено 23 статьи из изданий периодической печати, 3 книги воспоминаний авторства Рюрика Петровича Лонина, 4 сборника материалов по различным конференциям. Все это за авторством журналистов, сотрудников Вепсского и Карельского этнографических музеев, жителей Шелтозера.

Таким образом, материалы по истории Вепсского музея в Национальной библиотеке РК разнообразны, однако не обширны, и многие из них повторяют информацию друг друга. То есть нельзя сказать, что изучение музея хорошо освещено в периодической печати и других исследованиях. Скорее можно говорить об ограниченном, но чрезвычайно важном количестве материала о Шелтозерском Вепсском этнографическом музее в фондах Национальной библиотеки РК.

¹¹ Айдынен В. Погружение в вепсский мир // Карелия, № 11, 2010. С. 8.

¹² Наумов Д. Хранитель вепсских традиций // Карелия, № 108, 2010. С. 7.

¹³ Чуркина Л. Признание земли вепсской // ТВР-Панорама, № 36, 2012.

Аннотации

к неопубликованным статьям

*Вавулинская Л. И.,
ИЯЛИ КарНЦ РАН*

Денежная реформа 1947 года в Карелии

Денежная реформа 1947 г. явилась попыткой оздоровить финансовую систему, переломить сложную ситуацию на продовольственном рынке, сложившуюся в стране после окончания Великой Отечественной войны. Была отменена карточная система, введены единые цены на продовольственные и промышленные товары, однако для большинства населения они оказались недоступными. К тому же реформа не смогла ликвидировать острый дефицит продуктов и прежний принцип нормированного снабжения. Впоследствии правительство прибегло к дефляционной политике, проведя с 1948 по 1954 гг. неоднократное снижение цен, которое, однако, не компенсировало полностью их роста.

*Захарова Е. В.,
ИЯЛИ КарНЦ РАН*

Культурные ландшафты Восточного Обонежья по данным топонимии

Языком культурного ландшафта Восточного Обонежья (западной окраины Русского Севера) является устойчивая во времени топонимия, анализ которой позволяет делать выводы о том, кем и когда осваивалась территория, и каков был характер этого освоения. В топонимии Восточного Обонежья выделяется мощный пласт географических названий субстратного (саамского, вепсского и карельского) происхождения. Ареальный анализ и картографирование определенных топонимов маркируют разные пути их проникновения на исследуемую территорию: карельские модели распространяются из Северо-Западного Приладожья, огибая Онежское озеро с севера, типично вепсские – приходят сюда через Южное Прионежье с территории межозерья Ладожского, Онежского и Белого озер, саамский субстрат доминирует в северной части территории. Анализ лексико-семантической составляющей топонимического материала позволяет сделать вывод о том, что освоение Восточного Обонежья было, прежде всего, промысловым и сельскохозяйственным.

*Родионова А. П.,
ИЯЛИ КарНЦ РАН*

О некоторых особенностях людиковской диалектной речи (по материалам экспедиций в 2010–2012 гг.)

Карелы-людики традиционно проживают в ряде деревень и поселков юго-восточной части Республики Карелия в Олонецком, Пряжинском и Кондопожском районах. Наиболее крупными поселениями являются Михайловское, Святозеро, Пряжа, Виданы, Спасская Губа, Пялозеро, Юркостров, Тивдия, Ерши. Людиковское наречие относительно близко по отношению к ливвиковскому, и в свою очередь, сильно отличается от собственно-карельского, и очень близко к вепсскому языку. Следует учитывать еще тот факт, что под влиянием русского языка, в речи карелов-людиков, владеющих в той или иной мере людиковским наречием, используется значительное количество русских заимствований, по предварительным наблюдениям даже более значительное, чем в других наречиях карельского языка. Что же касается численности, то по последним неофициальным подсчетам, говорящих на людиковском наречии в той или иной степени не более 300 человек.

*Филимончик С. Н.,
ПетрГУ*

Библиотечное дело в Карелии в 1920–1930-е годы

В докладе охарактеризован процесс становления в КАССР библиотечной сети, рассмотрены основные направления деятельности библиотек в 1920–1930-е годы. Проанализированы важнейшие формы государственного контроля за чтением советских граждан. Особое внимание удалено формированию в республике кадров специалистов в области библиотечного дела.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы VII научной конференции
(14–15 февраля 2013 г.)

Составитель

Н. П. Новикова, заведующая отделом краеведения
Национальной библиотеки Республики Карелия

© Национальная библиотека
Республики Карелия, 2013